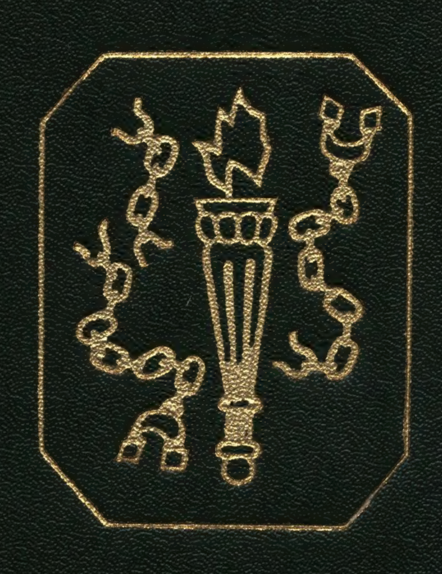
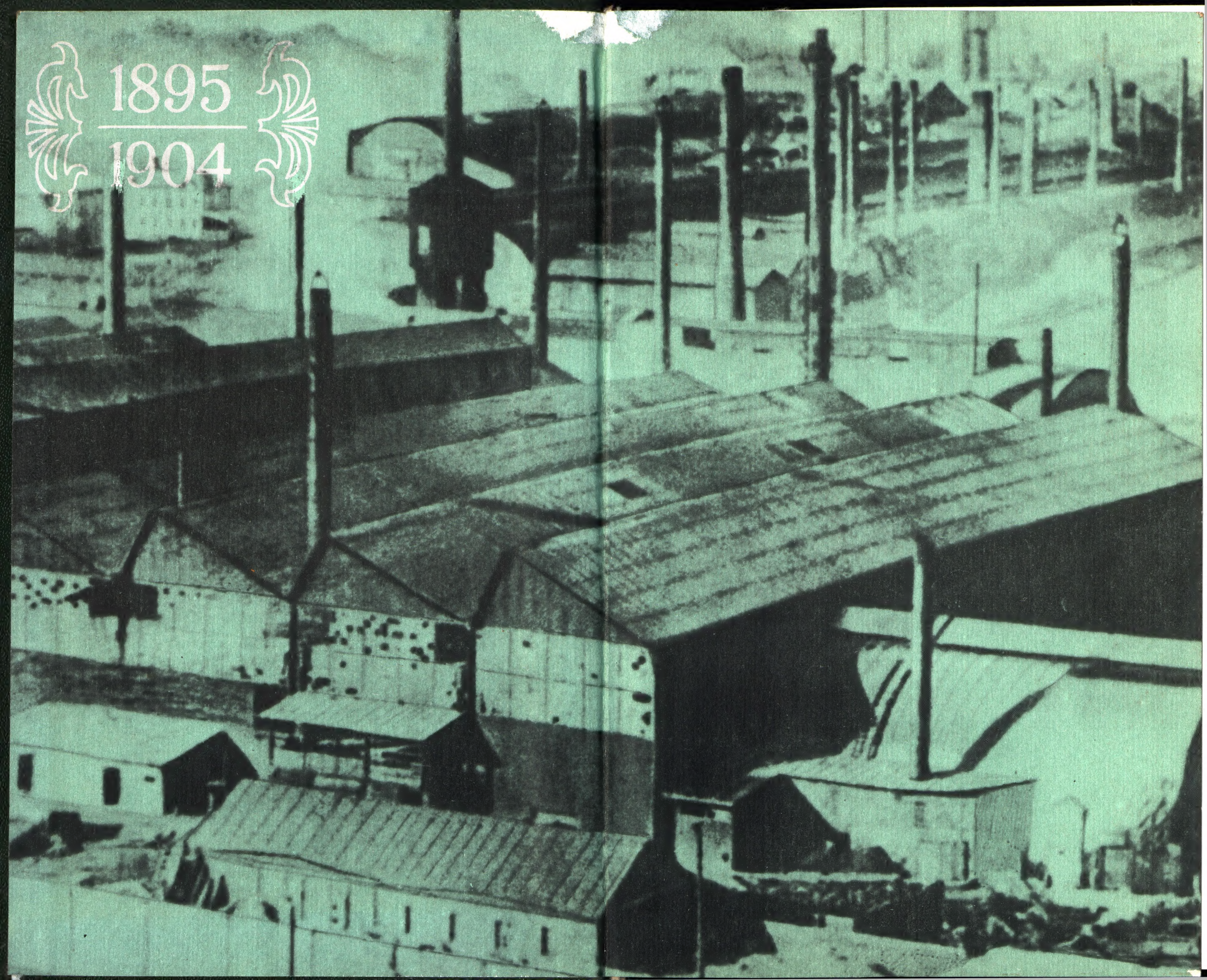
БИБЛИОТЕКА
РЕВОЛЮЦИОННЫХ
МЕМУАРОВ
«ИЗ ИСКРЫ
ВОЗГОРИТСЯ
ПЛАМЯ»

ПРОЛЕТАРСКИЙ ПРОЛОГ




1895
1904

ПРОЛЕТАРСКИЙ ПРОЛОГ

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ПАРТИИ
ЛЕНИНГРАДСКОГО ОБКОМА КПСС —
ФИЛИАЛ ИНСТИТУТА МАРКСИЗМА-
ЛЕНИНИЗМА ПРИ ЦК КПСС
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ СССР
АКАДЕМИИ НАУК СССР

Ответственный составитель
«Библиотеки
революционных мемуаров»
доктор исторических наук
В. Н. ГИНЕВ

БИБЛИОТЕКА
РЕВОЛЮЦИОННЫХ
МЕМУАРОВ
«ИЗ ИСКРЫ
ВОЗГОРИТСЯ
ПЛАМЯ»

ПРОЛЕТАРСКИЙ ПРОЛОГ

Воспоминания участников
революционного движения
в Петербурге
в 1893—1904 годах

Составитель
доктор исторических наук
Е. Р. ОЛЬХОВСКИЙ

Научный редактор
доктор исторических наук
Л. М. СПИРИН

Лениздат · 1983

63.3(2)521
П78

Рецензенты —
доктор исторических наук
Н. Н. Маслов,
старший научный сотрудник
ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС
З. Н. Тихонова, А. И. Середа

ПРОЛЕТАРСКИЙ
ПРОЛОГ

Воспоминания участников
революционного движения в Петербурге
в 1893—1904 годах

Составитель Евгений Романович Ольховский

Редактор В. Ф. Лепетюхин. Младший редактор Е. Б. Никанорова. Художник Л. А. Яценко. Художественный редактор А. К. Тимошевский. Технические редакторы А. В. Семенова, Т. А. Шермушенко. Корректор Н. Н. Фоменко

ИБ № 2443
Сдано в набор 10.05.83. Подписано к печати 19.10.83. М-37429. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типогр. № 1. Гарн. литерат. Печать высокая. Усл. печ. л. 22,68+вкл. Усл. кр.-отт. 23,94. Уч.-изд. л. 25,55+0,67=26,22. Тираж 50 000 экз. Заказ № 122. Цена 1 р. 20 к.
Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

П $\frac{0902020000-258}{М171(03)-83}$ 77—83

У ИСТОКОВ ГРЯДУЩЕГО

В один из дней начала ноября 1893 года в тесной, узкой комнате курсисток Зинаиды и Софьи Невзоровых в доме № 74 на 7-й линии Васильевского острова собрались друзья-единомышленники, члены студенческого социал-демократического кружка. Пришли Г. М. Кржижановский, В. В. Старков, А. А. Ванеев, М. А. Сильвин, Г. Б. Красин, П. К. Запорожец, А. А. Якубова, А. Л. Малченко, М. К. Названов. Кружковцы с трудом расселись на диване и на двух кроватях вокруг большого стола. Докладчику Герману Красину места не досталось, и он стоял, заложив руки за спину. На собрание, где предполагалось обсудить вопрос о значении рынков для развития капитализма, пришел и новый для кружка человек — недавно приехавший с Волги молодой, «очень умный и необыкновенно образованный марксист». Сначала все внимательно, перебрасываясь короткими репликами, рассматривали тетрадку с тезисами реферата Красина. На широких полях страниц, слева от небрежно записанного текста, теснились аккуратные бисерные строчки заметок волжанина — Владимира Ильича Ульянова. Он сидел на зеленом диване у стола, низко висящая лампа освещала его высокий крутой лоб и еще глаза — яркие, темно-карие...

А теперь предоставим слово самим участникам того собрания.

С, П. Невзорова-Шестернина: «Начинается жаркий спор. Дает свои объяснения Г. Красин, горячится главным образом Кржижановский, возражают Старков, Ванеев и др. Владимир Ильич молчит, переводя свои острые, смеющиеся, пытливые глаза с одного на другого. Наконец, он берет слово, и сразу наступает тишина. Все с необыкновенным вниманием слушают, как Владимир Ильич опровергает Г. Красина и некоторых других, возражавших ему» *.

* Воспоминания о В. И. Ленине, ч. 1. М., 1956, с. 141—142.

Г. М. Кржижановский: «В этом докладе Владимир Ильич блеснул перед нами таким богатством иллюстраций статистического характера, что я испытал своего рода неистовое удовольствие, видя, какое грозное оружие дает марксизм в познании нашей собственной экономики. Некоторые члены нашего кружка были даже до известной степени шокированы этой своеобразной конкретностью подхода к столь теоретическому вопросу, как вопрос о создании рынка для развивающегося капитализма. На материале хозяйственного развития России Владимир Ильич опрокинул все их путаные, искусственные построения о развитии капиталистической экономики» *.

В. И. Ульянов: «„Вопрос о рынках" необходимо свести из сферы бесплодных спекуляций о «возможном» и «должном» на почву действительности, на почву изучения и *объяснения* того, как складываются русские хозяйственные порядки и почему они складываются именно так, а не иначе» **.

Да, Владимир Ильич с марксистских позиций подверг резкой, блестяще аргументированной критике взгляды либеральных народников на судьбы капитализма в России, а также ошибочные воззрения нарождающегося «легального марксизма». Но в то же время он рассматривал вопрос значительно шире, чем тот был поставлен в реферате Красина, ибо спор шел по существу о том, достаточно ли развит в России капитализм, достаточно ли самоопределился пролетариат, чтобы поднимать его на борьбу, чтобы создавать революционную марксистскую партию рабочего класса.

И вновь предоставим слово участникам собрания. Пусть они сами скажут о том, как восприняли выступление Ульянова, как позднее оценили его приход в кружок.

М. А. Сильвин: «„Вот он, наш вождь, наш лидер, наш теоретик, с ним мы не пропадем" — так думал каждый из нас, и нас наполняла буйная радость, что именно в нашем кружке, в нашей организации мы имеем эту светлую голову» ***.

Г. М. Кржижановский: «Всем нам стало ясно, какая разница между смелой и действенной добычей подлинно ведущих истин и тем или иным «повторением пройденного», простой популяризацией уже добытых истин. Мы уже начали догадываться, что реферат Владимира Ильича — событие, далеко перерастающее тесные рамки нашего кружка, что самый кружок должен зажить как-то по-новому, подтянуться, чтобы быть достойным своего нового сотоварища. Воистину

---

* Воспоминания о В. И. Ленине: В 5-ти томах, т. 2. М., 1979, с. 13.

** *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 106.

*** *Сильвин М. А.* Ленин в период зарождения партии. Л., 1958, с. 49.

на наших глазах завершалась фаза долгих и долгих исканий передовых поколений нашей Родины. Верная и бестрепетная рука молодого гения открывала завесу грядущего и направляла нашу волю в такое русло, где самое слово перерастало в историческое дело» *.

Да, в середине 90-х годов прошлого века завершалась одна фаза, один этап российского освободительного движения — буржуазно-демократический, разночинский — и начался качественно новый этап — пролетарский, непосредственно связанный с революционной деятельностью В. И. Ленина и созданной им марксистской партии рабочего класса.

Чтобы лучше понять закономерный, объективный характер этого исторического перелома, следует обратиться к обусловившим его социально-экономическим и идейно-политическим предпосылкам, отражавшим реальное развитие России в конце XIX и начале XX века.

Бурное развитие капитализма в пореформенной России к концу века вывело в недавнем прошлом отсталую, аграрную страну в число промышленно развитых государств мира. Вовлеченная в общий мировой поток капиталистического развития, она на рубеже веков неумолимо вступала в период империализма. Его основные черты проявились в России несколько позже, чем в экономически более развитых государствах, но зато этот процесс произошел в более сжатые сроки и быстрыми темпами. Скажем, по уровню концентрации производства Россия уже в первое десятилетие XX века опередила все государства мира, а основа такого скачка была заложена в первую очередь промышленным подъемом 90-х годов, который был подготовлен утверждением в хозяйстве страны капиталистического способа производства, победой машинной индустрии и технической революцией. 40 процентов всех действовавших в 1900 году фабрик и заводов возникло в предшествующее десятилетие, быстро шло железнодорожное строительство, развивалась горнозаводская промышленность Юга, росли города...

Особо высокими темпами развивалась многопрофильная промышленность столицы государства — Петербурга. Если непосредственно после реформы 1861 года здесь действовали 374 капиталистических предприятия, то к началу нового века их число приблизилось к 900. Теперь Петербург плотным кольцом окружали заводские и фабричные трубы промышленного пояса. Здесь размещались такие гиганты индустрии с многими тысячами рабочих, как Путиловский и Обуховский заводы, равных которым не было в Европе. Чего только не производили предприятия на берегах Невы — начиная от кораблей-броненосцев и кончая десятками сортов обуви! Особенно бурно развивалась металлообрабатывающая, текстильная и пищевкусовая промышленность.

* *Кржижановский Г. М.* Великий Ленин. М., 1968, с. 9.

Превращение России в аграрно-промышленное государство сопровождалось быстрым ростом числа наемных рабочих: по подсчетам В. И. Ленина, к концу XIX века их насчитывалось до 10 миллионов*. Завершался процесс формирования пролетариата как класса в масштабах всей страны.

Пополнение рядов столичного пролетариата, как и в целом по России, происходило за счет разорившегося крестьянства, сельских кустарей, городской ремесленной бедноты. Вместе с тем формирование питерского пролетариата имело и специфические черты: уже в 70-е годы здесь сложился значительный слой потомственных рабочих, структура столичной промышленности требовала много квалифицированной рабочей силы, и потому среди петербургских рабочих в 1897 году грамотных было на 15 процентов больше, чем в среднем в европейской части России. Естественно, это создавало благоприятные предпосылки для более раннего классового самоопределения столичного пролетариата, сконцентрированного в своей массе на крупных предприятиях, обусловило раннее зарождение и широкое развитие самостоятельного рабочего движения.

В не меньшей степени на формирование классового самосознания пролетариата влияла и нещадная эксплуатация рабочих хозяевами-капиталистами. До 1897 года рабочий день на столичных предприятиях, хотя он был короче, чем в других промышленных городах, составлял 12—14 часов и более. В 1897 году ввиду широкого размаха забастовочного движения правительство вынуждено было в законодательном порядке установить 11,5-часовой рабочий день, однако и теперь на практике он бывал значительно дольше.

Условия труда на заводах и фабриках были чрезвычайно тяжелые. Уровень механизации работ даже на передовых предприятиях оставался низким. Капиталисты не считали нужным тратиться на введение даже элементарной техники безопасности. В результате десятки тысяч рабочих становились калеками, теряли трудоспособность, а никакой системы социального страхования и тем более пенсионного обеспечения не существовало. Производственный травматизм среди рабочих Петербурга был больше, чем в целом по стране, так как интенсивность труда на здешних предприятиях, выражавшая степень эксплуатации пролетариата, была выше.

За каторжный труд от зари до зари рабочие получали скудную плату. Скажем, рабочие-металлисты в среднем по России зарабатывали за год немногим более 400 рублей, текстильщики — 200 с небольшим. А прожиточный минимум на одного человека, как установила царская комиссия военного ведомства, составлял около 250 рублей. И семьи рабочих, особенно многодетные, едва сводили концы с концами, а по-

---

* См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 582.

рой просто бедствовали, влачили жалкое существование на голодном пайке.

Правда, заработок питерских пролетариев вследствие более высокого среднего уровня их квалификации был несколько выше, чем в других промышленных центрах страны, но экономический кризис начала 900-х годов, особо чувствительно ударивший по петербургской промышленности, сопровождавшийся массовыми увольнениями рабочих, постоянный рост дороговизны столичной жизни практически сводили на нет это преимущество.

Ограниченность капиталистического рынка внутри и вне страны в сочетании с нараставшим притоком в города разорившегося крестьянства создавали резервную армию труда, излишек рабочей силы. Безработица, сохранявшаяся даже в пору промышленного подъема, в годы кризиса стала подлинным бичом. Все нередкие неурядицы производства и тем более все тяготы кризиса капиталисты перекладывали на плечи рабочих: они в обход ограничительного закона ужесточали системы штрафов и вычетов, все чаще увольняли мужчин и заменяли их женщинами и детьми, которым платили намного меньше.

Вот что говорилось о положении на одном из столичных заводов — на Колпинском Адмиралтейском (Ижорском) — в социал-демократической листовке:

«Посмотрите на мальчиков: дети они 14—16 лет, а работают теперь за взрослых. Вместо прежних 8-ми часов, держат их на работе по 10, а на железоделательном заводе и по 12, без отдыха и перерыва... Лишь бы поменьше заплатить да побольше выжать.

Выжимают из человека все его здоровье, а окажется при осмотре слабым — проваливай. На твое-де место найдется много голодных. И скольким же из нас, товарищи, приходится таким образом выбывать из строя.

В цинковочной, в этом подвале без света и воздуха, от купороса рабочие через 3—4 года получают чахотку, а этой отравой дышат 200 человек.

В трубопрокатной от фосфора вываливаются зубы. Да, можно сказать, живем мы на казенных Адмиралтейских заводах, как у Христа за пазухой...» *.

А ведь Адмиралтейский был государственным заводом Морского ведомства, находился, так сказать, на привилегированном положении. Но, как видим, и царское правительство в жестокой эксплуатации своих рабочих не уступало живоглотам-капиталистам. Проклятые времена крепостного рабства напоминает картина труда рабочих на крупном судостроительном заводе империалистической России. И это хотя и частная, но далеко не случайная ассоциация.

* Рабочее движение в России в XIX веке, т. IV, 1895—1900, ч. 2, 1898—1900. М., 1963, с. 34.

Она в определенной мере отражает особенность капиталистического развития России, в которой господство монополий и финансовой олигархии уродливо сочеталось с многочисленными пережитками крепостнического строя. Владимир Ильич Ленин особо отмечал это: он писал, что в России «новейше-капиталистический империализм оплетен, так сказать, особенно густой сетью отношений докапиталистических» *.

Главнейшим, безобразным пережитком феодальной, крепостнической эпохи, доставшимся в наследство России капиталистической, было царское самодержавие, объективно замедлявшее закономерное развитие общественных процессов, державшее трудовой народ в сетях полного политического бесправия.

Российская империя на рубеже веков оставалась абсолютной монархией без сколько-нибудь значительных зачатков буржуазного парламентаризма и конституционности, без намека на так называемые буржуазные свободы. Многомиллионный пролетариат в отличие от дворянского, помещичье-чиновничьего класса и духовенства, имевших сословные привилегии, был начисто лишен каких-либо прав как перед лицом государства, так и перед лицом хозяина-капиталиста. Не только образование каких бы то ни было политических организаций или профессиональных союзов, не только участие рабочих в демонстрациях и стачках, но даже и создание касс взаимопомощи рассматривалось властями как тяжкое преступление и незамедлительно каралось ссылкой, тюрьмой, а иногда и каторгой.

Политическое бесправие пролетариата, ведущего класса капиталистического общества, способствовало усилению его экономической эксплуатации. В то же время двуединый гнет заставлял растущий пролетариат сплотиться, объективно обусловливал его более быстрое пробуждение к борьбе за человеческие права, за свободу и равенство.

В середине 90-х годов прошлого века, в пору быстрого капиталистического подъема страны, российский пролетариат как класс вышел на арену политической борьбы. Этот исторический перелом был подготовлен не только социально-экономическими и политическими реалиями общественного развития России, но и идейными предпосылками, всем опытом, всей предшествующей историей освободительной борьбы.

Эта борьба выдающихся личностей, кружков, групп и организаций революционеров с самодержавием не стихала на протяжении всего XIX века. Она изобиловала примерами высокого мужества и героизма, самопожертвования во имя освобождения народа из-под гнета царской деспотии, олицетворявшей собой всю махровую реакционность и свинцовую мерзость российских порядков. Но этот общий революционный поток и по составу своих участников в разные годы,

* *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 378.

и по их идейным и тактическим установкам, и по конечным целям движения не был однороден.

Многие выдающиеся умы России пытались анализировать, систематизировать историю революционного движения, искали закономерности его развития, пытались заглянуть в будущее. Но, не владея подлинно научным методом исследования процессов общественного развития, они приходили лишь к частным, порой ложным выводам, не поднимались до охвата всей совокупности фактов и событий революционной борьбы. Лишь Владимир Ильич Ленин систематизировал историю российского освободительного движения с позиций Марксовой теории классовой борьбы, связал отдельные выступления против крепостничества и самодержавия с интересами определенных общественных классов. В 1912 году он писал: «Мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции» *. Спустя два года, развивая свою мысль, В. И. Ленин дал четкую периодизацию российского освободительного движения. Он указывал, что оно прошло три главных этапа, «соответственно трем главным классам русского общества, налагавшим свою печать на движение: 1) период дворянский, примерно с 1825 по 1861 год; 2) разночинский или буржуазно-демократический, приблизительно с 1861 по 1895 год; 3) пролетарский, с 1895 по настоящее время» **.

Разумеется, не было резкого разграничения, конкретного дня или часа, когда один этап революционного движения сменялся другим. Каждый последующий в полном соответствии с материалистическими законами общественного развития вызревал в недрах предыдущего, вырастал из предшествующих идей и практики, а затем, накопив силы, обретя широкую классовую основу, идейную и организационную самостоятельность, перерастал предшественника и размежевывался с ним.

Так и корни пролетарского этапа уходят в глубь буржуазно-демократического, разночинского. О зарождении и раннем периоде развития российского рабочего движения, о его взаимодействии с господствовавшими в то время революционными идеями и организациями, о распространении в России марксизма и возникновении первых социал-демократических групп и организаций читатель сможет узнать из хронологически предшествующих томов нашей «Библиотеки». Здесь же мы дадим лишь самую сжатую характеристику этого процесса, назовем лишь важнейшие факты и события, дабы подчеркнуть качественно новую сущность пролетарского этапа, представлявшего собой гигантский шаг вперед в поступательном развитии революционных идей и революционной практики.

---

* *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 21, с. 261.

** Там же, т. 25, с. 93.

Господствующей идеологией разночинского этапа, отражавшей его буржуазно-демократическую сущность и классовую природу, было народничество. Владимир Ильич Ленин называл народничество широкой полосой общественной мысли России, истоки ее восходят еще к 50-м годам, к А. И. Герцену. В. И. Ленин считал народничество системой взглядов крестьянской демократии. Носителями народнической идеологии, главными деятелями этого этапа освободительного движения были преимущественно интеллигенты-разночинцы, что свидетельствовало о политической отсталости и пассивности российской буржуазии, тесно связанной с самодержавием. Разночинцы же выражали требования крестьянства об уничтожении помещичьего землевладения, о передаче земли крестьянам, наивно полагая, что таким образом и совершится переход к социализму.

Народничество в целом — это утопический социализм в различных формах, отражавших специфику общественного развития России. Народники полагали, что интеллигенция, увидев ужасы капиталистической эксплуатации на Западе, сможет повести Россию другим путем, поможет ей миновать капитализм и перейти сразу к социализму, который будто бы родится из сельской общины. Будущая социальная революция представлялась народникам 70-х и даже начала 80-х годов сравнительно легким делом, так как российское самодержавие, по их мнению, было лишено поддержки всех классов общества. Революция (или переворот), как считали народники, сразу разрешит все проблемы. Ее главным деятелем будет российский крестьянин, который якобы безгранично предан духу общины, а следовательно — делу социализма.

Таковы вкратце идейные установки революционного народничества, в конечном счете отражавшего интересы и устремления крестьянства, желавшего получить всю землю. Утопический характер этой теории очевиден. Скажем, народники не понимали и не учитывали того, что Россия уже бесповоротно вступила в полосу капиталистического развития, что в идеализируемом ими крестьянстве уже началось вызванное этим социальное расслоение.

Революционное народничество не поднялось до научного социализма, но оно гигантски обогатило практику революционной борьбы. Имена участников «хождения в народ» в 1873—1874 годах И. Н. Мышкина, П. И. Войнаральского, землевольцев А. Д. Михайлова, Д. А. Клеменца, М. Р. Попова, народовольцев А. И. Желябова, С. Л. Перовской, В. Н. Фигнер, чернопередельцев Г. В. Плеханова и В. И. Засулич навсегда вошли в революционную летопись России. В дальнейшем русские социал-демократы, отвергая утопическую сущность учения народников и их тактические установки, многое переняли у них в области революционной практики.

Вступив в противоречие с действительностью, не достиг-

нув своих целей, революционное народничество сошло с арены освободительной борьбы, уступило место народничеству либеральному, господствовавшему вплоть до середины 90-х годов. Либеральные народники проповедовали «теорию малых дел», осторожных, легальных шагов в сторону демократии, что на деле вело к сохранению существовавшего строя, они доказывали непроходимость той пропасти, которая будто бы разделяла Россию и Запад, а следовательно, и чужеродность «западного» марксистского учения для российской почвы. Теоретические изыскания Н. К. Михайловского, В. П. Воронцова, С. Н. Южакова и других лидеров либерального народничества в начале 90-х годов стали уже очевидным препятствием на пути российского революционного движения. Таким образом, к середине 90-х годов прошлого века многим стало ясно, что народничество свои революционные возможности исчерпало, что оно не имело никакой исторической перспективы. Однако вместе с закатом народничества происходило восхождение рабочего движения.

Стихийное рабочее движение в России зародилось давно и еще в 60-е годы возвестило о себе первыми волнениями и стачками пролетариев. В 70-е годы в движении пролетариата уже появляются зачатки организованности. Забастовка 800 рабочих Невской бумагопрядильни в мае 1870 года положила начало стачечному движению, постепенно обретавшему наступательный, а с конца десятилетия и политический характер. Из рядов пролетариата выдвигаются собственные вожди, такие, как П. А. Алексеев, В. П. Обнорский, С. Н. Халтурин. Они начинают понимать необходимость политической борьбы за демократические свободы для своего класса и стремятся к созданию пролетарских революционных организаций.

Первые рабочие кружки в столице организовывали и вели в них занятия, как правило, интеллигенты-народники. Однако изучать с рабочими теорию научного социализма они не могли и не хотели, так как она противоречила их утопическим представлениям. Передовые пролетарии вскоре поняли, что им не по пути с народниками; началось постепенное самоопределение рабочего движения на идейных позициях, все более отличных от народничества.

Дальнейшее развитие рабочего движения было неразрывно связано с ростом стачечной борьбы пролетариата и ознаменовалось образованием «Южно-российского рабочего союза» в 1875 году, а затем «Северного союза русских рабочих», открыто заявившего о своем существовании в январе 1879 года. Таким образом, на пороге восьмого десятилетия прошлого века российский пролетариат в столице страны создал свою первую политическую организацию, провозгласившую целью борьбы «ниспровержение существующего полити-

ческого и экономического строя государства как строя крайне несправедливого» *.

Программные установки «Северного союза» были еще далеко не свободны от влияния народнической идеологии, тем не менее образование «Союза» и его деятельность свидетельствовали о росте классового самосознания пролетариата, являлись крупным шагом вперед в развитии рабочего движения. В программе «Союза» подчеркивалось, что по своим целям он примыкает к социал-демократическим партиям Запада. «Северный союз», вероятно, со временем еще больше приблизился бы к марксизму, но спустя год с небольшим он был разгромлен и прекратил существование.

Отдельные неудачи и поражения рабочего движения, сколь бы тяжелы они ни были, не могли остановить движение пролетариата и предотвратить его широкий выход на арену политической борьбы. Такой процесс был обусловлен не только логикой капиталистического развития России, но и тем, что марксизм уже попал на российскую почву и пускал в ней все более глубокие корни.

Первыми к марксизму обратились представители революционной российской интеллигенции, многие из которых были тесно связаны с народничеством. В учении Маркса они искали выход из тупика, в котором к началу 80-х годов оказалось народничество.

«История всех стран свидетельствует, — писал в 1902 году В. И. Ленин, — что исключительно своими собственными силами рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание тред-юнионистское, т. е. убеждение в необходимости объединиться в союзы, вести борьбу с хозяевами, добиваться от правительства издания тех или иных необходимых для рабочих законов и т. п. Учение же социализма выросло из тех философских, исторических, экономических теорий, которые разрабатывались образованными представителями имущих классов, интеллигенцией. Основатели современного научного социализма Маркс и Энгельс принадлежали и сами, по своему социальному положению, к буржуазной интеллигенции, точно так же и в России теоретическое учение социал-демократии возникло совершенно независимо от стихийного роста рабочего движения, возникло как естественный и неизбежный результат развития мысли у революционно-социалистической интеллигенции» **. Однако научный социализм, возникнув как учение, сразу же стремится к соединению с рабочим движением.

Несмотря на то что марксизм в России опирался на глубокие материалистические традиции отечественной философской школы и крупные достижения экономической мысли,

---

* Цит. по: История Коммунистической партии Советского Союза, т. I. М., 1965, с. 85.

** *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 30—31.

первые русские марксисты шли сложным и порой противоречивым путем. Знакомиться с трудами Маркса и Энгельса русские интеллигенты стали уже в 40—50-е годы. Проявив огромный интерес к изучению «Капитала» Маркса, первый том которого вышел в Петербурге в 1872 году, многие революционные народники стремились примирить марксизм с общинным социализмом. Но уже в 70-е годы начался процесс постепенной эволюции лучших элементов революционного народничества к учению Маркса.

Этой дорогой прошли и все участники первой подлинно марксистской русской организации — группы «Освобождение труда». Группу в сентябре 1883 года создали в Швейцарии политические эмигранты во главе с Г. В. Плехановым.

Велики заслуги группы «Освобождение труда» в распространении марксизма в России, в борьбе с либеральным народничеством. Большое значение в деле революционного воспитания передовой интеллигенции и рабочих вожаков имели и труды самого Г. В. Плеханова, и работы его товарищей.

Владимир Ильич Ленин назвал группу «Освобождение труда» и «основательницей и представительницей и вернейшей хранительницей» * движения научного социализма в России. Вместе с тем он отмечал, что группа Г. В. Плеханова «лишь теоретически основала социал-демократию и сделала первый шаг навстречу рабочему движению» **.

Нива, засеянная Плехановым и его товарищами, дала благодатные всходы. В первое десятилетие их деятельности в России, и в первую очередь в Петербурге, образовался целый ряд социал-демократических организаций. Это созданная в конце 1883 года группа Д. Н. Благоева, принявшая на следующий год название «Партия русских социал-демократов». С весны 1885 года и до разгрома в 1887 году она действовала в тесном контакте с группой «Освобождение труда». Благоевцы совместно с группой Плеханова занимались литературно-издательской деятельностью, организовывали кружки из числа передовых рабочих столицы, активно пропагандировали в них воззрения социал-демократии. Они выдвинули генеральную задачу — создание «рабочей партии, которая была бы способна завоевать государственную власть» ***.

Царское правительство расправилось с благоевцами, но в это время, с осени 1886 года, в столице уже действовала другая, строго законспирированная социал-демократическая организация — «Товарищество», возглавляемое П. В. Точисским. «Товарищество» установило связи с передовыми рабочими ряда крупных заводов, и в 1887—1888 годах они вошли в

---

* *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 180.

** Там же, т. 25, с. 132.

*** Цит. по: История Коммунистической партии Советского Союза, с. 144.

организацию, в связи с чем она стала называться «Товариществом санкт-петербургских мастеровых». «Товарищество» значительно решительнее, чем на первых порах это делали благоевцы, выступало против народничества, признавало единственной действительно революционной силой пролетариат.

Избежавших ареста рабочих — членов «Товарищества» объединил в новую социал-демократическую организацию М. И. Бруснев, студент-технолог, один из руководителей студенческого «Социал-демократического сообщества». Объединившись с рабочими кружками, организация стала называться «Рабочим союзом». «Союз», опираясь на растущее движение пролетариата, широко развернул работу по революционному, социал-демократическому воспитанию рабочих, и прежде всего их вожаков, в числе которых были Ф. А. Афанасьев, В. А. Шелгунов, Е. А. Климанов, Н. Г. Полетаев, Г. М. Фишер и другие. Брусневцы продолжили борьбу с народничеством внутри пролетарского движения, все более вовлекая в нее самих передовых рабочих.

«Рабочий союз» сделал и еще один важный шаг вперед: изучение марксизма, трудов К. Маркса, Ф. Энгельса и изданий группы «Освобождение труда» здесь было поставлено так, чтобы из самих наиболее сознательных и передовых рабочих подготовить пропагандистов для новых кружков. И эта задача успешно решалась. Брусневцы установили связи не только с заграничной группой Плеханова, но и с социал-демократическими кружками многих городов России. Они уже вышли за узкие рамки подпольных кружков: предпринимали попытки участвовать в стачечной борьбе, выпустили ряд листовок, несколько номеров рукописной рабочей газеты, они возглавили и превратили, по существу, в политическую демонстрацию траурное шествие за гробом писателя-демократа Н. В. Шелгунова и, наконец, провели первую, а затем и вторую рабочие маевки в России — в 1891 и 1892 годах.

Не умаляя значения деятельности «Рабочего союза», Владимир Ильич Ленин вместе с тем подчеркивал, что «участие петербургских рабочих в демонстрации на похоронах Шелгунова, политические речи на петербургской маевке» — это не более как «социал-демократическая демонстрация передовиков-рабочих при отсутствии массового движения» *. И эта ленинская характеристика по своему значению гораздо шире оценки конкретных акций «Рабочего союза». Она как бы подводит черту под первым периодом развития российской социал-демократии, отмечает его самую существенную особенность: разобщенность, отсутствие слитности социал-демократии, являвшейся носителем марксистской идеологии, со стихийным, массовым рабочим движением. Более развернутую характеристику этого периода Владимир Ильич дал в

---

* *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 250.

своей книге «Что делать?». Он писал: «Первый период обнимает около десяти лет, приблизительно 1884—1894 гг. Это был период возникновения и упрочения теории и практики социал-демократии. Число сторонников нового направления в России измерялось единицами. Социал-демократия существовала без рабочего движения, переживая, как политическая партия, процесс утробного развития» *.

Вывод В. И. Ленина был основан не только на глубоком изучении им истории революционного движения, но и на его собственном опыте. Как говорилось в начале очерка, приехав осенью 1893 года в Петербург, Владимир Ильич скоро установил контакты со столичными марксистами и активно включился в революционную работу. Позднее, вспоминая первый период своей деятельности в Петербурге, Ленин писал: «Я работал в кружке, который ставил себе очень широкие, всеобъемлющие задачи, — и всем нам, членам этого кружка, приходилось мучительно, до боли страдать от сознания того, что мы оказываемся кустарями в такой исторический момент, когда можно было бы, видоизменяя известное изречение, сказать: дайте нам организацию революционеров — и мы перевернем Россию!» **

Исторический момент, который переживала Россия в пору вступления освободительного движения в третий, пролетарский этап, характеризовался резким обострением социальных конфликтов, сосредоточением на российской почве всех противоречий мучительно рождавшегося империализма. Процесс развития «новейшего» капитализма в России, как указывалось выше, был осложнен уродливым сочетанием его общих черт и закономерностей со специфическими особенностями российской действительности — с самодержавным строем и помещичьим землевладением, с глубокими феодальными пережитками во всех областях общественной жизни и т. п.

Все это, вместе взятое, привело к тому, что Россия оказалась наиболее слабым, наиболее уязвимым звеном в цепи империалистических государств, и таким образом она становилась важной базой революционного движения. Сюда, на Восток, в Россию, переместился с Запада центр мирового революционного движения.

Перемещение мирового революционного центра в Россию было обусловлено и трудным положением, сложившимся к концу века в социалистическом движении на Западе. Здесь ряды социал-демократии неуклонно росли, партии стали массовыми, но вместе с тем все ожесточеннее становились попытки буржуазии «обезвредить» марксизм, вытравить его революционную сущность, взорвать рабочее движение изнутри. Смерть Маркса в 1883 году, потом нездоровье и кончина в

---

* *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 180.

** Там же, с. 127.

1895 году Энгельса способствовали нарастанию оппортунистических тенденций среди лидеров II Интернационала.

Полоса сравнительно мирного развития капитализма отходила в прошлое. Промышленно развитые страны вступили в новую эпоху — капитализм перерос в империализм. Близилось время глубоких потрясений и революционных бурь. Марксизм должен был найти ответы на коренные вопросы революционного движения в новых условиях. Социал-демократии надлежало проверить свое тактическое оружие, решительно отбросить все устаревшее, выработать новые формы сплочения трудящихся масс и привести их к революционному свержению господствовавшего эксплуататорского строя.

К сожалению, лидеры западной социал-демократии сделать этого не смогли. Они даже не сумели сохранить в чистоте учение Маркса и Энгельса, все глубже сползали в болото примиренчества и оппортунизма.

Не под силу оказалось решение столь ответственной задачи и группе «Освобождение труда». Малочисленная группа Плеханова, оторванная от родины и от российского рабочего движения, испытывавшая сильное давление оппортунистических тенденций в западной социал-демократии, существовала только как идейное течение, но не как политическая партия, и стать таковой не могла.

Защитником, преемником и продолжателем великого дела Карла Маркса и Фридриха Энгельса стал Владимир Ильич Ленин и созданная им революционная партия российского пролетариата. «История поставила теперь перед нами ближайшую задачу, — писал В. И. Ленин, — которая является *наиболее революционной* из всех *ближайших* задач пролетариата какой бы то ни было другой страны. Осуществление этой задачи, разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также (можем мы сказать теперь) и азиатской реакции сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата. И мы вправе рассчитывать, что добьемся этого почетного звания, заслуженного уже нашими предшественниками, революционерами 70-х годов, если мы сумеем воодушевить наше в тысячу раз более широкое и глубокое движение такой же беззаветной решимостью и энергией» *.

Выдвинув неотложную задачу создания революционной партии рабочего класса, способной сплотить пролетариат и повести его на свержение самодержавия, Владимир Ильич выбрал и верную тактику. Он считал, что в первую очередь необходимо идейно разгромить либеральное народничество, мешавшее сплочению пролетариата на позициях марксизма, превращению его в гегемона российского освободительного движения.

---

* *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 28.

Уже в 1894 году вышла нелегально напечатанная книга В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». Это выдающееся произведение творческого марксизма стало манифестом и программным документом российских социал-демократов. Владимир Ильич развернуто и глубоко аргументированно критиковал философские и экономические взгляды, программу либерального народничества, выдвигал задачи революционной социал-демократии.

«Политическая деятельность социал-демократов, — указывал В. И. Ленин, — состоит в том, чтобы содействовать развитию и организации рабочего движения в России, преобразованию его из теперешнего состояния разрозненных, лишенных руководящей идеи попыток протеста, «бунтов» и стачек в организованную борьбу ВСЕГО русского рабочего КЛАССА, направленную против буржуазного режима и стремящуюся к экспроприации экспроприаторов, к уничтожению тех общественных порядков, которые основаны на угнетении трудящихся» *.

Таким образом, сформулированная В. И. Лениным задача предусматривала процесс соединения теории научного социализма со стихийным рабочим движением, внесения в него организованности и сознательности. Владимир Ильич выдвинул три кардинальные идеи новой эпохи: о гегемонии пролетариата в освободительном движении, о демократическом характере предстоящей революции и о необходимости создания пролетарской партии. Выдвинутые Лениным идеи стали базой, на основе которой начиналось объединение революционных сил социал-демократии, развивалась борьба за создание российской марксистской пролетарской партии.

С пути слияния теории научного социализма с рабочим движением помимо либерального народничества требовалось убрать и еще один завал — «легальный марксизм», представлявший собой идейно-политическое течение буржуазного либерализма. Лидеры этого течения — буржуазные интеллигенты, и прежде всего П. Б. Струве и М. И. Туган-Барановский, — выступали за уничтожение феодальных пережитков в России, что должно было открыть простор для беспрепятственного развития капитализма.

В борьбе с самодержавием «легальные марксисты» пытались опереться на рабочий класс, теоретические аргументы они черпали в научном социализме, но при этом суть учения Маркса грубо искажали, начисто отрицали теорию классовой борьбы, государства, социалистической революции и диктатуры пролетариата. Первой работой В. И. Ленина, направленной на разоблачение лжесоциал-демократической сущности «легального марксизма», была статья «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве».

---

* *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 309—310.

Владимир Ильич открыто заявлял, что «легальный марксизм» вовсе не является научным социализмом, а есть лишь его отражение в буржуазной литературе. И хотя В. И. Ленин считал возможным на определенном этапе заключить соглашение с «легальным марксизмом для совместной борьбы против народничества» *, его выступления против струвизма стали началом долгой и непримиримой борьбы революционной социал-демократии с международным ревизионизмом.

Занимаясь теорией революционного движения, Владимир Ильич отвергал догматизм, он не цеплялся за конкретные решения, найденные прежде Марксом и Энгельсом. Учитывая коренные изменения эпохи, Ленин, опираясь на учение марксизма, развивая его, искал новые пути, формы и методы борьбы, применимые прежде всего для России. Но теоретические выводы Владимира Ильича были столь глубоки, что стали основополагающими для всего мирового пролетарского движения.

Так, уже в первых идейных битвах 1894—1895 годов рождался новый, ленинский этап в развитии марксизма. Последующие труды В. И. Ленина — «Задачи русских социал-демократов» (1897 г.), «Развитие капитализма в России» (1899 г.), «Что делать?» (1902 г.) и многие другие — еще более обогатили марксистскую теорию, расширили и углубили идейно-теоретическое русло революционного потока. Ленинизм как марксизм эпохи империализма и пролетарских революций широким фронтом вышел на мировую арену революционной борьбы.

В заключительных строках книги о «друзьях народа» Владимир Ильич пророчески писал: «...русский ***рабочий,*** поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет ***русский пролетариат*** (рядом с пролетариатом ***всех стран)*** *прямой дорогой открытой политической борьбы* к ***победоносной коммунистической революции»*** **.

Революционная мысль и революционное дело В. И. Ленина всегда шли рука об руку. И в самом начале этого пути его теоретическая деятельность неотделима от практической работы по созданию революционной организации рабочих столицы — зачатка будущей всероссийской пролетарской партии нового типа.

О том, как объединялись разрозненные рабочие кружки, как был создан петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», о его революционной деятельности и влиянии на пролетарское движение подробно и разносторонне рассказывается в публикуемых в этом сборнике мемуарах. Поэтому мы назовем лишь важнейшие вехи, прокомментируем главные события этого периода, остановимся на формах и

---

* См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 97—98.

** Там же, т. 1, с. 312.

методах политической борьбы социал-демократии, получивших дальнейшее развитие в деятельности большевистской партии.

Практическая революционная работа В. И. Ленина в столице началась с перестройки занятий в рабочих кружках, суть ее — в отказе от бытовавшего до тех пор абстрактного изучения марксизма. Владимир Ильич считал необходимым тесно увязывать теорию научного социализма с жизнью, с насущными задачами революционной борьбы. Ленин не только сформулировал эту новую для пропагандистов-интеллигентов задачу, но и личным примером показывал, как надо ее решать. Он вел занятия в рабочих кружках за Невской заставой, на Петербургской и Выборгской сторонах, на Васильевском острове.

Цель кропотливой работы в кружках Владимир Ильич позднее сформулировал так: «...среди рабочих выделяются настоящие герои, которые — несмотря на безобразную обстановку своей жизни, несмотря на отупляющую каторжную работу на фабрике, — находят в себе столько характера и силы воли, чтобы учиться, учиться и учиться и вырабатывать из себя сознательных социал-демократов, «рабочую интеллигенцию». В России уже есть эта «рабочая интеллигенция», и мы должны приложить все усилия к тому, чтобы ее ряды постоянно расширялись, чтобы ее высокие умственные интересы вполне удовлетворялись, чтобы из ее рядов выходили руководители русской социал-демократической рабочей партии» *. И такими рабочими-руководителями стали многие ученики В. И. Ленина: прежде всего В. А. Шелгунов, И. В. Бабушкин, В. А. Князев, воспоминания которых публикуются в настоящем сборнике, а также Н. Е. Меркулов, И. И. Яковлев, Ф. И. Бодров и другие.

Для подготовки «рабочей интеллигенции», рабочих-вожаков петербургские марксисты в 90-е годы активно использовали не только кружковую форму, но и воскресные вечерние школы. Возникновение таких школ отражало жадную тягу рабочих к знаниям. Сделать так, чтобы легальные вечерние воскресные школы и рабочие классы служили не только просветительским, общеобразовательным целям, но и давали возможно большему кругу пролетариев знания политические, побуждали их к вступлению на путь революционной борьбы, — вот в чем заключалась задача социал-демократов. Они и сами отдавали много сил, времени преподаванию в таких школах и привлекали к политической пропаганде других учителей. Так, в апреле 1895 года Владимир Ильич на квартире Н. М. Книповича (Колпинская ул., 3, кв. 16) провел специальное совещание с группой учительниц Корниловской (Смоленской) вечерне-воскресной школы для рабочих. Почти все они потом стали активными социал-демократками.

---

* *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 269.

Роль рабочих школ на Обуховском заводе, Корниловской в селе Смоленском, Глазовской, Технического общества в деле революционного воспитания столичного пролетариата трудно переоценить: отсюда вышли сотни марксистов. Вместе с тем В. И. Ленин понимал, что пропаганда марксизма в узких рамках рабочих кружков и даже в воскресных школах — это лишь первые шаги к пробуждению классового самосознания пролетариата, дело нужно было ставить шире.

И вот — примечательная и важная деталь: Владимир Ильич не только учил рабочих — участников марксистских кружков, но и сам учился у них, с их помощью искал пути к многотысячной массе питерских пролетариев. Ленин считал насущно необходимым теоретические, «книжные» знания пропагандистов-интеллигентов основательно дополнить глубоким знанием экономических условий жизни рабочих, их труда и быта, их повседневных нужд и забот. Никакие статистические справочники «живой» картины жизни пролетариата дать не могли, а «правительство, — писал В. И. Ленин, — пуще огня боится огласки фабричных порядков... оно приняло все меры, чтобы сохранить в строгой тайне все, что делается на фабриках и среди рабочих» *.

Лишь в последних числах декабря 1894 года Владимиру Ильичу удалось впервые попасть на промышленные предприятия столицы: он побывал на небольших заводах Н. Я. Паля и в цехах Путиловского гиганта. Но детально изучать условия труда, жизни и быта пролетариата Ленин стал значительно раньше: с этой целью он составил обширный и подробный вопросник, который раздавал членам марксистских кружков, использовал в своих беседах с рабочими. «Как сейчас помню свой «первый опыт»... — писал В. И. Ленин. — Я возился много недель, допрашивая «с пристрастием» одного... рабочего о всех и всяческих порядках на громадном заводе, где он работал» **.

Без этой кропотливой подготовительной работы был бы невозможен переход от узкокружковой пропаганды к агитации среди широких масс столичного пролетариата, а именно такую задачу Владимир Ильич выдвинул перед петербургскими марксистами. Он считал необходимым, не отказываясь от пропаганды марксизма в кружках, немедленно приступить к широкой агитации среди рабочих с учетом их насущных экономических и политических требований.

Определив новую тактику, В. И. Ленин сам же взялся за ее осуществление: в декабре 1894 года он написал первый агитационный листок петербургских марксистов, обращенный к рабочим Семянниковского завода, призывавший к сочетанию экономической и политической борьбы. Так был сделан

---

* *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 111.

** Там же, т. 6, с. 152, примечания.

первый, знаменательный шаг на пути соединения научного социализма с рабочим движением.

От первой листовки «тиражом» в четыре переписанных от руки экземпляра — к сотням и тысячам листовок и прокламаций, к брошюрам для рабочих «О штрафах», «О стачках», к газете «Рабочее дело», от показа жестокой эксплуатации рабочих и формулирования ближайших задач борьбы — к выдвижению широких экономических требований и политических лозунгов — так в дальнейшем развивалась ленинская тактика социал-демократической агитации в массах. Так все теснее сливалась теория научного социализма с рабочим движением, поднимая его на качественно новую ступень.

На повестку дня вставал вопрос непосредственного руководства выступлениями пролетариата, прежде всего — стачечной борьбой. Но сначала необходимо было создать руководящее ядро, завершить процесс объединения всех социал-демократических кружков столицы, стоявших на позициях революционного марксизма.

Это было сделано осенью 1895 года. Тогда же сформировался общегородской центр «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» (такое название организация приняла позже — в декабре), в который вошли В. И. Ленин, Г. М. Кржижановский, В. В. Старков, а потом — А. А. Ванеев и Ю. О. Мартов. Теперь в организацию входило до 20—30 рабочих кружков, созданных не только на крупных, но и на ряде средних предприятий. Непосредственное руководство кружками осуществляли 3 районные группы. Так на принципах централизма по производственно-территориальному признаку сложилась структура организации, ставшая прообразом структуры пролетарской партии. Зачатком такой партии и был ленинский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», вышедший на арену революционной борьбы под знаменем научного социализма.

Мысль о создании всероссийской марксистской партии пролетариата никогда не оставляла В. И. Ленина. Этот вопрос не раз обсуждался в «Союзе борьбы». Ленин и его соратники предпринимали и практические шаги к объединению социал-демократических организаций и групп, действовавших ранее и возникавших под влиянием «Союза борьбы» в разных городах России. Владимир Ильич лично поддерживал связи с марксистами Нижнего Новгорода, Владимира, Иваново-Вознесенска, приезжал для встречи с членами местных кружков и групп в Москву, Вильно, Орехово-Зуево... С 29 городами России установил связи «Союз борьбы» уже в 1894—1896 годах.

К борьбе за создание политической организации рабочего класса России необходимо было привлечь и заграничную группу «Освобождение труда» — наиболее теоретически сильную организацию предшествующего периода. По существу, именно с этой целью В. И. Ленин летом 1895 года выезжал

за границу и вел в Швейцарии переговоры с Г. В. Плехановым и его товарищами. Важным итогом бесед в Женеве стало издание совместными усилиями заграничной группы и ленинцев непериодического сборника «Работник», отводившего на своих страницах большое место деятельности петербургского «Союза борьбы». Распространение сборника в России способствовало созданию новых социал-демократических организаций в разных городах.

По инициативе В. И. Ленина в конце 1895 года был подготовлен, как указывалось выше, первый номер газеты «Рабочее дело», основные материалы которого были написаны самим Владимиром Ильичем. Газета должна была поднять на новую ступень агитацию в массах, способствовать сплочению пролетариата на марксистских позициях, в дальнейшем именно она, как показал позднейший опыт, могла бы идейно и организационно подготовить созыв учредительного съезда партии. Однако выпустить газету не удалось. В ночь с 8 на 9 декабря 1895 года В. И. Ленин и другие члены руководящего центра «Союза борьбы» были арестованы, а материалы газеты попали в руки охранки.

В результате ареста Владимира Ильича и его соратников, а затем и многих других руководителей, активистов и рядовых членов организации «Союз борьбы» понес тяжелые потери. После подобных ударов организации революционеров предшествующего периода, как правило, прекращали существование. А «Союз борьбы» не погиб! Четкая структура организации, разветвленная сеть кружков, широкие связи на фабриках и заводах, наконец, заранее разработанные на случай провала меры конспирации, техника связи, шифрованной переписки и т. д. помогли «Союзу» выстоять. И не только выстоять, но и продолжить, расширить революционную работу.

Уже вскоре после ареста и заточения в одиночную камеру № 193 Дома предварительного заключения Владимир Ильич сумел установить прочные контакты с товарищами, оставшимися на свободе. Находясь в заключении, он продолжал и теоретическую работу, и практическое руководство важнейшими акциями «Союза борьбы», здесь же он написал и переправил на волю проект и объяснение программы к готовившемуся съезду партии.

Под влиянием агитации «Союза борьбы» быстро нарастало стачечное движение. Особую роль в этом процессе сыграла всеобщая стачка петербургских текстильщиков в мае — июне 1896 года.

Поводом к выступлению текстильщиков послужили... празднества по случаю коронации Николая II. Символично, что рабочие не пожелали «за бесплатно» праздновать коронацию нового самодержца и потребовали у хозяев оплатить дни вынужденного прогула. Те отказались. Ткачи и прядильщики столицы забастовали. Забастовали стихийно. Но здесь

в руководство выступлением рабочих включился «Союз борьбы», и стачка приняла организованный, широкий характер. Было выпущено 19 агитационных листовок, на заводах и фабриках собирались сходки рабочих и организовывались забастовки солидарности с текстильщиками. Теперь бастующие выдвигали более широкие и радикальные требования: значительно сократить рабочий день и повысить расценки.

И то, что требования на всех 20 с лишним предприятиях были одинаковыми, и то, что в борьбу вступили 30 тысяч текстильщиков, и то, что начались волнения на металлургических заводах — Путиловском, Невском и других, — все это продемонстрировало растущую силу и сплоченность пролетариата. Перепуганные царские власти не смогли замолчать мощного выступления столичных пролетариев. Весть о стачке облетела всю Россию и всколыхнула ее. Летом и осенью 1896 года волна забастовок прокатилась по Москве и Владимирской губернии, по Костроме и Риге, по Белостоку, Одессе и другим городам. И хотя власти в столице арестовали более тысячи человек, сотни забастовщиков выслали из города, задушить растущее рабочее движение они не могли. С требованием сокращения продолжительности рабочего дня, впервые выдвинутым рабочими столицы, в ближайшие полтора года по России прошло 60 забастовок. Уже в начале 1897 года начались новые волнения и на предприятиях Петербурга... Царские власти вынуждены были пойти на уступки и приступить к государственному регулированию отношений предпринимателей с рабочими.

Знаменитая «петербургская промышленная война» лета 1896 года, как назвали стачку текстильщиков, имела огромное значение. В. И. Ленин впоследствии писал: «1896-й год: петербургская стачка нескольких десятков тысяч рабочих. Массовое движение с началом уличной агитации, при участии уже целой социал-демократической организации. <...> Сознательное и планомерное социал-демократическое вмешательство и руководство делает то, что движение приобретает гигантский размах и значение против морозовской стачки. Правительство опять идет на экономические уступки. Стачечному движению во всей России положено прочное основание» *.

Таким образом, петербургский «Союз борьбы» сделал новый, важнейший шаг вперед в деле соединения стихийного рабочего движения с теорией научного социализма — непосредственно возглавил массовую борьбу пролетариата.

Годы с 1894 по 1898-й составили второй период в истории российской социал-демократии. Характеризуя его, В. И. Ленин писал: «Социал-демократия появляется на свет божий, как общественное движение, как подъем народных

---

* *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 250—251.

масс, как политическая партия. Это — период детства и отрочества. С быстротой эпидемии распространяется повальное увлечение интеллигенции борьбой с народничеством и хождением к рабочим, повальное увлечение рабочих стачками. Движение делает громадные успехи» *.

Именно в этот период совершился переход к новому этапу освободительного движения в России — пролетарскому.

...По ходу очерка мы уже подчеркивали некоторые качественные отличия пролетарского этапа от предшествующего, разночинского. Следует кратко их резюмировать.

Теперь на борьбу с самодержавием сознательно поднимались не десятки революционеров, как в дворянский период, не сотни, как в разночинский, а тысячи и тысячи. Предшествующие поколения борцов стремились уплатить свой нравственный долг народу, болели за угнетенный народ и искали для него лучшей доли. Теперь же сам трудовой народ пробудился к борьбе, и возглавил ее пролетариат, сумевший первым среди всех классов российского общества создать свою всероссийскую партию — в марте 1898 года на I съезде РСДРП в Минске.

Пролетариат, единственный до конца революционный класс, вооруженный теорией научного социализма, под руководством боевой марксистской организации широким фронтом вышел на арену политической борьбы и стал здесь доминирующей силой.

С середины 90-х годов господствующей идеологией российского освободительного движения стал революционный марксизм, началось слияние теории с практикой рабочего движения. Таким образом, впервые освободительное движение начало развиваться на основе подлинно научной социалистической теории. И это самое важное и решающее отличие пролетарского этапа от предшествующего.

Названные выше кардинальные отличительные особенности нового этапа освободительной борьбы определили и ее новую тактику, формы и методы, структуру организаций и т. д.

...Очевидное сегодня далеко не всеми осознавалось непосредственно в переломный момент российской истории и еще долгие годы после него. Скажем, царские власти, привыкшие бороться с разночинцами, и во второй половине 90-х годов утверждали, что рабочих к революции подстрекают студенты, интеллигенты, что сами пролетарии не понимают и не принимают чуждые им цели борьбы. На основании этой «доктрины» даже арестованных рабочих вначале наказывали менее сурово, чем интеллигентов.

Однако факты заставили прозреть даже твердолобых чиновников. Когда в декабре 1895 года были арестованы активные участники петербургского «Союза борьбы», то из 88

---

* *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 180.

более 50 оказались рабочими. Новые следственные дела «Союза», заведенные до лета 1896 года, дали ту же картину: из 214 человек 154 были рабочими. В августе 1895 года за решеткой оказалось еще 128 активистов «Союза», из них 101 рабочий. И вот тогда в приговорах арестованным революционерам все чаще наряду с запретами жить в столицах и университетских городах замелькали запреты жить в промышленных центрах. Царизму пришлось на практике признать переход руководящей роли в революционном движении от разночинцев к рабочему классу.

Но то, что поняли охранники престола, еще и десятилетие спустя не хотели признавать меньшевики. Они даже после революции 1905—1907 годов продолжали упрямо твердить, что Российская социал-демократическая рабочая партия есть партия «интеллигентов», что в ней мало рабочих. Эта басня полюбилась современным буржуазным специалистам по истории России. На все лады они склоняют и спрягают эту выдумку, без всяких аргументов и фактов пишут о том, что слой рабочих-руководителей в России был чрезвычайно тонок, число их будто бы измерялось единицами. Приведенные выше цифры полностью опровергают эти злонамеренные измышления. Собранные в этой книге воспоминания активных участников революционной борьбы также показывают выдающуюся роль рабочих в создании РСДРП, хотя, и это следует особо подчеркнуть, они никак не умаляют большую роль интеллигенции в этом сложном процессе.

О роли интеллигенции в выработке теории научного социализма, в распространении марксизма, во внесении его в пролетарские массы мы уже говорили. Как и передовые рабочие, революционная социал-демократическая интеллигенция принимала активное участие в создании пролетарской партии, давала кадры для костяка партии — организации революционеров-профессионалов. Не случайно, характеризуя второй период развития российской социал-демократии, В. И. Ленин писал: «Почти все в ранней юности восторженно преклонялись перед героями террора. Отказ от обаятельного впечатления этой геройской традиции стоил борьбы, сопровождался разрывом с людьми, которые во что бы то ни стало хотели остаться верными «Народной воле» и которых молодые социал-демократы высоко уважали. Борьба заставляла учиться читать нелегальные произведения всяких направлений, заниматься усиленно вопросами легального народничества. Воспитанные на этой борьбе социал-демократы шли в рабочее движение, «ни на минуту» не забывая ни о теории марксизма, озарившей их ярким светом, ни о задаче низвержения самодержавия. Образование партии весной 1898 года было самым рельефным и в то же время последним делом социал-демократов этой полосы» *.

---

* *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 180—181.

Съезд партии намечалось созвать еще осенью 1896 года, однако последовавшие за арестом В. И. Ленина аресты его ближайших сподвижников, а затем многих активистов «Союза борьбы» и ряда руководителей московского «Рабочего союза» помешали осуществлению этих планов.

Ужесточение репрессий царских властей, как указывалось выше, не привело к распаду «Союза борьбы», однако понесенные им потери со временем способствовали оживлению дезорганизаторских тенденций. Новые, так называемые «молодые» руководители «Союза» не всегда оказывались на высоте задач, стоявших перед социал-демократическим движением. Они в ущерб другим формам борьбы увлекались стачками, в 1897 году провели ряд мер по изменению организационной структуры «Союза», что привело к его ослаблению, к распространению кустарщины в работе разрозненных кружков и групп. Таким образом, обстановка, сложившаяся в конце 1896-го и в 1897 году в социал-демократическом подполье, не способствовала созыву учредительного съезда партии.

Как известно, В. И. Ленин после освобождения из Дома предварительного заключения в феврале 1897 года был выслан в Восточную Сибирь. Оторванный от революционных центров и практического участия в борьбе пролетариата, он тяжело переживал разброд и шатания в социал-демократическом движении, неустанно звал к единству. Уже в конце 1897 года в своей работе «Задачи русских социал-демократов» он вновь поставил вопрос о создании всероссийского «Союза борьбы», то есть революционной партии пролетариата.

Инициативу созыва учредительного съезда партии взяли на себя киевские социал-демократы, меньше других пострадавшие от репрессий. Им удалось установить контакты с В. И. Лениным и организационно подготовить съезд. Свой вклад в подготовку съезда внесли и руководители петербургского «Союза борьбы», оставшиеся на ленинских позициях. Они составили так называемый «Питерский устав», ставший фактически проектом повестки дня съезда.

I съезд РСДРП состоялся в марте 1898 года в Минске. На нем присутствовало 9 делегатов. Съезд провозгласил образование Российской социал-демократической рабочей партии и сформулировал ее основные цели, вошедшие в «Манифест РСДРП», изданный уже после окончания работы съезда. Однако партия была создана лишь формально: съезд не принял ни Устава, ни Программы, фактического единства социал-демократии достигнуто не было. Сформированный на съезде Центральный Комитет партии вскоре был разгромлен царской охранкой. Все это, вместе взятое, предопределило проблемы и трудности следующего периода развития российской социал-демократии.

С лета 1898 года наступил третий период в истории

РСДРП. «Это, — как писал В. И. Ленин в 1902 году, — был период разброда, распадения, шатания. В отрочестве бывает так, что голос у человека ломается. Вот и у русской социал-демократии этого периода стал ломаться голос, стал звучать фальшью... Но брели розно и шли назад только руководители: само движение продолжало расти и делать громадные шаги вперед. Пролетарская борьба захватывала новые слои рабочих и распространялась по всей России, влияя в то же время косвенно и на оживление демократического духа в студенчестве и в других слоях населения. Сознательность же руководителей спасовала перед широтой и силой стихийного подъема; среди социал-демократов преобладала уже другая полоса — полоса деятелей, воспитавшихся почти только на одной «легальной» марксистской литературе, а ее было тем более недостаточно, чем больше сознательности требовала от них стихийность массы. Руководители не только оказывались позади и в теоретическом отношении («свобода критики») и в практическом («кустарничество»), но пытались защищать свою отсталость всякими выспренними доводами. Социал-демократизм принижался до тред-юнионизма и брентанистами легальной и хвостистами нелегальной литературы» *.

Таким образом, В. И. Ленин указывал на опасные в теоретическом отношении тенденции третьего периода — «легальный марксизм» («свобода критики» марксизма), тред-юнионизм «экономистов» и их связь с западноевропейским вульгарным социализмом либеральной буржуазии.

Владимир Ильич Ленин и возглавляемые им революционные социал-демократы повели острую борьбу с этими оппортунистическими течениями. Борьба была трудной, ожесточенной и долгой, она заняла около пяти лет.

Полоса временного господства «экономизма» в рабочем движении России продолжалась с 1898 до 1902 года. В это время социал-демократия Петербурга, лишенная непосредственного руководства В. И. Ленина и его ближайших соратников, переживала кризис. Он выражался прежде всего в узком понимании целей и задач рабочего движения. Смысл борьбы пролетариата «экономисты» сводили по сути дела к добыванию прибавки пятака на рабочий рубль, к прекращению повальных штрафов и издевательств над рабочими, к сокращению рабочего дня и т. д. Почти единственным средством этой борьбы они провозгласили стачки. Увлекаясь стачками, превознося их роль, «экономисты» не понимали, что стачки — школа борьбы рабочего класса, подготовительная ступень к главному делу — к борьбе за диктатуру пролетариата. Характеризуя увлечение российских оппортунистов только стачкой как формой пролетарской борьбы, революционные социал-демократы отмечали, что «экономизм» — это «стачкизм».

---

* *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 181—182.

«Экономизм» не представлял собой единой, цельной и последовательной системы взглядов. В нем всегда уживались различные направления и оттенки. Однако на некоторые общие черты «экономизма» разных направлений в области теории, тактики и организации можно указать.

«Экономисты» считали себя социалистами, но к тому, что они называли социализмом, предполагали прийти в результате реформ, а не революционным путем. Таким образом, экономисты, открыто проповедуя реформизм, становились на позиции ревизионизма, извращали марксизм.

Лидеры «экономистов» Прокопович, Кускова, Тахтарев и другие отрицали необходимость выработки заранее широкого тактического плана в рабочем движении, считали, что тактика сама собой стихийно вырастает из начавшихся стачек. Ориентируясь на самые отсталые слои рабочих, «экономисты» отрицали также способность пролетариата выдвигать политические требования и решительно бороться за них. Отсюда понятно решительное отрицание «экономистами» роли пролетариата как гегемона в демократической революции.

Некоторые «экономисты» делили рабочее движение на «стадии». Сначала — долгая стадия экономических забастовок, а переход к стадии борьбы хотя бы за политические права пролетариата мыслился ими в неопределенном будущем. Эта «теория», казавшаяся такой простой и доступной, грозила сбить рабочее движение со столбового революционного пути на топкие тропы оппортунизма.

Опасность для рабочего движения таилась не только в теоретических и тактических установках «экономистов», но и в не меньшей мере в их взглядах по организационным вопросам, в их практике. Искусственная изоляция революционной социал-демократической интеллигенции от рабочей массы, демагогия о безбрежной демократии в организационных вопросах, когда проводились широкие голосования по поводу расходования чуть ли не каждого рубля из стачечных касс,— эта практика «экономистов» никак не соответствовала условиям подпольной борьбы, облегчала охранке внедрение провокаторов в ряды социал-демократов.

Главное же заключалось в том, что «экономисты» считали задачей социал-демократов лишь «обслуживание» стихийного рабочего движения. Эта установка особенно настойчиво проводилась лидерами оппортунизма в Петербурге, ставшем в 1898—1900 годах центром наиболее закоренелого «экономизма». Здесь шли ожесточенные споры вокруг самого понятия партии. «Экономисты» выступали против необходимости создания единой и централизованной пролетарской партии как руководящего авангарда рабочего движения. Партию они рассматривали как совокупность небольших социал-демократических кружков, стачечных касс и профессиональных групп. Таким образом «экономисты» стремились навязать социал-демократической рабочей партии открыто ре-

формистский, тред-юнионистский характер. По сути же дела их вполне бы устроила партия буржуазных интеллигентов, опирающихся в борьбе с царизмом на рабочих. «Экономисты» намеревались ограничиться требованиями улучшения жизни рабочих и тем завоевать их доверие, а политические права (заметим, не власть, а лишь права) пролетариат, по мысли «экономистов», должен будет получить в отдаленном будущем вместе с другими классами российского общества.

Очевидно, что партия «по-экономистски» и в теории, и в тактике, и в политике была бы отнюдь не революционной, не марксистской.

В противовес оппортунистам революционные социал-демократы стояли на том, что партия — это высшая форма классовой организации пролетариата, его политическое ядро, которое призвано сплотить вокруг себя рабочий класс, всех трудящихся, повести их на свержение самодержавия, на завоевание политической власти. Надо отметить, что такое понимание партии в цельном виде было в те годы доступно только Владимиру Ильичу Ленину.

В далекой сибирской ссылке, в отрыве от пролетарских революционных центров Владимир Ильич вел не только огромную теоретическую работу, он сумел наладить прочные регулярные связи с социал-демократами различных уголков России; он, по существу, возглавил борьбу с «экономистами», он страстно мечтал о подлинно революционной рабочей партии и тщательно разрабатывал план ее организации.

В. И. Ленин указывал, что с «экономистами», уводившими рабочее движение в болото оппортунизма и реформизма, следует размежеваться решительно и немедля. К «легальным марксистам» — иной тактический подход. Они не претендовали на руководство рабочим движением, а лишь пытались быть его союзником, они пока не полностью порвали с освободительной борьбой, еще на словах выступали за союз с социал-демократами, еще не превратились в прямых пособников самодержавия. Значит, со Струве, Туган-Барановским и другими сегодня можно было заключить временное соглашение и размежеваться с ними завтра.

К делу создания революционной партии надо было привлечь плехановскую группу «Освобождение труда». Но поймут ли Засулич, Аксельрод и особенно сам Плеханов, так много сделавший для распространения и пропаганды марксизма в России, что сегодня пролетариату их отечества нужна не партия, аналогичная западноевропейским социал-демократиям, а качественно иная, партия нового типа? Вот что волновало Владимира Ильича. И не могло не волновать, ведь даже ближайшие соратники Ленина, отбывавшие вместе с ним сибирскую ссылку, Г. М. Кржижановский, В. В. Старков, М. А. Сильвин, П. Н. Лепешинский, Ф. В. Ленгник и другие, — даже они сначала не представляли себе во всем объеме задачу создания пролетарской партии нового типа.

Как построить такую партию? С чего начать? В последний год ссылки все четче, все яснее стал вырисовываться практический план. И главное его звено — создать печатный орган партии, издавать подпольную регулярную общепартийную газету, которая бы выдвинула понятные массам лозунги. Ее следовало дополнить научным марксистским журналом. В условиях России с ее необъятными просторами, с оторванными друг от друга местными социал-демократическими организациями такой печатный центр мог быть тем единственным общепартийным делом, вокруг которого сплотятся все революционные социал-демократы, пока разрозненные и не знающие чаще всего ничего, кроме того, что творится где-то близко, совсем рядом от них. Регулярная общепартийная газета должна стать каркасом, строительными лесами для партии.

С первых же шагов газету надо обеспечить материально. А сбор средств для издания газеты — уже сам по себе дело. Корреспонденции в газету... И Ленин думал о целой рати постоянных корреспондентов, прежде всего — рабочих. Так начнет выковываться практическое единство.

Чтобы доставлять газету из-за границы в Россию или тайно печатать ее в подполье, чтобы принимать транспорты с нелегальной литературой, распространять ее, претворять в дело выдвинутые в газете лозунги — для всего этого нужны организационные ячейки, объединенные общим делом. Из них скоро вырастет единая партия.

Казалось бы, газета, журнал, издание литературы — это только одна сторона партийной работы. Однако В. И. Ленин пришел к выводу, что роль ее в деятельности РСДРП огромна, что она станет решающей. Да и исторические примеры были: разве не так начинал Карл Маркс в «Новой Рейнской газете»? Разве не сплачивали революционные силы России издававшиеся за границей А. И. Герценом и Н. П. Огаревым «Колокол» и «Полярная звезда»?

И Владимир Ильич стал обсуждать свой план с друзьями и соратниками, жившими «поблизости», в сибирской ссылке. Тому, кто поддерживал этот план, Ленин давал конкретные задания — установить и расширить конспиративные связи с революционными центрами. С товарищами он уговаривался о шифрованной переписке, паролях, явках. Написал о своих планах, хотя и глухо, двум социал-демократам, которых хотел привлечь к редактированию газеты. Один прозябал в Туруханской ссылке, другой — в Вологодской. Шифрованным письмом, заклеенным в переплет книги, переправленным через третьи руки, поставил в известность о своих планах заграничную группу «Освобождение труда». Стал ждать ответов и ждать уже близкого срока окончания своей ссылки.

И вот 29 января 1900 года Владимир Ильич, Надежда Константиновна Крупская и ее мать Елизавета Васильевна

уезжают из Шушенского. В Уфе их пути расходятся. Владимиру Ильичу властями запрещено жить в столицах, в университетских городах и промышленных центрах, ему дорога в глухой, но относительно близкий к Петербургу Псков. А Надежда Константиновна еще на год, до окончания срока ее ссылки, должна остаться в Уфе...

Владимир Ильич не спешил попасть в Псков. Помимо Уфы он остановился в Москве, посетил Нижний Новгород. Он заводил новые конспиративные связи, возобновлял старые: стремился обеспечить будущую газету деньгами, корреспонденциями, агентами, приемными пунктами. Однако окончательно решить вопрос о том, где издавать эту газету, скоро не удалось. И потому 25 февраля 1900 года Ленин приехал в Петербург. Сюда, несмотря на полицейские запреты, его приводят все те же заботы о газете и еще известие о том, что в столице его ожидает какая-то важная встреча.

В Петербурге Владимир Ильич остановился в квартире 5 дома № 60 по Литейному проспекту у известной общественной деятельницы Александры Михайловны Калмыковой. Она — вдова сенатора, однако была широко известна в прогрессивных кругах тем, что снабжала передовой литературой из своего книжного склада за скромную плату, а то и вовсе без денег народные читальни и провинциальные школы. Калмыкова была тесно связана со многими подпольщиками.

Здесь же, в квартире Калмыковой, Владимир Ильич встретился с руководителями социал-демократических кружков столицы. Ленин ознакомил их со своим планом воссоздания фактического единства партии при помощи издания нелегальной газеты. Но ее значения новые руководители петербургского социал-демократического подполья до конца так и не поняли. Стало ясно, что «Искру» придется издавать за границей.

Позже в тот же день произошла встреча Владимира Ильича с тайно вернувшейся из-за границы Верой Ивановной Засулич, ближайшей сподвижницей Плеханова. Эта героическая женщина уже несколько десятилетий участвовала в российском революционном движении. В молодости за надругательство над политическим заключенным она стреляла в царского сатрапа Трепова. Позже она осознала бесперспективность народничества, террористической борьбы и уже около двадцати лет являлась виднейшей социал-демократкой. Живя в эмиграции, Засулич писала на различные историко-революционные темы, об интеллигенции, по проблемам марксистской тактики. Но два десятилетия отрыва от родины истомили ее, неудержимо потянуло домой. Захотелось ближе узнать новую, теперешнюю Россию.

Ее приезд, о котором Владимиру Ильичу и сообщили намеком в Москву, был как нельзя более кстати. Владимир Ильич, встретившись с Верой Ивановной, ознакомил ее с планом издания газеты «Искра» и журнала «Заря», они вели

переговоры об участии группы «Освобождение труда» в этих органах. Засулич загорелась идеей журнала, она была почти уверена, что Ленину окажут всемерное содействие Плеханов и Аксельрод. Она и сама была готова хоть сегодня засесть за статью для журнала. Да вот беда, сетовала Вера Ивановна, сегодняшней России она не знает, ее дыхания не чувствует.

Конечно, поддержка Засулич обрадовала Владимира Ильича, но всех сомнений не рассеяла. Еще неизвестно, как отнесется к делу Плеханов. Опыт распрей с молодыми революционерами, приезжавшими из России за границу, научил Плеханова осторожности, дипломатичности. Да и свою роль в социал-демократическом движении он иначе, чем роль главного дирижера, не представлял.

Насторожило Ленина и то, что Засулич ухватилась именно за теоретический журнал «Заря», как будто значения «Искры» в деле строительства партии недопоняла. А ведь «Искра» не обычное литературное предприятие — это партийный центр. Смогут ли эмигранты-«старики» подчиниться дисциплине, четко работать в составе редакционной коллегии, поставить свой талант и авторитет на службу делу революции? В то же время, как подсказывал опыт, редакция «Искры» должна быть независима от группы «Освобождение труда»: товарищи Плеханова пять лет назад брались редактировать журнал «Работник» и не смогли превратить его в партийный орган.

После коротких встреч в Петербурге Владимир Ильич уехал в Псков. Здесь в течение трех месяцев он упорно налаживал связи с социал-демократическими организациями разных городов, с будущими агентами и корреспондентами «Искры», написал проект заявления редакции «Искры» и «Зари», провел совещание революционных социал-демократов и «легальных марксистов».

Сделано было уже немало, и теперь Ленин стремился выехать за границу и практически приступить к изданию газеты и журнала. Оставался открытым вопрос, разрешат ли ему уехать из России. Неожиданно повезло: псковский губернатор выдал заграничный паспорт.

Но прежде чем воспользоваться этим счастливым обстоятельством, Владимир Ильич собирался испросить разрешение властей на поездку к родным в Москву и к жене в Уфу: возможно, предстояла долгая разлука, надо было проститься и о многом договориться. И главное — надо было тайно съездить в Петербург и убедить крупнейшую социал-демократическую организацию в том, что скоропалительно созываемый «экономистами» в мае 1900 года в Смоленске II съезд РСДРП совершенно несвоевремен, не подготовлен и, кроме хаоса, ни к чему не приведет.

...Нелегально приехавший в Петербург В. И. Ленин 21 мая 1900 года был арестован. Допрос Владимира Ильича вел сам

начальник столичной охранки полковник Пирамидов. Однако удачи охранникам престола это не принесло. Отобранные при аресте Ленина бумаги ничего компрометирующего не содержали. Чрезвычайно опасно было только письмо к Плеханову с планом издания «Искры». Его Владимир Ильич написал на одной из квитанций шифром «химическими» чернилами, незаметными для глаза. «Химия» не проступила, жандармы ничего не углядели. Изрядную сумму денег, предназначенных для «Искры», он объявил личным гонораром. После десятидневного ареста Владимир Ильич был отправлен с провожатым к родным в подмосковный Подольск, а летом он покинул Россию.

С большим трудом шла подготовка к изданию газеты и журнала и тогда, когда В. И. Ленин в июле 1900 года приехал за границу. Переговоры с членами группы «Освобождение труда» проходили сложно, в нервной обстановке. Плеханов желал быть непременно руководителем редакции, а не равноправным членом ее. Записывая свои впечатления о решающем дне переговоров, Владимир Ильич не случайно назвал их «Как чуть не потухла „Искра"?».

Редакция «Искры» и «Зари» состояла из шести человек: В. И. Ленин, Г. В. Плеханов, Ю. О. Мартов, В. И. Засулич, П. Б. Аксельрод, А. Н. Потресов. Все редакторы были равноправны. В случае разногласий и равного разделения голосов при голосовании Плеханов, в соответствии с предложением Засулич, наделялся правом двух голосов по вопросам тактики. Однако этим проектом так и не воспользовались, а фактическим редактором «Искры» и «Зари» стал В. И. Ленин, что признавали все члены редакционной коллегии.

Преодолевая неисчислимые полицейские рогатки, трудности в партии, задержки с печатанием газеты и журнала в Германии, удалось в конце концов к исходу 1900 года выпустить в Лейпциге первый номер «Искры».

В революционной летописи России была открыта новая важная страница. Борьба за воссоздание единства, за пролетарскую партию нового типа в 1901 году вступила в решающую фазу. «Искра» сумела преодолеть идейный разброд и организационную раздробленность в российской социал-демократии, сплотить местные партийные комитеты и группы на основе ленинских принципов революционного марксизма, подготовила тактически и организационно созыв общепартийного съезда. Целый исторический период жизни России в начале XX века прошел под победоносным знаменем ленинской «Искры».

Этот период общественной жизни тесно связан с нарастанием революционной волны. С каждым годом происходило все больше рабочих стачек, многие из них породил разразившийся промышленный кризис. По России закрылись 3 тысячи заводов и фабрик, тысячи рабочих оказались на улице. В условиях кризиса усилились процесс концентрации произ-

водства, эксплуатация тружеников. Это, естественно, вело к более активному протесту рабочих. Все большее число забастовок приобретало политический характер. Процент их только с 1901 по 1903 год возрос более чем вдвое. «Вся Россия проснулась! Нет теперь ни одного уголка в нашем обширном отечестве, где бы не раздавался протест против самодержавного произвола», — писали в одной из листовок того бурного времени социал-демократы *.

Под влиянием «Искры» большую роль в революционном подъеме в начале XX века сыграли петербургские рабочие. В столице 2—4 мая 1901 года на Выборгской стороне, а 7 мая на Шлиссельбургском тракте рабочие взялись за булыжники, чтобы с этим «пролетарским оружием» в руках бороться против царизма и капиталистов-хозяев. Это были первые в России открытые сражения рабочих с властями, первый опыт баррикадной борьбы. Знаменитая Обуховская оборона, высоко оцененная В. И. Лениным, опровергла утверждение лидеров II Интернационала и доморощенных оппортунистов о том, что якобы уличная борьба пролетариата осталась в истории, что в новых условиях она невозможна.

Вслед за выступлениями столичного пролетариата, 21—22 марта 1902 года произошли многолюдные рабочие демонстрации в Батуме. Тысячи людей открыто шли под красным знаменем к пересыльной тюрьме, чтобы освободить арестованных товарищей. Полиция и войска открыли огонь по безоружным.

Спустя два месяца подняли красное знамя борьбы с лозунгами «Долой самодержавие! Да здравствует политическая свобода!» рабочие Сормова. Знамя во главе десятитысячной первомайской демонстрации нес Петр Заломов.

В ноябре прошла всеобщая стачка рабочих Ростова-на-Дону под руководством Донского комитета РСДРП. Здесь происходили многотысячные народные собрания и политические демонстрации с призывами к борьбе против самодержавия. «Пролетариат, — писал В. И. Ленин, — впервые противопоставляет себя, как класс, всем остальным классам и царскому правительству» **.

В 1903 году пролетарское движение в России поднимается на новую, более высокую ступень. Под руководством социал-демократии рабочие от местных разрозненных забастовок перешли к скоординированным стачкам во всех промышленных центрах Закавказья и Украины.

Все это были отдаленные раскаты близившейся революционной бури.

В борьбу против помещиков и царских властей активно

---

* Цит. по: История Коммунистической партии Советского Союза, т. 1, с. 357.

** *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 251.

включилось и крестьянство. За пятилетие, с 1900 по 1904 год, в России произошло 670 крестьянских выступлений. Особенно сильными и многочисленными эти вспышки крестьянского гнева были в 1902 году: 320 выступлений. Многие из них были непродолжительными, однако все чаще правительству приходилось направлять войска для подавления крестьянских волнений.

Важно отметить, что именно в эти годы впервые некоторые выступления крестьян произошли под влиянием социал-демократической пропаганды. Сторонники Ленина — искровцы в годы, предшествовавшие первой российской революции, развернули в деревне активную пропагандистскую и агитационную работу. Например, Петербургский комитет РСДРП издал в сентябре 1902 года листовку по поводу выступления Николая II в Курске перед волостными старшинами и сельскими старостами. Столичные искровцы разоблачили попытки царя обмануть крестьян лживыми посулами. К позорному столбу пригвоздил Петербургский комитет РСДРП, как и другие партийные комитеты, организаторов судебной расправы над участниками крестьянских волнений в Харьковской и Полтавской губерниях. Из Новгородской губернии сообщали в «Искру», что прокламации Петербургского комитета разбрасываются по деревням и дорогам, крестьяне иногда выучивали эти листовки наизусть.

Острые формы приняло в начале 900-х годов и студенческое движение. Еще в 1897 году по России прокатились мощные студенческие демонстрации, непосредственно вызванные самосожжением в тюрьме курсистки Марии Ветровой, не выдержавшей издевательств тюремщиков. В феврале — марте 1898 года состоялась первая всероссийская студенческая забастовка. Передовая учащаяся молодежь протестовала против полицейского произвола самодержавия.

С наступлением нового века студенчество перешло к массовым политическим демонстрациям. Теперь движение передового студенчества все больше приобретало не узкий академический, как раньше, а открытый антиправительственный характер. Происходит политическая дифференциация студенчества. Уже студенческая демонстрация 4 марта 1901 года у Казанского собора в Петербурге, безжалостно разогнанная полицией и казаками, наглядно показала, что в одиночку студенчество бороться против самодержавия не в силах, что победы над самодержавием можно добиться только в союзе с пролетариатом, который теперь выступал застрельщиком освободительного движения. В высших учебных заведениях скоро были созданы подпольные социал-демократические группы как часть городских партийных организаций. Студенческое движение не шло уже само по себе, а шагало за пролетарским авангардом.

Одним из признаков вызревания и приближения революции был и подъем национально-освободительной борьбы на

угнетенных царизмом российских окраинах. Еще под влиянием ленинского петербургского «Союза борьбы», а затем и «Искры» в различных национальных районах Российской империи стали создаваться социал-демократические организации. Рабочее движение приобретало здесь все более сознательный и организованный характер, оно цементировало, направляло национально-освободительную борьбу нерусских угнетенных наций и народностей. И эта борьба была составной частью всероссийского освободительного движения. Уже в конце 90-х годов социал-демократические кружки и группы действовали в Казани и Уфе, Харькове и Киеве, Екатеринославе и Херсоне, Одессе и Николаеве, Тифлисе и Батуме, Кутаиси и Баку, Варшаве и Кишиневе, Лодзи и Минске, Гомеле и Белостоке, Вильно и Риге, Пинске и Юрьеве. В начале XX века этот список быстро расширялся.

Против национального гнета царизма выступала и растущая местная буржуазия. Но, по существу, она добивалась лишь монопольного права на эксплуатацию своих народов. Естественно, ее идейным знаменем был буржуазный национализм. Националистические тенденции с особой силой проявлялись в Закавказье и на Украине, в Средней Азии и в Белоруссии. В противовес этому пролетариат России во главе с революционной социал-демократией и В. И. Лениным стоял на позициях подлинного интернационализма.

Именно интернациональным знаменем были осенены колонны демонстрантов — аджарцев, грузин и русских — в марте 1902 года в Батуме. Этой демонстрацией руководила революционная социал-демократическая организация.

Внушительным проявлением интернациональной солидарности рабочего класса явилась всеобщая стачка в Баку в июле 1903 года. Местный комитет РСДРП в листовке от 10 июля писал: «...стачка может иметь успех только при дружном согласии всех национальностей; рабочий русский, армянин или татарин — все братья по труду, у них один общий враг — капиталисты и самодержавное правительство». Во время летней стачки 1903 года на Юге по призыву искровских комитетов Киева и Одессы, Керчи и Екатеринослава плечом к плечу боролись украинцы и русские. Так закладывались основы подлинного братства людей труда разных национальностей Российского государства. Огромную работу по интернациональному воспитанию трудящихся вели революционные социал-демократические организации Украины, Прибалтики, Белоруссии, Закавказья.

Революционный подъем нарастал, но царизм по-прежнему отчаянно цеплялся за старые порядки. Он упрямо не хотел признавать необходимость политических преобразований, по-прежнему запрещал создание политических партий. Тем не менее процессы формирования классов капиталистического общества, приглушенные самодержавием, все-таки шли своим естественным путем. Фактически возникали и по-

литические партии. Однако их классовая основа (за исключением РСДРП) проявлялась вначале в завуалированной форме.

Так, например, в 1901—1902 годах практически завершился процесс складывания мелкобуржуазной партии социалистов-революционеров (эсеров), хотя формально программа и единые организационные принципы этой партии были утверждены лишь в 1905 году. Партия эсеров возникла на базе старых народнических кружков, она предполагала отражать интересы крестьянства, идеализировала его, выдвигала программу социализации земли. Эсеры, как и их предшественники — народники, искали способы спасения от капитализма. Боевая организация эсеров проводила тактику индивидуального террора, убийства царских министров и чиновников. Социалистическая и революционная фразеология эсеров мешала многим крестьянам и даже интеллигентам увидеть ошибочность и вредность эсеровской теории, необоснованность ее претензий на социализм. Революционной социал-демократии пришлось вести с эсерами серьезную борьбу в течение многих лет, тем более что по некоторым вопросам их поддерживали оппортунисты внутри самой РСДРП, в 1901—1903 годах — «экономисты». Первым вскрыл мелкобуржуазную сущность эсеровской партии В. И. Ленин. Одновременно с позиций марксизма он показал несостоятельность «социализма» эсеров.

В преддверии революции зашевелилась и крупная буржуазия, недовольная политикой царизма, стремившегося сохранить помещичье землевладение и все привилегии класса дворян. В период империализма самодержавие пошло на некоторые экономические уступки буржуазии и стало подкармливать ее за счет государственной казны. Однако буржуазия жаждала политических прав, желала устранения архаических пережитков в торгово-промышленном законодательстве. Интересы дворянства и буржуазии во многом переплетались, хотя часто приходили и в столкновение. Эти конфликты носили характер домашней ссоры двух расхитителей народного добра. Российская либеральная буржуазия всегда отличалась политической трусостью, она выступила на общественную арену не в пору подъема капитализма, а на последней его стадии. Буржуазия больше всего боялась политического объединения пролетариата, его самостоятельности, а потому она опасалась, как бы ее открытое противоборство с царизмом не развязало силы грядущей революции. Страх перед пролетариатом надолго парализовал класс капиталистов в России. Российские буржуа чувствовали себя увереннее под сенью двуглавого орла, чем лицом к лицу со своими рабочими.

Однако подъем рабочего движения в начале XX века все же заставил оживиться и либералов. С 1902 года за границей стал выходить журнал «Освобождение», редактируемый

бывшим «легальным марксистом» П. Б. Струве. В 1903 году образовался «Союз освобождения», в него вошли видные деятели земского движения, выступавшие за введение в России конституции, и группа «интеллигентов» — бывшие «экономисты», «легальные марксисты» и другие. Все они, по существу, защищали интересы буржуазии, единодушно отвергали революционные методы борьбы, противопоставляли им легальную тактику обращения к царю с петициями о реформах. Эти маневры либералов тем не менее также свидетельствовали о кризисе царизма как политической системы.

Бурный рост революционного движения в начале 900-х годов отражал быстро нараставший кризис полуфеодального самодержавия. Управлять по-прежнему, с помощью полиции и казаков, царизм уже не мог. По-иному — не умел и не хотел. Однако разногласия и шатания возникли и в самом правительственном лагере. Начались заигрывания высших сановников с земской оппозицией, внутренняя политика царизма становилась все более противоречивой.

Особенно наглядно эта двойственность проявилась в рабочем вопросе. В духе всего предшествовавшего курса правительство еще усиливало репрессии, карательную мощь чиновничье-полицейского аппарата, участились случаи привлечения войск для подавления забастовок и рабочих демонстраций. Вместе с тем один из наиболее дальновидных и хитрых защитников царизма начальник московского охранного отделения полковник Зубатов стал все настойчивее пропагандировать в правительственных сферах провокационный план: он намеревался создать такие рабочие организации, которые бы подорвали изнутри рабочее движение. Зубатов предлагал властям с помощью своих ставленников возглавить наиболее отсталые слои рабочих, разрешить им вести борьбу за мелкие улучшения условий труда, противопоставить эти слои рабочему движению в целом, чтобы не допустить соединения социализма с пролетарской борьбой за свержение самодержавия, за свободу.

Эта коварная политика, объективно совпадавшая с проповедью «экономистов», представляла собою огромную опасность для рабочего движения России. И «экономисты», и охранка стремились лишить рабочий класс верного компаса в борьбе с эксплуататорами, столкнуть пролетарское движение на обочину общественной жизни, вытравить из него революционную душу. Потребовались огромные усилия В. И. Ленина, «Искры» и искровцев, чтобы не допустить массового заражения пролетариата болезнью зубатовщины.

Провокационную затею с фальшивыми рабочими организациями царизм активно дополнял организацией черносотенных погромов, натравливанием одних наций на другие, жестокой политикой насильственной русификации малых народностей, откровенным великодержавным шовинизмом.

Однако в обстановке нараставшего революционного подъ-

ема такими путями справиться с рабочим движением царское правительство уже не могло. И оно разработало некоторые законопроекты, призванные не столько улучшить положение рабочих, сколько создать видимость такого улучшения. Например, трудящиеся раньше никак не обеспечивались в случае болезни, потери трудоспособности, в старости. В 1903 году появился закон «О вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих». Согласно этому закону при потере рабочим части трудоспособности фабрикант должен был оплатить ему половину зарплаты за время лечения, и только, а при полной нетрудоспособности — две трети зарплаты. На что будет существовать калека дальше, правительство не волновало. Одновременно был издан закон о введении фабричных старост. Их предлагалось избирать рабочим, а утверждать имели право фабриканты. Закон носил откровенно полицейский характер, ибо в действительности преследовал цель усиления надзора за рабочими. В. И. Ленин называл этих старост «фабричными дворниками» *. В целом Ленин отмечал: «Такие реформы являются всегда предвестником и преддверием революции» **.

Важнейшую роль в этой приближавшейся революции должна была играть боевая социал-демократическая рабочая партия. Но, как уже говорилось, после I съезда РСДРП в социал-демократическом движении наступила полоса временного господства «экономизма» и в Петербурге положение было особенно тяжелым. Здесь действовали несколько мелких организаций, не связанных между собой, а порою и соперничавших друг с другом. «Экономисты» проповедовали «теорию» отказа пролетариата от политической борьбы, неспособности, неготовности рабочих к этой борьбе. Социал-демократическое подполье разъедалось кустарничеством, местничеством, положение становилось все более запутанным.

Однако уже в начале 1901 года в этой безрадостной картине появился просвет: в столицу поступили заявление редакции «Искры» и экземпляры ее первого номера. Знакомство с ними оказало огромное влияние на марксистские кружки. В феврале В. И. Ленин со страниц «Искры» призвал рабочих выйти на улицы и поддержать политические демонстрации студентов. И петербургские рабочие отозвались на этот призыв. Как уже говорилось, на заводских окраинах Питера разгорелись настоящие сражения рабочих с властями. Фундамент, на котором строили свои лжетеории «экономисты», дал первую трещину. Трудно переоценить значение демонстраций рабочих и студентов в 1901 году, происходивших в Петербурге, Москве, Харькове и других городах — промышленных центрах. Они открывали новую страницу в истории революционного движения. Ленинская «Ис-

---

* *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 7, с. 317.

** Там же, с. 314.

кра», выдвигая важную задачу организации политических демонстраций, видела в них могучее оружие борьбы, сплочения широких трудящихся масс вокруг пролетариата. Такой и была их роль в действительности.

Осенью 1901 года первую чисто искровскую организацию в столице — петербургский отдел «Искры» — создал ее агент, питерский рабочий Виктор Павлович Ногин. Его борьба с оппортунистическим руководством петербургского «Союза борьбы» протекала с переменным успехом вплоть до ареста Ногина в октябре. Однако и он сам, и его последователи сумели привлечь на свою сторону некоторых активных рабочих. А уже весной 1902 года под влиянием быстро развивавшихся событий, агитации ленинской «Искры» происходит крушение тактики «экономистов», вернее их тактической беспринципности. Рабочие Петербурга чутко прислушивались к призывам В. И. Ленина со страниц «Искры», готовились к решительным схваткам с царизмом.

Выдающуюся роль в этом переломе, в революционизации пролетариата сыграла замечательная ленинская книга «Что делать?». В ней Владимир Ильич поставил и глубоко разрешил многие острые вопросы социал-демократического движения: о различных формах классовой борьбы пролетариата (экономической, политической и идеологической) и их тесном переплетении, о значении пролетарской идеологии и ее непримиримости с идеологией буржуазной, о стихийности и сознательности в рабочем движении, о создании единой и боевой социал-демократической партии. Книга В. И. Ленина нанесла сокрушительный удар по «экономизму», пригвоздила к позорному столбу кустарничество и хвостизм, т. е. тактику части социал-демократов, ставившую их не во главе рабочего движения, а позади него, в хвосте. Разоблачая оппортунистов всех мастей, Ленин предлагал переселить их в оппортунистическое болото, не давать им хватать за руки революционных социал-демократов, не позволять мешать им возглавить борьбу пролетариата. Ленинская книга имела огромное мобилизующее значение. Например, секретарь Петербургского искровского комитета В. Н. Шапошникова осенью 1902 года писала в редакцию «Искры», что распространение книги Владимира Ильича среди рабочих приведет к расширению и углублению рабочего движения. «Вообще мне кажется, — подчеркивала Шапошникова, — что это самая первая и самая необходимая потребность». Из интеллигентов же после изучения книги «Что делать?» могут выработаться серьезные партийные работники.

Так ленинское слово помогало разгрому оппортунизма. Правда, победа искровской тактики в рабочем движении еще не означала окончательного поражения «экономизма» как идейного течения. В. И. Ленин считал, что «экономизм» опирается на раздробленность, кустарничество, структурную расплывчатость, отсутствие четких организационных прин-

ципов. Пока была не излечена эта «болезнь роста» молодого социал-демократического движения, не мог быть окончательно изжит и «экономизм».

Вместе с тем нельзя и преуменьшать значения победы ленинской тактической линии в рабочем движении. Летом 1902 года под влиянием В. И. Ленина партийная организация Петербурга официально заявила о своем переходе на искровские позиции. Владимир Ильич оказывал столичным искровцам непосредственную ежедневную помощь. Он сумел наладить с Петербургом прочные связи, вел регулярную переписку. Только летом 1902 года он направил в Петербургский комитет партии на имя Ивана Ивановича Радченко шесть больших писем, представлявших собой развернутые планы работы. Ленин же провел 2 августа 1902 года в Лондоне совещание, в котором участвовали петербургские искровцы П. А. Красиков и В. П. Краснуха. Никакие дальние расстояния и кордоны не могли удержать ленинских идей. Проникая в Россию, они попадали на благодатную почву крепнувшего, освобождавшегося от оппортунистических пут рабочего движения и давали дружные всходы.

Почти одновременно с Петербургским комитетом РСДРП на искровские позиции перешел и Московский комитет, а затем и партийные комитеты ряда других промышленных центров. Вслед за признанием «Искры» и «Зари» руководящими органами произошла организационная перестройка местных партийных организаций в соответствии с планом, развитым В. И. Лениным в его «Письме к товарищу о наших организационных задачах». Большую роль в этой победе сыграла энергичная деятельность Русской организации «Искры», созданной в начале 1902 года и работавшей в тесном контакте с В. И. Лениным и Н. К. Крупской.

Петербург был главным революционным центром России. Работа социал-демократии приобретала здесь все больший размах, становилась с каждым днем разностороннее и глубже. Если в сентябре 1901 года с трудом удалось найти трех настоящих искровцев, чтобы создать петербургский отдел «Искры», то в 1903 году сторонников В. И. Ленина в столице было уже несколько сотен.

Естественно, появилась потребность ввести развернувшуюся работу в определенные рамки, спланировать, распределить по отдельным участкам. Все большее значение приобретало структурное деление организации по территориальному признаку, по районам города. Крепли районные рабочие группы, начало которым было положено В. И. Лениным еще в 1894—1895 годах.

Ленинский план строительства партии нового типа отводил большую роль заводским и фабричным кружкам, доставлявшим подпольную литературу на предприятия, руководившим рабочим движением. Во всей предлагавшейся Владимиром Ильичем структуре партийных организаций после-

довательно проводился принцип централизма, конспирации, распределения функций между специализированными группами. Это был глубоко продуманный и четкий план, скорейшим путем приводивший к воссозданию фактического единства партии, к превращению ее в сплоченную монолитную организацию, способную возглавить борьбу пролетариата и всего трудового народа за свержение царизма, повести массы к социалистической революции.

Жить и бороться петербургским искровцам приходилось в очень сложной обстановке. Власти постоянно обрушивали на них самые жестокие репрессии, внедряли в подполье своих агентов-провокаторов.

Искровцам надо было прежде всего убедить массы рабочих в своей правоте, повести их за собой. А на этом пути стояло немало преград. Самодержавие и его верный союзник — православная церковь — старательно внедряли реакционные взгляды в рабочую среду, всячески запугивали пролетариев, насаждали мракобесие, невежество, пьянство, проповедовали покорность судьбе и властям. Пытались привлечь на свою сторону рабочих Петербурга и либералы, и эсеры.

Самую тяжелую борьбу пришлось выдержать искровцам с пережитками «экономизма» в подполье. Осенью 1902 года двое руководителей петербургского «Союза борьбы» — А. С. Токарев и М. А. Полубояринова, недовольные летним решением о переходе на искровские позиции, открыто выступили против него. Прикрываясь именем одной из прежних социал-демократических групп — «Комитета рабочей организации», — они сгруппировали вокруг себя всех, кто по-прежнему тяготел к «экономизму», не хотел подчиняться партийной дисциплине и централизму. В течение полугода шла ожесточенная борьба ленинцев со сторонниками Токарева, в насмешку прозванного «Вышибалой» за то, что он грозился «вышибить» искровцев из «Союза борьбы».

В начале этой борьбы искровская молодежь Петербурга, оставшись после ареста И. И. Радченко, В. Н. Шапошниковой, В. П. Краснухи и других без твердого руководства, пыталась «уберечь» рабочих-кружковцев от участия в полемике социал-демократической интеллигенции. Это была ошибочная тактика, давшая возможность вышибаловцам окрепнуть. В. И. Ленин предложил действовать по-иному: рассказать рабочим всю правду и опереться на них в борьбе с пережитками «экономизма». Этот ленинский совет помог искровцам Петербурга разоблачить группировку Токарева и полуэкономистскую «группу литераторов» М. Я. Лукомского. К весне 1903 года «экономизм» в Петербурге, несмотря на яростное сопротивление его лидеров, все больше терял своих сторонников.

Искровский Петербургский комитет РСДРП нового состава во главе с И. В. Бабушкиным, М. М. Эссен, Е. Д. Ста-

совой теперь представлял собой серьезную силу. Он сплотил на ленинских позициях несколько сот социал-демократов столицы, наладил сеть заводских кружков и районных групп, выпускал массовыми тиражами десятки листовок.

...В 1902—1903 годах развернулась деятельная подготовка ко II съезду РСДРП. Известно, что В. И. Ленин и возглавляемое им революционное крыло социал-демократии придавали подготовке к съезду большое значение. Они учитывали уроки I съезда. С 1900-го до первой половины 1902 года Владимир Ильич, как уже отмечалось, не раз выступал против скоропалительного созыва неподготовленного партийного съезда. Он считал, что II съезд будет в большой мере учредительным, к нему необходимо выработать проект Программы РСДРП, что и сделала после острейших споров редакция «Искры». Проект должны были обсудить все социал-демократы и сделать окончательный выбор между революционным марксизмом и оппортунизмом. Опираясь на утвердившиеся нормы партийной жизни и практику деятельности социал-демократических комитетов, следовало разработать и Устав партии, который закрепил бы все основные положения и организационную структуру.

В 1902 году для окончательного преодоления раздробленности партийных рядов, кустарничества, разобщенности, для созыва II съезда партии был создан Организационный комитет. Порядок его образования, состав участников, распределение обязанностей — все это было предметом острейшей борьбы в партии. Не дремала и охранка. Наиболее тяжелый удар она нанесла 4 ноября 1902 года, арестовав и отправив за решетку большинство членов Организационного комитета. Однако этот и другие удары по крепнувшей партии могли только затормозить, но не остановить дело ее собирания, подготовку ко II съезду РСДРП.

Состав Организационного комитета был обновлен. В Петербурге деятельную подготовку к съезду возглавил И. В. Бабушкин. После его ареста в начале 1903 года связи с Организационным комитетом поддерживали А. П. Доливо-Добровольский, М. М. Эссен, Е. Д. Стасова.

В это время в петербургском подполье вновь развернулась ожесточенная полемика, на сей раз по поводу двух делегатских мандатов на съезд. О своем монопольном праве представлять столичных социал-демократов на съезде заявили оппортунистические группы. Однако Организационный комитет один мандат отдал Петербургскому искровскому комитету. Об этих раздорах говорится в ряде публикуемых здесь воспоминаний. В целом вопрос представительства петербургской организации на II съезде РСДРП изложен в примечаниях к мемуарам Стасовой и Шотмана.

Съезд партии был делом чрезвычайно серьезным. К нему, по мысли В. И. Ленина, местные партийные комитеты должны были подготовить специальные доклады по истории со-

циал-демократического движения своего региона и отчеты о состоянии дел в настоящий момент. Сделать это в горячке подпольных будней было вовсе не легко, и поэтому Владимир Ильич разработал в помощь комитетчикам специальный вопросник о докладах комитетов и групп РСДРП общепартийному съезду. Это замечательная работа. Если бы ПК РСДРП сумел подготовить обстоятельные ответы по ленинскому вопроснику, то они бы стали первым систематическим очерком истории петербургской социал-демократии. Но сил было мало, они были заняты не только неотложными делами подполья, но и отвлекались на борьбу с оппортунистами, и поэтому отъезжающему за границу делегату Шотману была вручена только небольшая часть этого отчета.

Выбор в конечном итоге делегатом на II съезд РСДРП от Петербургского комитета потомственного питерского рабочего, руководителя социал-демократов крупнейшего пролетарского — Выборгского — района столицы Александра Васильевича Шотмана был очень удачен. Это был умный, опытный, талантливый революционер-практик. Конечно, участие в работе съезда, ложившаяся на каждого делегата ответственность при голосованиях по кардинальным не только практическим, но и теоретическим вопросам требовали и от Шотмана серьезной предварительной подготовки. И Александр Васильевич добросовестно проделал эту работу. Позднее он вспоминал о ней с чувством глубокой благодарности руководителям партии, особенно В. И. Ленину, не пожалевшим труда для помощи будущим делегатам в теоретическом отношении.

Огромно всемирно-историческое значение II съезда РСДРП. На съезде революционные марксисты во главе с В. И. Лениным дали генеральное сражение оппортунистам всех мастей. Они сумели добиться принятия искровского проекта Программы партии — подлинного манифеста революционной социал-демократии начала XX века.

В острой полемике по поводу положений Устава объединенными усилиями всех оппортунистов Мартову удалось протащить свою формулировку первого параграфа — о членстве в партии. Она необоснованно широко толковала принадлежность к партии, как неверная впоследствии была отвергнута III и IV съездами РСДРП в 1905 и 1906 годах. А на II съезде при дальнейшем обсуждении Устава в конце концов восторжествовали тоже сторонники В. И. Ленина, рассматривавшие партию как боевой, централизованный и дисциплинированный союз революционеров-единомышленников.

Тактические резолюции, принятые съездом, нацеливали пролетариат на активную борьбу с царизмом. Главную роль в близившейся демократической революции они отводили именно рабочему классу.

Таким образом, на II съезде РСДРП было покончено с прежним кустарничеством и разобщенностью в партийных ря-

дах, съезд «завершил процесс объединения революционных марксистских организаций России на идейных, политических и организационных принципах, разработанных Владимиром Ильичем Лениным» *.

В результате выборов в центральные учреждения партии большинство мест получили сторонники В. И. Ленина, и это было отражением реального соотношения сил в российской социал-демократии. Оценивая этот знаменательный факт, Владимир Ильич писал: «Большевизм существует, как течение политической мысли и как политическая партия, с 1903 года» **.

II съезд РСДРП стал важной вехой в непримиримой борьбе революционных марксистов с международным ревизионизмом. Выход большевизма на международную арену заложил основы разрыва коммунистов всего мира с оппортунизмом.

Итоги II съезда РСДРП открывали оптимистическую перспективу развития революционного движения в России. Однако претворение решений съезда в жизнь проходило в чрезвычайно трудных условиях. Жестокие репрессии царских властей, а затем и раскольническая деятельность меньшевиков не позволили в полной мере реализовать возможности, которые давала победа ленинской линии на общепартийном съезде.

...Возвратившись в конце августа 1903 года из Лондона в Петербург, Александр Васильевич Шотман увидел малорадостную картину. В городе шли аресты. Для начала пришлось ограничиться беседой с секретарем Петербургского комитета Е. Д. Стасовой. Она целиком одобрила поведение А. В. Шотмана на съезде, заявила, что ПК в возникших спорах с меньшевиками займет большевистскую позицию. Затем Шотман встретился с несколькими членами Петербургского комитета, его активистами. Именно они вскоре провели собрание представителей фабричных и заводских кружков в Удельнинском парке, рассказали о съезде и его решениях.

Вскоре большинство рабочих кружков столицы заявило о поддержке большевиков. В соответствии с решениями II съезда была проведена некоторая организационная перестройка. Из группы студентов, сочувствовавших идеям В. И. Ленина и «Искры», но прежде формально беспартийных, была создана общегородская студенческая организация на правах районной группы при Петербургском комитете. Но в целом осень 1903 года и весь 1904 год были очень трудным временем в жизни и борьбе петербургских социал-демократов. Продолжались аресты, ослаблявшие силы организации. Не мень-

---

* О 80-летии Второго съезда РСДРП. Постановление Центрального Комитета КПСС от 31 марта 1983 г. — Правда, 1983, 5 апреля.

** *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 6.

ший ущерб наносила и дезорганизаторская работа оппортунистов, называвшихся теперь меньшевиками и соединившихся с «экономистами» в антиленинизме.

Обстановка в партии накалялась. 31 октября 1903 года Г. В. Плеханов, избранный II съездом по большевистскому предложению в Совет партии и редакцию Центрального органа — «Искры», шедший на съезде вместе с Лениным, внезапно повернул фронт, заявил: во что бы то ни стало надо помириться с меньшевиками *. Эта измена поставила большевиков в трудное положение. С № 52 в руки меньшевиков попала «Искра». Ленин был вынужден выйти из редакции с тем, чтобы войти в Центральный Комитет и укрепить там большевистские позиции. Но вскоре и Центральный Комитет, пополненный примиренцами, изменил решениям II съезда партии.

Вместе с тем большинство партийных комитетов в России, и прежде всего Петербургский, продолжали твердо поддерживать В. И. Ленина. Центральные учреждения партии, выступавшие в конце 1903-го и в 1904 году на стороне меньшевиков, были раздражены большевистской позицией ПК РСДРП. Они слали в столицу одного представителя за другим, уговаривали отказаться от ленинских принципов централизма, дисциплины и сплоченности партии. Когда добиться этого не удалось, меньшевики дошли до того, что стали разваливать партийную работу в районах, пытались прекратить деятельность большевистских комитетов на фабриках и заводах, чтобы не допустить расширения влияния сторонников Ленина на рабочие массы.

Фракционная, раскольническая деятельность меньшевиков, ослабление фронта борьбы, отсутствие единой тактики по отношению к «полицейскому социализму» — зубатовщине — все это позволило царскому правительству усилить натиск на пролетариат столицы. Это в свою очередь привело к тому, что связанный с охранкой поп Гапон, организатор легальных «Собраний русских фабрично-заводских рабочих», стал быстро расширять свое влияние среди отсталых слоев петербургского пролетариата.

Большевики вели активную борьбу с гапоновщиной, в том числе и используя созданные Гапоном организации для разоблачения реакционной политики царизма, для революционного воспитания масс.

---

* На II съезде РСДРП для идейного руководства партии была избрана редакция Центрального органа — «Искры», для практического руководства — Центральный Комитет. Для объединения их деятельности, представительства в международных организациях и созыва съездов был образован Совет партии — ее высшее между съездами учреждение. Вначале Совет проводил правильную линию, но вскоре после измены Плеханова стал орудием дезорганизации и выступал против воли российских комитетов, безуспешно пытался не допустить созыва III съезда РСДРП.

Таким образом, сторонники В. И. Ленина в Петербурге были вынуждены бороться на нескольких фронтах одновременно. Причем коварство раскольников из собственного, социал-демократического стана порой несло бо́льшие опасности, чем открытые репрессии властей. Уверовав, что кампания по избранию земств открывает путь к спасению России, меньшевики ополчились на революционную тактику большевиков, предусматривавшую на данном этапе организацию массовых политических демонстраций.

Шла бесславная русско-японская война. Российское самодержавие, проводившее авантюристическую политику на Востоке, вовсе не стремилось избежать этой войны, напротив — оно рассчитывало легкой военной победой поднять свой престиж, укрепить внутреннее положение в стране, то есть противопоставить надвигавшемуся валу революции волну милитаризма и шовинизма. Однако эти замыслы принесли обратный результат. Царизм, очертя голову бросившись в военную авантюру на далеком тихоокеанском побережье, терпел одно поражение за другим. Бездарные генералы и адмиралы стяжали печальную славу могильщиков русской армии и флота. Народные массы действительно всколыхнулись, но это была волна широких антиправительственных настроений, и она, несомненно, сыграла свою роль в дальнейшей революционизации масс, прежде всего пролетариата.

Учитывая это, большевики и выдвигали тактику организации политических демонстраций протеста против войны с Японией, против милитаризма российского самодержавия вообще. Большевики призывали рабочих столицы в один из ноябрьских дней 1904 года организованно выйти на улицы. Вот тут-то и проявилось низкое коварство меньшевиков. Будучи не в силах демагогическими протестами против открытых выступлений погасить антивоенные настроения народа, они обманным путем сожгли тысячи листовок Петербургского комитета РСДРП с призывом к ноябрьской политической демонстрации.

В. И. Ленин подверг меньшевиков резкой критике. Он охарактеризовал их тактику как соглашательство с буржуазией, призвал пролетариат решительно выступать против царизма, а не плестись в хвосте у либералов, сплачивать вокруг рабочего класса трудящиеся массы и готовиться к восстанию для революционного низвержения самодержавия.

Да, трудное, но вовсе не безнадежное положение сложилось к исходу 1904 года в Петербурге. Источником надежд и силы большевиков было расширявшееся и углублявшееся рабочее движение. Множились признаки приближения революции. И теперь уже никому не дано было свернуть рабочий класс с революционного пути. Хотя власти маневрировали, старались обмануть рабочих разговорами о либерализации, но сдержать революционную волну были не в силах.

ПК РСДРП помогал рабочим разобраться в существе происходящих событий, регулярно выпускал большевистские листки.

Петербург оказался на острие классовой борьбы. Именно здесь вот-вот могли завязаться авангардные бои трудящихся масс с правительством. В. И. Ленин, находившийся в Швейцарии, хорошо это понимал и считал неотложной задачей в сложившихся обстоятельствах укрепление и сплочение подлинно революционных сил пролетариата, и прежде всего его большевистского авангарда. Он написал гневную статью «Пора кончить» по поводу дезорганизаторских маневров столичных меньшевиков. 28 декабря 1904 года Владимир Ильич направил в Петербург представителю большевистского бюро комитетов большинства письмо, в котором настаивал на решительном и полном разрыве с меньшевистскими центрами, просил организовать действенную помощь большевикам.

Из Женевы в Петербург для укрепления ПК РСДРП был направлен активный большевик, известный партийный работник С. И. Гусев. Перед отъездом Владимир Ильич долго беседовал со своим соратником, просил детально информировать его о положении дел в Петербургской организации. И Гусев выполнил этот наказ. Опираясь и на его письма, Владимир Ильич написал важную статью «Петербургская стачка», посвященную событиям в столице и назреванию революции.

Эта статья В. И. Ленина была опубликована в большевистской газете «Вперед» 8 января 1905 года. В ней он пророчески писал: «Пролетариат показывает нам действительно высокие формы мобилизации революционных классовых сил... И эта новая и высшая мобилизация революционных сил пролетариата семимильными шагами приближает нас к еще более решительному, еще более сознательному выступлению его на бой с самодержавием!» *

На следующий день событиями Кровавого воскресенья в Петербурге началась первая российская революция.

...В относительно небольшом вводном очерке не представляется возможным всесторонне раскрыть и проанализировать все проблемы общественного развития России за десятилетний период на рубеже XIX и XX веков, систематически изложить историю революционного социал-демократического движения того времени, хотя бы и в той ее части, которая непосредственно связана с Петербургом. Читатель должен учитывать, что такая цель и не преследовалась.

Мы постарались лишь в сжатом виде показать те экономические, политические и идейные предпосылки, которые за-

---

* *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 177.

кономерно привели в середине 90-х годов прошлого века к вступлению российского освободительного революционного движения в третий, качественно новый и решающий пролетарский период.

Мы хотели еще раз подчеркнуть выдающуюся роль Владимира Ильича Ленина, с именем, с титанической деятельностью которого неразрывно связан и пролетарский пролог революционного движения, и его дальнейшее сложное развитие до высшей революционной фазы.

Советская историография по темам и проблемам, лишь конспективно очерченным нами, широка и разнообразна. Много внимания советская историческая наука уделила исследованию истории рабочего движения. Ученые сумели выявить различные его формы и тесную связь с развитием социал-демократии. Середина 90-х годов была началом внесения научного социализма в стихийное российское рабочее движение. Эта связь между революционным марксизмом и борьбой пролетариата за улучшение своей жизни, за свои права, за изменение политического уклада в стране, за свержение самодержавия всесторонне и глубоко исследована. Советские историки нескольких поколений внимательно изучали и изучают историю петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Им удалось во всем объеме раскрыть роль Владимира Ильича Ленина как создателя этой наиболее сильной и теоретически оснащенной революционной организации 90-х годов, оценить исторические заслуги «Союза борьбы» как зачатка пролетарской партии нового типа. Сопоставив и проанализировав различные группы документов и воспоминания участников революционного движения, историки создали подлинную и емкую летопись «Союза борьбы».

Вот уже многие десятилетия внимание исследователей приковано и к изучению искровского периода, когда по оригинальному плану В. И. Ленина произошло сплочение социал-демократов, было подготовлено образование партии нового типа — большевистской. Историки осветили роль «Искры» в руководстве пролетариатом, ее значение в сплочении передовой части крестьянства и интеллигенции, участников национально-освободительного движения вокруг гегемона революции — рабочего класса. Широко показана политическая роль «Искры» в первые годы XX века, во время нарастания революционного шквала. В последние полтора десятилетия историки все глубже исследуют влияние «Искры» на развитие рабочего движения, на процесс возникновения партийных организаций и их борьбы с оппортунизмом буквально во всех регионах России.

Советские специалисты аргументированно доказали, что создание РСДРП было закономерно обусловлено расширением и углублением рабочего движения, что необходимость единства партии, последовательная борьба революционных

марксистов с оппортунизмом являются не случайными факторами, а выражением объективных пролетарских тенденций. В то же время историки показали, что зарождение и развитие «легального марксизма», «экономизма», меньшевизма — неизбежные спутники рабочего движения на определенной его стадии. Однако советские исследователи делают основной упор не на изучение истории оппортунистических течений, чем с незавидным постоянством занимаются буржуазные специалисты и фальсификаторы истории, а на анализ закономерности единства рабочего движения России. Их силы сосредоточены на изучении истории революционного крыла РСДРП во главе с В. И. Лениным. Именно процессу рождения и восхождения большевизма, различным его сторонам посвящены сотни исторических исследований наших специалистов.

Все успешнее ведется изучение жизни и деятельности не только выдающихся руководителей социал-демократии, но и рядовых участников революционной борьбы. И чем больше появляется таких исследований, чем глубже их содержание и шире круг привлекаемых документов, тем более отчетливо выявляется изначально пролетарский характер нашей партии. Советские историки, как уже отмечалось выше, убедительно доказали, что и непосредственно после образования, и в дальнейшем большинство в партии составляли не интеллигенты, как утверждали меньшевики и вслед за ними повторяют сегодняшние буржуазные фальсификаторы истории КПСС, а рабочие-революционеры.

Успехи советских историков в освещении периода пролетарского пролога очевидны и широко признаны. Разысканы, исследованы, опубликованы и прокомментированы многие неизвестные ранее воспоминания участников революционного движения. Вводятся в научный оборот целые тома подлинных исторических документов. Одно из наиболее значительных достижений последнего времени — публикация переписки «Искры», заграничных большевистских центров, В. И. Ленина с социал-демократическими организациями в России. Шесть фундаментальных томов этой переписки, подготовленных Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и государственными архивами, — это бесценное богатство, позволившее поставить и исследовать десятки новых тем, глубже раскрыть историческую роль В. И. Ленина и «Искры» в развитии революционного движения.

Вышесказанное, однако, не означает, что советскими исследователями первого десятилетия пролетарского периода революционного движения все уже изучено и все проблемы решены. До сих пор недостаточно исследовано влияние революционной борьбы петербургского пролетариата в те годы на рабочее движение по всей России. Пока не проанализированы формы социал-демократических организаций и их структура в ряде революционных центров. А между тем ме-

муары, в том числе и публикуемые в данном сборнике, дают для этого необходимый исходный материал.

Сегодня в известной мере отстает изучение революционной истории периода с 1896 по 1900 год. Советским историкам еще предстоит немало сделать для исследования обстоятельств столь важного события, каким явилось образование Петербургского комитета РСДРП летом 1902 года.

Раскрывая общие закономерности революционной борьбы, говоря об отдельных событиях пролетарского пролога во вводном очерке, мы не раз ссылались на публикуемые в этой книге мемуары. Теперь необходимо охарактеризовать их несколько подробнее.

В центре воспоминаний активных участников революционного движения — гигантская фигура Владимира Ильича Ленина. Естественно, что включить в сборник все мемуары, характеризующие его многогранную деятельность, невозможно. Пришлось ограничиться наиболее яркими, показывающими значение титанической деятельности В. И. Ленина для России в целом. Роль Ленина в борьбе с либеральным народничеством, «легальным марксизмом», с зарождавшимися оппортунистическими течениями раскрывается в воспоминаниях Н. К. Крупской, А. И. Ульяновой-Елизаровой, М. А. Сильвина, Ф. В. Ленгника и других мемуаристов. Своеобразны и важны воспоминания рабочих — учеников В. И. Ленина: В. А. Шелгунова, И. В. Бабушкина, В. А. Князева и других; это драгоценные страницы, повествующие о работе Владимира Ильича непосредственно в пролетарской среде, о том, как он воспитывал рабочих-вожаков, как создавал революционную организацию.

Со страниц мемуаров родных Владимира Ильича, его друзей и соратников встает живой и яркий образ молодого Ленина — необычайно простого и доступного человека, величайшего мыслителя и революционного практика современности. И мы еще лучше понимаем природу его простоты и величия.

Мемуаристы рисуют нам и портреты замечательных соратников В. И. Ленина. Глеб Максимилианович Кржижановский — поэт, мечтатель, выдающийся деятель партии, впоследствии виднейший инженер, академик. Иван Васильевич Бабушкин — питерский рабочий, ставший крупным работником партии, любимый ученик Ленина, бесстрашный народный герой, гордость большевистской партии. Анатолий Александрович Ванеев — бескомпромиссный борец с оппортунизмом, деятельный строитель партии, отдавший всю свою короткую жизнь делу освобождения рабочих. Всех соратников Ленина не перечислишь... Внешне они были разными, обладали разными характерами, темпераментами, что и отражено в печатаемых воспоминаниях. Но все они являли собой образцы высоких моральных свойств, беззаветной преданности делу революции, самопожертвования, повседневного героизма.

И еще — они были людьми чрезвычайно скромными. Многие из них, буквально с первых шагов сознательной жизни став революционерами, впоследствии опасались преувеличить свою роль в истории социал-демократии. Именно поэтому А. И. Ульянова-Елизарова, Н. К. Крупская, некоторые другие указывали в документах, что являются членами партии со времени I съезда РСДРП, хотя в действительности пришли в социал-демократическое движение значительно раньше.

В публикуемых мемуарах зримо обрисованы условия жизни, труда и быта различных слоев российского общества. Мы остро ощущаем бессовестную эксплуатацию рабочих капиталистами, полное политическое бесправие людей труда. Разумеется, наиболее ярко картины жизни и быта рабочих написаны теми, кто сам трудился на фабриках и заводах. Мемуаристы ведут нас и в огромные грохочущие цеха Путиловского, Обуховского гигантов, и в удушливые темные мастерские текстильной фабрики на острове Резвом...

Внешне многие мемуары однотипны: сначала описание условий труда, бедствий и бесправия, а затем рассказ о том, как автор впервые столкнулся с революционерами, сам стал принимать участие в рабочем движении. Но эта однотипность несет в себе глубокий исторический смысл: ведь именно так российский пролетариат, как и пролетариат всего мира, проходил путь от зарождения классовой борьбы к ее высшим ступеням. Переход от стихийного рабочего движения к организованной борьбе под руководством социал-демократии, соединение научного социализма с рабочим движением и составляют крупнейшую историческую заслугу организации революционных социал-демократов во главе с В. И. Лениным.

Внимательный читатель, конечно, заметит, что мемуары рабочих — членов «Союза борьбы» в 90-х годах и членов социал-демократических организаций начала нашего века рознятся по содержанию, и те и другие несут отпечаток своего времени. В самом начале пути трудности были большими, дорога была менее ясной, а поиски мучительней.

Изменение характера революционного движения пролетариата, ставшего в начале XX века массовым, появившееся в революционном подполье «разделение труда» между функциональными группами естественно нашло отражение и в характере мемуаров. Многие воспоминания об этом времени написаны не интеллигентами и не рабочими-руководителями, а, так сказать, «рядовыми революции». Они научились читать и писать в зрелом возрасте в воскресных школах или социал-демократических кружках, продолжали свои «университеты» в тюрьмах и на каторге, они не стали блестящими стилистами, но они были талантливыми революционерами и тесно связывали партию с массами. Как правило, их воспоминания конкретны, посвящены тому небольшому участку работы, который им поручила революционная организация, со-

держание их на первый взгляд может показаться будничным, но эта повседневная кропотливая работа в массах и составляла основу целенаправленной революционной деятельности партии.

Как говорилось выше, в 1898 году наступил период временного господства «экономизма» в рабочем движении России. Об этом тяжелом времени повествуется, в частности, в мемуарах М. И. Калинина, С. Г. Струмилина и других участников революционного подполья Питера. С 1901 года начался победный путь ленинской «Искры». Он получил отражение в публикуемых воспоминаниях С. Г. Струмилина, Е. Д. Стасовой. Важно подчеркнуть, что искровцы прежде всего выиграли борьбу именно в рабочих социал-демократических кружках Петербурга. Об этом воспоминания членов таких кружков: А. П. Тайми, А. В. Шотмана и других. Знакомясь с ними, читатель должен иметь в виду, что их авторы, пройдя большой путь в рядах большевистской партии, невольно несколько «выпрямляют» его начало, сглаживают реально существовавшие трудности, скажем, показывают победу «Искры» более простой и быстрой, чем она была в действительности, или полагают, что с «экономизмом» в Петербурге сравнительно легко было покончено в 1902 году, хотя борьба тогда еще далеко не завершилась. Такие неточности в воспоминаниях отмечены и разъяснены в примечаниях.

Подобные огрехи мемуаров, написанных уже в советское время, вполне объяснимы. Десятилетия многое стерли в памяти их авторов, в том числе некоторые конкретные события и факты. Так, в мемуарах, к сожалению, нет сведений об образовании ПК РСДРП. А сейчас историками твердо установлено, что ленинско-искровский Петербургский комитет был организован в период с 12 июня по 29 июля 1902 года на совещаниях (по крайней мере четырех) представителей «Искры» с руководителями петербургского «Союза борьбы», ставшими на искровские позиции. Удалось найти жандармские «прослеживки», т. е. донесения шпионов (филеров) об этих совещаниях, расшифровать клички, данные их участникам агентами охранки. Речь в этих донесениях шла о И. И. Радченко, П. А. Красикове, В. П. Краснухе, П. Н. Лепешинском, Н. Н. Штремере, Е. Д. Стасовой, Л. М. Книпович, В. Ф. Кожевниковой, И. Г. Леман.

Указанные и другие недостатки ряда публикуемых в сборнике мемуаров ни в коей мере не умаляют их главного достоинства — перед нами искренние и правдивые свидетельства непосредственных участников героической борьбы российского пролетариата на заре социал-демократии, осветившей рабочему классу путь к победоносной социалистической революции. И вполне понятно, что особое внимание читателей наверняка привлекут яркие страницы воспоминаний А. В. Шотмана и В. И. Пернафорта об Обуховской обороне,

предвестнике грядущих наступательных боев пролетариата с властью угнетателей трудового народа.

В мемуарах содержится много интересных сведений о технике большевистского подполья: о тайных типографиях, складах, экспедициях, доставке литературы, шифрованной переписке и т. д. Об этом увлекательно повествуют Е. Д. Стасова, М. М. Эссен и Н. Е. Буренин.

Немалое место в мемуарах занимает тема подготовки в Петербурге ко II съезду РСДРП. Об этом пишут Е. Д. Стасова, А. В. Шотман, М. М. Эссен. Однако такое важное дело, как обсуждение Программы партии, выработанной редакцией «Искры» — «Зари», в воспоминаниях, к сожалению, не освещается. Читателю, интересующемуся этим вопросом, следует обратиться к 2-му и 3-му томам «Переписки В. И. Ленина и редакции газеты «Искра» с социал-демократическими организациями в России» (М., 1969, 1970).

Разумеется, главная, так сказать, сквозная тема всех собранных в книге мемуаров — непосредственная революционная работа, но общий «фон» этой темы широк и сочен. Скажем, со страниц воспоминаний С. Г. Струмилина, Е. Д. Стасовой, Н. Е. Буренина перед нами встают яркие картины жизни, исканий, творчества передовой российской интеллигенции. Здесь рассказывается и о крупнейших деятелях демократической культуры: А. М. Горьком, В. В. и Д. В. Стасовых и других. Речь идет и об ученых, имена которых составляют славу отечественной науки: А. Н. Бекетове, А. С. Фаминцыне, М. А. Шателене. И эти страницы не случайны: нравственный облик передовой российской интеллигенции, ее подвижническая просветительская деятельность служили для рабочих-вожаков образцами человеческих отношений, понимания своего долга перед народом. Интеллигенты помогали рабочим-революционерам овладеть высотами знаний, познать теорию научного социализма, приобрести навыки организационной работы, и таким образом не только всемерно способствовали подготовке революционного преобразования мира, но и закладывали основы новых, подлинно братских отношений между людьми, соратниками в великом деле борьбы за счастье трудового народа.

Многие, часто совершенно неожиданные темы проходят через мемуары: это и методика преподавания в вечерних школах, и первые шаги клубного дела в России, и развитие музыкального просвещения рабочих...

И наконец, есть тема, которой отдают дань все авторы публикуемых воспоминаний, — это тема города на Неве, прекрасного творения творческого гения и мастерства нашего народа, города трех революций, с гордостью и по праву носящего ныне имя великого Ленина.

Е. Р. Ольховский

Г. М. Кржижановский

ВЕЛИКИЙ ЛЕНИН

ЛЕНИН ЮНЫХ ЛЕТ

Теперь, находясь в том возрасте (мне недавно исполнилось 83 года), когда естественно подводишь итоги всей жизни, я с особой ясностью вижу, что мои встречи с Владимиром Ильичем, мои беседы с ним, возможность внимать ему — все это и были особенно значительные события в моей жизни, события радостные, ведущие. Здесь мне хочется перелистать страницы жизни, которые связаны с первыми встречами и первым общением с молодым Лениным.

Эти встречи, эти впечатления относятся как раз к началу 90-х годов, в которые, по словам Ленина, завершался полувековой путь исканий революционной России.

То юное поколение, к которому мы принадлежали, чтило своих просветителей. Имена Герцена, Чернышевского, Белинского, Добролюбова и Писарева, имена наших классиков — писателей и поэтов, имена великих ученых мира были для нас священными именами. Особо священными именами для нас были имена наших мучеников, героев революционной мысли и дела. Мы тщательно изучали все то, что могли достать из нелегальной революционной литературы.

Знакомство с учением и делом жизни К. Маркса еще до приезда к нам Владимира Ильича было великим поворотным моментом в нашей жизни. Как нельзя более благоприятно толкали нас в том же направлении и первые наши встречи с передовыми людьми революционного петербургского пролетариата.

Уже в 1891 году я был деятельным участником студенческого подполья тех времен, яростным читателем нелегальных студенческих библиотек, неистовым почитателем Маркса и робким пропагандистом среди небольшого круга петербургских рабочих. Наш тогдашний революционный центр был очень малочислен, он состоял по преимуществу из студентов Технологического института, считавших себя, при всей своей малой опытности, и зрелыми революционерами и уже весьма недурными конспираторами [1]. Но уже первые встречи с юным Владимиром Ильичем Ульяновым показали нам совершенно явственно наш подлинный масштаб и в революционной и в духовной зрелости...

В лице 23-летнего Владимира Ильича мы имели перед собой учителя и законченного мастера, тогда как мы в своих духовных исканиях были лишь учениками и подмастерьями.

Стоило юному Владимиру Ильичу появиться в 1893 году среди нашей студенческой — передовой по тогдашнему времени — петербургской молодежи, как он немедленно занял доминирующее положение.

Мы, конечно, знали, что он родной брат Александра Ильича Ульянова, героически державшегося на последнем крупном народовольческом процессе и казненного в Шлиссельбурге. Но не это одно так сильно выделяло его среди нас. И внешность этого молодого человека на первый взгляд еще не являла чего-то такого, что прямо свидетельствовало бы о его грядущих необычных судьбах. Только всмотревшись, мы начинали чувствовать, что и во внешности в этом некрупном по росту, но хорошо сложенном юноше, от которого веяло какой-то особо опрятной подтянутостью, было нечто совсем незаурядное. Высокий обнаженный лоб с импозантно выступающей надбровной площадкой (она так бросается в глаза на лучших портретах Ленина), блещущие необычным потенциалом мысли и жизни яркие темно-карие глаза, юношеский свежий румянец щек, даже эта слегка грассирующая речь — все это при ближайшем знакомстве с интеллектом этого юноши становилось таким неповторимо дорогим и милым.

Нам неоднократно приходилось наблюдать, что в каком бы окружении ни находился наш новый знакомец, как только он начинал выступать, он немедленно приковывал к себе неослабное общее внимание. И для этого ему не приходилось делать никаких усилий над

собой, никакого волевого напряжения: ему нужно было только оставаться самим собой.

Первый дебют юного Ленина в нашем кружке совпал с его выступлением по поводу реферата одного из членов кружка, пытавшегося со своей точки зрения опровергнуть доказательства эпигонов народничества относительно невозможности для отсталой России найти незанятый рынок для поддержки своего капиталистического развития [2]. Рукопись этого выступления Владимира Ильича долгое время считалась затерянной, но, к счастью, она была найдена и впервые опубликована в 1937 году под заглавием: «По поводу так называемого вопроса о рынках» [3].

Когда в наши дни перечитываешь чудесные строки этого трактата, в памяти с особой яркостью встает вся картина тех далеких дней нашей юности, наших исканий... У большинства из нас был так ничтожен свой собственный жизненный опыт, вынесенный оттуда, из провинциальной глуши России скудных 80-х годов. Юный ум и юное сердце страстно желают большого и великого, а кругом такое бездорожье, и вся наша мудрость берется в основном и главном из книг. И вот такой же юноша, пришелец из той же глухой провинции, властно говорит нам:

«„Вопрос о рынках" необходимо свести из сферы бесплодных спекуляций о «возможном» и «должном» на почву действительности, на почву изучения и *объяснения* того, как складываются русские хозяйственные порядки и почему они складываются именно так, а не иначе».

Читатель теперь сам может проследить по этой брошюре, как превосходно оперировал юный Владимир Ильич сложными схемами производства и обращения с учетом различных подразделений капитала, развитыми во втором томе «Капитала» Маркса, иллюстрируя суть классических выводов К. Маркса четким материалом нашей российской действительности. В тех сложных статистических таблицах, которые автор составлял для выявления действительных движущих моментов наших хозяйственных порядков, был использован богатейший материал для познания нашей сельской экономики — различные сборники земской статистики. И нам сразу стало особо понятно, почему Маркс и Энгельс сочли для себя необходимым изучение русского языка, между прочим и в целях ознакомления с этими источниками познания экономики российского крестьянства.

Перечитывая эту брошюру в настоящее время, вы видите, как в ней уже явственно просвечивают контуры последующего гениального труда Ленина, вышедшего под заглавием «Развитие капитализма в России». И уже в грозах нашей первой революции 1905 года мы могли воочию убедиться, каким неоценимым вкладом является этот труд Владимира Ильича для выработки правильной тактики большевиков по отношению к крестьянству при нарастающей волне революции.

Не мудрено, что это выступление Владимира Ильича в нашем кружке было настоящим откровением для всех нас[4].

Всем нам стало ясно, какая разница между гениальным прощупыванием подлинной действительности, между смелой и действенной добычей подлинно ведущих истин и тем или иным «повторением пройденного», простой популяризацией уже добытых истин. Мы уже начинали догадываться, что реферат Владимира Ильича — событие, далеко перерастающее тесные рамки нашего кружка, что самый кружок должен зажить как-то по-новому, подтянуться, чтобы быть достойным своего нового сотоварища. Воистину на наших глазах завершалась фаза долгих и долгих исканий передовых поколений нашей Родины. Верная и бестрепетная рука молодого гения открывала завесу грядущего и направляла нашу волю в такое русло, где самое слово перерастало в историческое дело.

И вот уже по-другому звучит наш коллективный голос перед петербургским пролетариатом, нарастают наши революционные связи за пределами тогдашнего Питера. Конечно, и наш доленинский эксперимент марксистской пропаганды среди столичных рабочих сам по себе уже учил нас многому. Передовики столичного пролетариата не могли не поражать нас своей исключительно напористой тягой к знанию вопреки тяжким условиям тогдашнего фабричного труда и жизни на убогих питерских окраинах, своей восприимчивостью к революционной науке Маркса, своей товарищеской самоотверженностью. Но переход быстрый и решительный от единиц к массам, от пропаганды к агитации, образование первых ячеек организации «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», этого «зачатка революционной партии» (Ленин),— все это могло бы пойти по-иному, не будь в нашей среде Ленина тех юных лет.

Перед нами в лице юного Владимира Ульянова в

знаменательный 1893 год был не просто первоклассный знаток нашей родной литературы и знаток творений Маркса и Энгельса, но уже и самостоятельный мыслитель, превосходно справлявшийся с «первозданным» материалом искомых им научных истин. И чем больше мир будет знакомиться с творческим делом Маркса и Ленина, с тем большей ясностью для него будет выявляться тот факт, что эти два великана были удивительно конгениальны. Величайшим счастьем тесного кружка окружавших в ту пору Владимира Ильича лиц была возможность непосредственно наблюдать, как Ленин юных лет находился как бы в прямой знаменательной перекличке со своим гениальным первоучителем К. Марксом.

Теперь в этом так легко может убедиться каждый мыслящий человек; в те далекие 90-е годы мы, конечно, могли об этом только радостно догадываться.

За рубежом нашей страны группа «Освобождение труда» с Г. В. Плехановым во главе наносила меткие удары по народническим взглядам. Но народничество не было разгромлено. Добил народничество как врага марксизма Ленин. На наших глазах юный Владимир Ильич с удивительной быстротой набрасывает тетрадь за тетрадью своим бисерным почерком, почти без помарок гениальное произведение «Что такое „друзья народа" и как они воюют против социал-демократов?».

Нынешней молодежи, воспитанной в исключительно благоприятной для духовного роста советской обстановке, не легко будет себе представить, с каким подъемом читались и перечитывались нами в те годы нашего подполья эти вещие тетрадки замечательной работы Ленина. Вдумайтесь в поразительные финальные строки этого манифеста:

«На класс рабочих и обращают социал-демократы все свое внимание и всю свою деятельность. Когда передовые представители его усвоят идеи научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу,— тогда русский **РАБОЧИЙ**, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет **РУССКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ** (рядом с пролетариатом **ВСЕХ СТРАН**) *прямой дорогой открытой политической*

борьбы к **ПОБЕДОНОСНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»**[5].

Разве это изумительное по точности предвидение исторических событий не стоит рядом с великим прогнозом К. Маркса, не является ярким документом исторической «переклички» двух гениев пролетариата?

Не раз говаривал мне впоследствии Владимир Ильич, что он всю жизнь читает и перечитывает в подлинниках творения Маркса и Энгельса, всегда находя в них нечто новое. В таком общении Ленин находился в органически родственной ему стихии исполинов мысли и дела революционного пролетариата. И каждый из нас, прошедший мучительный путь собственных исканий, никогда не забудет, как много шло к нему от Ленина самого большого, самого драгоценного.

Мы знаем, что судьбы каждого движения в большой мере зависят от того, кто в начале этого движения стоит во главе. Но как бы ни была велика роль отдельного выдающегося человека, решающее значение имеет движение масс. И Ленин всегда во всей своей деятельности опирался на движение масс, вбирал в себя опыт масс.

Юность Владимира Ильича — это юность нашей Коммунистической партии, крепнувшей и зревшей в могучем резонансе с ходом его великой жизни.

Г. В. Плеханов после первой встречи с Владимиром Ильичем писал петербургским социал-демократам, что ему еще не случалось встречаться с таким выдающимся представителем революционной молодежи, как В. И. Ульянов: настолько последний превосходил все свое окружение и по теоретической подготовленности и по осведомленности о тогдашней российской действительности[6]. А Плеханов был не особенно тороват в своих положительных отзывах.

И все же необычные судьбы Ленина станут более понятными, если мы подчеркнем еще один момент в характеристике Ленина юных лет. Я бы позволил себе сказать, что в нем и тогда уже сказывалось нечто особо его роднящее с великой стихией русского народа.

Один из величайших художников мира — Л. Н. Толстой, поражающий миллионы своих читателей удивительно правдивым воспроизведением картин самой жизни, не случайно пишет в своих «Севастопольских рассказах»:

«Герой же моей повести, которого я люблю всеми силами души, которого старался воспроизвести во всей

красоте его, и который всегда был, есть и будет прекрасен,— правда».

— Какой это громадный человечище,— говаривал про Л. Н. Толстого и сам Владимир Ильич, большой почитатель таланта великого художника.

Ленину особо свойственны черты ясной правдивости, непримиримой вражды ко всякой ходульности, ко всему тому, что шло вразрез с подлинной правдой жизни.

Не случайно и Центральный орган нашей партии носит краткое и вразумительное наименование: «Правда».

И партия большевиков, сложившаяся по почину Ленина, разве не является она наиболее воинствующей из всех партий мира за надлежащее восприятие неискривленной правды жизни, за бесстрашное познание подлинной действительности во имя неустанного подъемного движения вперед?

Ясная, правдивая, прямая генеральная линия нашей партии, предначертанная Лениным, нашла великую поддержку нашего народа. Она выражает требования поступательного развития общества, жизненные, коренные интересы творцов истории — трудящихся масс.

Ленин, как никто, умел ценить здравую находчивость нашего народа в самых трудных положениях, его уменье без лишних слов, не считаясь с преходящими судьбами отдельных людей, отдавать себя во имя величия неумирающего целого — Родины.

Вот почему, думается нам, великий правдоискатель российский народ и великий правдолюбец Ленин так быстро нашли друг друга и так крепко сроднились.

О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ

[...] Моя первая встреча с Владимиром Ильичем состоялась на квартире З. П. Невзоровой [7] при его докладе в нашем кружке на тему «О рынках». В этом докладе Владимир Ильич блеснул перед нами таким богатством иллюстраций статистического характера, что я испытал своего рода неистовое удовольствие, видя, какое грозное оружие дает марксизм в познании нашей собственной экономики. Некоторые члены нашего кружка были даже до известной степени шокированы этой своеобразной конкретностью подхода к столь теоретическому вопросу, как вопрос о создании рынка для развивающегося капитализма. На материале хозяйственного развития России Владимир Ильич опрокинул все их путаные, ис-

кусственные построения о развитии капиталистической экономики.

За обнаженный лоб и большую эрудицию Владимиру Ильичу пришлось поплатиться кличкой «Старик», находившейся в самом резком контрасте с его юношеской подвижностью и бившей в нем ключом молодой энергией. Но те глубокие познания, которыми свободно оперировал этот молодой человек, тот особый такт и та критическая сноровка, с которыми он подходил к жизненным вопросам и к самым разнообразным людям, его необыкновенное умение поставить себя среди рабочих, к которым он подходил, как это верно отметила Надежда Константиновна Крупская, не как надменный учитель, а прежде всего как друг и товарищ,— все это прочно закрепляло за ним придуманную нами кличку. Прошло немного месяцев моего знакомства с этим своеобразным «Стариком», как я уже начал уличать себя в чувстве какой-то особой полноты жизни именно в присутствии, в дружеской беседе с этим человеком. Уходил он — и как-то сразу меркли краски, а мысли летели ему вдогонку...

Освоившись в нашей среде, Владимир Ильич не замедлил революционизировать наши порядки. Он прежде всего потребовал перехода от «переуглубленных» занятий с небольшими кружками избранных рабочих к воздействию на более широкие массы пролетариата Петербурга, то есть перехода от пропаганды к агитации. С этой целью он объединил в Петербурге все марксистские рабочие кружки в один «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

Начиная с зимы 1894 года шпионско-полицейскому механизму Петербурга пришлось в усиленном масштабе познакомиться с той «возмутительной» литературой «подметных листков», которые, несмотря на примитивную гектографическую форму своего производства, весьма заметно стали распространяться именно с этого времени в стенах главнейших петербургских фабрик и заводов. В этих листках, составленных на основании наших бесед с рабочими, мы старались исходить из повседневных нужд, из данной конкретной обстановки той или другой фабрики, возможно более быстрым темпом переходя к лозунгам политического характера, явно вытекавшим из тех препятствий, которые царское правительство громоздило на путях борьбы рабочих за чисто экономические блага. Летучие митинги, регулярные ма-

евки, наконец, создание постоянного литературного органа — вот что должно было с естественностью возникнуть из тех заданий, к которым приводил лозунг агитации [8]. Мы, конечно, знали, что сношения с рабочими даже при кружках пропагандистского характера неминуемо должны были закончиться для нашей инициативной группы большими потерями в неравной схватке с тем изощренным полицейским механизмом, живым олицетворением которого был тогдашний официальный Питер. Переход к более широким связям с рабочими массами, на которые толкал нас Владимир Ильич своей проповедью агитации, конечно, чреват был еще большими опасностями в этом направлении, и можно было заранее сказать, что арест и тюрьма наступали на нас в качестве непредотвратимого рока. Тем более был прав Владимир Ильич в своих нападках на нас за ту интеллигентскую расхлябанность, которую мы допускали в своих личных отношениях. Мы явно грешили тем, что частенько захаживали друг к другу не по деловому поводу, а просто для того, чтобы отвести душу, причем приемы нашей тогдашней конспирации отличались крайней примитивностью.

В 1895 году Владимир Ильич перенес воспаление легких в тяжелой форме, и для поправки ему пришлось выехать на некоторое время за границу. Однако главнейшей задачей этой поездки было вступление в непосредственную связь с группой «Освобождение труда». Можно себе представить, как многозначительна была для нас эта поездка и с каким нетерпением мы поджидали его возвращения. Вот наконец наступил желанный день, и наш «Старик», стремительный и подвижный как ртуть, вновь вернулся в нашу среду. Он живо рассказывал нам о тех впечатлениях, которые вынес от знакомства с Плехановым, Аксельродом и Засулич. Однако в памяти моей с гораздо большей яркостью живет его описание встреч с парижским пролетариатом. Французский рабочий-массовик своим общим культурным уровнем, своей живой восприимчивостью и своей товарищеской общительностью, по словам Владимира Ильича, представлял как раз тот человеческий материал, с которым наиболее естественным образом могли связываться упования марксистов-революционеров. Как раз к этому времени и к этой поездке Владимира Ильича за границу относится письмо Плеханова к Струве, ставшее нам впоследствии известным, в котором сообщалось, какое

впечатление произвел Владимир Ильич на группу «Освобождение труда». Г. В. Плеханов писал в нем, что за период многолетнего пребывания за границей у него перебывало большое число лиц из России, но что, пожалуй, ни с кем не связывает он столько надежд, как с этим молодым Ульяновым. Насколько я помню, он отмечал в этом письме и удивительную эрудицию Владимира Ильича, и целостность его революционного миро-воззрения, и бьющую ключом энергию.

Эта поездка Владимира Ильича за границу отнюдь не носила платонического характера. С этого момента мы вступили в непосредственную связь с группой «Освобождение труда» и, конечно, с помощью этой связи не замедлили расширить круг своих русских знакомств. К этому времени относится наше сближение с социал-демократическими кружками в Нижнем Новгороде, Москве, Иваново-Вознесенске, Вильно и в некоторых волжских городах. Чрезвычайно порадовал нас тогда Владимир Ильич и еще одним заморским подарком: ему удалось при помощи двойной стенки в чемодане провезти через границу начинавший в то время входить в употребление мимеограф. Этот мимеограф немало поработал впоследствии для дела просвещения петербургского пролетариата.

Как литератор Владимир Ильич и в то время был чрезвычайно плодовит и быстро покрывал своим бисерным мелким почерком толстенные тетради, в которых в особенности доставалось печальным «героям» тогдашнего народничества. Наши агитационные листки также предъявляли нам немалый спрос, да к тому же обеспечивалась возможность литературного сотрудничества с группой «Освобождение труда». Таким путем мы, естественно, пришли к мысли об издании специальной рабочей газеты. К сожалению, первый номер «Рабочего дела», тщательно проредактированный и на три четверти составленный самим Владимиром Ильичем, попал не в типографию, а прямо в руки жандармов. А между тем уже этот номер намечал совершенно правильно линию социал-демократической работы на целое десятилетие. На конкретном материале той информации, которая шла к нам с фабрик и заводов Петербурга, мы старались поднять самосознание петербургского пролетариата до того пункта, на котором необходимость революционной политической рабочей партии становится самоочевидной, и делали это, как мне кажется и теперь, в достаточно

умелой форме[9]. Насколько я знаю, материал этого номера «Рабочего дела» большею частью не уцелел, как не уцелели и другие рукописи Владимира Ильича, обращавшиеся в то время в революционных кругах Петербурга. Но, по счастью, сохранилась на три четверти брошюра Владимира Ильича, носящая заглавие «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?». Этот трактат Владимира Ильича по яркости и силе своего анализа, по своему пророческому предвидению является поистине изумительным. Когда вы читаете его сейчас, он еще весь дышит свежестью, а между тем строки эти написаны были более 60 лет назад. Роль рабочего класса в России и в судьбах российской революции, связь его с крестьянством, прямая, открытая дорога политической борьбы и предвидение победоносного итога коммунистической революции в России, неминуемая связь нашей революции с судьбами мировой пролетарской революции — все это вы найдете на страницах брошюры в ярком и живом изложении. Но в ней также сказывается и другая сильная сторона Владимира Ильича — перед нами грозный полемист, гневно ниспровергающий всех тех, кто становится на пути пробуждения самостоятельной революционной пролетарской мысли, кто так или иначе искажает правильное понимание пролетариатом его великой исторической роли.

Таким отразился Владимир Ильич в моем сознании за первый период моей петербургской встречи с ним. Мы видим, что он рано нашел самого себя, нашел ту линию, неуклонное следование которой сделало его великим другом и вождем трудящихся масс. Всю свою удивительную работоспособность, всю энергию своей страстной души он умел сосредоточить для служения одной всепоглощающей цели: организации и подъема масс революционного пролетариата, действенного подъема для немедленного преобразования самых основ жизни, тех отношений, в которых стоит человек к человеку в общественном процессе производства.

В ТЮРЬМЕ И ССЫЛКЕ

К концу зимы 1895 года тучи явно сгущались над нами. Хуже всего было то, что шпионская слежка приобретала временами до некоторой степени загадочную форму. Выходишь из дому, стараясь замести за собой следы по всем правилам конспирации, и вдруг на каком-

нибудь отдаленном этапе своего пути внезапно видишь как из-под земли выросшую фигуру явно выслеживающего шпиона. Впоследствии при наличности таких примет мы, конечно, поступали гораздо более практично: меняли паспорта и район действия. Но в те времена мы были еще неискушенными новичками. Прибавьте к этому еще и тот естественный молодой задор, который влечет к отважным операциям прямой лобовой атаки и с неохотой считается с компромиссами, идущими от «холодного разума». Так или иначе, но 8 декабря 1895 года, глубокой ночью, мы очутились в том своеобразном здании на Шпалерной улице, которое именовалось петербургской «Предварилкой» (Дом предварительного заключения). В стенах этого дома нам предстояло провести целых 14 месяцев. Переход от активной революционной деятельности к мучительному режиму абсолютно одиночного заключения с томительными мыслями о злоключениях близких лиц и с весьма невеселыми перспективами на ближайшее будущее, конечно, не мог быть легким.

Двоих из нас это тюремное заключение сломило навсегда: А. А. Ванеев получил жесточайший туберкулез, скоро сведший его в могилу [10], а П. К. Запорожец захворал неизлечимой формой мании преследования [11]. Для меня лично и для большинства других товарищей неоценимым спасительным и подкрепляющим средством была дружба с Владимиром Ильичем. Несмотря на крайне суровый режим тогдашней «Предварилки», нам все же удалось при посредстве тюремной библиотеки и при посредничестве лиц, приходивших к нам на свидание, вступить в деятельные сношения друг с другом...

Я не в состоянии воспроизвести теперь нашей деятельной тюремной переписки с Владимиром Ильичем, но отчетливо помню лишь одно: получить и прочесть его письмо — это было равнозначно приему какого-то особо укрепляющего и бодрящего напитка, это означало — немедленно подбодриться и подтянуться духовно. В этом человеке было такое громадное духовное богатство, такое умение по-хорошему и с нужной стороны воздействовать на настроение нуждающегося в этом другого человека, что уже одни эти качества при всяких условиях, а в тюрьме в особенности, делали его совершенно незаменимым товарищем.

Окошки в камерах Дома предварительного заключения расположены таким образом, что видеть через их

решетку тюремный двор можно было только несколько подтянувшись, что делает такую операцию не особенно легкой, тем более что сквозь тюремное очко тяжелой запертой двери надзиратели почти непрерывно следят, чтобы такие манипуляции заключенными не производились. Тем не менее никакие силы зла не могли бы удержать меня от подобного рода маневра в те часы, когда, по моим наблюдениям, в такой клетке для прогулок, которая была видна из окна моей камеры, должен был находиться Владимир Ильич. Он точно так же был убежден в том, что вероятность такого свидания на расстоянии в некоторых случаях велика, и мы немедленно вступали в переговоры путем сигнализации пальцами по тюремной азбуке. И сейчас проносится в моей памяти дорогое его лицо, эти поспешные сигналы и невольная оглядка на ходящего в центре круга прогулок угрюмого часового. Вот глядит он на меня с какой-то особо веселой напряженностью и спешно телеграфирует: «Под тобой хохол!» Я бросаюсь на пол своей надоевшей камеры и в узкое отверстие, окружающее обшлагом железную трубу отопления, пронизывающую пол моей камеры, кричу своему соседу... Увы, наш самый изощренный конспиратор, теперь уже тоже умерший С. И. Радченко, полузадушенным голосом приветствует меня: «Неужели это ты здесь?» Да, тюремное начальство на этот раз действительно дало маху: однопроцессники очутились рядом, без прослоя уголовного элемента, как это делалось обычно, и Владимир Ильич не замедлил использовать эту ситуацию. А прокурору и жандармам, вероятно, пришлось немало удивляться той согласованности показаний вновь арестованного С. И. Радченко с нашими показаниями и такой его ориентированности в ходе нашего процесса, которые могли получиться только в результате такого удачного соседства [12].

Ведя со всеми нами самые деятельные сношения, Владимир Ильич не оставлял без своего воздействия и волю. Он написал за это время целый ряд листков, брошюру о стачках, к сожалению не увидевшую свет вследствие провала Лахтинской типографии партии «Народной воли» [13], и начал писать обширную работу «Развитие капитализма в России», законченную им уже во время ссылки и вышедшую в свет под псевдонимом В. Ильин.

За все 14 месяцев отсидки мне ни разу не пришлось столкнуться с Владимиром Ильичем в каком-нибудь из

длинных коридоров «Предварилки». Выход каждого из нас на прогулку или допрос сопровождался целой стратегией предупредительных на этот счет средств, вплоть до длительного посвиста включительно, предупреждавшего тюремных надзирателей других поперечных флангов здания об опасности встречи. Но когда в тех же коридорах с грохотом волокли целые корзины книг, я прекрасно отдавал себе отчет, что пожирателем этих книг мог быть только один Владимир Ильич. Он обладал каким-то удивительным свойством с невероятной скоростью интимно знакомиться с книгой даже при беглом ее просмотре: как говорится, на ловца и зверь бежит. Перелистает, бывало, на твоих глазах объемистый том и немедленно подхватит такие цитаты, которые выводят автора на чистую воду. А если берешь книгу, прочитанную им и всю испещренную замечаниями на полях и удачными подчеркиваниями, то уже никак не сможешь отделаться от той критики Владимира Ильича, которая сквозила в этих ядовитых и до чрезвычайности метких междометиях: «Гм, гм!», «Ха-ха!» и т. п.

Не приходится останавливаться на том, как заразителен был пример учебы Владимира Ильича в стенах тюрьмы для нас и как мы вместе с ним старались использовать свое узничество в качестве своего рода сверхуниверситета. Однако еще большую роль в этом направлении он сыграл для всего нашего кружка за время пребывания в ссылке [...].

Н. К. Крупская

ВОСПОМИНАНИЯ О ЛЕНИНЕ

В ПИТЕРЕ. 1893—1898 ГОДЫ

Владимир Ильич приехал в Питер осенью 1893 года, но я познакомилась с ним не сразу. Слышала я от товарищей, что с Волги приехал какой-то очень знающий марксист, затем мне принесли тетрадку «О рынках», порядком-таки зачитанную. В тетрадке были изложены взгляды, с одной стороны, нашего питерского марксиста технолога Германа Красина, с другой — взгляды приезжего волжанина. Тетрадка была согнута пополам: на одной стороне растрепанным почерком, с помарками и вставками, излагал свои мысли Г. Б. Красин, на другой — старательно, без помарок, писал свои примечания и возражения приезжий [1].

Вопрос о рынках тогда очень интересовал всех нас, молодых марксистов.

В питерских марксистских кружках в это время стало уже откристаллизовываться особое течение. Суть его заключалась в том, что процессы общественного развития представителям этого течения казались чем-то механическим, схематическим. При таком понимании общественного развития отпадала совершенно роль масс, роль пролетариата. Революционная диалектика марксизма выбрасывалась куда-то за борт, оставались мертвые «фазы развития». Конечно, сейчас каждый марксист сумел бы опровергнуть эту «механистическую» точку зрения, но тогда наши питерские марксистские кружки весьма волновались по этому поводу. Мы были еще очень плохо вооружены — многие из нас не знали из Маркса, например, ничего, кроме I тома «Капитала»,

даже «Коммунистического манифеста» в глаза не видали и лишь инстинктом чувствовали, что эта «механистичность» — прямая противоположность живому марксизму.

Вопрос о рынках стоял в тесной связи с этим общим вопросом понимания марксизма.

Сторонники «механистичности» обычно очень абстрактно подходили к вопросу.

С тех пор прошло больше тридцати лет.

Тетрадка, о которой идет речь, к сожалению, не сохранилась [2].

Я могу говорить только о том впечатлении, какое она произвела на нас.

Вопрос о рынках в его трактовке приезжим марксистом ставился архиконкретно, связывался с интересами масс, чувствовался во всем подходе именно живой марксизм, берущий явления в их конкретной обстановке и в их развитии.

Хотелось поближе познакомиться с этим приезжим, узнать поближе его взгляды.

Увидала я Владимира Ильича лишь на масленице. На Охте у инженера Классона [3], одного из видных питерских марксистов, с которым я года два перед тем была в марксистском кружке, решено было устроить совещание некоторых питерских марксистов с приезжим волжанином. Для ради конспирации были устроены блины. На этом свидании кроме Владимира Ильича были: Классон, Я. П. Коробко, Серебровский, Степан Иванович Радченко и др.; должны были прийти Потресов и Струве, но, кажется, не пришли. Мне запомнился один момент. Речь шла о путях, какими надо идти. Общего языка как-то не находилось. Кто-то сказал — кажется, Шевлягин,— что очень важна вот работа в комитете грамотности. Владимир Ильич засмеялся, и както зло и сухо звучал его смех — я потом никогда не слыхала у него такого смеха:

«Ну, что ж, кто хочет спасать отечество в комитете грамотности, что ж, мы не мешаем».

Надо сказать, что наше поколение подростками еще было свидетелями схватки народовольцев с царизмом, свидетелями того, как либеральное «общество» сначала всячески «сочувствовало», а после разгрома партии «Народная воля» трусливо поджало хвост, боялось всякого шороха, начало проповедь «малых дел».

Злое замечание Владимира Ильича было понятно. Он пришел сговариваться о том, как идти вместе на

борьбу, а в ответ услышал призыв распространять брошюры комитета грамотности.

Потом, когда мы близко познакомились, Владимир Ильич рассказал мне однажды, как отнеслось «общество» к аресту его старшего брата. Все знакомые отшатнулись от семьи Ульяновых, перестал бывать даже старичок учитель, приходивший раньше постоянно играть по вечерам в шахматы. Тогда еще не было железной дороги из Симбирска, матери Владимира Ильича надо было ехать на лошадях до Сызрани, чтобы добраться до Питера, где сидел сын. Владимира Ильича послали искать попутчика — никто не захотел ехать с матерью арестованного.

Эта всеобщая трусость произвела, по словам Владимира Ильича, на него тогда очень сильное впечатление.

Это юношеское переживание несомненно наложило печать на отношение Владимира Ильича к «обществу», к либералам. Он рано узнал цену всякой либеральной болтовни.

На «блинах» ни до чего не договорились, конечно. Владимир Ильич говорил мало, больше присматривался к публике. Людям, называвшим себя марксистами, стало неловко под пристальными взорами Владимира Ильича [4].

Помню, когда мы возвращались, идя вдоль Невы с Охты домой, мне впервые рассказали о брате Владимира Ильича, бывшем народовольцем, принимавшем участие в покушении на убийство Александра III в 1887 году и погибшем от руки царских палачей, не достигнув еще совершеннолетия.

Владимир Ильич очень любил брата. У них было много общих вкусов, у обоих была потребность долго оставаться одному, чтобы можно было сосредоточиться. Они жили обычно вместе, одно время в особом флигеле, и когда заходил к ним кто-либо из многочисленной молодежи — двоюродных братьев или сестер — их было много, у мальчиков была излюбленная фраза: «Осчастливьте своим отсутствием». Оба брата умели упорно работать, оба были революционно настроены. Но сказывалась, вероятно, разница возрастов. Александр Ильич не обо всем говорил с Владимиром Ильичем.

Вот что рассказывал Владимир Ильич.

Брат был естественником. Последнее лето, когда он приезжал домой, он готовился к диссертации о кольча-

тых червях и все время работал с микроскопом[5]. Чтобы использовать максимум света, он вставал на заре и тотчас же брался за работу. «Нет, не выйдет из брата революционера, подумал я тогда,— рассказывал Владимир Ильич,— революционер не может уделять столько времени исследованию кольчатых червей». Скоро он увидел, как он ошибся.

Судьба брата имела, несомненно, глубокое влияние на Владимира Ильича. Большую роль при этом сыграло то, что Владимир Ильич к этому времени уже о многом самостоятельно думал, решал уже для себя вопрос о необходимости революционной борьбы.

Если бы это было иначе, судьба брата, вероятно, причинила бы ему только глубокое горе или, в лучшем случае, вызвала бы в нем решимость и стремление идти по пути брата. При данных условиях судьба брата обострила лишь работу его мысли, выработала в нем необычайную трезвость, умение глядеть правде в глаза, не давать себя ни на минуту увлечь фразой, иллюзией, выработала в нем величайшую честность в подходе ко всем вопросам.

Осенью 1894 года Владимир Ильич читал в нашем кружке свою работу «Друзья народа»[6]. Помню, как всех захватила эта книга. В ней с необыкновенной ясностью была поставлена цель борьбы. «Друзья народа» в отгектографированном виде потом ходили по рукам под кличкой «желтеньких тетрадок». Они были без подписи. Их читали довольно широко, и нет никакого сомнения, что они оказали сильное влияние на тогдашнюю марксистскую молодежь. Когда в 1896 году я была в Полтаве, П. П. Румянцев, бывший в те времена активным социал-демократом, только что вышедшим из тюрьмы, характеризовал «Друзья народа» как наилучшую, наиболее сильную и полную формулировку точки зрения революционной социал-демократии.

Зимою 1894/95 года я познакомилась с Владимиром Ильичем уже довольно близко. Он занимался в рабочих кружках за Невской заставой, я там же четвертый год учительствовала в Смоленской вечерне-воскресной школе и довольно хорошо знала жизнь Шлиссельбургского тракта[7]. Целый ряд рабочих из кружков, где занимался Владимир Ильич, были моими учениками по воскресной школе: Бабушкин, Боровков, Грибакин, Бодровы — Арсений и Филипп, Жуков и др. В те времена вечерне-воскресная школа была прекрасным средством широкого

знакомства с повседневной жизнью, с условиями труда, настроением рабочей массы. Смоленская школа была на 600 человек, не считая вечерних технических классов и примыкавших к ней школ женской и Обуховской [8]. Надо сказать, что рабочие относились к «учительницам» с безграничным доверием: мрачный сторож громовских лесных складов с просиявшим лицом докладывал учительнице, что у него сын родился; чахоточный текстильщик желал ей за то, что выучила грамоте, удалого жениха; рабочий-сектант, искавший всю жизнь бога, с удовлетворением писал, что только на страстной узнал он от Рудакова (другого ученика школы), что бога вовсе нет, и так легко стало, потому что нет хуже, как быть рабом божьим,— тут тебе податься некуда, рабом человеческим легче быть — тут борьба возможна; напивавшийся каждое воскресенье до потери человеческого облика табачник, так насквозь пропитанный запахом табака, что, когда наклонишься к его тетрадке, голова кружилась, писал каракулями, пропуская гласные,— что вот нашли на улице трехлетнюю девчонку и живет она у них в артели, надо в полицию отдавать, а жаль; приходил одноногий солдат и рассказывал, что Михайла, который у вас прошлый год грамоте учился, надорвался над работой, помер, а помирая, вас вспоминал, велел поклониться и жить долго приказал; рабочий-текстильщик, горой стоявший за царя и попов, предупреждал, чтобы «того, черного, остерегаться, а то он все на Гороховую шляется» [9]; пожилой рабочий толковал, что никак он из церковных старост уйти не может, «потому что больно попы народ обдувают и их надо на чистую воду выводить, а церкви он совсем даже не привержен и насчет фаз развития понимает хорошо» и т. д. и т. п. Рабочие, входившие в организацию, ходили в школу, чтобы приглядываться к народу и намечать, кого можно втянуть в кружки, вовлечь в организацию. Для них учительницы не все уже были на одно лицо, они уже различали, кто из них насколько подготовлен. Если признают, что учительница «своя», дают ей знать о себе какой-нибудь фразой, например, при обсуждении вопроса о кустарной промышленности скажут: «Кустарь не может выдержать конкуренции с крупным производством» или вопрос загнут: «А какая разница между петербургским рабочим и архангельским мужиком?» — и после этого смотрят уж на учительницу особым взглядом и кланяются ей по-особенному: «Наша, мол, знаем».

Что случится на тракту, сейчас же все рассказывали, знали — учительницы передадут в организацию.

Точно молчаливый уговор какой-то был.

Говорить в школе можно было, в сущности, обо всем, несмотря на то что в редком классе не было шпика; надо было только не употреблять страшных слов «царь», «стачка» и т. п., тогда можно было касаться самых основных вопросов. А официально было запрещено говорить о чем бы то ни было: однажды закрыли так называемую повторительную группу за то, что там, как установил нагрянувший инспектор, преподавали десятичные дроби, разрешалось же по программе учить только четырем правилам арифметики.

Я жила в то время на Старо-Невском, в доме с проходным двором [10], и Владимир Ильич по воскресеньям, возвращаясь с занятий в кружке, обычно заходил ко мне, и у нас начинались бесконечные разговоры. Я была в то время влюблена в школу [11], и меня можно было хлебом не кормить, лишь бы дать поговорить о школе, об учениках, о Семянниковском заводе, о Торнтоне, Максвеле [12] и других фабриках и заводах Невского тракта. Владимир Ильич интересовался каждой мелочью, рисовавшей быт, жизнь рабочих, по отдельным черточкам старался охватить жизнь рабочего в целом, найти то, за что можно ухватиться, чтобы лучше подойти к рабочему с революционной пропагандой. Большинство интеллигентов того времени плохо знало рабочих. Приходил интеллигент в кружок и читал рабочим как бы лекцию. Долгое время в кружках «проходилась» по рукописному переводу книжка Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Владимир Ильич читал с рабочими «Капитал» Маркса, объяснял им его [13], а вторую часть занятий посвящал расспросам рабочих об их работе, условиях труда и показывал им связь их жизни со всей структурой общества, говоря, как, каким путем можно переделать существующий порядок. Увязка теории и практики — вот что было особенностью работы Владимира Ильича в кружках. Постепенно такой подход стали применять и другие члены нашего кружка. Когда в следующем году появилась виленская гектографированная брошюра «Об агитации», почва для ведения листковой агитации была уже вполне подготовлена, надо было только приступить к делу [14]. Метод агитации на почве повседневных нужд рабочих в нашей партийной работе пустил глубокие корни. Я поняла вполне всю

плодотворность этого метода только гораздо позже, когда жила в эмиграции во Франции и наблюдала, как во время громадной забастовки почтарей в Париже французская социалистическая партия стояла совершенно в стороне и не вмешивалась в эту стачку. Это-де дело профсоюзов. Они считали, что дело партии — только политическая борьба. Необходимость увязки экономической и политической борьбы была им совершенно неясна.

Многие из товарищей, работавших тогда в Питере, видя эффект листковой агитации, в увлечении этой формой работы забыли, что это одна из форм, но не единственная форма работы в массе, и пошли по пути пресловутого «экономизма».

Владимир Ильич никогда не забывал о других формах работы. В 1895 году он пишет брошюру «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах». В этой брошюре Владимир Ильич дал блестящий образец того, как надо было подходить к рабочему-середняку того времени и, исходя из его нужд, шаг за шагом подводить его к вопросу о необходимости политической борьбы. Многим интеллигентам эта брошюра показалась скучной, растянутой, но рабочие зачитывались ею: она была им понятна и близка (брошюра была напечатана в народовольческой типографии и распространена среди рабочих)[15]. В то время Владимир Ильич внимательно изучал фабричные законы, считая, что, объясняя эти законы, особенно легко выяснить рабочим связь их положения с государственным устройством. Следы этого изучения видны в целом ряде статей и брошюр, написанных в то время Ильичем для рабочих, и в брошюре «Новый фабричный закон» и в статьях «О стачках», «О промышленных судах» и др.

Хождение по рабочим кружкам не прошло, конечно, даром: началась усиленная слежка. Из всей нашей группы Владимир Ильич лучше всех был подкован по части конспирации: он знал проходные дворы, умел великолепно надувать шпионов, обучал нас, как писать химией в книгах, как писать точками, ставить условные знаки, придумывал всякие клички. Вообще у него чувствовалась хорошая народовольческая выучка. Недаром он с таким уважением говорил о старом народовольце Михайлове, получившем за свою конспиративную выдержку кличку «Дворник»[16]. Слежка все росла, и Владимир

Ильич настаивал, что должен быть намечен «наследник», за которым нет слежки и которому надо передать все связи. Так как я была наиболее «чистым» человеком, то решено было назначить «наследницей» меня. В первый день пасхи нас человек 5—6 поехало «праздновать пасху» в Царское Село к одному из членов нашей группы — Сильвину, который жил там на уроке [17]. Ехали в поезде как незнакомые. Чуть не целый день просидели над обсуждением того, какие связи надо сохранить. Владимир Ильич учил шифровать. Почти полкниги исшифровали. Увы, потом я не смогла разобрать этой первой коллективной шифровки. Одно было утешением: к тому времени, когда пришлось расшифровывать, громадное большинство «связей» уже провалилось.

Владимир Ильич тщательно собирал эти «связи», выискивая всюду людей, которые могли бы так или иначе пригодиться в революционной работе. Помню, раз по инициативе Владимира Ильича было совещание представителей нашей группы (Владимира Ильича и, кажется, Кржижановского) с группой учительниц воскресной школы [18]. Почти все они потом стали социал-демократками. В числе их была Лидия Михайловна Книпович, старая народоволка, перешедшая через некоторое время к социал-демократам. Старые партийные работники помнят ее. Человек с громадной революционной выдержкой, строгая к себе и другим, прекрасно знавшая людей, прекрасный товарищ, окружавшая любовью, заботой тех, с кем она работала, Лидия сразу оценила во Владимире Ильиче революционера. Она взяла на себя сношения с народовольческой типографией: договаривалась, передавала рукописи, получала оттуда уже напечатанные брошюры, развозила корзины с ними по своим знакомым, организовала разноску литературы рабочим. Когда она была арестована — по указанию предателя, наборщика типографии,— было арестовано у разных знакомых Лидии двенадцать корзин с нелегальными брошюрами. Народовольцы печатали тогда массами брошюры для рабочих: «Рабочий день», «Кто чем живет», брошюру Владимира Ильича «О штрафах», «Царь-голод» [19] и др. Двое из народовольцев, работавших в Лахтинской типографии,— Шаповалов и Катанская,— теперь в рядах Коммунистической партии. Лидии Михайловны нет уже в живых. Она умерла в 1920 году, когда Крым, где она жила последние годы, был под бе-

лыми. Умирая, в бреду она рвалась к своим, к коммунистам, умерла с именем дорогой ей партии коммунистов на устах. Из учительниц были, кажется, на этом совещании еще П. Ф. Куделли, А. И. Мещерякова (обе теперь члены партии) и др. За Невской же заставой учительствовала и Александра Михайловна Калмыкова — прекрасная лекторша (помню ее лекции для рабочих о государственном бюджете), имевшая в то время книжный склад на Литейном. С Александрой Михайловной познакомился тогда близко и Владимир Ильич. Струве был ее воспитанником, у нее всегда бывал и Потресов, товарищ Струве по гимназии. Позднее Александра Михайловна содержала на свои деньги старую «Искру», вплоть до II съезда[20]. Она не пошла следом за Струве, когда он перешел к либералам, и решительно связала себя с искровской организацией. Кличка ее была «Тетка». Она очень хорошо относилась к Владимиру Ильичу. Теперь она умерла, перед тем два года лежала в санатории в Детском Селе, не вставая. Но к ней приходили иногда дети из соседних детских домов. Она рассказывала им об Ильиче. Она писала мне весной 1924 года, что надо издать особой книжкой статьи Владимира Ильича 17 года, полные горячей страсти, его горячие призывы, так действовавшие тогда на массы. В 1922 году Владимир Ильич написал Александре Михайловне несколько строк теплого привета, таких, какие только умел он писать. Александра Михайловна была тесно связана с группой «Освобождение труда». Одно время (кажется, в 1899 году), когда Засулич приезжала в Россию, Александра Михайловна устраивала ее нелегально и постоянно с ней видалась. Под влиянием начавшего нарастать рабочего движения и под влиянием статей и книг группы «Освобождение труда», под влиянием питерских социал-демократов полевел Потресов, полевел на время и Струве. После ряда предварительных собраний стала нащупываться почва для совместной работы. Задумали сообща издать сборник «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития». От нашей группы в редакцию входили: Владимир Ильич, Старков и Степан Иванович Радченко, от них — Струве, Потресов и Классон. Судьба сборника известна. Он был сожжен царской цензурой. Весной 1895 года перед отъездом за границу Владимир Ильич усиленно ходил в Озерной переулок, где жил тогда Потресов, торопясь закончить работу.

Лето 1895 года Владимир Ильич провел за границей, частью прожил в Берлине, где ходил по рабочим собраниям, частью в Швейцарии, где впервые видел Плеханова, Аксельрода, Засулич. Приехал полон впечатлений, захватив из-за границы чемодан с двойным дном, между стенками которого была набита нелегальная литература.

Тотчас же за Владимиром Ильичем началась бешеная слежка: следили за ним, следили за чемоданом. У меня двоюродная сестра служила в то время в адресном столе. Через пару дней после приезда Владимира Ильича она рассказала мне, что ночью, во время ее дежурства, пришел сыщик, перебирал дуги (адреса в адресном столе надевались по алфавиту на дуги) и хвастал: «Выследили, вот, важного государственного преступника Ульянова,— брата его повесили,— приехал из-за границы, теперь от нас не уйдет». Зная, что я знаю Владимира Ильича, двоюродная сестра поторопилась сообщить мне об этом. Я, конечно, сейчас же предупредила Владимира Ильича. Нужна была сугубая осторожность. Дело, однако, не ждало. Работа развертывалась. Завели разделение труда, поделив работу по районам. Стали составлять и пускать листки [21]. Помню, что Владимир Ильич составил первый листок к рабочим Семянниковского завода [22]. Тогда у нас не было никакой техники. Листок был переписан от руки печатными буквами, распространялся он Бабушкиным. Из четырех экземпляров два подобрали сторожа, два пошли по рукам. Распространялись листки и по другим районам. Так, на Васильевском острове был составлен листок к работницам табачной фабрики Лаферм [23]. А. А. Якубова и З. П. Невзорова (Кржижановская) прибегли к такому способу распространения: свернув листки в трубочки так, чтобы их можно было удобно брать поодиночке, и пристроив соответственным образом передники, они, как только раздался гудок, пошли быстрым шагом навстречу работницам, валившим гурьбой из ворот фабрики, и почти пробежали мимо, рассовывая недоумевающим работницам в руки листки. Листок имел успех. Листки, брошюры шевелили рабочих. Решено было еще издавать — благо была нелегальная типография — популярный журнал «Рабочее дело». Тщательно готовил Владимир Ильич к нему материал. Каждая строчка проходила через его руки. Помню одно собрание у меня на квар-

тире, когда Запорожец с необычайным увлечением рассказывал о материале, который ему удалось собрать на сапожной фабрике за Московской заставой. «За все штраф,— рассказывал он,— каблук на сторону посадишь — сейчас штраф». Владимир Ильич рассмеялся: «Ну, если каблук на сторону посадил, так штраф, пожалуй, и за дело». Материал собирал и проверял Владимир Ильич тщательно. Помню, как собирался, например, материал о фабрике Торнтона. Решено было, что я вызову к себе своего ученика, браковщика фабрики Торнтона Кроликова, уже высылавшегося раньше из Петербурга, и соберу у него по плану, намеченному Владимиром Ильичем, все сведения. Кроликов пришел в какой-то занятой у кого-то шикарной шубе, принес целую тетрадь сведений, которые были им еще устно дополнены. Сведения были очень ценные. Владимир Ильич на них так и накинулся. Потом я с Аполлинарией Александровной Якубовой, повязавшись платочками и придав себе вид работниц, сами ходили еще в общежитие фабрики Торнтона, побывали и на холостой половине и на семейной. Обстановка была ужасающая. Только на основании так собранного материала писал Владимир Ильич корреспонденции и листки. Посмотрите его листок к рабочим и работницам фабрики Торнтона [24]. Какое детальное знание дела в нем видно! И какая это школа была для всех работавших тогда товарищей! Вот уж когда учились «вниманию к мелочам». И как глубоко врезывались в сознание эти мелочи.

Наше «Рабочее дело» не увидало света. 8 декабря было у меня на квартире заседание, где окончательно зачитывался уже готовый к печати номер. Он был в двух экземплярах [25]. Один экземпляр взял Ванеев для окончательного просмотра, другой остался у меня. Наутро я пошла к Ванееву за исправленным экземпляром, но прислуга мне сказала, что он накануне съехал с квартиры. Раньше мы условились с Владимиром Ильичем, что я в случае сомнений буду наводить справки у его знакомого — моего сослуживца по Главному управлению железных дорог, где я тогда служила,— Чеботарева. Владимир Ильич там обедал и бывал каждый день. Чеботарева на службе не было. Я зашла к ним. Владимир Ильич на обед не приходил: ясно было, что он арестован. К вечеру выяснилось, что арестованы очень многие из нашей группы. Хранившийся у меня экземпляр «Ра-

бочего дела» я отнесла на хранение к Нине Александровне Герд — моей подруге по гимназии, будущей жене Струве. Чтобы не всадить еще больше арестованных, было решено пока «Рабочее дело» не печатать.

Этот петербургский период работы Владимира Ильича был периодом чрезвычайно важной, но невидной по существу, незаметной работы. Он сам так характеризовал ее. В ней не было внешнего эффекта. Вопрос шел не о геройских подвигах, а о том, как наладить тесную связь с массой, сблизиться с ней, научиться быть выразителем ее лучших стремлений, научиться быть ей близким и понятным и вести ее за собой. Но именно в этот период петербургской работы выковывался из Владимира Ильича вождь рабочей массы.

Когда я пришла в первый раз после ареста нашей публики в школу, Бабушкин отозвал меня в угол под лестницу и там передал мне написанный рабочими листок по поводу ареста. Листок носил чисто политический характер[26]. Бабушкин просил передать листок в технику и доставить им для распространения. До тех пор у нас с ним никогда не было прямой речи о том, что я связана с организацией. Я передала листок нашим. Помню это собрание — было оно на квартире Степана Ивановича Радченко. Собрались все остатки группы. Прочитав листок, Ляховский воскликнул: «Разве можно печатать этот листок,— он ведь написан на чисто политическую тему!» Однако, так как листок был, несомненно, написан рабочими, по собственной инициативе, так как рабочие просили его непременно напечатать, решено было листок печатать. Так и сделали.

Сношения с Владимиром Ильичем завязались очень быстро. В те времена заключенным в «Предварилке» можно было передавать книг сколько угодно, они подвергались довольно поверхностному осмотру, во время которого нельзя было, конечно, заметить мельчайших точек в середине букв или чуть заметного изменения цвета бумаги в книге, где писалось молоком. Техника конспиратигной переписки у нас быстро совершенствовалась. Характерна была заботливость Владимира Ильича о сидящих товарищах. В каждом письме на волю был всегда ряд поручений, касающихся сидящих: к такому-то никто не ходит, надо подыскать ему «невесту», такому-то передать на свидании через родственников, чтобы искал письма в такой-то книге тюремной библиотеки, на

такой-то странице, такому-то достать теплые сапоги и пр. Он переписывался с очень многими из сидящих товарищей, для которых эта переписка имела громадное значение. Письма Владимира Ильича дышали бодростью, говорили о работе. Получая их, человек забывал, что сидит в тюрьме, и сам принимался за работу. Я помню впечатление от этих писем (в августе 1896 года я тоже села). Письма молоком приходили через волю в день передачи книг — в субботу. Посмотришь на условные знаки в книге и удостоверишься, что в книге письмо есть. В шесть часов давали кипяток, а затем надзирательница водила уголовных в церковь. К этому времени разрежешь письмо на длинные полоски, заваришь чай и, как уйдет надзирательница, начинаешь опускать полоски в горячий чай — письмо проявляется (в тюрьме неудобно было проявлять на свечке письма, вот Владимир Ильич додумался проявлять их в горячей воде), и такой бодростью оно дышит, с таким захватывающим интересом читается. Как на воле Владимир Ильич стоял в центре всей работы, так и в тюрьме он был центром сношений с волей.

Кроме того, он много работал в тюрьме. Там было подготовлено «Развитие капитализма в России». Владимир Ильич заказывал в легальных письмах нужные материалы, статистические сборники. «Жаль, рано выпустили, надо бы еще немножко доработать книжку, в Сибири книги доставать трудно»,— в шутку говорил Владимир Ильич, когда его выпустили из тюрьмы. Не только «Развитие капитализма» писал Владимир Ильич в тюрьме, писал листки, нелегальные брошюры, написал проект программы для I съезда (он состоялся лишь в 1898 году, но намечался раньше) [27], высказывался по вопросам, обсуждавшимся в организации. Чтобы его не накрыли во время писания молоком, Владимир Ильич делал из хлеба маленькие молочные чернильницы, которые — как только щелкнет фортка — быстро отправлял в рот. «Сегодня съел шесть чернильниц»,— в шутку добавлял Владимир Ильич к письму.

Но как ни владел Владимир Ильич собой, как ни ставил себя в рамки определенного режима, а нападала, очевидно, и на него тюремная тоска. В одном из писем он развивал такой план. Когда их водили на прогулку, из одного окна коридора на минутку виден был кусок тротуара Шпалерной. Вот он и придумал, чтобы мы — я и Аполлинария Александровна Якубова — в оп-

ределенный час пришли и стали на этот кусочек тротуара, тогда он нас увидит. Аполлинария почему-то не могла пойти, а я несколько дней ходила и простаивала подолгу на этом кусочке. Только что-то из плана ничего не вышло, не помню уже отчего.

Пока Владимир Ильич сидел, работа на воле разрасталась, стихийно росло рабочее движение. После ареста Мартова, Ляховского и др. силы группы еще более ослабели. Правда, в группу входили новые товарищи, но это была публика уже менее идейно закаленная, а учиться уже было некогда, движение требовало обслуживания, требовало массы сил, все уходило на агитацию, о пропаганде некогда было и думать. Листковая агитация имела большой успех. Стачка 30 тысяч питерских текстилей, разразившаяся летом 1896 года, прошла под влиянием социал-демократов и многим вскружила голову [28].

Помню, как однажды (кажется, в начале августа) на собрании в лесу, в Павловске, Сильвин читал вслух проект листка.

В одном месте там попалась фраза, прямо ограничивающая рабочее движение одной экономической борьбой. Прочтя ее вслух, Сильвин остановился. «Ну и загнул же я, как это меня угораздило»,— сказал он, смеясь. Фраза была вычеркнута. Летом 1896 года с треском провалилась Лахтинская типография, пропала возможность печатать брошюры, пришлось надолго отложить попечение о журнале.

Во время стачки 1896 года в нашу группу вошли группа Тахтарева, известная под кличкой Обезьяны, и группа Чернышева, известная под кличкой Петухи [29]. Но пока «декабристы» сидели в тюрьме и держали связь с волей, работа шла еще по старому руслу. Когда Владимир Ильич вышел из тюрьмы, я еще сидела. Несмотря на чад, охватывающий человека по выходе из тюрьмы, на ряд заседаний, Владимир Ильич ухитрился все же написать письмишко о делах. Мама рассказывала, что он в тюрьме поправился даже и страшно весел.

Меня выпустили вскоре после «ветровской истории» (заключенная Ветрова сожгла себя в Петропавловской крепости). Жандармы выпустили целый ряд сидевших женщин, выпустили и меня и оставили до окончания дела в Питере, приставив пару шпионов, ходивших всюду по стопам. Я застала организацию в самом плачевном состоянии. Из прежних работников остался толь-

ко Степан Иванович Радченко и его жена. Сам он работы по конспиративным условиям уже вести не мог, но продолжал быть центром и держал связь. Держал связь и со Струве. Струве вскоре женился на Н. А. Герд, социал-демократке, Струве и сам в то время был социал-демократствующим. Он совершенно не был способен к работе в организации, тем более подпольной, но ему льстило, несомненно, что к нему обращаются за советами. Он даже написал манифест для I съезда социал-демократической рабочей партии [30]. Зиму 1897/98 года я довольно часто бывала у Струве с поручениями от Владимира Ильича — тогда Струве издавал журнал «Новое слово» — да и так с Ниной Александровной меня многое связывало. Я приглядывалась к Струве. Он в то время был социал-демократом, но меня удивляла его книжность и почти полное отсутствие интереса к «живому дереву жизни», интереса, которого так много было у Владимира Ильича. Струве достал мне перевод и взялся его редактировать [31]. Он, видимо, тяготился этой работой, быстро уставал (с Владимиром Ильичем мы часами сидели за аналогичной работой. Владимир Ильич совсем иначе работал, весь уходя в работу, даже такую, как перевод).

Для отдыха брал Струве читать Фета. Кто-то в воспоминаниях своих писал, что Владимир Ильич любил Фета. Это неверно. Фет — махровый крепостник, у которого не за что зацепиться даже, но вот Струве действительно любил Фета.

Знала я и Туган-Барановского. Я училась вместе с его женой, Лидией Карловной Давыдовой (дочерью издательницы журнала «Мир божий»), и одно время захаживала к ним. Лидия Карловна была очень умная и хорошая, хотя и безвольная женщина. Она была умнее своего мужа. В его разговорах всегда чувствовался чужой человек. Раз я обратилась к нему с подписным листом на стачку (костромскую, кажется). Я получила сколько-то, не помню сколько, рублей, но должна была выслушать рассуждение на тему: «Непонятно-де, почему надо поддерживать стачки,— стачка недостаточно действительное средство борьбы с предпринимателями». Я взяла деньги и поторопилась уйти.

Я писала Владимиру Ильичу в ссылку обо всем, что приходилось видеть и слышать. Однако о работе организации мало чего можно было написать. Ко времени I съезда в ней было лишь четыре человека: Степан Ива-

нович Радченко, его жена Любовь Николаевна, Саммер и я. Делегатом от нас был Степан Иванович. Но, вернувшись со съезда, он ничего почти не рассказал нам о том, что там произошло, вынул из корешка книги хорошо знакомый нам «манифест», написанный Струве и принятый съездом, и разрыдался: все почти участники съезда — их было несколько человек — были арестованы.

Мне дали три года Уфимской губернии, я перепросилась в село Шушенское Минусинского уезда, где жил Владимир Ильич, для чего объявилась его «невестой» [...]

А. И. Ульянова-Елизарова

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ИЛЬИЧЕ

НОВЫЕ ЗНАКОМСТВА И СВЯЗИ

Знакомства по приезде в Петербург (осенью 1893 г. — *Сост.*) Владимир Ильич стал заводить понемногу, осмотрительно: он знал, что правительство смотрело на него предубежденно, как на брата Александра Ильича, он видел, как часто за неосторожную болтовню влетала молодежь, не успев ничего сделать. Всякая болтовня и фраза были чужды ему: он хотел нести свои знания, свою работу в тот слой, который — он знал — совершит революцию, в слой рабочих. Он искал знакомства с людьми, которые разделяли его взгляды, которые считали, что революцию можно ждать не от крестьянства, якобы социалистически настроенного, якобы разделявшего коммунистические верования и навыки предков, и не от представителей интеллигенции — самоотверженных, готовых идти на смерть, но одиноких. Он искал таких, которые знали твердо, как и он, что революция в России будет произведена рабочим классом или ее не будет вовсе (слова Плеханова) [1]. Таких людей, социал-демократов, было тогда меньшинство. Большинство революционно настроенных образованных людей придерживались народнических и народовольческих взглядов, но так как организация была уже разрушена, дела никакого не было, то активно мало кто проявлялся, а было больше разговоров, шумихи. От этой интеллигентской болтовни и старался держаться подальше Владимир Ильич. Полиция, власти считали тогда тоже опаснее представителей народовольчества, идущих на насилие, несущих смерть для других и ставящих на карту и свою жизнь. По

сравнению с ними социал-демократы, ставящие себе целью мирную пропаганду среди рабочих, казались малоопасными. «Маленькая кучка, да когда-то что будет — через пятьдесят лет»,— говорил о них директор департамента полиции Зволянский.

Таково же приблизительно было воззрение на социал-демократов и в обществе. Если такой руководитель умов того времени, как Михайловский, настолько не понимал взглядов Маркса, что не видел — или затушевывал — революционное значение их, то чего же можно было ожидать от широких слоев. Маркса почти никто не читал, представление о социал-демократах имелось, главным образом, по легальной парламентской деятельности их в Германии. В России парламентом в то время и не пахло, поэтому нетерпеливой, рвущейся к революционной работе молодежи казалось, что русские социал-демократы просто избирают себе спокойный удел: почитывая Маркса, дожидаться, когда заря свободы взойдет над Россией. Им казалось, что объективизм Маркса прикрывал тут попросту вялость, старческую рассудочность в лучшем смысле, а в худшем — шкурнические интересы. Так смотрели на русских учеников Маркса авторитетные для молодежи старые революционеры, возвращавшиеся с каторги и ссылки. Их молодость была горячим и дерзким порывом борьбы со всесильным самодержавием, они, направляясь в народ, забрасывали книжки, плевали на дипломы... И они с тоской и непониманием взирали на новую, какую-то не по-юному солидную молодежь, которая считала возможным обкладывать себя толстыми томами научных книг в то время, как ничто не сдвинулось еще в устоях самодержавия и положение народа было плачевным по-прежнему. Они видели в этом какую-то холодность. Они готовы были применить к этой молодежи слова Некрасова:

Не будет гражданин достойный
К отчизне холоден душой.
Ему нет горше укоризны...

Каждое время выставляет свои требования, и обычно бывает, что представители старого поколения плохо понимают идеалы и стремления молодого, начавшего мыслить при изменившихся общественных условиях. А если политические условия остались в России прежние, то экономические начали сильно меняться: капитализм захватывал все большие области, все несомненнее стано-

вилось, что ход развития пойдет у нас так же, как на Западе, что вожаком революции будет и у нас, как и там, пролетариат. А сторонникам старых, народнических воззрений, не понимавшим, что дело тут не в чьем-то безразличии и не в чьей-то злой воле, что таков ход развития и против него никаким самым самоотверженным порывом ничего не поделаешь, казалось, что марксисты, слепо идя по пути Запада, хотят выварить всех крестьян в фабричном котле. Крестьянам же, по их убеждению, были присущи коммунистические взгляды, с которыми они могли бы миновать тяжелый путь через капитализм, несущий, особенно в первой своей стадии, неисчислимые бедствия и страдания для народа. «Лучше бы без капитализма»,— говорили они устами В. В. (Воронцова), Южакова и других народников и старались найти доказательства, что это «лучше бы» возможно. Они негодовали на марксистов, как негодует человек, не понимающий необходимости какой-либо операции, на холодность и сухость врача, спокойно подвергающего больного всем связанным с нею страданиям, не пытаясь обойтись «лучше» без них.

Это добренькое «лучше без капитализма» Владимир Ильич высмеивал очень ядовито и в устных своих выступлениях в тот период, и в первых своих работах, посвященных главным образом критике народничества. Отсылаем читателя к упомянутому уже нами сочинению его «Что такое „друзья народа"...», которое дает наилучшее представление о взглядах Ильича в тот период и которое в перепечатанных тогда на мимеографе тетрадках зачитывалось до дыр молодежью.

Еще раньше, чем тетрадки эти появились,— зимой 1893 года — Владимир Ильич выступал против народников в Москве. Это было во время рождественских каникул, когда он приехал побывать к нам. На праздниках устраивались обычно вечеринки. Так и тут на одной вечеринке с разговорами в студенческой квартире выступил против народников Владимир Ильич. Ему пришлось здесь сцепиться, главным образом, с известным писателем-народником — В. В. (Воронцовым). Не встречаясь с В. В. лично, Владимир Ильич не знал, против кого он выступает, и потом даже рассердился на знакомую, приведшую его на эту вечеринку, что она не сказала ему, кто его противник. Выступал он со свойственной ему великолепной смелостью, во всеоружии своих знаний и со всей силой убеждения, сосредоточив на себе

весь интерес вечеринки. Сторонникам противной стороны дерзость неизвестного молодого человека казалась чрезмерной; вся марксистски настроенная молодежь была страшно рада неожиданной поддержке и жалела, что, отчитав В. В., незнакомец быстро ускользнул с вечеринки. А Владимир Ильич ругал себя потом, что, раззадоренный авторитетностью, с которой В. В. высказывал свои устарелые взгляды, дал вызвать себя на обличения в неконспиративной обстановке. Но сошла эта вечеринка благополучно: на праздниках и полиция в Москве любила попраздновать, а потом имени Ильича никто не знал, его называли «петербуржец» [2]. Значение же его выступления для московской молодежи было большое: оно разъяснило молодым марксистам многое, оно дало им опору, толкнуло их вперед.

И в Питере в ту зиму у Владимира Ильича было мало знакомств. Он сошелся с кружком технологов, группировавшихся вокруг братьев Красиных, с которыми связался через Нижний Новгород, затем познакомился с несколькими сознательными и активными рабочими, как Бабушкин (расстрелянный после революции 1905 года в Сибири) и В. А. Шелгунов, давно уже ослепший, который и теперь выступает в Москве со своими воспоминаниями. Он познакомился с некоторыми легальными литераторами-марксистами, как с П. Б. Струве, А. Н. Потресовым, с которыми его сближала общая борьба против народников. Потресов, впрочем, был его ближайшим товарищем и позднее, по работе в «Искре», вплоть до раскола на II съезде в 1903 году. Но, направляя вместе со Струве удары против народников, Владимир Ильич раньше других почувствовал в нем чуждые струнки нереволюционера, не делающего всех выводов из учения Маркса, останавливающегося на чисто легальном, профессорском, буржуазном марксизме. Он почуял в нем будущего кадета и тогда же напал горячо на это вредное уклонение в статье под псевдонимом К. Тулин, помещенной в сборнике «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития», изданном Потресовым в 1895 году [3]. Сборнику этому не удалось проскочить через цензуру, как изданной ранее книге Плеханова под псевдонимом Бельтов «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Мудреное заглавие спасло книгу Плеханова, содержавшую ярые нападки на народников и определенно высказывавшую точку зрения революционных марксистов [4]. А сбор-

ник «Материалов», несмотря на несколько сухих, кишащих цифирью статей, влетел за статью Тулина и был сожжен[5]. Удалось спасти только несколько экземпляров, и немногие поэтому прочли тогда статью Владимира Ильича.

Таким образом, цензура быстро разобрала разницу между марксизмом революционным — социал-демократией — и марксизмом легальным. Стали понимать эту разницу и кое-кто из народников-революционеров, стали замечать, что собственно их противники социал-демократы также революционеры и что нельзя валить их в одну кучу с «легальными марксистами», которые, устанавливая факт, что Россия «идет на выучку к капитализму» (эпиграф к книге Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России»), никакого вывода в смысле необходимости борьбы с существующим строем из этого не делают. Кое-кто из молодых народовольцев, не признававших значения нашей общины.., стали подходить ближе к социал-демократам, убеждаясь, что они не только не против политической борьбы, а выставляют ее на своем знамени. Так, народовольцы, имевшие свою типографию в Петербурге (Лахтинская типография), сами предложили социал-демократам печатать их листовки и брошюры, считая, что разница между двумя направлениями лишь в том, что социал-демократы обращаются к рабочим, а не к другим классам общества, но что направление их также революционное. В Лахтинской типографии были напечатаны многие листовки Владимира Ильича и его брошюра «О штрафах»; вторая, «О стачках», была забрана там при аресте типографии и погибла.

Но это было уже позднее. Лето 1894 года — после первой зимы в Петербурге — Владимир Ильич проводил с нами под Москвой, в Кузьминках, неподалеку от станции Люблино, Курской железной дороги. Жил довольно уединенно и много занимался. Для отдыха гулял с меньшим братом и сестрой по окрестностям и заложил в них основы социал-демократического учения[6]. Из московских социал-демократов виделся с Мицкевичем, с которым познакомился еще раньше в Нижнем Новгороде, с Ганшиным и братьями Масленниковыми. Эти товарищи взялись печатать его тетрадки «Что такое „друзья народа“...», которые появились осенью 1894 года в Москве и Петербурге, размноженные на мимеографе[7].

Помню, что не успела прочесть его тетрадку о Михайловском в рукописи и разыскивала ее потом в Москве.

Это было не так-то легко, потому что выступление Михайловского против социал-демократов возмутило многих, и в Москве ходило несколько рукописных или доморощенно напечатанных ответов ему[8]. Легально ответы эти напечатаны быть не могли, это-то и возмущало против Михайловского, что он нападает и клепает на людей, которым зажат рот. Мне стали рассказывать о двух-трех ответах и, характеризуя их, заявили: «Один более основательный, только выражения очень уж недопустимые». — «А какие, например?» — спросила я с живостью. «Да, например, Михайловский сел в лужу». — «Вот этот, пожалуйста, мне и достаньте»,— заявила я, решив совершенно определенно, что этот и должен был принадлежать перу Володи. И потом мы смеялись с ним относительно того признака, по которому я безошибочно определила его работу.

БОРЬБА С «ЭКОНОМИСТАМИ»

Кроме народников и «легальных марксистов» Владимиру Ильичу пришлось сражаться еще с так называемыми «экономистами». Это было направление, отрицавшее необходимость политической борьбы со стороны рабочих и агитацию за таковую в рабочих массах. Вытекало оно из здорового и естественного стремления подходить к рабочим, политически совершенно неразвитым, сохранившим еще в массе веру в царя, с точки зрения их повседневных нужд и требований. Дело шло о первых шагах в этих массах, которые надо было пробудить, в которых надо было развить стремления к защите своего достоинства, сознание, что спасения можно искать только в объединении, в сплочении, и содействовать этому сплочению. А объединить можно было только на непосредственных, наглядных нуждах — прежде всего на протесте против притеснения со стороны хозяев. Так, призыв восстать против непомерно удлиняющегося рабочего времени, сокращаемого с помощью разных мошенничеств заработка, призыв требовать кипятка в обеденное время, более раннего окончания работы в субботу для того, чтобы пользоваться баней, отмены несправедливых штрафов, удаления грубых, зазнавшихся мастеров и т. п. был понятен самым серым, неразвитым рабочим.

Сплочаясь на таких обыденных нуждах, они научались бороться вместе, дружно, стойко, защищать общие интересы, а удача в этой борьбе давала им чувствовать свою силу и объединяла еще более. Удача первых стачек — а чем мельче и справедливее были выставленные требования, тем легче они удовлетворялись,— окрыляла и толкала вперед сильнее всякой агитации. Добытые улучшения в положении давали больше доступа и возможности читать, развиваться дальше. Поэтому все социал-демократы, шедшие к рабочим массам, начинали агитацию с экономических нужд. И листовки Владимира Ильича указывали на самые насущные требования рабочих того или иного завода или фабрики, производя этим большое впечатление. В случае несогласия хозяев удовлетворить мирным путем требования рабочих рекомендовалось прибегнуть к стачке. Успех стачки в одном предприятии побуждал к этому методу борьбы и другие.

То время было временем перехода от занятий в небольших кружках — пропаганды к работе в массах — агитации. И Владимир Ильич был одним из тех, кто стоял за такой переход. Разница между пропагандой и агитацией определялась, пожалуй, лучше всего словами Плеханова: «Пропаганда дает много идей небольшому кругу лиц, а агитация — одну идею массам» [9].

Но если первый подход к совершенно неразвитым рабочим должен был по необходимости идти от ближайших экономических нужд, то никто не говорил с самого начала определеннее Владимира Ильича, что это должно быть лишь начальной ступенью, что политическое сознание должно развиваться с первых же бесед и с первых листков. Помню разговор с ним об этом поздней осенью 1895 года, незадолго до его ареста, когда я приехала опять к нему в Петербург.

«Как подходить с разговорами о политике к серым рабочим, для которых царь — второй бог, которые и листки с экономическими требованиями берут еще со страхом и оглядкой? Не оттолкнуть бы их только этим»,— говорила я, имея в виду еще более серых московских рабочих.

Владимир Ильич указывал мне тогда, что все дело в подходе.

«Конечно, если сразу говорить против царя и существующего строя, то это только оттолкнет рабочих. Но ведь «политикой» переплетена вся повседневная жизнь. Грубость и самодурство урядников, пристава, жандарма

и их вмешательство при всяком несогласии с хозяином обязательно в интересах последнего, отношение к стачкам всех власть имущих — все это быстро показывает, на чьей они стороне. Надо только всякий раз отмечать это в листках, в статьях, указывать на роль местного урядника или жандарма, а там уже постепенно направляемая в эту сторону мысль пойдет дальше. Важно только с самого начала подчеркивать это, не давать развиваться иллюзии, что одной борьбой с фабрикантами можно добиться чего-нибудь». «Вот например,— говорил Владимир Ильич,— вышел новый закон о рабочих (не помню сейчас точно, чего он касался. — *А. Е.*), его следует разъяснить, показать, насколько тут делается что-либо для рабочих и насколько — для фабрикантов. И вот в газете, которую мы выпускаем, мы помещаем передовицей статью: «О чем думают наши министры?», которая покажет рабочим, что такое наше законодательство, чьи интересы оно защищает [10]. Мы намеренно говорим о министрах, а не о царе. Но эта статья будет политической, и такой должна быть обязательно передовица каждого номера, чтобы газета воспитывала политическое сознание рабочих». Статья эта, принадлежащая перу Владимира Ильича, входила действительно в первый номер «Рабочей газеты», не увидевший тогда света, забранный, как известно, при аресте Володи с товарищами 9 декабря 1895 года. Я читала ее, как и другой материал для первого номера «Рабочей газеты», подготовлявшегося тогда. Выпуск номера на мимеографе был делом громоздким и подготовлялся задолго. Помню, как ядовито был поддет в этой статье министр и какой она была популярной и боевой.

Говорю об этом так подробно, чтобы указать, насколько не правы были многие, клонившиеся тогда к «экономизму» люди, которые оправдывались позже тем, что и Владимир Ильич писал в то время листовки на экономические темы. Арест номера газеты с политической передовицей в рукописи и последовавшее затем изъятие Владимира Ильича на 4 с лишком года давали некоторую почву для таких оправданий, хотя и при кратковременном пребывании на воле перед ссылкой, да из тюрьмы и из ссылки Владимир Ильич проявлялся в этом отношении достаточно определенно, чтобы можно было не валить на него обвинения в «экономизме». Достаточно напомнить хотя бы его протест из ссылки против кусковского «Кредо» [11].

Это ярко политическое направление было присуще Ильичу с самого начала, оно вытекало из правильно понятого учения Маркса, оно находилось также в соответствии со взглядами родоначальницы русской социал-демократии — группы «Освобождение труда», собственно ее основателя — Плеханова. Владимир Ильич хорошо знал его взгляды по литературным работам, а кроме того, летом 1895 года, когда ездил за границу, и лично познакомился с ним. Официальной целью было отдохнуть и полечиться после воспаления легких, а неофициальной — завязать сношения с группой «Освобождение труда».

Владимир Ильич был очень доволен своей поездкой, и она имела для него большое значение. Плеханов пользовался всегда большим авторитетом в его глазах; с Аксельродом он очень сошелся тогда; он рассказывал по возвращении, что отношения с Плехановым установились хотя и хорошие, но довольно далекие, с Аксельродом же совсем близкие, дружественные. Мнением обоих Владимир Ильич очень дорожил. Позднее, из ссылки, он послал им для напечатания свою брошюру «Задачи социал-демократов в России» [12]. И когда я передала ему хвалебный отзыв о ней стариков, он написал мне: «Их (стариков) одобрительный отзыв о моих работах — это самое ценное, что я могу себе представить». И после свидания с ними он еще определеннее и энергичнее вступил на путь организации политической партии социал-демократов в России.

По возвращении из-за границы Владимир Ильич был у нас в Москве и много рассказывал о своей поездке и беседах, был особенно довольный, оживленный, я бы сказала даже — сияющий. Последнее происходило, главным образом, от удачи на границе с провозом нелегальной литературы.

Зная, что на него, вследствие его семейного положения, смотрят особенно строго, Владимир Ильич не намеревался везти с собой что-нибудь недозволенное, но за границей не выдержал, искушение было слишком сильно, и он взял чемодан с двойным дном. Это был обычный в то время способ перевозить нелегальную литературу; она укладывалась между двумя днами. Работа производилась в заграничных мастерских чисто и аккуратно, но способ этот был все же очень известен полиции,— вся надежда была на то, что не станут же исследовать каждый чемодан. Но вот при таможенном

осмотре чемодан Владимира Ильича был перевернут вверх дном и по дну, кроме того, прищелкнули. Зная, что опытные пограничные чиновники определяют таким образом наличие второго дна, Владимир Ильич решил, как рассказывал нам, что влетел. Тот факт, что его благополучно отпустили и он сдал чемодан в Питере, где последний был также благополучно распотрошен, привел его в великолепное настроение, с которым он и приехал к нам в Москву.

СЛЕЖКА И АРЕСТ

Вполне возможно, конечно, что Владимир Ильич не ошибся, что скрытое содержание было действительно обнаружено, но, как это практиковалось, влетевший не арестовывался сразу, чтобы проследить целый ряд лиц, принимавших литературу, распространявших ее, и создать таким образом большое дело.

К осени 1895 года за Владимиром Ильичем сильно следили. Он говорил мне об этом в упомянутый мной приезд к нему поздней осенью этого года. Он говорил, чтобы, в случае его ареста, не пускать в Питер мать, для которой хождение в разные учреждения с хлопотами о нем было особенно тягостно, так как было связано с воспоминаниями о таком же хождении для старшего сына. В тот приезд познакомилась я у брата с В. А. Шелгуновым, тогда еще молодым, здоровым рабочим.

Рассказывал Владимир Ильич мне несколько случаев о том, как он удирал от шпиков. Зрение у него было хорошее, ноги проворные, и рассказы его, которые он передавал очень живо, с веселым хохотом, были, помню, очень забавны. Запомнился мне особенно один случай. Шпион настойчиво преследовал Владимира Ильича, который никак не хотел привести его на квартиру, куда отправлялся, а отделаться тоже никак не мог. Выслеживая этого нежеланного спутника, Ильич обнаружил его в глубоких воротах питерского дома. Тогда, быстро миновав ворота, он вбежал в подъезд того же дома и наблюдал оттуда с удовольствием, как заметался выскочивший из своей засады и потерявший его преследователь.

«Я уселся,— передавал он,— на кресло швейцара, откуда меня не было видно, а через стекло я мог все наблюдать, и потешался, глядя на его затруднительное положение; а какой-то спускавшийся с лестницы чело-

век с удивлением посмотрел на сидящего в кресле швейцара и покатывавшегося со смеха субъекта».

Но если при ловкости и удавалось уходить иногда от преследований, то все же полиция, дворники (которые были тогда домовой полицией) и стаи шпионов были сильнее. И они выследили наконец Владимира Ильича и его товарищей, которым приходилось маленькой кучкой исполнять множество различных неразрешенных дел: встречаться на конспиративных собраниях, куда очень мудрено было не привести никому шпика, посещать рабочие квартиры, которые были приметны и за которыми следили, добывать и передавать нелегальную литературу, писать, перепечатывать и раздавать листки и т. п. Разделения труда было мало, ибо и работников было мало, и каждый поэтому быстро привлекал внимание полиции. А затем кроме уличных ищеек были еще провокаторы, втиравшиеся под видом «своих» в кружки; таков был в то время зубной врач Михайлов, входивший хотя не в тот кружок, где работал Владимир Ильич, но имевший сведения и о других кружках[13]. Насаждались такие провокаторы и в рабочих кружках, а кроме того, тогдашние рабочие были наивны и легко попадались на удочку. При нелегальной работе люди «жили» в то время недолго: лишь с осени 1895 года стала она развертываться, а 9 декабря Владимир Ильич и большая часть его товарищей были изъяты.

И вот, первый период деятельности Владимира Ильича закончился дверями тюрьмы. Но за эти $2^1/_2$ года был пройден большой этап как им лично, так и нашим социал-демократическим движением. Владимир Ильич за эти годы провел решающие бои с народниками, он выявил вполне определенно свою революционную марксистскую сущность, отмежевавшись от разных уклонений, он завязал связь с заграничной группой основоположников марксизма. Но что еще важнее, он начал практическую работу, он завязал связь с рабочими, он выступил в качестве вождя и организатора партии в те годы, когда считалась еще сомнительной возможность зарождения ее в условиях тогдашней России. И хотя создалась она (I съезд партии) уже без него, когда он был в ссылке, но создалась под его давлением, и после того как им была заложена первая политическая организация социал-демократии в Петербурге, был намечен первый политический орган, были проведены первые крупные — на весь Питер и Москву — стачки.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ В ТЮРЬМЕ

Владимир Ильич был арестован измученным нервной сутолокой работы последнего времени и не совсем здоровым. Известная «охранная» карточка 1895 года дает представление о его состоянии.

После первого допроса он послал к нам в Москву Надежду Константиновну Крупскую с поручением. В шифрованном письме он просил ее срочно предупредить нас, что на вопрос, где чемодан, привезенный им из-за границы, он сказал, что оставил его у нас, в Москве. «Пусть купят похожий, покажут на мой... Скорее, а то арестуют». Так звучало его сообщение, которое я хорошо запомнила, так как пришлось с различными предосторожностями покупать и привозить домой чемодан, относительно внешнего вида которого Надежда Константиновна сказала нечто очень неопределенное и который оказался, конечно, совсем непохожим на привезенный из-за границы, с двойным дном. Чтобы чемодан не выглядел прямо с иголочки, новеньким, я взяла его с собой в Петербург, когда поехала с целью навестить брата и узнать о его деле.

В первое время в Петербурге во всех переговорах с товарищами, в обмене шифром с братом и в личных беседах с ним на свиданиях чемодан этот играл такую большую роль, что я отворачивалась на улицах от окон магазинов, где был выставлен этот настолько осатаневший мне предмет: видеть его не могла спокойно. Но хотя на него и намекали на первом допросе, концов с ним найдено не было, и обвинение это, как часто бывало, потонуло в других, относительно которых нашлись более неопровержимые улики.

Так, доказано было сообщество и сношение с целым рядом арестованных одновременно с ним лиц, и у одного из них, Ванеева, был взят рукописный номер нелегальной «Рабочей газеты»[14]; была доказана связь с рабочими в кружках, с которыми — за Невской заставой — Владимир Ильич занимался[15]. Одним словом, доказательств для того, чтобы начать жандармское расследование, было вполне достаточно.

Вторым приехавшим к нам в Москву после ареста брата был Михаил Александрович Сильвин, уцелевший член его кружка; он рассказал о письме, полученном от Владимира Ильича из тюрьмы на имя той знакомой, у которой он столовался[16]. В этом первом большом пись-

ме из тюрьмы Владимир Ильич развивал план той работы, которой хотел заняться там,— подготовлением материала для намечаемой им книги «Развитие капитализма в России». Серьезный тон длинного письма с приложенным к нему длиннейшим списком научных книг, статистических сборников искусно замаскировал тайные его цели, и письмо дошло беспрепятственно, без всяких помарок. А между тем Владимир Ильич в письме этом ни больше ни меньше как запросил товарищей о том, кто арестован с ним; запросил без всякого предварительного уговора, но так, что товарищи поняли и ответили ему тотчас же, а бдительные аргусы ничего не заподозрили.

«В первом же письме Владимир Ильич запросил нас об арестованных,— сказал мне с восхищением Сильвин,— и мы ответили ему».

К сожалению, уцелела только первая часть письма, приложенного к ней списка книг нет: очевидно, он застрял и затерялся в процессе розыска их. Большая часть перечисленных книг была действительно нужна Владимиру Ильичу для его работы, так что письмо метило в двух зайцев и, в противовес известной пословице, попало в обоих. Я могу только восстановить по памяти некоторые из тех заглавий, которыми Владимир Ильич, искусно вплетая их в свой список, запросил об участии товарищей. Эти заглавия сопровождались вопросительным знаком, которым автор обозначал якобы неточность цитируемого на память названия книги и который в действительности отмечал, что в данном случае он не книгу просит, а запрашивает. Запрашивал он, пользуясь кличками товарищей. Некоторые из них очень подходили к характеру нужных ему книг, и запрос не мог обратить внимания. Так, о Василии Васильевиче Старкове он запросил: «В. В. Судьбы капитализма в России». Старков звался «Веве». О нижегородцах — Ванееве и Сильвине, носивших клички Минин и Пожарский, запрос должен уже был остановить более внимательного контролера писем заключенных, так как книга не относилась к теме предполагавшейся работы,— это был Костомаров «Герои смутного времени». Но все же это была научная, историческая книга, и, понятно, требовать, чтобы просматривающие кипы писем досмотрели такое несоответствие, значило бы требовать от них слишком большой дозы проницательности. Однако же не все клички укладывались так сравнительно удобно в рамки заглавий научных книг, и одной из следующих, перемеженных, конеч-

но, рядом действительно нужных для работы книг была книга Брема «О мелких грызунах». Здесь вопросительный знак запрашивал с несомненностью для товарищей об участи Кржижановского, носившего кличку Суслик. Точно так же по-английски написанное заглавие: Mayne Rid «The Mynoga» — обозначало Надежду Константиновну Крупскую, окрещенную псевдонимом «рыба» или «минога». Эти наименования могли как будто остановить внимание цензоров, но серьезный тон письма, уйма перечисленных книг, а кроме того, предусмотрительная фраза, стоящая где-то во втором (потерянном) листке: «Разнообразие книг должно служить коррективом к однообразию обстановки», усыпили их бдительность.

К сожалению, в памяти моей сохранились лишь эти несколько заглавий, по поводу которых мы когда-то немало хохотали. Еще я вспоминаю только «Goutchoul» или «Goutchioule», намеренно сложным французским правописанием написанная фамилия фантастического автора какой-то исторической книги (названия ее уже не помню). Это должно было обозначать Гуцул, т. е. Запорожец. Помню еще, что по поводу «Героев смутного времени» Сильвин рассказывал, что они ответили: «В библиотеке имеется лишь 1 т. сочинения», т. е. арестован лишь Ванеев, а не Сильвин.

Владимир Ильич был посажен в Дом предварительного заключения, коротко называвшийся «Предварилкой». То была полоса довольно благоприятных условий сидения. Свидания разрешались обычно через месяц после ареста и по два раза в неделю: одно личное, другое общее за решеткой. Первое в присутствии надзирателя продолжалось полчаса; второе — целый час. При этом надзиратели ходили взад и вперед — один сзади клетки с железной решеткой, в которую вводились заключенные, другой — за спинами посетителей. Ввиду большого галдежа, который стоял в эти дни, и общего утомления, который он должен был вызывать в надзирателях, а также низкого умственного развития их, можно было при некоторых ухищрениях говорить на этих свиданиях почти обо всем. Передачи пищи принимались три раза в неделю, книги — два раза. При этом книги просматривались не жандармами, а чиновниками прокурора суда, помещавшегося в доме рядом, и просмотр этот, при массе приносимых книг, был, вероятно, в большинстве случаев простой формальностью. Книги разрешались к пропуску довольно широко, без больших изъя-

тий; разрешались даже ежемесячные журналы, а потом и еженедельные. Таким образом, отрыва от жизни — одной из самых тяжелых сторон одиночного заключения — не было. Была довольно богата и библиотека «Предварилки», составившаяся из разных пожертвований, так что многие товарищи, особенно из рабочих, серьезно пополняли в ней свое образование.

Владимир Ильич, налаживаясь на долгое сидение, ожидая далекой ссылки после него, решил использовать за это время и питерские библиотеки, чтобы собрать материал для намеченной им работы «Развитие капитализма в России». Он посылал в письмах длинные перечни научных книг, статистических сборников, которые доставались ему из Академии наук, университетской и других библиотек. Я с матерью жила большую часть тюремного заключения Владимира Ильича в Питере, и мне приходилось таскать ему целые кипы книг, которыми был завален один угол его камеры. Позднее и с этой стороны условия стали более суровы: число книг, выдаваемых заключенному в камеру, было строго и скупо определено. Тогда же Ильич мог не спеша делать выписки из статистических сборников и, кроме того, иметь и другие — научные, беллетристические — книги на русском и иностранных языках.

Обилие передаваемых книг благоприятствовало нашим сношениям посредством их. Владимир Ильич обучил меня еще на воле основам шифрованной переписки, и мы переписывались с ним очень деятельно, ставя малозаметные точки или черточки в буквах и отмечая условным знаком книгу и страницу письма.

Ну и перепортили мы с этой перепиской глаза немало! Но она давала возможность снестись, передать что-либо нужное, конспиративное и была поэтому неоцененна. При ней самые толстые стены и самый строгий начальнический надзор не могли помешать нашим переговорам. Но мы писали, конечно, не только о самом нужном. Я передавала ему известия с воли, то, что неудобно было, при всей маскировке, сказать на свидании. Он давал поручения такого же рода, просил передать что-либо товарищам, завязывал связи с ними, переписку по книгам из тюремной библиотеки; просил передать, к которой доске в клетке, в которую пускали гулять, прилеплена черным хлебом записка для того или другого из них. Он очень заботился о товарищах: писал ободряющие письма тому, кто, как он слышал, нервничал; про-

сил достать тех или иных книг; устроить свидание тем, кто не имел его. Эти заботы брали много времени у него и у нас. Его неистощимое, бодрое настроение и юмор поддерживали дух и у товарищей.

К счастью для Ильича, условия тюремного заключения сложились для него, можно сказать, благоприятно. Конечно, он похудел и, главным образом, пожелтел к концу сидения, но даже желудок его — относительно которого он советовался за границей с одним известным швейцарским специалистом — был за год сидения в тюрьме в лучшем состоянии, чем в предыдущий год на воле. Мать приготовляла и приносила ему три раза в неделю передачи, руководствуясь предписанной ему указанным специалистом диетой; кроме того, он имел платный обед и молоко. Очевидно, сказалась благоприятно и регулярная жизнь этой российской «санатории», жизнь, о которой, конечно, нечего было и думать при нервной беготне нелегальной работы.

Свидания с ним бывали очень содержательны и интересны. Особенно много можно было поболтать на свиданиях за решеткой. Мы говорили намеками, впутывая иностранные названия таких неудобных слов, как «стачка», «листовка». Наберешь, бывало, новостей и изощряешься, как передать их. А брат изощрялся, как передать свое, расспросить. И как весело смеялись мы оба, когда удавалось сообщить или понять что-либо такое запутанное. Вообще наши свидания носили вид беспечной оживленной болтовни, а в действительности мысль была все время напряжена: надо было суметь передать, суметь понять, не забыть всех поручений. Помню, раз мы чересчур увлеклись иностранными терминами, и надзиратель за спиной Владимира Ильича сказал строго:

— На иностранных языках говорить нельзя, только на русском.

— Нельзя,— сказал с живостью, обертываясь к нему, брат,— ну, так я по-русски говорить буду. Итак, скажи ты этому золотому человеку...— продолжал он разговор со мной.

Я со смехом кивнула головой: «золотой человек» должно было обозначать Гольдмана, т. е. не велели иностранных слов употреблять, так Володя немецкое по-русски перевел, чтобы нельзя было понять, кого он называет.

Одним словом, Владимир Ильич и в тюрьме проявлял свою всегдашнюю кипучую энергию. Он сумел уст-

роить свою жизнь так, что весь день был наполнен. Главным образом, конечно, научной работой. Обширный материал для «Развития капитализма» был собран в тюрьме. Владимир Ильич спешил с этим. Раз, когда к концу сидения я сообщила ему, что дело, по слухам, скоро оканчивается, он воскликнул: «Рано, я не успел еще материал весь собрать».

Но и этой большой работы было ему мало. Ему хотелось принимать участие в нелегальной, революционной жизни, которая забила тогда ключом. Этим летом (1896 года) происходили крупные стачки текстильщиков в Петербурге, перекинувшиеся затем в Москву [17], стачки, произведшие эпоху в революционном движении пролетариата. Известно, какой переполох создали эти стачки в правительственных кругах [18], как царь боялся вследствие них вернуться в Питер с юга. В городе все кипело и бурлило. Было чрезвычайно бодрое и подъемное настроение. Год коронации Николая II с его знаменитой Ходынкой [19] отмечен первым пробным выступлением рабочих двух главных центров, как бы первым, зловещим для царизма маршем рабочих ног, еще не политическим, правда, но уже тесно сплоченным и массовым. Более молодым товарищам трудно оценить и представить себе все это теперь, но для нас, после тяжелого гнета 80-х годов, при кротообразном существовании и разговорах по каморкам, стачка эта была громадным событием. Перед нами как бы «распахнулись затворы темницы глухой в даль и блеск лучезарного дня», как бы выступил сквозь дымку грядущего облик того рабочего движения, которым могла и должна была победить революция. И социал-демократия из книжной теории, из далекой утопии каких-то марксистов-буквоедов приобрела плоть и кровь, выступила как жизненная сила и для пролетариата и для других слоев общества. Какое-то окно открылось в душном и спертом каземате российского самодержавия, и все мы с жадностью вдыхали свежий воздух и чувствовали себя бодрыми и энергичными, как никогда.

«Союз борьбы за освобождение рабочего класса», как был назван уже после ареста Владимира Ильича основанный им союз, становился все более и более популярным. Предприятия одно за другим обращались к нему с просьбой выпустить и для них листовки. Посыпались и жалобы: «Почему нас союз забыл?» Требовались и листовки общего характера, прежде всего пер-

вомайские. Товарищи на воле жалели, что их не может писать Владимир Ильич. И ему самому хотелось писать их. Кроме того, у него уже были намечены темы для брошюр, как «О стачках».

Он был занят вопросом программы. И вот он стал пробовать писать в тюрьме и нелегальные вещи. Передавать их шифром было, конечно, невозможно. Надо было применить способ незаметного, проявляемого уже на воле письма. И, вспомнив одну детскую игру, Владимир Ильич стал писать молоком между строк книги, что должно было проявлять нагреванием на лампе. Он изготовлял себе для этого крошечные чернильницы из черного хлеба, с тем чтобы можно было проглотить их, если послышится шорох у двери, подглядывание в волчок. И он рассказывал смеясь, что один день ему так не повезло, что пришлось проглотить целых шесть чернильниц.

Помню, что Ильич в те годы и перед тюрьмой и после нее любил говорить: «Нет такой хитрости, которой нельзя было бы перехитрить». И в тюрьме он со свойственной ему находчивостью упражнялся в этом. Он писал из тюрьмы листовки, написал брошюру «О стачках», которая была забрана при аресте Лахтинской типографии (ее проявляла и переписывала Надежда Константиновна). Затем написал программу партии и довольно подробную «объяснительную записку» к ней, которую переписывала частью я после ареста Надежды Константиновны. Программа эта тоже не увидела света: она была передана мною по окончании А. Н. Потресову и после его ареста была уничтожена кем-то, кому он отдал ее на хранение [20]. Кроме работы, ко мне по наследству от Надежды Константиновны перешло конспиративное хранилище нелегальщины — маленький круглый столик, который, по мысли Ильича, был устроен ему одним товарищем-столяром. Нижняя точеная пуговка несколько более, чем обычно, толстой единственной ножки стола отвинчивалась, и в выдолбленное углубление можно было вложить порядочный сверток. Туда к ночи запрятывала я переписанную часть работы, а подлинник — прогретые на лампе странички — тщательно уничтожала. Столик этот оказал немаловажные услуги: на обысках как у Владимира Ильича, так и у Надежды Константиновны он не был открыт; переписанная последнею часть программы уцелела и была передана мне вместе со столиком матерью Надежды

Константиновны. Вид его не внушал подозрений, и только позднее, после частого отвертывания пуговки, нарезки стерлись и она стала отставать.

Сначала Владимир Ильич тщательно уничтожал черновики листовок и других нелегальных сочинений после переписки их молоком, а затем, пользуясь репутацией научно работающего человека, стал оставлять их в листах статистических и иных выписок, нанизанных его бисерным почерком. Да такую, например, вещь, как подробную объяснительную записку к программе, и нельзя было бы уничтожить в черновом виде: в один день ее нельзя было переписать; и потом Ильич, обдумывая ее, вносил постоянно исправления и дополнения. И вот раз на свидании он рассказывал мне со свойственным ему юмором, как на очередном обыске в его камере жандармский офицер, перелистав немного изрядную кучу сложенных в углу книг, таблиц и выписок, отделался шуткой: «Слишком жарко сегодня, чтобы статистикой заниматься». Брат говорил мне тогда, что он особенно и не беспокоился: «Не найти бы в такой куче», а потом добавил с хохотом: «Я в лучшем положении, чем другие граждане Российской империи,— меня взять не могут». Он-то смеялся, но я, конечно, беспокоилась, просила его быть осторожнее и указывала, что если взять его не могут, то наказание, конечно, сильно увеличат, если он попадется; что могут и каторгу дать за такую дерзость, как писание нелегальных вещей в тюрьме.

И поэтому я всегда с тревогой ждала возвращения от него книги с химическим посланием. С особенной нервностью дожидалась я возвращения одной книги: помнится, с объяснительной запиской к программе, которая, я знала, вся сплошь была исписана между строк молоком. Я боялась, чтобы при осмотре ее тюремной администрацией не обнаружилось что-нибудь подозрительное, чтобы при долгой задержке буквы не выступили — как бывало иногда, если консистенция молока была слишком густа,— самостоятельно. И, как нарочно, в срок книги мне не были выданы. Все остальные родственники заключенных получили в четверг книги, сданные в тот же день, а мне надзиратель сказал кратко: «Вам нет», в то время как на свидании, с которого я только что вышла, брат заявил, что вернул книги. Эта в первый раз случившаяся задержка заставила меня предположить, что Ильич попался; особенно мрачной показалась и всегда мрачная физиономия надзирателя,

выдававшего книги. Конечно, настаивать было нельзя, и я провела мучительные сутки до следующего дня, когда книги, в их числе книга с программой, были вручены мне.

Бывало, что и брат бил тревогу задаром. Зимой 1896 года, после каких-то арестов (чуть ли не после ареста Потресова), я запоздала случайно на свидание, пришла к последней смене, чего обычно не делала; Владимир Ильич решил, что я арестована, и уничтожил какой-то подготовленный им черновик.

Но подобные волнения бывали лишь изредка, по таким исключительным поводам, как новые аресты; вообще же Ильич был поразительно ровен, выдержан и весел на свиданиях и своим заразительным смехом разгонял наше беспокойство.

Все мы—родственники заключенных — не знали, какого приговора ждать. По сравнению с народовольцами социал-демократов наказывали довольно легко. Но последним питерским инцидентом было дело М. И. Бруснева, которое кончилось сурово: 3 года одиночки и 10 лет ссылки в Восточную Сибирь — так гласил приговор главе дела.

Мы очень боялись долгого тюремного сидения, которого не вынесли бы многие, которое во всяком случае подорвало бы здоровье брата. Уже и так к году сидения Запорожец заболел сильным нервным расстройством, оказавшимся затем неизлечимой душевной болезнью; Ванеев худел и кашлял (умер в ссылке, через год после освобождения, от туберкулеза); Кржижановский и остальные также более или менее нервничали.

Поэтому приговор к ссылке на три года в Восточную Сибирь был встречен всеми прямо-таки с облегчением.

Он был объявлен в феврале 1897 года. В результате хлопот матери Владимиру Ильичу разрешено было поехать в Сибирь на свой счет, а не по этапу. Это было существенным облегчением, так как кочевка по промежуточным тюрьмам брала много сил и нервов.

Помню, как в день освобождения брата в нашу с матерью комнату прибежала и расцеловала его, смеясь и плача одновременно, г. Якубова.

И очень ясно запомнилось выразительно просиявшее бледное и худое лицо его, когда он в первый раз забрался на империал конки и кивнул мне оттуда головой.

Он мог разъезжать в конке по питерским улицам,

мог повидаться с товарищами, потому что всем освобожденным «декабристам» разрешено было пробыть до отправки три дня в Петербурге, в семьях. Этой небывалой льготы добилась сначала для своего сына мать Ю. О. Цедербаума (Мартова), через какое-то знакомство с директором департамента полиции Зволянским; а затем, раз прецедент создался, глава полиции не счел возможным отказывать другим. В результате все повидались, снялись группой (известный снимок), устроили два вечерних, долго затянувшихся собрания: первое — у Радченко Степана Ивановича и второе — у Цедербаума. Говорили, что полиция спохватилась уже после времени, что дала маху, пустив гулять по Питеру этих социал-демократов, что совсем не такой мирный они народ; рассказывали также, что Зволянскому был нагоняй за это. Как бы то ни было, после этого случая таких льгот «скопом» уже не давалось; если и оставлялись иногда до высылки, то или люди заведомо больные, или по особой уже протекции. Собрания были встречами «старых» и «молодых». Велись дебаты о тактике. Особенно таким чисто политическим собранием было первое — у Радченко. Второе — у Цедербаума — было более нервное и сутолочное. На первом собрании разгорелась дискуссия между «декабристами» и позднейшими сторонниками «Рабочей мысли»[21].

Владимиру Ильичу было разрешено провести три дня и в Москве, в семье. Повидавшись с товарищами, он решил было заарестоваться в Москве и ехать дальше с ними вместе. Тогда была только что окончена магистраль до Красноярска, и этап представлялся уже не таким тягостным, как раньше: только две тюрьмы — в Москве и Красноярске. И Владимиру Ильичу не хотелось пользоваться льготой по сравнению с товарищами. Помню, что это очень огорчило мать, для которой разрешение Володе ехать на свой счет было самым большим утешением. После того как ей доказывали, насколько важно добиться поездки на свой счет, после того как ей передавали слова кого-то из старых ссыльных: «Ссылку мог бы повторить, этап — никогда», Владимир Ильич решает отказаться от полученной с трудом льготы и добровольно пойти опять в тюрьму.

Но дело обошлось. «Декабристы», заарестованные в Питере, не прибыли еще к окончанию трех льготных дней в Москву, а между тем засуетившаяся московская охранка поставила вызванного к себе Владимира Ильи-

ча перед ультиматумом: или получение проходного свидетельства на завтра или немедленное заарестовывание. Перспектива идти в тюрьму тотчас же, даже не простившись с домашними, и ждать там неопределенное время приезда «своих»,—эта конкретная русская действительность, да еще в ее менее причесанной, чем в Питере, в ее московской форме, в этом отпечатке «вотчины» князя Сергея [22], навалилась на него, на его стремление идти вместе с товарищами. Естественный протест здравого ума против такой бесплодной растраты сил для того, чтобы не отличаться от товарищей, всегда присущее ему сознание необходимости беречь силы для действительной борьбы, а не для проявления рыцарских чувств, одержало верх, и Ильич решил выехать на следующий день. Мы четверо — мать, сестра Мария Ильинична и я с мужем, Марком Тимофеевичем,— поехали провожать его до Тулы.

Владимир Ильич пошел в ссылку вождем, признанным многими. Первый съезд партии 1898 года наметил его редактором партийного органа и ему поручил написать программу партии. И наше социал-демократическое движение сделало за эти годы первый, а потому и самый трудный шаг к партийности, к широкой массовой борьбе. Почти все руководители были арестованы, участники I съезда были сметены почти целиком, но основы были заложены. Первый, начальный этап движения был пройден [...]

М. А. Сильвин

ЛЕНИН В ПЕРИОД ЗАРОЖДЕНИЯ ПАРТИИ

МОИ ВСТРЕЧИ С В. И. ЛЕНИНЫМ

(...) Несмотря на незначительную разницу лет, всего на пять лет он (В. И. Ленин.— *Сост.)* был старше меня (мне было девятнадцать, а ему двадцать четыре года, когда мы с ним познакомились), несмотря на частые наши встречи и на некоторую близость, которая обычно бывает при совместной работе в тесном кружке, внутренний, интимный мир его никогда передо мной не раскрывался. Слишком велика была разница в духовном облике каждого из нас. Его обширный ум, его знания, его сильный характер слишком импонировали мне. Я всегда смотрел на Владимира Ильича снизу вверх. В его отношении ко мне было что-то патронирующее. Я видел в нем вождя, огромную одухотворяющую силу для того дела, которому я хотел отдать свою жизнь, и я был ему предан всецело. Он знал это и ценил мою преданность, платил мне за нее доверием в революционных делах и дружеской снисходительностью ко многим моим большим и малым слабостям.

Человек он был удивительно деликатный, любезный собеседник, верный товарищ, простой и ясный в личных отношениях, непринужденно веселый, когда товарищи собирались повеселиться. Раза два в Петербурге и несколько раз у него дома в ссылке я видел его в такой интимной, дружеской, частной обстановке. Помню, однажды в Петербурге на масленице — вероятно, это было в 1894 году — мы устроили катание на вейках [1]. Малченко, организатор увеселений, когда они случались в нашем кружке, повез нас куда-то в Лесной, где в ярко

освещенном зале мы за маленьким столиком пили вино и танцевали вместе с другими гостями этого заведения. Кажется, были с нами и наши дамы. Владимир Ильич также танцевал и был непринужденно весел.

Совершенно иной он был как политик: сосредоточен, неуступчив, суров до жестокости, чужд сантиментов. «Революция не игра в бирюльки,— говаривал он,— в ней нет места обывательским соображениям».

Как я уже сказал, мы единогласно, бесспорно и молчаливо признали его нашим лидером, нашей главой. Это его главенство основывалось не только на его подавляющем авторитете как теоретика, на его огромных знаниях, необычайной трудоспособности, на его умственном превосходстве,— он имел для нас и огромный моральный авторитет, притом двоякого рода. Мы видели, мы постоянно чувствовали в нем необычайную силу убеждений, глубокую идейность; мы видели, что во всех своих рассуждениях, чего бы они ни касались, он исходил из одной только идеи, из идеи борьбы русского рабочего класса за революцию, за социализм; и этой идее он отдавал себя всецело; для него не было других интересов, кроме тех, которые были связаны с ней, другой жизни, кроме той, которая была всецело отдана им этой идее. С другой стороны, он импонировал нам также своим моральным величием, нам казалось, он был совершенно свободен от тех мелких слабостей, которые можно найти в каждом.

Однажды, зайдя к нему на пасхе, я увидел на краю стола кулич, пасху и крашеные яйца. На мой вопрос, что это такое, Владимир Ильич с кислой улыбкой заметил: «Хозяйкино угощеньице». Этот бесконечно деликатный человек не решился обидеть добрую женщину отказом от ее пасхального угощения, которое она предложила, жалеючи скромного, одинокого жильца, заброшенного на чужбину. Деликатность, нежелание обидеть, быть грубым я не раз наблюдал у Владимира Ильича по отношению ко многим назойливым людям и также по отношению к себе лично, чувствуя иногда, что мешаю ему заниматься или надоедаю вопросами, отвечать на которые ему было скучно или досадно из-за их элементарности.

Только раз он действительно сердито сделал мне выговор, зачем я пригласил попа на похороны Ванеева [2].

— На кой, собственно, черт это ему нужно! — ворчал он.

Но большей частью мои ошибки в суждениях, наивные вопросы невежды или тактические промахи только заставляли его широко открыть глаза или блеснуть ими с несравненной, незабываемой усмешкой. Однажды я спросил его, в чем, собственно, состояло деяние его брата, Александра Ильича, казненного правительством Александра III.

— Неужели вы не знаете? — удивился Владимир Ильич.— Они решили убить царя, вышли на Невский проспект с бомбами, имевшими форму книг, биноклей и тому подобного, ожидая царского выезда, но их проследили, царя предупредили, и он в тот день не выезжал, а их схватили, судили и повесили.

Он рассказывал это эпически спокойно и как-то подчеркнуто сжато.

Владимир Ильич всегда поражал нас своей необычайной работоспособностью. Революционная кухня, все мелочи подпольной организации, вся ее сложная техника работы, которой Владимир Ильич никогда не избегал, брала массу времени и требовала напряженного внимания. Верным помощником и другом в этих случаях ему всегда была Надежда Константиновна, но и лично ему приходилось с этим возиться. Помню, как приходилось склеивать и расклеивать письма и статьи для отправки за границу Плеханову, маскируя их в переплетах книг и т. п. Кроме того, Ленин всегда очень много работал теоретически, писал книги, статьи в журналы и находил время для того, чтобы просто быть хорошим товарищем или другом.

В январе 1895 года, приехав из Нижнего, я, должно быть, простудился в дороге и больным поселился в каких-то меблированных комнатах по Гороховой улице в доме, кажется, № 34 (на углу Садовой); Владимир Ильич, узнав о моем беспомощном положении, пришел навестить меня, вызвал ко мне врача, всячески хотел помочь мне[3]. Когда спустя восемь или девять месяцев после его ареста я, в свою очередь, оказался в Доме предварительного заключения, то получил от него, сидевшего там же, ласковое письмо тем способом (точками в книгах тюремной библиотеки), каким заключенные переписывались обыкновенно в тюрьме. Когда его старший товарищ по Самаре Лалаянц был освобожден из «Крестов» после отсидки, Владимир Ильич повидался с ним и даже проводил его до Москвы. В ссылке, где публика пребывала большей частью в постоянной

праздности и склонна была надоедать друг другу постоянными посещениями, Владимир Ильич имел настолько выдержки, что никогда не чуждался ссыльных товарищей и в особенности рабочей публики. Его поместительный дом в Шушенском часто посещался местными и приезжими из окрестностей товарищами. В Швейцарии всякого приезжавшего к нему эмигранта-друга он, при всей ограниченности материальных средств, всегда встречал ласково и радушно, никто не уходил голодным из его дома.

В личных отношениях Владимир Ильич был чуток, внимателен к другим, деликатен.

Он был человек простых привычек, ел столько, сколько необходимо для нормального существования организма, избегал всего острого и жирного, никогда не посещал ресторанов без крайней необходимости, не имел ненужных и вредных привычек. Он не курил. Из напитков охотно пил только легкое пиво,— никогда не пил водки и вообще крепких напитков, вино пил иногда с нами при каком-нибудь особом случае, например когда мы были у него гостями в Шуше, но пил мало и, видимо, без всякой охоты.

В Петербурге в 90-х годах жил он очень скромно. В Казачьем Большом переулке (теперь переулок Ильича) можно видеть комнату, которую он занимал в квартире какой-то простой женщины. Небольшая комнатенка в третьем этаже невысокого дома; ход в нее из подворотни по мрачной, грязноватой лестнице с какими-то старинными маршами, напоминающими угрюмые переходы в Трубецком бастионе Петропавловской крепости. В левом углу у окна стол, кажется, единственный в комнате, за которым Владимир Ильич занимался. Тут же, на краю стола, ставился чайный прибор и тарелка с хлебом, когда требовалось. На столе было опрятно, книг и бумаг сравнительно немного, для книг между кроватью и комодом стояла невысокая простая этажерка; на столе была керосиновая бедного вида лампа, электрического освещения в те времена не было. Слева вдоль стены стояла кушетка или, может быть, диван, довольно убогий, старый, помятый, без всякой накидки на нем. Приходя к Владимиру Ильичу, на этот диван я и усаживался. На него же садились обычно и другие посетители.

В комнате было два-три стула, простая железная кровать, покрытая байковым одеялом. Одеяло было, ви-

димо, недостаточно теплое, потому что, когда Владимир Ильич заболел как-то и лежал в постели, он накрывался сверх одеяла еще и своим пальто. Ближе к двери у окна, выходящего на двор, стояла вешалка для платья и рядом с ней фаянсовый таз для умывания на железной трехногой подставке и такой же кувшин при нем. Никаких семейных или гимназических фотографий на комоде, которые стоят там теперь, я не помню, либо я, приходя обыкновенно по вечерам, их не замечал. На стенах никаких фотографий и вообще ничего развешано не было. Бытовые условия жизни Владимира Ильича не отличались от наших, студенческих. Иные из нас жили, пожалуй, даже лучше, комфортабельнее, чем он [4].

Одевался он также очень просто: темного цвета пиджак, отложной воротничок с черным галстуком, ленточка часов болталась из жилетного кармана, суконное на вате пальто в зимнее время и темная фетровая шляпа, коричневые замшевые перчатки. Только однажды, когда он приезжал ко мне в Ригу весной 1900 года, перед отъездом за границу, он был в котелке и с тросточкой. Както зимой я встретил его на улице в меховой шапке. По улицам он предпочитал ходить пешком или ехать в конке, трамваев тогда еще не было; никогда я не видел, встречая его в городе, чтобы он ехал на извозчике [...]

Он занят был развертывавшейся агитацией в рабочих массах, упрочением связей с группой «Освобождение труда», подбором статей для женевского «Работника» [5] и пересылкой их, подготовкой «Рабочего дела» — печатного органа нашей группы — и в то же время планированием своей капитальной работы «Развитие капитализма в России».

Он, можно сказать, не знал праздности. Отдыхом для него была только перемена предмета занятий. И для того чтобы эти занятия были возможно более продуктивными, он укладывал свой рабочий день в строго размеренные рамки.

Этого же строгого режима он придерживался и сидя в тюрьме в петербургском Доме предварительного заключения. В письме от 19 мая 1901 года к Марии Ильиничне, содержавшейся в то время в московской Таганской тюрьме, он дает ей советы рационального поведения в заключении [...] [6].

Как в теоретических занятиях, так и в работе по организации партии Ленин обычно связывал себя определенным планом. Это не значит, что он был сухой, фут-

лярный человек. Он знал и прелесть остроумной дружеской беседы, и радость физического отдыха и спорта, охоты, шахмат, катания на коньках или прогулки в горах, как это было в дни эмиграции в Швейцарии. Вместе с тем было ясно, что Ленин ни на минуту не забывал о раз поставленной себе великой цели. И только под углом зрения достижения этой цели он рассчитывал все свои действия, все усилия своего мощного ума.

Большой ученый, выдающийся писатель, Владимир Ильич не замыкался в себе, а всегда искал соприкосновения с действительностью, с живой жизнью, всегда проверяя практикой жизни свои теоретические предпосылки. В этом отношении он был полной противоположностью Плеханову, который являлся больше кабинетным ученым, чем вождем политической партии. В эмиграции это было особенно заметно. Бывало, приедет в Женеву кто-нибудь из партийных работников с места — откуда-нибудь из Иванова, из Кинешмы или Саратова — и, конечно, стремится переговорить со всеми лидерами. Плеханов относился к таким посетителям с изысканной вежливостью, но не без скептицизма, даже с некоторой иронией, как будто он не совсем верил их рассказам, как будто они досаждали ему мелочами партийной жизни. Владимир Ильич, напротив, старался не упустить такого визитера, не выжав из него максимума сведений, как бы ни казались они маловажными, если только они касались вопросов организации, участия в ней рабочих и отношения рабочих членов организации как к партийной жизни, так и к различным, особенно вновь возникающим течениям революционной мысли.

В 90-х годах рабочий день Владимира Ильича обычно был такой: вставал в семь-восемь часов, работал дома, часам к одиннадцати шел в читальню газеты «Новости». Читальня эта помещалась в доме № 33 по Морской Большой (ныне улица Герцена) в довольно просторной, сравнительно комфортабельной комнате, где на столах были разложены всевозможные русские газеты, получавшиеся редакцией, очевидно, в обмен, как это было тогда принято. Обычай требовал, чтобы при входе посетитель купил свежий номер «Новостей», тут же продававшийся, стоил он 5 копеек. Газета была бесцветная, скучная и пустая, маловлиятельная.

Из экономии Владимир Ильич никакой газеты на дом не получал. В читальне он подбирал из газет ма-

териал для своих работ, главным образом касательно общественной жизни провинции, деревни, фабрично-заводской и вообще экономической статистики, сообщения о новых книгах.

Именно Ленин указал нам эту читальню, и я иной раз также заглядывал туда. Редко, лишь в самых неотложных случаях, мы пользовались читальней для конспиративных свиданий, потому что помещение было небольшое и гораздо удобнее было использовать для таких встреч залы Публичной библиотеки.

Обедал он у своих личных знакомых — кажется, еще по Самаре — Чеботаревых, всегда в определенный час. Вечером, если не было назначено с кем-нибудь свидания по литературным или политическим делам, он сидел у себя дома за книгами, но эти занятия нередко прерывались посещениями или кем-нибудь из нашего кружка, или рабочими, с которыми он занимался [7], или литераторами из группы «легальных марксистов». Я часто заходил к Владимиру Ильичу, и, если случалось застать конец беседы, он после ухода гостя делился со мной впечатлениями от нее.

Иногда он бывал возбужден только что закончившимся разговором и быстро ходил из угла в угол по своей маленькой комнате, заложив большой палец правой руки в пройму жилета, и с горячностью продолжал или, может быть, повторял мне еще не остывшие от внутреннего пыла аргументы. В особенности это бывало после ухода Струве[...] [8]

* * *

[...] В начале февраля 1896 года на фабрике Лаферма [9] вновь возникло брожение. Мы воспользовались этим, чтобы вовлечь в движение рабочих всех табачных фабрик в Петербурге, которых было восемь или девять. Мы с Гофманом составили прокламацию «Ко всем петербургским папиросницам», которая была спешно размножена; задачу же, как ее быстро распространить, мы разрешили очень простым путем. Связей на табачных фабриках у нас, кроме как на фабрике Лаферма, не было. Мы решили поэтому лично раздавать листовку работницам вечером по выходе их с работы, расклеить ее на воротах фабрик и на ближайших к ним домах и заборах, подбрасывать у дверей квартир, которые можно было заметить, следуя за работницами.

Мы разбились на отряды. На Васильевском острове должны были проделать это Гольдман [10], сестры Невзоровы и Якубова с их штабом курсисток; другой отряд взял на себя окраинные фабрики. Мы с Гофманом вдвоем проделали это в районе Кабинетской и Боровой улиц, где были фабрики Богданова, Колобова и Боброва, и успели еще слетать на Херсонскую, к фабрике Шапшала [11]. Дело было рискованное, но сошло удачно. Кое-где мы расклеили листки на фабричных воротах на глазах у сторожей, думавших, что это так и надо, что мы на это уполномочены администрацией, как это мы им объяснили. Мы шли вдвоем по сумрачным петербургским улицам навстречу толпе работниц и давали им прямо в руки наши листки, которые те брали иной раз равнодушно или даже с неохотой, не зная еще, что это такое. Так же успешно действовали товарищи и в других районах. Никакой забастовки или волнений из всего этого не вышло, возбуждение у Лаферма было скоро замято, но некоторый результат все же был достигнут: начались разговоры о «Союзе борьбы», и возникли новые интересы и запросы в массе, до тех пор отсталой и далекой от какого-либо общественного движения. Этот результат нас удовлетворил.

В феврале — апреле мы издали ряд листков к рабочим завода «Феникс», Резвоостровской мануфактуры Воронина (материал был доставлен через кружок Шестопалова), Чугунного завода, Калинкинской бумагопрядильной фабрики, Сестрорецкого завода, Нового порта и др. [12]. Этот последний листок был составлен мной вместе с Гурвичем [13], который с марта вел кружок, собиравшийся в доме № 51, по Большой Мастерской улице, у рабочих Адмиралтейства и Нового порта, куда я его и привел в первый раз. Гурвич и должен был передать листок для распространения одному из членов кружка при встрече с ним на улице утром до начала работы. Я еще спал у себя на 3-й линии Васильевского острова (дом № 18), где я тогда жил, когда Гурвич влетел ко мне взволнованный более обыкновенного. «Что случилось?» — спрашиваю я. Оказывается, ничего особенного, но Гурвичу показалось, что его проследили и вот-вот схватят. В то время он отличался некоторой нервностью, и жена его, В. В. Кожевникова, насмешливо рассказывала о его нервическом поведении в начале года во время обыска, не повлекшего серьезных результатов. Тем не менее Гурвич, не проявивший

еще тогда особых талантов публициста, не говоря уж «вождя», работал в нашем «Союзе борьбы» [...]

Связи «Союза борьбы» с ткачами и прядильщиками столицы развились и упрочились во время большой забастовки, возникшей, как тогда многие говорили, не без влияния майского листка. «Обзор» [14] отмечает распространение во время забастовки листков «Союза борьбы» на следующих фабриках: Новая бумагопрядильня, Российская бумагопрядильная мануфактура, Бумагопрядильная фабрика Кенига, Триумфальная бумагопрядильня, Екатерингофская мануфактура, Петровская бумагопрядильня, ткацкие фабрики: Паля, Максвеля, Торнтона, Невская бумагопрядильная мануфактура, Митрофаньевская прядильная фабрика, Охтинская бумагопрядильня и др [15].

Поводом к забастовке была неуплата рабочим за прогульные не по их вине три дня «священного коронования» Николая II, 14—16 мая. Требование этой уплаты уже само по себе в условиях того времени было политическим выступлением. Петербургские ткачи как бы отказались присоединиться к общему «национальному» празднику и пожертвовать трехдневный заработок во славу монархии. Это говорит о довольно уже высоком уровне классового сознания петербургского пролетариата, значительно опередившего в этом отношении пролетариат Московского округа. В Москве коронация закончилась Ходынкой. Только массовым участием во всеобщей стачке 1905 года, демонстрацией на похоронах Баумана и, наконец, Декабрьским вооруженным восстанием пролетариат Москвы выровнялся в общую линию с петербургским пролетариатом [16].

Забастовка возникла не по инициативе «Союза борьбы», а была организована всецело самими рабочими, инициативные группы которых переходили с одной фабрики на другую, призывали к забастовке, организовывали ее всюду, выдвигая одинаковые требования. В отличие от прежних «бунтов», наподобие того, какой еще в 1894 году был на Семянниковском заводе (с разгромом фабричных контор, избиением мастеров и управляющих, разрушением машин) [17], забастовка проходила мирно, с большой выдержкой, в чем, без сомнения, сказалось влияние «Союза борьбы», как это и было отмечено правительством. Любопытное признание этого мы имеем в «деле» министерства юстиции «О кружке Союза борьбы за освобождение рабочего класса»:

«Быстрота распространения волнения в рабочей массе, охватившего большую часть столичного бумагопрядильного фабричного района, единство требований, предъявленных рабочими различных фабрик, одна система развития каждой стачки, которую начинали на фабрике прядильщики, а их забастовкой оправдывали свой отказ от работы ткачи, обрабатывающие материал, доставляемый прядильщиками, наконец необычайное внешнее спокойствие массы при этом брожении — все это указывало на то, что стачки возникли на почве, подготовленной предшествовавшей преступной пропагандой среди рабочих» [18].

Движение началось 23 мая на Российской бумагопрядильной мануфактуре на Обводном канале и быстро перекинулось на другие фабрики. 30 мая «Союз борьбы» выпустил первый листок к забастовщикам и затем выпускал их почти ежедневно — 1, 3, 4, 5, 9 и 10 июня,— обращаясь в них к забастовщикам и рабочим других фабрик и заводов с призывом поддержать забастовку. Товарищи наши работали не покладая рук и не только распространяли листовки, встречаясь с отдельными рабочими в трактирах, на кладбищах, в скверах и т. п., но, надев рабочие блузы, иной раз вымазав лицо сажей, шли в самую гущу рабочих на их импровизированные сборища и собрания на набережной Обводного канала или за городом, в деревне Волынкиной, на Волковом поле, у Путиловского вала, в прилегающих к Путиловской ветке перелесках, где собиралось по нескольку сот забастовщиков.

Сходки эти созывались самими рабочими, и они же (Савинов, Н. Иванов, Н. Николаев, П. Богданов и др.) большей частью выступали здесь с агитационными речами без всякого участия интеллигентов. Работа велась дружно; на этой работе и произошло фактическое объединение с нашим «Союзом борьбы» всех до тех пор отдельно работавших групп, группы Ленгника с его товарищами, остатков тахтаревской группы (Катин-Ярцев), глазовской группы. Все они распространяли наши листки и координировали работу своих агитаторов с нашими. Только группа народовольцев держалась и во время забастовки несколько обособленно, выпускала свои отдельные листки под фирмой «Рабочего союза», которые распространялись наряду с нашими (например, Шаповаловым).

Из членов «Союза борьбы» особую энергию развили

в эти дни Гофман и Гурвич, база работы которых была за Невской заставой, где они при содействии Надежды Константиновны переняли связи после ареста Стратановича, и, конечно, на Обводном канале, где бывал вместе с ними Леман. За Нарвской заставой действовала преимущественно группа Ленгника. Заречные части обслуживались Якубовой, Шестопаловым, Невзоровыми и др.

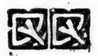
В целях притока денежных средств было выпущено воззвание к обществу, написанное Потресовым, в котором говорилось о забастовке:

«Это — стремление вперед из тины застоя, это — подымающаяся волна сознательной или становящейся сознательною массы, призванной смести нашего общего врага — самодержавие» [19].

Воззвание, призывавшее к пожертвованиям, принесло некоторые результаты: пожертвования были.

Забастовка произвела большое впечатление как на рабочую массу, так и на буржуазное общество [20].

В легальной же печати, в газетах и журналах того времени, по цензурным условиям не было никакого намека на забастовку. Газеты писали о чем угодно, только не о том, что было у всех на языке, что было главной темой всех толков, центром общественного интереса [...]



В. А. Шелгунов

ВОСПОМИНАНИЯ О ПЕТЕРБУРГСКОМ РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ ПОЛОВИНЫ 90-х ГОДОВ

В середине 80-х годов, после затишья, вызванного разгромом «Народной воли», в Петербурге на разных заводах начинают возникать совершенно самостоятельные протестантские рабочие группы. Отдельные рабочие при обыденных встречах и в обыденных разговорах начинают задаваться вопросами о том, как бы все эти группы соединить. Время от времени некоторые рабочие устраивают то именины, то просто вечеринки и созывают более или менее близких товарищей не столько для попойки, сколько для обмена мыслей. К началу 90-х годов стало выясняться, что имеются различные течения и среди интеллигенции. И когда в один и тот же кружок протестантски настроенных рабочих приходили представители, члены двух направлений, то рабочие задавали себе вопрос, почему это и те и другие как будто хотят устроить все к лучшему, а между тем у них у самих чувствуется какое-то несогласие. Для рабочих интеллигент или студент представлялся какой-то неоспоримой истиной. И когда рабочий слышал, что один начинает оспаривать то, что говорит другой, то он становился в какой-то тупик, и некоторые из начинающих рабочих просто отходили прочь, говоря: «Да они и сами не знают, что нужно делать». Более же определенные рабочие, конечно, не отходили прочь, но под влиянием этих споров стали задаваться вопросом, как бы сделать так, чтобы не было разногласий. С этой целью некоторые отдельные рабочие делали наивные попытки уговорить интеллигентов не спорить между собой, так как это

вредит общему делу пробуждения рабочих. Убедившись же, что из этого ничего не выйдет, решили позвать и тех и других для того, чтобы выслушать, в чем заключается разница взглядов как одной группы интеллигенции, так и другой. С этой целью в декабре 1893 года на моей квартире был устроен диспут; со стороны народовольцев был некий Сущинский, по кличке «Василий Михайлович», и с ним еще какой-то другой, ни фамилии, ни клички которого я не знал; со стороны социал-демократов были Василий Васильевич Старков и Герман Борисович Красин. Из рабочих присутствовали, кроме меня, Фишер, И. И. Кейзер (расстрелянный в 1920 году в январе белыми) и Константин Максимович Норинский[1]. Перед нами были изложены взгляды как народовольцев, так и социал-демократов. Разницу мы усмотрели только в том, что народовольцы хотят немедленно вести агитацию, как нам показалось, за немедленный переворот, а социал-демократы говорили, что нужно сперва вести более глубокую пропаганду[2]. Из нас четверых тут же выяснилось, что один склонялся больше к народовольчеству, хотя нам казалось, думали, что мы только протестанты, и разницы между собой никакой не чувствовали. Впоследствии, когда стали организовываться пропагандистские кружки, мы увидели, что разница есть и что уничтожить ее просто нам не удастся; тогда мы задались целью выяснить себе на более широком собрании, кого нужно допустить к работе в более широких кружках.

С этой целью в марте 1894 года мы решили устроить новый диспут, на который пригласили рабочих по возможности со всех районов Петербурга. Кроме нас четверых, т. е. Фишера, Кейзера, Норинского и меня, было еще приглашено человек 15 как рабочих, так и работниц. Со стороны народовольцев на этом собрании присутствовали: Сущинский, Зотов и Михаил Степанович Александров-Ольминский. Со стороны социал-демократов — Василий Васильевич Старков, Герман Борисович Красин и, кажется, Степан Иванович Радченко. Кроме того, нами были приглашены еще помимо этих двух групп два интеллигента: Константин Николаевич Тахтарев[3] и Николай Николаевич Михайлов, зубной врач (известный по «Союзу борьбы» провокатор). Со стороны народовольцев был приглашен один рабочий Василий Кузьмич Кузюткин, как впоследствии выяснилось, тоже провокатор. На этом собрании после заслу-

шивания докладов как социал-демократов, так и народовольцев мы постановили, чтобы интеллигенты в кружках говорили только то, что считает нужным рабочая организация. На этом собрании выяснилось, что все рабочие, за исключением Кузюткина, соглашались с социал-демократами, ввиду этого мы пришли к выводу, чтобы народовольцы в кружках вели социал-демократическую пропаганду. С этой целью во всякий кружок, куда шел народоволец, должен был идти один из наиболее передовых рабочих для того, чтобы, как мы выражались, «одергивать» интеллигента.

Некоторое время после этого собрания народовольцы в кружках читали Маркса, но это было недолго, так как вскоре вся народовольческая группа была арестована. Затем были арестованы также Норинский, Кейзер и Фишер. Как после оказалось, арестованы были только те, которых знали или Михайлов или Кузюткин. Эти аресты на некоторое время приостановили работу, но так как среди рабочих больших арестов не было, то летом, хотя и без помощи интеллигенции, все-таки собирались время от времени кружки, и не столько для пропаганды, сколько для того, чтобы узнать, что где делается. К осени 1894 года мы стали задаваться вопросом об организации представителей по возможности со всех заводов. С этой целью зимой 1894 года на квартире рабочего Ивана Яковлева было созвано собрание, на котором присутствовало человек двадцать пять. Был ли кто из интеллигенции на этом собрании, я не помню, но из той группы интеллигенции, которая впоследствии состояла в «Союзе борьбы», на этом собрании никого не было. Было избрано четыре человека. Эту четверку мы просто называли «центром»; на обязанности каждого из этой четверки лежало заводить знакомства и связи на всех заводах его района, узнавать, что на этих заводах делается, и организовывать кружки; эта же четверка должна была собираться не меньше раза в месяц, чтобы узнавать, что делается в каждом районе, и заботиться о том, чтобы на всех крупных заводах имелись представители. К весне 1895 года уже стало намечаться довольно порядочное количество кружков и явился большой спрос на интеллигенцию.

Ввиду того, что на лето, как мы говорили, революция уезжала на дачу, то для обеспечения летней работы я пошел к Степану Ивановичу Радченко просить его поговорить с кем следует о том, чтобы кто-нибудь ос-

тался на лето в Петербурге. Он ответил: «Вы должны обойтись без интеллигенции, не все вам ходить на помочах, надо привыкать одним работать». Это мне не понравилось отчасти потому, что я чувствовал, что у нас нет таких людей, которые могли бы заменить интеллигента, а отчасти и потому, что мне казалось, что дачу во имя революции можно и отложить. Но так как интеллигенцию найти нужно было, а в Петербурге часть интеллигенции группировалась главным образом около зубного врача Михайлова, то я просил разрешения эту группу допустить к работе; от этой интеллигенции держались в стороне потому, что о Михайлове ходили слухи как о провокаторе, и только из-за одного Михайлова их не допускали к работе. Я в это время работал за Невской заставой. Рабочие этого района держались особняком, вот я и решил пригласить этих отверженных к себе, взяв все последствия на свою ответственность.

Взяв с меня слово, что я удержу Михайлова и его группу в границах Невской заставы, Степан Иванович Радченко и Василий Васильевич Старков изъявили на это свое согласие. Получив согласие, кажется, через Малишевского или через кого другого — не помню, я пригласил к себе Михайлова для переговоров. Когда Михайлов пришел ко мне, я рассказал ему о том, что про него ходят слухи как о провокаторе, но так как я сам этого не знаю и есть заведомо честные люди, которые его защищают, то я вопрос о провокации предоставил решить времени, и предупредил Михайлова, что он через меня в городскую организацию не проникнет. И если он решается идти работать как провокатор, то здесь, за Невской заставой, он возьмет только меня да тех рабочих, которых спропагандирует его группа. Он выслушал все это довольно спокойно, я на его лице не заметил ни обиды, ни возмущения. После наших разговоров он пригласил меня на собрание своей группы; не помню хорошенько, где и на чьей квартире это собрание состоялось. На этом собрании я сказал то, что говорил Михайлову об этой группе, сказал, что в районе Невской заставы они будут работать под моим наблюдением. На собрании было человек восемь. Был Михайлов, Богатырев, Малишевский, Чернышев и, кажется, Кишкин и Козман [4].

Так как я хорошо, кроме Михайлова, никого из них не знал, то решил устроить нечто вроде испытания, пригласив двоих из них, а именно Малишевского и

Чернышева. Я назначил им день и место собрания кружка и на этот экзамен пригласил более влиятельных и передовых рабочих. Собрались мы в поле, за Московской заставой. На собрании присутствовали: с Путиловского завода — Петр Карамышев и Борис Зиновьев, с Семянниковского завода — Иван Васильевич Бабушкин, с Обуховского завода — я и Василий Яковлев, один рабочий был приглашен с фабрики Максвеля и также видный за Невской заставой Никита Меркулов. На кружке говорил главным образом Чернышев, Малишевский тоже говорил, но говорил немного. Так как все собравшиеся рабочие были предупреждены об этом испытании, то по окончании речей Малишевского и Чернышева я тут же обратился к собравшимся с вопросом: могут ли быть допущены оба говорившие к занятию в кружках? Чернышев смутился, его как-то поразил этот странный вопрос. Как так? Это экзамен? Я сказал: «Да. Не удивляйтесь, вы сами хорошо должны знать, что некоторых из пропагандистов рабочие слушают с охотой, а к некоторым на кружки совсем не хотят ходить». Хотя с моими замечаниями Чернышев и согласился, но все-таки экзаменом остался недоволен. После этого собрания Малишевский занимался в кружках за Невской заставой, но занятия как-то не налаживались, чувствовалась какая-то оторванность. Осенью 1895 года, когда съезжается студенчество, ко мне за Невскую заставу снова начали ходить Василий Васильевич Старков и Александр Леонтьевич Малченко, и вообще интеллигенция, группировавшаяся около Владимира Ильича. Так мы проработали до 9 декабря, когда и были арестованы.

Владимир Ильич ходил на кружки на Васильевский остров и за Невскую заставу. С рабочими Невской стороны (Фунтиковым, Бабушкиным и др.) он знакомился уже не через меня, а через интеллигенцию.

Впоследствии он познакомился также с двумя видными, очень юными путиловскими рабочими: Борисом Зиновьевым и Петром Карамышевым. Б. Зиновьев и П. Карамышев жили в одной комнате. Владимир Ильич посещал их довольно часто. Особенно хорошо отзывался Владимир Ильич об этих трех юнцах: Иване Бабушкине, Борисе Зиновьеве и Петре Карамышеве.

Из Ивана Васильевича Бабушкина вышел потом очень видный работник, Борис Зиновьев умер, а Карамышев испакостился и отошел [5]. Где он теперь — не знаю.

Характерной чертой Владимира Ильича было стремление, что называется, выуживать отдельных способных и подающих надежды рабочих. И когда он выуживал таких рабочих, то производил на них особенный нажим.

Нажим заключался в том, что он расспрашивал их о работе, о настроении рабочих, об отношении администрации и часто заставлял излагать ответы в письменной форме. Одним из результатов таких ответов была книжка «О штрафах».

Во время моих встреч с Владимиром Ильичем он все время обращал внимание на то, чтобы нам завязать связь с возможно большим количеством заводов. Не знаю, как появилась брошюра об агитации, но когда мы читали ее в Петербурге, то Ильич особенно настаивал на своевременности выхода из кружков к массам.

Когда перешли к агитации и со стороны некоторых рабочих поступали требования на листки, в которых освещались экономические нужды, Ильич все время говорил, что экономические вопросы ставить необходимо, но ставить их надо так, чтобы рабочему видно было, что без серьезных перемен политической жизни России экономическое положение рабочих не улучшится.

Не знаю, что заставило Ильича взяться за перевод книги супругов Вебб «Теория и практика английских тред-юнионов», но в разговорах со мной он все время говорил, что наши рабочие не должны идти по пути английских тред-юнионов [6].

В настоящее время, когда пройден такой длинный ряд лет, все это кажется само собой ясным, но в то время, когда еще были налицо остатки романтической революционности народовольчества, с одной стороны, и увлечение трезвых людей вопросами исключительно экономическими — с другой, нужно было уметь выбрать верное направление, и это направление было выбрано Ильичем.

Образованием «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» была поставлена первая веха, через которую прошел дальнейший путь к Российской Коммунистической партии (большевиков), а затем и к Коммунистическому Интернационалу.

Г. М. Фишер

ПОДПОЛЬЕ, ССЫЛКА, ЭМИГРАЦИЯ

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ПЕРИОД (1887—1896 гг.)

(...) Мы думали, расходясь с этого собрания, что теперь дело организации рабочих пойдет гораздо успешнее, у нас не будет организационной раздвоенности, лучше наладится связь с типографией, которая имелась тогда у народовольцев[1]. Народовольцы нам сказали: «Если кто из рабочих напишет какую-нибудь брошюру, то она будет отпечатана без всяких поправок». Такую брошюру написал Кейзер. Отпечатали в типографии. Брошюра эта называлась «Братцы-товарищи!». Она нами охотно распространялась — на нее был спрос. Через мои руки прошло три-четыре доставки, т. е. столько, сколько мог пронести человек под пальто, не обращая на себя внимания. Типография для нас была большим делом, так как подходящей нелегальщины в то время не было. Конечно, печатную распространять было гораздо удобнее; она не выделялась из общей литературы. До этого мы хотели восполнить некоторый пробел. К нам попала каким-то образом в 1893 году гектографированная брошюра: «Что должен знать и помнить каждый рабочий»[2]. Эта брошюра очень понравилась. Решили мы ее переиздать. Достали принадлежности из Страхового общества. Я стал переписывать, так как обладал хорошим почерком. Но переписка шла очень медленно и кропотливо. Много времени тратилось на то, чтобы не спутать страницы. Приходилось прятаться от хозяйки. Наконец она была почти окончена, но случилось целое несчастье. Опрокинули бутылочку с чернилами на текст, и, конечно, вся работа

пошла насмарку. Были у нас попытки наладить типографию — старались приобрести типографский шрифт. Маклаков познакомил меня с одним наборщиком, который обещал доставать шрифт. Раза три мы с ним имели свидание, получили некоторое количество шрифта, потом он заявил, что добывать и приносить шрифт очень трудно. Прямо не говорил, что отказывается, а обещался дать знать, когда что будет. С тех пор сношения с ним прекратились. Шрифт нами был передан кому-то, кому — уже не помню. Поэтому, получив предложение народовольцев, мы очень обрадовались, а когда увидели «Братцы-товарищи!», то наше настроение очень поднялось. После выхода «Братцы-товарищи!» группа народовольцев обещалась в скором времени выпустить рабочую газету или что-то в этом роде. Выхода такого журнала или сборника я не дождался, так как был арестован в апреле 1894 года. «Братцы-товарищи!» вышли в феврале — марте того же года.

* * *

Проработав у Сименса и Гальске [3], я поступил вторично на Балтийский завод, во вновь выстроенную механическую мастерскую — просторное, светлое, теплое помещение, совершенно непохожее на старую механическую, в которой негде было повернуться, но где можно было найти сколько хочешь укромных уголков, чтобы побеседовать, поспорить, увильнуть от работы и пр. и пр. В новой мастерской эти вещи тоже можно было проделывать, но очень осторожно, ближайшее начальство тебя видело очень хорошо.

Балтийский завод, как и завод Сименса и Гальске, имел свои особенности, отличавшие его от других заводов. Например, имелся институт заводских депутатов, т. е. каждый цех, смотря по численности, имел одного или двух представителей. Эти депутаты были введены до моего первого туда поступления (когда директором Балтийского завода был адмирал Кази М. И.), чтобы дирекции удобнее было сноситься с рабочей массой и удовлетворять ее маленькие потребности [4]. Какой-либо конфликт рабочего с мастером или начальником мастерских разрешался директором в присутствии депутата, представителя цеха и пр.; если рабочие хотели отпраздновать какое-нибудь событие — экстренный праздник и пр., вопрос обсуждали депутаты, которые решали, стоит ли его подымать перед администрацией или нет. Поря-

док выдачи зарплаты, санитарные условия в мастерских, приобретение билетов в Василеостровский народный театр было делом депутатов. Через депутатов собирались подписки по всевозможным случаям. Этим мы пользовались и собирали деньги на арестованных, на поддержку их родных. Конечно, все это были добровольные подписки, но когда обходил с подпиской депутат, то редко кто отказывал: считалось «нехорошим тоном» записать меньше гривенника, те же, кто знал, кому и для чего собирают, подписывал больше. Механическая мастерская давала не менее 80 рублей за раз. Деньги по подписному листу конторой выдавались тотчас же по предъявлении списка, а потом с рабочих высчитывали в ближайшую получку. Депутаты также проводили и провели перед администрацией вопрос об открытии столовой для рабочих завода, особенно холостых и проживающих далеко от завода. Столовая обслуживала обедом около тысячи человек. Меню состояло из двух блюд, одинаковое для всех рабочих без исключения. Стоил этот обед сначала 10, а потом 12 копеек. Деньги нужно было вносить депутату цеха и купить у него талоны, которые предъявлялись при входе в столовую. Талоны покупались на неделю вперед. В столовой был замечательный порядок. Дом был четырехэтажный, с центральным входом. В этот вход рабочих научили входить по двое в ряд. Сначала была толкотня, давка, каждому хотелось попасть первым, занять получше место. Но на лестнице на каждой площадке заставляли идти попарно — и так до самой комнаты, куда направляли. Приучали занимать сначала дальние столы, и таким образом наполнялась тихо, спокойно одна комната, а затем поток направлялся в другую, потом в третью и так далее до целого этажа. На каждой площадке стояли депутаты, проделывая всю эту процедуру. И вот в течение 20 минут в этой столовой успевало пообедать около 900—1000 рабочих, а остальные час десять минут можно было отдохнуть или делать что угодно. Я забыл упомянуть, что такой порядок и такая быстрота обеда возможны были только при том способе подачи обеда, который был установлен там. Обед для рабочего был уже подан — на столе стояла фарфоровая миска со щами или супом с накрошенной туда говядиной, закрытая плотно крышкой. Заняв место и сняв крышку, рабочий сейчас же начинал есть. Второе блюдо — гречневая или пшенная каша — было приготовле-

но в большой миске на пять человек. Кто оканчивал первое блюдо, накладывал себе второе и продолжал обед. Окончив два блюда, он или вылезал из-за стола, или оставался пить сладкий чай, для чего каждому ставилась фарфоровая кружка. Эмалированный чайник стоял тут же один на стол. Если чая не хватало, можно было достать еще. Во время еды в комнате не было подавальщиц, дежурила только одна, которая подавала чего кому не хватило, например, чаю, хлеба или второго.

Рабочий день считался 10-часовым, в субботу работали до двух часов дня без перерыва; зарплата выдавалась каждую неделю. Каждый год, так мне кажется, выбирались депутаты. Голосовали во время выдачи рабочих книжек. Табельщики выдавали книжки и тут же записывали, за кого подавался голос. Подсчитывали и записывали в присутствии депутатов. Результаты объявлялись вывешиванием списка выбранных депутатов. Перед началом выборов недели за две начиналась агитация среди рабочих — ходили, обсуждали деятельность старых, если были кем недовольны или кто-либо отказывался от этой чести, то выдвигали новых кандидатов; заручались согласием нового кандидата, и уже перед выборами было почти известно, кто будет выбран. Обыкновенно в депутаты были выбираемы рабочие, за которыми имелись какие-нибудь заслуги — высылка, или же выставлялся человек, которого выдвигали рабочие подпольных кружков из своей среды или из сочувствующих вполне надежных лиц. Я, конечно, говорю только относительно механической мастерской. Как дело обстояло в других цехах — сказать не могу. Депутаты имели некоторые привилегии: не снимали номеров в проходной конторе для контроля; приходили и уходили в любое время; получали прибавку к поденному окладу — вроде компенсации за то, что могли заработать сдельно.

Работая на других заводах, я наблюдал, как на бывших рабочих Балтийского завода рабочие других заводов смотрели почему-то как на людей особенных, а администрация — как на неспокойных лиц, привыкших работать спустя рукава, а главное, могущих вызвать на заводе беспорядки и пр.

* * *

В наших подпольных кружках принимали участие и женщины. Про Наталью Александрову я уже упоми-

нал. Но женщин было относительно немного. Некоторые из девиц работали, кто в прислугах, кто в типографии, кто занимался пошивкой белья для поставщиков на рынок. Из ткачих у нас была Анна Гавриловна Егорова (по мужу Болдырева); она начинала работать в 5 часов утра и кончала в 8 часов вечера, так что о какой-нибудь возможности умственного развития тут и говорить не приходилось [5]. Еще была у нас девица Вера Марковна, при содействии некоторых товарищей поступившая затем на акушерские курсы [6]. Большинство девиц мы знали только по именам. В мою бытность в Петербурге других настоящих фабричных работниц, кроме Анны Гавриловны Егоровой, не помню. Я как-то старался завести знакомство с девицами трикотажной фабрики на Большой Спасской улице на Петербургской стороне, но никак не удалось — не умел «лясы точить», т. е. быть дамским кавалером. Пробовал завести также знакомство с работницами табачной фабрики Лаферма, но тоже ничего не вышло.

Лучше всего у нас обстояло с пропагандой среди прислуги Воспитательного дома благородных девиц на Васильевском острове. Туда мы ходили как женихи. Устраивали там собрания прислуг под разными предлогами — престольный праздник, именины. Читали, разговаривали, оставляли книжки. Кто-то донес на одну из девиц, Наташу, у ней произвели обыск, но ничего особенного не нашли, кроме рукописной тетради, писанной моей рукой. В нее я переписал «железный закон заработной платы» из «Эммы» Швейцера [7]. С тех пор наша деятельность там прекратилась. Наташу вскоре выпустили, и она поступила на «Резиновую мануфактуру» [8]. С девицами занимались интеллигентки, но кто именно — не знаю, так как в то время не принято было спрашивать фамилии.

В 1894 году Наталья Александрова, после того как скрылась в 1892 году из Петербурга, объявилась проживающей в городе Нарва Эстляндской губернии. Она просила прислать ей кое-какой литературы для работы — кое-что собрали и послали, — а главное, просила выписать для нее газету. В это время в Петербурге выходила радикальная ежедневная газета, поживее «Русских ведомостей». Мы ее все выписывали и употребляли как агитационную литературу, читая ее громко во время обеденных перерывов там, где скоплялись рабочие. На пасхальные праздники я отправился в Нарву.

Захватил с собой нелегальную литературу. В это время на Кренгольмской мануфактуре работал ткач Афанасьев[9]. Он меня два дня водил по ткачам, с которыми мне приходилось все время разговаривать, пропагандировать, агитировать. Ткачи были в подавленном состоянии духа, так как у них несколько лет тому назад была забастовка, которая закончилась не особенно удачно. Моя задача состояла в том, чтобы этот подавленный дух рассеять да, кроме того, выложить перед ними те новые веяния в рабочем движении, которые намечались тогда в Петербурге. С некоторыми можно было говорить прямо, с другими — с подходцем. Афанасьев давал мне указания. Мое впечатление о кренгольмских ткачах было более благоприятное, чем о торнтоновских с Охты. Через два дня я вернулся в Петербург.

* * *

Незадолго до того, как меня арестовали, я хотел перебраться работать на Обуховский завод, так как слышал, что там ведется кое-какая работа, есть люди и нужно дело организовать как следует. Через Петра Морозова[10] достали связь и встретились. Отправились в трактир, разговорились. Беседу вел все больше Иван Иванович Кейзер. Наш собеседник был народовольчески настроен. Нам пришлось основательно поспорить. Почему-то он заподозрил Кейзера в том, что тот не рабочий. Когда выдался удобный случай, он мне это высказал: «Ты вот похож, а он нет». Я подтвердил, что Кейзер рабочий. Договорился с собеседником, что поступаю к ним на работу. Он подготовит почву, и через недельку я должен приехать и окончательно условиться. На этом дело оборвалось. Больше встретиться не пришлось.

Были у нас кой-какие связи и в армии и во флоте. Мы возили всевозможную легальную литературу в Ораниенбаум, в офицерскую стрелковую роту, где отбывали воинскую повинность двое костромичей — друзья Ивана Форсова[11] — Тарелкин и Смирнов; оба потом остались в Петербурге работать на заводах. У меня также было двое приятелей — один в артиллерии, другой во флоте в Кронштадте; оба были из Рыбинска. Артиллерист был сын железнодорожного рабочего, сам из железнодорожных мастерских, а флотский — заводской рабочий, работавший на заводах и мельницах по Волге, а перед

призывом — на Балтийском заводе. Об организации подпольных кружков в армии мы в то время не мечтали, а поддерживали знакомства, завязанные до отбывания приятелями воинской повинности. Фамилия флотского была Иван Иванович Крашенников.

Накануне ареста я был у Фунтикова[12] за Невской заставой. Заночевал у Агафонова, рабочего Фарфорового завода, от которого я должен был забрать целый ворох переплетенных книг. Агафонова мы использовали как переплетчика. Наутро, забрав книжки, поехал домой. Прошел ворота. Стучу хозяйке. Голос хозяйки тревожно спрашивает: «Кто там?» Сразу почувствовал недоброе. Хозяйка впускает и спрашивает, видал ли меня дворник. Говорю, что нет.

— Ивана Яковлева не видели?

— Нет.

— Он вас ждет на бульварчике шестой-седьмой линии между Большим и Средним проспектом.

А я приехал по 8-й линии на конке и домой зашел с Среднего проспекта, поэтому он меня не мог предупредить. Оказалось, что в наше отсутствие был произведен обыск во всей квартире, обыскали даже жильца, ничего общего не имевшего с нами и жившего отдельно в комнате. Хозяйка сообщила мне, что Кейзера, с которым я вместе жил в комнате, арестовали утром, когда он пришел домой переодеться, чтобы идти на завод. Спрашивали, где я. Сын хозяйки предупредил Ивана Яковлева — они оба работали у Сименса и Гальске, где работал и Кейзер. Яковлев решил предупредить меня, рассчитывая, что, идя из центра города, я должен идти от Николаевского моста по 6-й или 7-й линии. Вскоре пришел и Яковлев, за которым сходила хозяйка. Мы с ним поговорили, и он ушел. Обыск в нашей комнате был сделан поверхностный. Книги были на этажерке не тронуты; остался том сочинений Лассаля, осталась еще какая-то книга; на столе осталось письмо, написанное мною Петру Кейзеру[13], положенное в конверт, но без адреса. Я никогда не писал адреса на конверте, прежде чем нести его в ящик. Письмо заготовлял вечером, а адрес писал утром и опускал в ящик, идя на работу. Таким способом я рассчитывал не дать жандармам лишних зацепок в руки в случае ночного обыска. Этого правила я придерживался твердо. Адресов я никуда не записывал — держал их в уме.

Поговорив с хозяйкой по поводу обыска, я сказал

ей, что, наверное, ее будут вызывать на допрос, так самое лучшее ей и сыну говорить, что наша комната расположена так, что если кто к нам приходил, то мы могли увидеть и раньше нее открыть дверь, а поэтому она никого в лицо не видела; что если бывали у нас гости, то самовар и посуду мы брали и носили в комнату сами. Все это соответствовало действительности. А о чем мы говорили — она не могла слышать, да мы особенно и не шумели.

Наступало время расставаться. Если бы квартира имела два выхода, я бы, наверное, удрал. Но второго выхода не было, а единственный выход со двора занят был дворником, который стоял еще с каким-то подозрительного вида субъектом, которого не было, когда я проходил во двор.

До нашего с Кейзером ареста были аресты среди народовольцев. Были арестованы Ольминский М. С. (он же Александров), Сущинский и Зотов. Сопоставляя аресты, мы были уверены, что тут была провокация. Мы указывали на Кузюткина — рабочего-народовольца, который был на нашем собрании. Про него ходили недобрые слухи. Когда я уже сидел в предварилке и мне стало известно в жандармском, кто был арестован, то я пришел к заключению, что все, чьи адреса знал Кузюткин, были арестованы. Кроме вышеупомянутых товарищей-народовольцев в ту же ночь, в которую был у нас обыск, арестовали Константина Максимовича Норинского [14], Фунтикова Сергея. Теперь не помню хорошенько, был ли арестован Логин-Желабин [15] вместе с нами или после. Но мне его фотографию показывали при допросе.

* * *

После разговора со мною хозяйка сходила за дворником, который сообщил, что мне приказано явиться в участок и он должен меня туда проводить. Пошли. В участке он сдал меня на руки полицейским. Сначала меня посадили в одиночку, а затем отправили с околоточным на извозчике на Шпалерную [16] (в Дом предварительного заключения) и снова отвели в одиночку. В этой одиночке я просидел все восемь или девять месяцев предварительного заключения.

Осмотрев немного камеру, я почувствовал усталость и, не раздеваясь, завалился на кровать и уснул. Проснулся я, когда надзиратель, открыв окошечко в двери,

крикнул: «Хлеб!» Спрашиваю, сколько времени. Надзиратель говорит: «Утро. Ужин оставили на столе — не могли разбудить, крепко спали». Окошко закрылось, и крик «хлеб!» уже слышался дальше. На столе действительно стояла каша — жижица в котелке; холодная, она была не особенно вкусной, но я съел, так как почти сутки ничего не ел. Стал осматривать свое помещение. Камера небольшая, шесть шагов в длину и три в ширину. В камере имелись все «удобства» цивилизации. Железный стул и стол, привернутый к стене близ входной двери, напротив — железная кровать, тоже привернутая к стене; ее можно было поднять к стене. На кровати тюфяк, подушка и серое одеяло. К наружной стене — стульчак и кран с раковиной. Все устроено так, чтобы арестованный мог «жить» не выходя из камеры. Окно было высоко, в него можно было видеть кусочек неба; глядя в него, мне почему-то приходила в голову фраза: «Небо с овчинку кажется». Окно открывалось наклонно внутрь камеры только на определенное, отмеренное цепочкой расстояние, что, конечно, ухудшало видимость из окна. Из него я мог видеть, став на стульчак, часть внутреннего двора, особенно помещение для прогулок. Пока я наводил осмотр камеры, я услышал выкрики: «Кипяток! Кипяток!» Наступило время чая. Но так как у меня ни чая, ни чайника еще не было, то пришлось удовольствоваться кружкой с кипятком.

О том, что в Доме предварительного заключения имеется библиотека, мы знали от товарищей, сидевших раньше. Поэтому я достал каталог от надзирателя, выписал книг и стал дожидаться их получения на другой день. Таков был порядок. Узнал, что можно выписывать разные принадлежности и предметы питания на сданные в контору предварилки деньги. Выписал себе чайник жестяной, кружку глиняную, чай, сахар, табак, гильзы, спички, бумаги разных сортов, конвертов, почтовых марок, ручку и перьев и учебники прикладной механики, алгебры, тригонометрии.

Перед обедом сводили на «прогулку» во двор минут на 10—15.

Посередине квадратного двора было устроено нечто вроде каланчи с широким основанием. Основание было разделено радиально на 17—18 клеток, отделенных друг от друга высокими перегородками с боков, с внутреннего конца была дверь, а с внешнего — деревянная ре-

шетка. В каждую такую «закутку» помещали по одному гуляющему. В такую же поместили и меня. На башне маршировали надзиратели, зорко следившие за гуляющими.

Дневной распорядок в Доме предварительного заключения был несложен.

К 11 часам давался кипяток, от 12 до 1 часу — обед, состоявший из двух блюд: мясного супа или щей и каши гречневой или пшенной; в 3 часа — кипяток и в 7 часов вечера — ужин из похлебки и гречневой каши, в 9 часов гасился свет и полагалось спать до утра.

Утренняя жизнь начиналась обыкновенно приходом в камеры уголовного арестанта с надзирателем; арестант промывал стульчак. Порою промывка давала возможность переговоров двух соседних камер. Стульчаки были поставлены один против другого, и сток воды шел в общую трубу; стоило только арестанту сильным порывистым движением своего инструмента выдавить из стульчака водяной затвор и получалась разговорная труба. Таким телефоном пользоваться надо было умеючи, говорить приходилось в стульчак. Слышно было очень хорошо.

На прогулку водили не каждый раз в одно и то же время, а в разное, смотря кому какая очередь. Встав на стульчак, можно было видеть, кто гуляет, так что, изучив очередность смен, я, например, мог проверить, сидят ли такие-то товарищи в предварилке или нет. Я знал, кто гуляет в моей смене, и т. д. За все время моего заключения я ни разу не был замечен надзирателем в том, что смотрю в окно. Слух мой настолько изощрился, что я слышал шаги надзирателя за несколько камер до моей, несмотря на то, что он был в «шатунах» и ходил по толстому ковру.

Помня, что товарищи рассказывали, как нас, политических, рассаживают в шахматном порядке с провокаторами и шпиками, я решил не перестукиваться ни с кем, чтобы не попасть впросак. Хотя по трубе отопления и можно было перестукиваться, так как по ней слышно по всем этажам, но, по моим наблюдениям за гуляющими, никто из товарищей не сидел в камерах этажом выше или ниже моей. В окно я наблюдал гуляющих Норинского, Кейзера, Фунтикова, Логина-Желабина. Конечно, для того чтобы изучить все эти тонкости внутреннего быта, понадобилось немало времени.

Получив все, что я выписал, я зажил «по-барски», время летело быстро. Математику я грыз вовсю. Голова была полна разными формулами, решениями всевозможных задач. Над некоторыми задачами я иногда просиживал по целым дням, ища решения. Иногда так увлечешься, что даже сердишься, что тебя беспокоят такой вещью, как обед или чай и ужин. Когда запас моих денег, принесенных с собой, начал иссякать, я решил, что лучше остаться без чая, сахара и курева, а на бумагу оставить.

* * *

Кроме занятий по математике, я за это время читал еще Тургенева, Гончарова, Дарвина, Гоголя, Глеба Успенского, Достоевского, Михайлова, Златовратского, Щедрина, Писарева, Шелгунова, Карышева, Рикардо, Гейне, Шиллера и др. Во многих книгах я находил зашифрованной целую переписку между заключенными, которую можно было обнаружить только при остром зрении. Но я с своей стороны никаких ответов не писал и пометок не делал, потому что считал, что такая переписка даром пройти не может, а может дать жандармам лишние улики. Прочитав Гейне на русском языке, я прочел его на немецком и должен сказать, что только тогда понял ту ядовитую сатиру, тот юмор, за который один знатный немецкий филистер ненавидел Гейне до того, что в его родном городе воспретил соорудить ему памятник.

«Мирное» течение жизни в предварилке нарушалось вызовами на допрос в жандармское управление. Меня привлекали по делу группы народовольцев — Александрова (М. С. Ольминского) [17], Сущинского и Зотова. Статьи прочитывались самые страшные, вплоть до лишения прав состояния и предания смерти. С некоторыми рабочими знакомство я признавал, да и не было смысла отпскиваться: с Кейзером жили вместе, с Норинским — работали в одной мастерской, также с Розенфельдом, у которого при обыске нашли гектографированный денежный отчет кассы нашей организации (отчет был составлен и напечатан мной); пришлось признать знакомство с Натальей Григорьевной Александровой, арестованной в Нарве. У нее нашли письмо, в котором я писал, что собираюсь приехать к ним на праздники, а газету ей вышлют. Наталью Александрову разыскали, и мне думается, что я в некоторой степени

был причиной ее ареста, так как ее адрес дал оказавшемуся провокатором зубному врачу Михайлову, который обещался послать ей газету. По нашему делу также привлекали Николая Дементьевича Богданова[18], так как при аресте Желабина было взято письмо, адресованное Богданову, в котором Желабин жаловался, что его что-то оттирают от работы Фишер и К⁰ Ничего особенно компрометирующего за Желабиным мы не знали. Нам не нравился образ его личной жизни: имея одну жену, он тут же заводил себе другую. Нам казалось, что он больше заботится о своей личности, много хвастает. Вот это-то нас и отталкивало от него.

И. В. Бабушкин
ВОСПОМИНАНИЯ

Дело было накануне рождества 1894 года[1]. Окончив работу за два дня перед праздниками и имея расчетные книжки на руках, рабочие разошлись по домам, как и всегда после окончания работы; ни у кого не было особой злобы, хотя неудовольствие чувствовалось у каждого рабочего. Оно и понятно: заводская администрация довольно часто стала затягивать выдачу денег, особенно последние две-три получки.

Прогудит в субботу гудок в $3^1/_2$ часа дня, остановятся машины, и вдруг на всем заводе настает тишина, это значит, что завод прекратил работу до понедельника, известно, что после получки редко кто согласится работать. Ежедневно, как только заводской гудок прогудит об окончании работ, мастеровые со всех сторон надвигаются быстро к воротам, некоторые из них бегут бегом, некоторые выскакивают из-за углов; сторожа, кряхтя и охая, машинально проводят своими привычными ладонями по корпусу рабочего, но рабочие все сильней и сильней напирают и сторожа начинают торопиться. В субботу же народ выходит как-то медленно, не торопясь, и очень маленькими разрозненными кучками. Это значит, что большинство пока осталось в мастерских, ожидая выдачи получки. Но убедившись, что артельщики еще не приехали из города с деньгами, многие, живущие поблизости, отправляются домой пообедать и, торопясь, опять возвращаются в завод, дабы при выдаче не пропустить своей очереди. Другое дело, если кто живет далеко от завода, тому не приходится

совсем уходить домой, пока окончательно не покончит с заводом и товарищами всяких дел и не освободится от разных обязательств. Но ждут час, другой, а получки все нет и нет. Время затягивается до позднего вечера, и рабочие, наконец, начинают роптать на администрацию, последняя же совершенно удаляется сейчас же по окончании работ, и потому даже спросить не у кого о часе выдачи денег, и роптание становится общим. Но вот часу в восьмом наконец появляются артельщики с деньгами; слышится глухой ропот со всех сторон, и местами прорываются ругательства и обещание запустить куском железа в артельщика, видимо являющегося простым козлом отпущения. Артельщик, молча шмыгая, быстро проходит в контору мастерской, и минут через 5—10 начинается выдача денег, иногда заканчивающаяся около половины одиннадцатого. Конечно, окончить работу в 3½ часа дня, потом просидеть до 10 часов на заводе, ничего не делая, и уже после этого уходить домой в полной уверенности, что никуда сходить не удастся и даже побывать в бане некогда — все это, естественно, озлобляло мастеровых. Между тем администрация завода продолжала гнуть свою линию злоупотреблений, не обращая внимания на ропот рабочих.

В таком именно виде обстояло дело накануне рождества 1894 года. На другой день после окончания работ мастеровые собрались около полудня в завод за получением денег. Ждут час, другой, третий, а денег все нет и нет. Многие жалуются, что нет денег и потому не на что закупить провизию, а завтра, мол, не поспеть в один день управиться; другие жалуются, что хотели поехать в деревню, а теперь, пожалуй, не поспеешь и т. п. Наступил вечер, а денег все нет и даже не удается подробно узнать о положении дел. Некоторые говорят, что хозяева прогорели и поэтому, мол, денег рабочим совсем не дадут. Многие этому начинают верить, и пущенный слух находит почву. Много еще слухов возникает, и, конечно, все не в пользу рабочих. Получается что-то очень тревожное. Мастера тоже нервничают, мастеровые ходят поминутно то в мастерскую, то из нее. Около завода на улице образовываются кучки из мастеровых и ведут оживленные разговоры о хозяевах и получке, пересыпая разговор всевозможными ругательствами. Могла бы произойти порядочная неприятность, но заводская администрация в 7 часов или

около этого часу объявила, что выдача заработка будет производиться завтра в 10 часов дня. Это значит в рождественский сочельник. Хотя все были страшно недовольны, все же определенное заявление подействовало успокоительно, и народ кучами повалил вон из завода, образуя около проходных плотную массу. Скоро и эта масса постепенно растаяла, и завод опять уснул очень мирно до следующего дня.

Почти та же история повторилась и в рождественский сочельник. День клонился к вечеру, и на улице сырело, всюду зажигались фонари, и в мастерских горели по верстакам, станкам и на других местах свечи. Всюду слышны были тревожные разговоры. Публика была взволнована и не могла ни стоять, ни сидеть на одном месте и потому переливалась из мастерских на двор, на улицу, а оттуда опять в мастерские. Я тоже ходил от одной кучки к другой, прислушиваясь к разговорам, и местами сам вступал в разговоры. Вышел на двор, а потом на улицу, всюду было много народу, и, видимо, было немало и посторонних, то есть не заводских. Они тоже входили в завод, в мастерские и обратно. Потолкавшись немного по улице, я вернулся обратно в мастерскую, как вдруг слышу, что на улице у ворот бунт. Я не верю и говорю, что только что пришел с улицы и что там ничего подобного нет, но и мне не верят. Многие сейчас повскакивали с мест и направились к выходу, я, конечно, тоже решил убедиться в справедливости утверждений и вместе с другими направился к выходу. Около лестницы нам навстречу попался очень взволнованный мастер и дрожащим голосом произнес: «Ребятушки, не ходите на улицу. Сейчас привезут деньги и будут раздавать, пожалуйста, не волнуйтесь, я вас прошу успокоиться». Эти слова уничтожили все сомнения, и мастеровые торопливо побежали вниз по лестнице, спеша к воротам. Сзади нас слышались голоса некоторых рабочих, зовущие уходящих обратно, дабы не попасть в какую-либо кашу. Совершенно напрасно. На этот зов никто не обращал внимания, и мы скоро очутились у ворот. Масса народу оставалась зрительницей происходившего. Пройти через эту толпу не было никакой возможности. Наша проходная подвергалась разрушению. Там били стекла и ломали рамы. С улицы на наши ворота летели камни и палки, брошенные с целью сбить фонари и орла. Фонари скоро потухли, стекла побились, и, кажется, существенно пострадал также

и двуглавый орел. После этого было прекращено бросание камней и палок в ворота, и тогда мы смогли выйти со двора завода на улицу. Проходная здорово пострадала и являлась трофеем взволнованной кучки смельчаков. Пробовали ее даже поджечь, но не удалось, и потому она стояла как страшилище, в которое никто взойти не смел без страха, чтобы его не заподозрили, как сторожа, и не избили, поэтому же, очевидно, она и не была подожжена. Все внимание разбушевавшихся было обращено теперь на противоположную сторону завода, где на воротах никак не удавалось разбить фонари, а разбивать проходную не желали из страха повредить себе, так как в этой проходной хранились паспорта.

Рядом с воротами находилось длинное одноэтажное здание, в котором жил управляющий завода, человек, вызывавший у всех рабочих ненависть. Его-то и хотели наказать рабочие; но как это сделать? Пробовали раскрыть дверь, но не сумели и решили поджечь парадный вход.

— Керосину сюда, скорей! — кричали суетившиеся у парадного люди, но керосину взять было негде. Доставали из разбитых фонарей лампы, тащили к крыльцу и поливали собранную кучку разных деревянных щепочек.

Нужно сказать, что все это время толпа положительно запруживала улицу, и не было возможности проехать даже извозчику, но паровик с тремя-четырьмя вагонами продолжал ходить все время. Опасаясь нападения рабочих, отчего могли пострадать прислуга и публика, машинист пускал полным ходом поезд, сам садился ниже окон, не наблюдая за путем, пока не минует завода. Рабочие страшно возмущались этим и потому кидали в поезд все, что попадалось в руки. Я видел, как один специально разбивал стекла в вагонах. Он направлял длинную палку, которая барабанила по окнам летевшего поезда, и редкое стекло оставалось цело. Публика от страха падала на пол вагонов и тем избегала возможных ударов от палок и камней. Удивительно, как не произошло при этом катастрофы. Рабочие легко могли положить что-либо на рельсы, и крушение было бы неминуемо. Очевидно, страх, что при этом пострадает много стоящих у завода рабочих, удерживал от такого поступка.

Одновременно с нападением на проходные толпа рабочих направилась и к заводской хозяйской обществен-

ной лавке. Эта лавка являлась бичом рабочих, в ней рабочий-заборщик чувствовал презрение к себе не только со стороны прохвоста управляющего лавкой, но и всякого приказчика. Забирающий товар не мог быть требовательным за свои деньги, он получал то, что ему давали, а не то, что ему было необходимо. Особенно это чувствовалось при покупке мяса, когда давали одни кости, а будешь разговаривать, то выкинут из завода. Понятно, что во время такого протеста не могла уцелеть эта ненавистная для всех лавка, и действительно, ее разгромили. Были побиты банки с вареньем, много других товаров было попорчено; сахар и чай выкидывали на улицу, посуду били и т. д. и т. д.

Таким образом, как я уже говорил, попортили проходную и находящиеся в ней книги, побили фонари, пытались проникнуть в квартиру управляющего, который, запершись со своим семейством в квартире, чувствовал, что жизнь его висела на волоске, потом пытались поджечь эту квартиру и тоже не удалось, разбили лавку, попортили массу товара, начали бить стекла в главной конторе и у директора завода. Здание, в котором помещалась главная контора и квартира директора, находилось во дворе фасадом к улице. В это здание швыряли куски каменного угля. Я тоже, было, схватил кусок угля, но не бросил. Однако больше всего гнева вызывала лавка. Туда все бежали, давя друг друга в узком и тупом переулке. Все это продолжалось не меньше получаса.

Первым спасителем для управляющего явилась пожарная часть местной полицейской части, которая, расположившись около ворот дома управляющего, парализовала действия толпы в этом пункте. Вскоре прискакали казаки и встали вдоль улицы против завода. Узнавши о погроме лавки, они направились туда, но теснота проезда не особенно многим позволила въехать в переулок и к самой лавке. Несомненно, что распоряжавшиеся в лавке люди старались по возможности скорее выбраться оттуда, но все же возвращаться пришлось мимо казаков. Часть смогла перелезть через забор и выпрыгнуть во двор завода, избегнув встречи с казаками. Возле лавки было арестовано много публики, не принимавшей участия в погроме лавки, а только глазевшей на любопытное зрелище.

Вскоре после пожарных приехал с.-петербургский бранд-майор генерал Паскин. Он направился к корпу-

су главной конторы, но дверь оказалась заперта. Перетрусившие конторские заправилы не скоро впустили генерала, который, не зная сути дела, волновался, нажимая кнопку электрического звонка, и в то же время успокаивал небольшую кучку рабочих, человек в пятнадцать, говоря, что он пойдет в контору и распорядится, чтобы сейчас же начали выдавать жалованье. Ему отвечали: ведь мы не бунтуем, а только ожидаем жалованье, которого, очевидно, нам не желают выдавать. Наконец дверь открылась, и генерал почти бегом поскакал вверх по лестнице в контору знакомиться с сутью дела. Публика начала стекаться к конторе, и минут через десять набралось больше полусотни. В это время сбегает с лестницы генерал и выходит к нам на улицу. Лицо у него красное, и, видимо, он в большом волнении. Надо полагать, что он остался не особенно доволен объяснениями в конторе. Все же, обратившись к собравшимся у подъезда рабочим, он начал совестить нас за произведенный погром проходной, лавки и вообще говорил о нашем безнравственном поведении. Ему довольно резонно отвечал какой-то мастеровой пожилых лет, указавши на то, что весь этот погром вызван не рабочими и что произведен он местными золоторотцами, которые первые пошли потом громить лавку. Не помню что, но что-то говорил и я, говорили еще человека два-три, потом генерал опять просил быть нас смирными и не волноваться, а что касается выдачи денег, то их сейчас привезут. Они, мол, были уже привезены, но артельщики, испугавшись бунта, уехали опять обратно в город, куда за ними специально послано теперь. Еще раз попросив нас спокойно обождать скорой получки, генерал, торопясь, направился в ворота, а потом и к общественной лавке. В это же время, очевидно, прискакали казаки, а через полчаса уже явились артельщики с деньгами. Когда рабочим начали выдавать одновременно во всех мастерских деньги, в это время в главную контору съехались разные начальствующие лица и там происходило особое чрезвычайное собрание...

Мне было очень интересно узнать причину, которая послужила сигналом бунта [2]. По более достоверным рассказам выходило так, что какой-то мальчуган обругал сторожа или бросил в него чем-то. Его тут же схватил городовой, которому околоточный надзиратель велел тащить мальчика в проходную контору. Толпа бро-

силась защищать мальчика, и кто-то разбил стекло. Это и явилось началом общего погрома. Тут же находившиеся сторожа смешались с толпой или скрылись, убегая во двор, стараясь избавить себя от взволновавшихся мастеровых.

Во время рождественских праздников в селе Смоленском[3] произошла масса арестов, так как здесь находится наш завод; многих арестовали по указаниям довольно сомнительного свойства. Так, некоторые были арестованы только благодаря тому, что раньше поругались с каким-либо приказчиком или еще с кем-либо из мастеров. Большинство же было арестовано по указанию полиции или просто если при обыске находили не раскупоренную одну восьмую или четверть фунта чаю или сахару — больше, чем было записано в последний раз в заборной лавочной книжке. Так или иначе, а арестовано было много и много таких, которые положительно не вызывали раньше никакого подозрения, что они сочувствуют революционному движению или бунтарству. Все арестованные много и долго сидели до суда, и многие были осуждены далеко не так милостиво.

На рождественских же праздниках у нас происходило обсуждение вопроса о выпуске листка по поводу этого бунта. Случай был более чем подходящий, и поэтому очень желательно было испробовать начало агитации на данном вопросе. Был составлен очень большой листок, который был потом оттиснут гектографическим способом, сшит в маленькие тетради и, таким образом, был готов для распространения. Но тут возник вопрос, как его распространить. Мне поручили руководить этим делом, между тем я даже не знал, как приступить. Рассовать брошюры по ящикам было неудобно, могут заметить. Притом для первого раза этих брошюрок было не особенно много. Не помню, в субботу или в понедельник вечером я разнес часть брошюрок по ретирадам, остальные рассовал как мог: где сунул в разбитое стекло в мастерскую, где в дверь, где в котел, где на паровозную раму. Словом, старался, чтобы они попали по всем мастерским. На другой стороне завода точно так же все было выполнено, местами клали в ящики с инструментами, за вальцы, где часто сидят рабочие, и т. д. Эта работа оказалась очень простой и легкой, но так как выполнялась она в первый раз, то естественно вызывала некоторого рода ро-

бость. То ли, что было очень мало этих листков, то ли, что они появились сразу после бунта, или что другое, но о них говорили очень мало, и при желании узнать впечатление мы не могли ничего выведать. А в одной мастерской нашедший брошюрку-листок передал ее мастеру, который совершенно несправедливо напал на одного старого работника, обвиняя его в распространении листков, тогда как тот уже давно перестал заниматься подобного рода вопросами. Мне было очень жаль старичка за то, что ему приходится выслушивать несправедливые обвинения, но все же отказаться от желания подбросить в их мастерскую листок мы не могли, о чем я ему и сказал. Опыт можно было считать удачным, хотя особых результатов и не было видно. Позднее таким же образом были подброшены листки в мастерские при Петербургском порте, где они произвели более сильное действие, чем на Семянниковском заводе.

После рождества мы снова начали заниматься каждое воскресенье у меня в комнате и возобновили ходьбу в школу; кроме того, часто ходил к нам упомянутый П. И.[4]. Он продолжал изредка читать нам кое о чем по вечерам, и, таким образом, мы положительно целиком были заняты умственной жизнью.

Во время занятий в кружке происходили иногда такого рода встречи: сидим у нас в комнате и ведем беседу с интеллигентом социал-демократом. В это время открывается дверь и всовывается чья-то голова, затем она исчезает, а иногда за головой появляется и весь человек. Разговоры или речь лектора прерываются, тогда вошедший просит одного из передовых рабочих выйти с ним и они вместе уходят. Оказывается, что это был народоволец, который почувствовал себя очень неловко, попав к нам в то время, когда в кружке происходили занятия. Но в то же время из этого видно, что расхождение не проводилось слишком резко. В один и тот же кружок иногда ходили социал-демократы и народовольцы, это объяснялось часто тем, что члены кружка ранее состояли членами кружка народовольческого. В конце концов народовольцы перестали ходить в наши кружки, так как им не давали новых кружков, а вербовать членов или сторонников в наших кружках им не удавалось. В это время у нас были одна девица и жена одного высланного, которые иногда выражали желание посещать наши занятия или те чтения, которые происходили у нас — помимо интеллигентов; как было

упомянуто, мы самостоятельно читали Кенана[5]. В комнате, в которой происходили чтения, помещалось пять или шесть человек да приходящих было человека два, не меньше, и потому ставился вопрос: не будет ли очень много народу? С этой стороны вопрос решили в удовлетворительном смысле [...]

Частенько посещал нас и Ф. А.[6]. Очень приятный и симпатичный рабочий, старик — по своей революционной деятельности. Я всегда с особым удовольствием слушал и принимал его советы. Я видел в нем то поколение, которое нам приходится сменять, но я сомневался, будем ли мы настойчивее, сильнее и умнее их. Помню, как ему пришлось отправиться на год в «Кресты»[7] для отбытия наказания. Это произвело очень тяжелое впечатление на меня. Я никогда не забуду его симпатичного лица, уже, можно сказать, потерявшего жизнь и принужденного еще пойти в тюрьму, отдать часть человеческой жизни прожорливому абсолютизму. Помню, как раз он сетовал на то, что у нас мало поется песен, а они, мол, раньше очень часто и много пели. Это правда, мы еще мало поем хороших песен и мало их знаем.

Так мы продолжали жить и развиваться. Конечно, к этому времени завязались новые знакомства с рабочими. Время незаметно проходило, и наступила весна. Помню, что у меня к этому времени пошли большие неприятности со старшим в партии[8]: сначала из-за того, что я не работаю вечеров и ночей, а потом просто чтобы избавиться от меня. Старший был недоволен мной за мою самостоятельность, начавшую сильно проявляться особенно за последнее время, да еще и за то, что я испортил одного молодого человека, которого он желал выработать по-своему и который служил в качестве мальчика в нашей партии. Эта глухая борьба привела наконец к тому, что в один прекрасный день меня перевели в другую, более худшую партию, в которой я проработал месяц с небольшим.

Раз была спешная работа, и всю партию заставили работать ночь. Я и еще трое не пожелали работать; нас постращали расчетом, но я и тогда не согласился работать. Рассвирепевший мастер дал нам прогульную записку на две недели. Это значит, что нас лишили возможности работать целых две недели, и если бы мы, прогулявши две недели, вышли на работу, то нас, очевидно, заставили бы опять работать ночь. Этим спосо-

бом очень часто достигали того, что рабочий становился довольно податливым. Но я, получивши записку, направился к фабричному инспектору, который, думая отделаться от меня, прикрикнул и взвалил всю вину на меня, а не на заводскую администрацию; но я ему заметил, что пришел к нему за защитой, а не за тем, чтобы на меня кричали и взваливали вину мастера лично на меня. После этого инспектор смягчился и сказал, что он уже несколько раз запрещал практиковать на заводе данный способ, но что, мол, они опять прибегают к нему. Он обещал по приезде на завод разобрать это дело. В результате была проборка мастеру и выдача мне расчета с уплатой вперед за две недели. Этот случай вызвал много толков на заводе, и я даже был некоторое время героем, сумевшим подтянуть мастера. По-видимому, на короткое время там прекратили насильно заставлять работать вечера и полуночи с ночами.

Положение изменилось. Я уже собирался покинуть район и перебраться в какой-либо другой, но потом, получивши работу, опять остался и продолжал действовать, хотя вскоре пришлось переменить квартиру, в которой я прожил продолжительное время, не будучи замеченным полицией. Здесь можно было продолжать вести занятия кружка. Наступило лето, школа закрылась, интеллигенция уехала в разные места, и рабочее движение как будто бы прекратилось, но это только так казалось, а на деле оно не прекращалось, а все расширялось, но теперь работа велась за отсутствием интеллигенции несколько своеобразным способом.

В это же лето произошло опять общее собрание петербургских рабочих. Оно состоялось на правом берегу Невы за Торнтоновской фабрикой, несколько левее, в лесу. Там говорилось о том, что движение идет тихо и нужно усилить его тем или иным способом. Жаловались на кружковую деятельность и вообще хотели чего-то нового, еще не испытанного, в более широких размерах. Много было споров и крику. Двое молодых рабочих особенно старались на все нападать, все осуждать, упрекать рабочих в халатности к новым веяниям. Особенно один из этих рабочих напал на интеллигенцию за ее якобы буржуазность и барские привычки, он говорил:

— Представьте, господа, что кто-либо приедет завтра к нам из заграничных представителей или из какого-либо нашего города и попросит нас указать наших

представителей-интеллигентов, вожаков движения. И что же? Мы должны будем низко кланяться в пояс и извиняться. «Извините, мол, господа, наша интеллигенция уехала на дачу, милости просим приезжайте зимой, когда она соберется и приступит во всеоружии своих знаний к делу; да и кружковая деятельность теперь тоже пока распущена на каникулы, потому за зиму интеллигенты сильно поистощились и поехали поправить свое здоровье да позапастись кое-какими знаниями там, на дачном приволье». Так можно представить нашу теперешнюю интеллигенцию. Нет, если мы, рабочие, желаем поднять рабочее движение и желаем, чтобы у нас не происходило таких перерывов, то прямо нужно заставлять интеллигенцию жить тут около движения и чтобы на лето не прекращалась деятельность, которая ведется зимой; а то это черт знает что происходит! — закончил молодой рабочий.

На этом же собрании досталось немало и тому, кто больше всего сносился с интеллигенцией; вообще это собрание носило характер довольно бурный. Конечно, против интеллигенции настроение в конце концов было общее, и счастье ее, что она находилась довольно далеко, а то ей пришлось бы очень серьезно защищаться и едва ли удалось бы вполне оправдаться. На этом же собрании был поднят вопрос о посылке венка на могилу Энгельса, который только что умер в это время. Часть стояла за посылку, но большинство было против. Отказ мотивировали тем, что наше движение довольно ничтожно, и если мы пошлем венок с надписью от петербургских рабочих, то это будет совсем неверно. Притом мы должны будем пожертвовать человеком, что очень для нас тяжело, а самое главное — мы опоздали со своим венком. Важно было бы ко дню похорон, а не потом, да и вообще лучше мы поступим, если в память Энгельса устроим что-либо другое; увлекаться венками нам не следует. Это умер не какой-либо барон или князь, которому необходим венок...

Этот взгляд одержал верх, поэтому, кажется, был поднят вопрос о телеграмме, но я теперь не помню, в каком смысле решили его. Молодой рабочий оказался самым наилучшим оратором и мог гордиться, что не всякий мог противостоять его доводам. Лично я, хотя был противником некоторых его взглядов, но едва ли был бы в состоянии сбить его с позиции. Впоследствии мне пришлось с ним ближе сойтись, и, к моему удивле-

нию, он оказался далеко не таким умником, как я о нем думал. Было досадно, когда потом его приводили в пример люди, которые, очевидно, были введены в заблуждение его речами [9]. Разошлись с собрания все с теми мыслями, что нужно по возможности видоизменить способ пропаганды в более активную сторону. Но это далеко не так легко было выполнить, как того можно было желать. В это время еще приходилось читать гектографированные брошюры, а более порядочной литературы не приходилось не только читать, но и видеть даже самым передовым и развитым рабочим, рабочим-вожакам, поэтому приходилось ограничивать область революционных вопросов очень узкой сферой, с которой был хоть сколько-нибудь знаком рабочий, руководивший в данной местности, районе или даже кружке. Это же явление можно наблюдать теперь по окраинам в провинции, где рабочим приходится выбиваться самим из темного забитого положения, без помощи интеллигенции. Но зато здесь нельзя было указывать на особые стремления обособиться и сделаться самому интеллигентом, что часто служило причиной нападок на кружковую деятельность.

В это время я и еще человека четыре-пять часто по воскресеньям отправлялись за Неву с какой-нибудь книжкой, которую читали и потом обсуждали; делились своими мыслями и рассказывали друг другу про случаи на заводе и фабрике, готовились к осени, думая основать несколько новых кружков, и уже намечали заранее вполне надежных лиц. Несомненно, в это время существовала касса, но строгого устава выработано не было, и потому трудно припомнить теперь, как распределялись и расходовались деньги. Помню только, что много расходовали денег на книги, но даже упоминания не было о расходах на нелегальную литературу. Что было поставлено довольно удовлетворительно, так это легальная библиотека [10]. Много книг мы получали от учительниц, много покупали сами, а мне постоянно приносил книги П. И. Много пропало ценных книг, составленных из статей разных журналов. Я чувствовал впоследствии всегда недостаток в книгах и только тогда мог оценить настоящим образом, как много помогает хорошая книга в городе, где рабочему приходится двигаться вперед безо всякого подталкивания вперед интеллигентом, и тогда книга сможет служить хорошим руководителем. Теперь

новое время и новые песни, всюду проникает или должна проникать литература периодическая, нелегальная, могущая служить руководителем по многим вопросам. Закинутый в глухое место рабочий, имея возможность получить такую литературу, имеет тот якорь, за который может держаться.

Настает осень 95 года, начинают съезжаться со всех концов интеллигенты, начинает чувствоваться сильный подъем. Приехавшая интеллигенция желает работать, тем более что часть ее получила выговор за то, что бросила на целое лето рабочих. И те и другие торопятся возместить летний застой (хотя, по справедливости, летний период назвать застоем нельзя). Машина пущена в ход вовсю; еще зима не наступила, а кружки начинают правильно собираться, и каждое воскресенье в них появляется по интеллигенту и человек по пять рабочих. Чувствуется сильный недостаток в квартирах, все имеющиеся заняты; снимается одна комната специально для занятий и собраний. Вопрос об агитации был решен в положительном смысле, хотя лично я не был доволен этим. Я был частично противником агитационной деятельности. Я опасался за уничтожение кружков, полагая, что агитационная деятельность их совершенно потопит, тогда как плодов этой деятельности я да и другие не видели. Тем не менее кружки продолжали правильно функционировать, и у меня спрашивали еще новых кружков для занятий. Ожидался выпуск листков, которые уже готовились. Приблизительно в это же время за мною начали следить, да и не за одним мною. Причина, вызвавшая особое за мной наблюдение, потом выяснилась. Один из рабочих, бравший у меня нелегальные книжки, дал одну из них своей сестре, а у той увидал книжку отец, который и сообщил об этом жандарму. Вот чем была вызвана тайная слежка за мной, но, очевидно, она никаких существенных результатов не дала, и, хотя предупреждали меня о скором аресте, все же я продолжал действовать, хотя принимал все предосторожности, дабы не привести куда-либо жандармов. На самом заводе продолжала появляться нелегальщина, но это все я делал через одного из моих товарищей. Тогда же начались разные недоразумения на суконной фабрике Торнтона, вызываемые главным образом понижением расценок. Было желательно в предполагаемых листках выразить то, что больше всего интересует самих рабочих, и, так сказать, оттенить по

возможности ярче те требования, которые являлись бы требованиями большинства выбранных руководителей, к организации (социалистической) непричастных. Для этого через одного рабочего их собирали на конспиративной квартире, куда являлся один интеллигент поговорить с ними и узнать точно их настроение[11]. Переговоры не удались, так как торнтоновцы не хотели говорить с человеком, им неизвестным, подозревая какую-то ловушку для себя, и никакие уверения ни к чему не приводили, они просили только составить хорошее прошение к градоначальнику, к которому намеревались пойти. Но писать слезное прошение было не в интересах партии, да и было совершенно напрасно ожидать какой-то пользы от такого прошения. Ввиду этого материалы, собранные через одного торнтоновца (теперь прохвоста, были обработаны в виде листка. Листок был признан и этим рабочим и нами удовлетворительным. Он был оттиснут и потом подкинут во многих экземплярах на фабрике. Это было началом энергичной агитации[12].

Вскорости же были выпущены листки на Путиловском заводе, экземпляр для ознакомления был доставлен и мне за Невскую заставу. Один товарищ во время работы отправился в ретирад с этим листком и с бутылочкой гуммиарабика. Уловив момент, когда никого не было, он налил на руку гуммиарабика, размазал ладонью по стене и, приклеив листок, сейчас же ушел в мастерскую. Пробыв там около 15 минут, он не мог выдержать дольше и отправился посмотреть, что стало с его листком. Оказалось, что у наклеенного листка стояло человек пятнадцать, и один старался прочесть вслух листок, но у него плохо выходило, и потому, протиснувшись вперед, товарищ громко и с подчеркиваниями прочел присутствующим листок. Все были очень довольны, и ретирад набился полнехонек, чтение не прекращалось, всякий уходил в мастерскую и посылал других, хождение продолжалось почти 2 часа, и все ознакомились с листком. Наконец администрация узнала об этом и приказала листок сорвать, но, пока было много народу в ретираде, сторож боялся срывать, одинаково боялись срывать и многие другие противники. Этот случай особенно расположил меня и товарища к такой деятельности, и мы стали частенько класть в ретирад, в укромное место брошюрки и листки, откуда они очень аккуратно исчезали спустя очень короткое время. Оче-

видно, кто-то ходил и незаметно уносил, и даже настолько аккуратно, что наши наблюдения не скоро привели к цели. Зорко присматриваясь, мы наконец заметили человека, который незаметно подходил, осторожно совал находку в рукав и сейчас же уходил с нею из ретирада.

В начале зимы произошло одно собрание из выборных рабочих в количестве, кажется, шести человек. На этом собрании читался листок, который вскоре должен был быть напечатан на гектографе и распространен на всех заводах и фабриках, но он еще был не закончен и требовал некоторых поправок. Тогда же было заявлено, что эти собрания должны происходить регулярно, кажется не реже двух раз в месяц; представителем на эти собрания от интеллигенции являлся тот, кто читал упомянутый листок. В этом можно было видеть, что организация принимала все новые и новые формы, приспособляясь к агитационной деятельности, но в то же время работа велась очень конспиративно, в этом чувствовалась необходимость. Часть интеллигенции была, очевидно, выделена для выработки упомянутых листков и сношений по более конспиративным и организационным вопросам с рабочими, другая занималась в кружках, но точно я, конечно, про интеллигенцию не знал — кто и чем был занят. Важно только, что в то время шла очень усиленная работа как у рабочих, так и у интеллигенции. Но все же при столь крутом повороте от кружков к агитации не замечалось особых недоразумений и споров, очевидно, что, продолжая еще более энергично свою деятельность, кружки как раз соответствовали самой правильной постановке дела, и только такая постановка может считаться вполне удовлетворительной. Где при агитации забрасываются кружки, там работа переходит на ложный и вредный путь, который справедливо породил у развитых рабочих резкие осуждения и нападки на интеллигенцию. Это не только не дает развитых рабочих, но и сама интеллигенция без занятия в кружках становится менее культурной и менее знакомой с душой рабочего.

Как год тому назад я положительно целиком был занят восприниманием разных хороших слов и учений от интеллигентов и в школе — от учительниц — и изредка появлялся на собраниях, несмелый и стеснительный, так теперь приходилось всюду проявлять самостоятельность, приходилось разрешать самому всякого

рода вопросы, возникающие в кружках, на фабриках и заводах и в школе. Иногда и чувствуешь, что ты не очень компетентен, но говоришь, советуешь, разъясняешь только потому, что лучшие и умные руководители уже высланы, и раз пала обязанность быть передовым, то отговариваться было невозможно. Не думаю, чтобы с моей стороны не было промахов, но следить за собой самому очень трудно, все же мною была употреблена в дело вся энергия и предусмотрительность [13].

Отправился как-то я после работы за Нарвскую заставу по делу и увидал в домашней обстановке тамошних деятелей, о которых постоянно говорили, как о людях умелых, могущих быть примерными, да и они сами часто распространялись по этому поводу, и что же? Мое впечатление было далеко не в их пользу. При всем желании увидеть или услышать что-либо новое, что можно было бы перенять и перенести к себе за Невскую заставу, дабы еще лучше шла работа у нас, я там не нашел, словом, ничего свежего, и потому часть веры, питаемая мною к ним, как к примерным работникам, значительно охладела, и потому еще сильнее предался я своему делу за Невской, мало знакомясь лично с работой в других местах. Я в то время хорошо знал положение дела за всей Невской заставой, и потому для меня особенно ярко вырисовывался подъем после первых листков и брошюр, пущенных в широких размерах во всем этом районе. Полученные листки и потом брошюры были распространены по заводам и фабрикам очень удачно, и даже никто не был замечен в распространении, что, конечно, только ободряло нас, и мы ждали все новых и новых произведений для массы. Эта деятельность сейчас же оживила публику, и по фабрикам пошли слухи о скором бунте. «У нас все говорят, что будет бунт после Нового года, непременно будет!» — говорил мне один фабричный заурядный рабочий, не принимавший никакого участия в нашем деле. Другой, заводской, прямо спрашивал у меня побольше литературы, указывая на то, что на заводе, где я работал, было постоянно мною раскидано много листков и брошюр, а у них — мало. Я не мог дать ему литературы благодаря тому, что совсем не знал его и раньше никогда не разговаривал с ним, а спросил на этот раз его мнение исключительно с желанием узнать, как думает заурядный человек, никогда не бывавший ни в какой организации. В то время ставилось требованием, чтобы

всякий из нас входил в массу и узнавал ее истинное мнение, эти люди и были для меня как личности массы.

Думаю, что необходимо упомянуть об интеллигенции, ходившей в наши кружки. П. И. в эту зиму ходил довольно редко и то больше ко мне, но он доставил двух лиц, которые взялись с увлечением за кружки и несли свои обязанности; как люди, преданные делу, они пользовались любовью своих слушателей. Была одна группа, которая настойчиво просила себе кружок; после долгих переговоров ей дали кружок, но вместо того чтобы быть конспиративными и заниматься в кружке, они являлись постоянно вдвоем и не столько занимались делом, сколько разными расспросами и наведением критики на неудовлетворительность постановки дела [14]. Руководивший кружком, а потом и слушатели стали настойчиво жаловаться на бесполезность подобных занятий. Интеллигентам было сделано соответствующее заявление, а когда и это не помогло, то им было заявлено прямо, чтобы они перестали ходить в кружок и оставили бы нас в покое. Можно подозревать, что они действовали так под влиянием врача Михайлова, который через них надеялся подробно ознакомиться с делом и людьми. Но если ему и удалось что узнать, то далеко не многое; конспирация и аккуратность в данном случае сослужили службу. Третья группа интеллигентов, самая большая, подготовлялась к агитации и была знакома со всеми петербургскими делами. Она руководила агитацией, т. е. доставляла листки, брошюры и знала, где они будут распространены [15]. На местах делом руководили рабочие, которые передавали литературу во все заводы и фабрики для распространения. На каждой фабрике, на каждом заводе действовал только один такой рабочий. Он знал, сколько, куда нужно дать, он же знал день, в который листки будут распространены, и т. д. Упомянутые две группы через посредство нас делали попытку к слиянию, но это не удалось благодаря общему провалу.

В декабре около 5-го числа сделан был набег, и интеллигенция и часть известных рабочих была взята [16]. Ареста ожидали, но не так скоро и не в таком широком размере. Конечно, это произвело очень сильное впечатление на меня, но не такое сильное, как если бы это случилось раньше, я уже привык к арестам и переносил их довольно спокойно. В школе на лицах учитель-

ниц можно было видеть почти слезы и страх, страх скорее за дело, чем за себя. Общее впечатление, конечно, было очень тяжелое; прекратилась работа в смысле доставки литературы и листков, местами на целые районы приходилось смотреть как на прекратившие всякое существование в смысле революционной деятельности; нужно было вновь завоевать эти места, но сил не было, местами прекратились занятия в кружках, это же частью происходило и у нас. У нас было взято трое рабочих, особенно чувствовалось отсутствие Н.[17]. И все же наш край мог продолжать деятельность, не чувствуя особого ущерба в работниках по заводам и фабрикам; недостаток являлся со стороны интеллигенции, которая не могла так скоро оправиться, но все же через неделю уже начались правильные собрания и наладилась связь. В это время товарищам пришлось немало положить энергии, дабы сломить мое упорство. Я положительно восстал против агитации, хотя видел несомненные плоды этой работы в общем подъеме духа в заводских и фабричных массах, но я сильно опасался такого же другого провала и думал, что тогда все замрет, но я в данном случае ошибался. Знай я, что будет продолжаться эта работа после моего ареста, я, конечно, не спорил бы по поводу агитации. Я очень удивился, что меня оставили на свободе; видимо, меня не арестовали с корыстной целью, желая выследить мои и со мной сношения, но это полиции не удалось. Между тем товарищи меня уломали, и я наконец согласился продолжать вести агитацию. Чтобы доказать силу нашей организации, мы распространили на Чугунном заводе, фабриках Максвеля и Паля несколько брошюр: «Кто чем живет?», «Что должен знать и помнить каждый рабочий», «Конгресс»[18] и еще одну, названия не помню, — в довольно большом количестве и наделали этим очень много шума. Полиция и жандармы продолжали работать, но это только подзадоривало нас, а уверенность и мужество вселялись в читателя на фабриках и заводах. Пошли разговоры и рассуждения, и, видимо, волна недовольства скоро должна была хлестнуть через борт. Несмотря на то что в это время через школу ничего не делалось, но старший мастер фабрики Максвеля Шульц прямо указывал на школу как на причину всех этих явлений. Он же все посылаемое ему по почте передавал жандармам и, конечно, следил зорко за своими рабочими. На заводе многих арестовывали или записывали

за чтение подброшенного. Интереснее всего, что подбрасывающий действовал во время работы, и настолько смело, что просто приходилось удивляться его смелости, и при этом не был ни разу замечен даже своими рабочими по партии, хотя постоянно подбрасывал по всем мастерским один, иногда бросал в котел, в котором сидело человека три-четыре. Эти последние, увидавши брошенное, никогда не спешили посмотреть, кто бросил, а сначала удивленно рассматривали подброшенное и затем, поняв суть дела, осторожно начинали читать, а по прочтении иногда уничтожали листки, но это происходило очень редко и у самых боязливых рабочих.

На Семянниковском заводе однажды листки не появились благодаря загадочному случаю, именно: рабочий, получивший листки вечером, спрятал их в одном месте до утра, но когда утром пошел на работу и хватился листков, то их уже не оказалось там, где он их клал. После этого пришлось быть еще более осторожными, но до моего ареста ничего выяснить так и не удалось и пропавшие листки возвращены не были. Меньше чем в месяц было разбросано довольно много брошюр и листков, и на этой почве даже возникло несколько недоразумений и обид: некоторые рабочие жаловались, что им меньше дают брошюр, чем на другом заводе; оно отчасти так и было, брошюр не хватало, но я был уверен в скорой доставке таких же брошюр и думал тогда шире пустить их по фабрикам. Способ распространения на заводе был разнообразный: некоторым совали в ящик с инструментами или клали на суппорт станка, некоторым вкладывали в карман пальто, что было очень легко и просто выполнить, клали в такое место, куда часто за чем-нибудь приходили рабочие, иногда бросали к рабочим в котел (в котельной мастерской), очень удобно было подбрасывать в разные части ремонтируемых паровозов, где рабочие потом находили, и находили иногда спустя несколько часов после начала работы. В это время, начиная от самого Обводного канала, около часовни у моста, где был маленький заводик, и за село Александровское, не было ни одного большого завода или фабрики, где бы не появлялась нелегальная литература благодаря тому, что всюду были свои люди; особенно много было своих людей на фабриках Паля и Максвеля, и если оттуда выхватывали одного или двух человек, то дело продолжало идти своим порядком, и вообще за один месяц

потери уже пополнялись. Нужен был только хороший руководитель. Между прочим главную услугу жандармам оказывали сами рабочие: сделавшись прохвостами, они выдавали все и всех, и поэтому, очевидно, приходилось потом все начинать сызнова.

После огромного провала, спустя недели две-три, всюду опять наладились сношения; всюду закипела живая работа в кружках и агитация листками и брошюрами. Спустя четыре недели после упомянутого провала я получил довольно много листков общего характера, где говорилось о набеге, произведенном жандармами, и о том способе, который правительство употребляет на борьбу с самосознанием рабочих. Получивши эти листки, я почувствовал, что распространение их будет последней моей работой. Постаравшись распределить соответственно по количеству работающего люда на фабрике и заводе, я разнес и раздал известным мне лицам эти листки, узнав, в какой час приблизительно они будут раскинуты. Доверенные лица сейчас же взялись за работу: кое-кто побежал за материалами для составления клея или гуммиарабика, дабы лучше наклеивать листки в общих местах. Раздав таким образом листки, попрощавшись с товарищами и предупредив их о возможности моего ареста, я сказал, чтобы они не приходили ко мне на квартиру, пока я сам не явлюсь к ним. Уже в 11 часов вечера я сел на идущую в парк конку и приехал в село Александровское, направляясь на квартиру к товарищу, где меня поджидали. Отдав листки для Обуховского завода и др. и пожелав им благополучно продолжать работу, я сказал о своей уверенности, что после этих листков я буду, наверное, арестован, и спокойно отправился домой с полным убеждением, что завтра утром по всему Шлиссельбургскому шоссе на фабриках и заводах будут распространены листки. Конечно, оно так и было. Всюду приходилось полиции усиленно работать, отыскивая виновников этого распространения, и немало непричастных людей попало в подозрение.

Прошел день, вечером я никуда не пошел, остался дома и приготовился к обыску, так был уверен в нем. И действительно, только что я заснул, как слышу тревожный стук в двери. Хозяин, недоумевая, пошел торопливо открывать дверь, а я мог сказать себе, что больше я за Невской уже не работник. В дверь комнаты ворвался околоточный надзиратель, а потом с изви-

нениями и с лисьим достоинством вошел и либерал-пристав Агафонов, заявив, что он пришел только произвести у меня обыск. Но когда при тщательном обыске ничего у меня преступного не оказалось, то он так же ласково заявил, что все же должен меня арестовать, но что, мол, это пустяки и меня через дня два-три выпустят [19]. Я, конечно, ко всему был готов, и это особого действия на меня не произвело.

Когда гасили утром на петербургских улицах фонари, то я с околоточным надзирателем и еще одним арестованным подъезжал к Дому предварительного заключения. Я знал, что сидевший со мной арестованный совершил единственное преступление: отнес в проходную контору всунутую ему в карман пальто книжку и передал жандарму, и за это его арестовали. Таковы иногда убеждения у жандармов о виновности некоторых лиц. Я знал также, что и другие арестованные столь же мало принимали участия в распространении, как и сидевший против меня молодой рабочий, зато я был уверен, что те, кто распространял на самом деле, те не арестованы и продолжают спокойно спать на своих кроватях. Наконец-то и мы в предварительном заключении. Громаднейшее здание внушило с первого же взгляда к себе ненависть, но пришлось поближе ознакомиться с ним и сжиться с его привычками и уставами, а тринадцатимесячное заключение с лишним заставило пережить все волнения, возникавшие за это время [20]. За все это время не пришлось перекинуться ни единым словом ни с одним из товарищей, тут же рядом сидевших и, подобно мне, одинаково молчавших, поддерживая гробовую тишину в продолжительные и длинные месяцы. Этим заканчивается мое воспоминание о деятельности в С.-Петербурге за Невской заставой.

А. С. Шаповалов

ПО ДОРОГЕ К МАРКСИЗМУ

ЛАХТИНСКАЯ ТИПОГРАФИЯ

Знаменитая Лахтинская типография была поставлена Ергиным Александром Александровичем еще в 1893 году в Петербурге на Васильевском острове. Об этом периоде существования ее я знаю очень мало. Она выпустила, по-видимому, всего два или три листка, которыми группа партии «Народная воля» извещала о своем существовании и о своем решении продолжать настойчиво борьбу с царизмом, начатую партией «Народной воли» в конце 70-х годов.

Эта типография была приспособлена для более широкой деятельности и стала по-настоящему работать лишь после того, как перешла в руки нашей рабочей группы Приютова. Вторым после Приютова по организации типографии надо считать безусловно Григория Тулупова. Это был человек, не умевший говорить на собраниях, но необыкновенно хороший организатор. Мало высказываясь, он много делал. Необыкновенно преданный делу революции, он не задумываясь пошел бы на самое опасное дело, где нужно было пожертвовать жизнью.

Осмотрев типографский станок, на котором до сих пор народовольцы-интеллигенты печатали прокламации и который с большим трудом был получен из-за границы, он его забраковал и предложил сделать новый из железа, более приспособленный для большой работы и переноски. Чтобы придать типографии легальный вид, чтобы отвлечь подозрение полиции, он предложил открыть слесарно-портняжную мастерскую.

С этой целью была снята квартира на Звенигородской улице братьями Тулуповыми. Дворник, пришедший посмотреть, как живут новые жильцы, увидел, что в передней комнате Гриша на привернутых к верстаку тисках чинит замки и что другой брат, Миша, сидя на столе по-портновски, подогнув под себя ноги, усиленно работает иголкой. Время от времени какие-то люди приходили и уходили от братьев. «Заказчики», — объяснил М. Тулупов дворнику. Дворник, получавший на чай, был вне подозрения, что в квартире новых жильцов затевается что-нибудь недоброе. Слыша часто удары молота по железу и визг напильника, он ограничивался тем, что говорил М. Тулупову: «Скажите брату-то, пущай не очень-то стучит по утрам, когда господа еще спят».

Удары молота и визг от напильника слышались потому, что Гриша торопился окончить новый типографский станок из железа. Старый был изготовлен из стекла и дерева. Работая день и ночь без надлежащего инструмента, проявляя много усердия и изобретательности, Гриша в очень короткое время соорудил тот типографский станок, на котором было за короткое сравнительно время отпечатано очень большое для нелегальной типографии количество брошюр и листовок. Наборная касса, шрифт, разбиравшийся и складывавшийся типографский станок — все легко укладывалось в ящиках комода. При малейшей тревоге комната принимала самый невинный вид. Приходивший к братьям время от времени дворник всегда замечал, что Миша усиленно кроит и шьет, а Гриша стучит молотом, пилит напильником и лудит, и, получив на чай, при виде приходивших заказчиков уходил, думая: «Здорово ваши ребята работают, молодцы».

Метранпажем и наборщиком являлся Николай Белов. Днем он работал в какой-то большой типографии, из которой каждый вечер приносил полные карманы шрифта. Вся техника типографии лежала на нем. Под его руководством и Гриша, и Миша, и сестра Приютова Катя, приехавшая с юга, и, наконец, конторщик Смирнов, завербованный Приютовым, все учились набирать шрифт. Доставлять шрифт из типографии нужно было с большой осторожностью. Помимо того что метранпажи и хозяева типографии очень следили, чтобы шрифт не воровали, заподозренный или замеченный в хищениях шрифта мог провалить все дело.

В. И. Ленин. Петербург, февраль 1897 г.

Г. М. Кржижановский.

Н. К. Крупская.

А. И. Ульянова-Елизарова.

М. А. Сильвин.

Панорама Невской заставы. 1900 г.

Шлиссельбургский проспект в селе Смоленском, д. № 65 (ныне проспект Обуховской Обороны, д. № 107). Здесь, в помещении земской школы, в 90-х годах прошлого века проходили занятия Корниловской (Смоленской) вечерне-воскресной школы для рабочих.

МОСКОВСКОЕ ОХРАННОЕ ОТДѢЛЕНІЕ. Ульяновъ-Ленинъ

Владимиръ

№ 128944.

" " 17540–901 г.

" " 3502–908 г.

Нег. № 7583

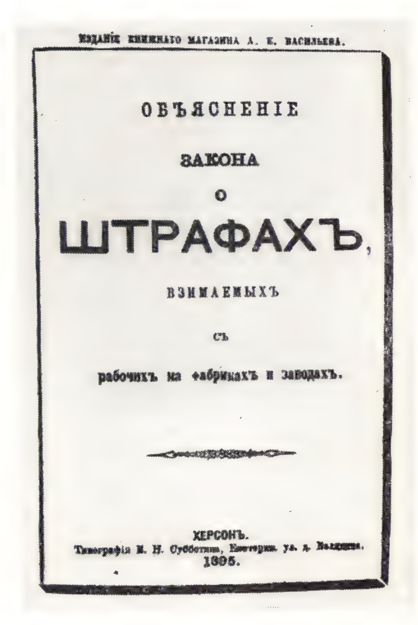
В. Ульяновъ

7583

1) Волосы: Цвѣтъ Волнистость Густота Лысина
2) Борода и усы: Цвѣтъ Форма Густота Особ.
3) Лицо: Цвѣтъ Полнокровие Выражение Особ.
4) Лобъ: Высота Накл. Морщины Форма головы
5) Брови: Цвѣтъ Форма Густота Расположение Особ.
6) Глазныя впад. (орбиты): Величина Глубина Особ.
7) Глаза: Цвѣтъ райка Класс Особ. Разст. между глазъ
8) Носъ: Спинка Основание Выст. Длина Шир. Особ.
9) Ухо: Форма Оттопыренность Велич. Особ.
Уши: (10) борд.: Нач. Верх. Низ. 12) Противо-коз.: Накл. Проф. Выс.
(11) мочка: Накл. Форма Прирастание 13) Внутр. скл.: Выс. Велич.
14) Губы: Форма Высота Толщина Выступание Особ.
15) Подбородокъ: Длина Накл. Форма Полнота Особ.
16) Плечи: Ширина Накл. Шея Особен.
17) Руки: Величина Привычка держать Особен.
18) Ступни ногъ: Длина (№ обуви) Особенность формы ногъ
19) Осанка (выправка корпуса, Манера держаться):
20) Походка:
21) Особ. въ жестикуляціи, границе, мимикѣ, и т. п.
Подпись

По поводу так называемаго вопроса о рынках.

I



ИЗДАНІЕ КНИЖНАГО МАГАЗИНА А. К. ВАСИЛЬЕВА.

ОБЪЯСНЕНІЕ

ЗАКОНА

О

ШТРАФАХЪ,

ВЗИМАЕМЫХЪ

СЪ

рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ.

ХЕРСОНЪ.

Типографія И. Н. Субботина, Екатерин. ул. д. Вальдина.

1895.

Фасад фабрики Торнтона. 1900-е годы.

В. И. Ленин. Тюремный снимок. 1895 г., после ареста 9 декабря.

Первая страница рукописи В. И. Ленина «По поводу так называемого вопроса о рынках».

Обложка брошюры В. И. Ленина «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах», отпечатанной в подпольной типографии в Петербурге. 1895 г.

Копия
196.

ПРОТОКОЛЪ №

1896 года Сентября «2» дня въ г. С.Петербурге,

я, Отдѣльнаго Корпуса Жандармовъ Подполковникъ Филатьевъ

на основаніи ст. 1035[1] Уст. Угол. Судопр. (Судебныхъ Уставовъ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА Втораго, изд. 1883 г.)

въ присутствіи Товарища Прокурора С.Петербургскаго Окружнаго Суда В.П. Носовича

допрашивалъ обвиняемую котор ая ~~въ дополненіе своихъ объясненій отъ~~ показала.

Зовутъ меня Надежда Константиновна Крупская

Я не признаю себя виновной въ принадлежности къ какому либо преступному сообществу и въ частности къ „союзу борьбы за освобожденіе рабочаго класса". Я около 5 летъ состою учительницею воскресной школы на Шлиссельбургскому тракту. Но частныхъ знакомствъ среди рабочихъ не имею, и они у меня на квартире не бывали. Съ Константиномъ Константиновичемъ Бауэромъ не знакома, и онъ у меня на квартире по Верейской улице никогда не былъ. Состоя на службе въ Главномъ Управленіи казенныхъ железныхъ дорогъ, я выдавала Бауэру ассигновки на полученіе денегъ, и затемъ

Жандармский протокол допроса Н. К. Крупской после ее ареста в августе 1896 г.

Группа руководителей петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» перед ссылкой. Сидят: **В. В. Старков, Г. М. Кржижановский, В. И. Ленин, Ю. О. Мартов**; стоят: **А. Л. Малченко, П. К. Запорожец, А. А. Ванеев.** Февраль 1897 г.

Вид на «Красный дом» — пятиэтажную рабочую казарму фабрики Максвеля, где в 1899 г. произошла первая схватка петербургских рабочих с полицией и жандармерией.

П. Ф. Куделли.

Заводская продуктовая лавка Невского механического (Семянниковского) завода.

Г. М. Фишер.

И. В. Бабушкин.

В. А. Шелгунов.

В. А. Князев.

ИЗДАНІЕ М. И. ВОДОВОЗОВОЙ.

ВЛАДИМІРЪ ИЛЬИНЪ.

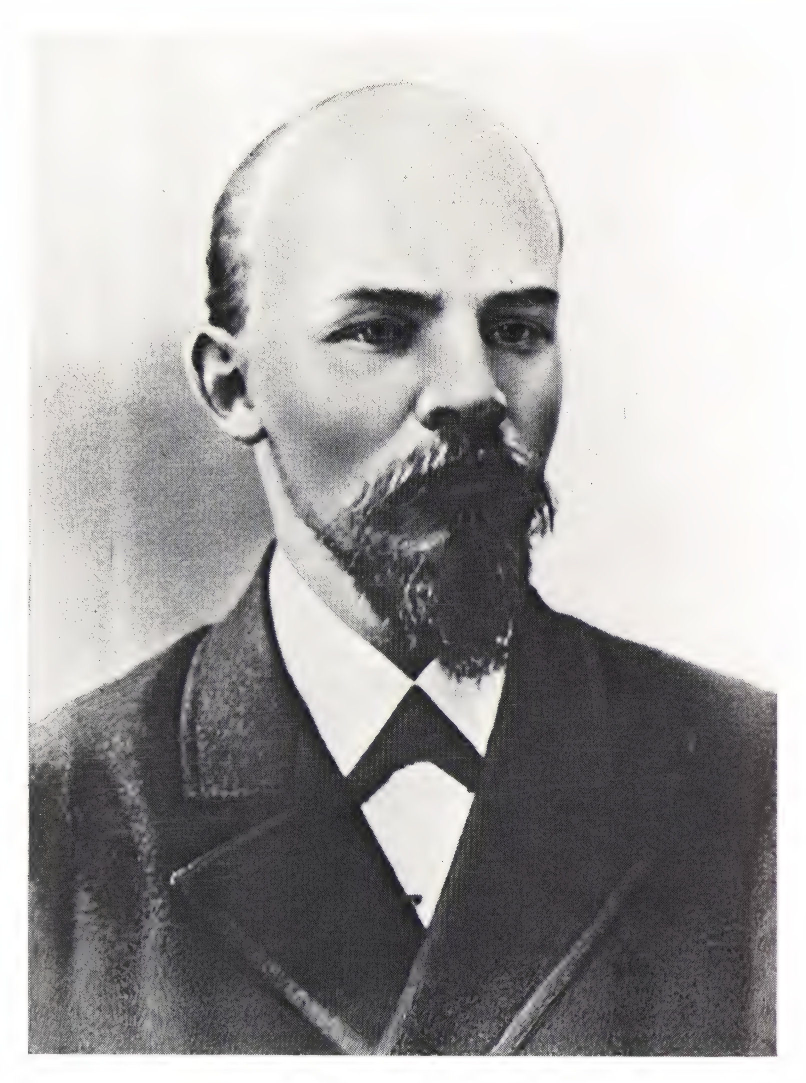
РАЗВИТІЕ КАПИТАЛИЗМА
ВЪ РОССІИ.

Процессъ образованія внутренняго рынка для крупной промышленности.

Цѣна 2 р. 50 к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія А. Лейферта, Бол. Морская 65.
1899.

Обложка первого издания книги В. И. Ленина «Развитие капитализма в России». 1899 г.



В. И. Ленин. 1900 г.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

№ 1. ДЕКАБРЬ 1900 ГОДА.

„Изъ искры возгорится пламя!“ Отвѣтъ декабристовъ

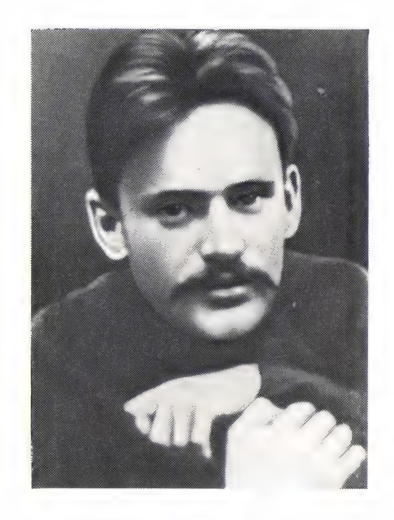
НАСУЩНЫЯ ЗАДАЧИ НАШЕГО ДВИЖЕНІЯ.

A. 1/ Как чуть не потухла „Искра“?

STEINDL'S WIENER-GRAND-CAFÉ
ZÜRICH
Bahnhofplatz.

Первый номер «Искры».

Первая страница рукописи В. И. Ленина «Как чуть не потухла „Искра“?». 1900 г.



Е. Д. Стасова.

А. С. Шаповалов.

М. И. Калинин.

С. Н. Сулимов.

Один из руководителей Обуховской обороны **Н. Н. Юников.**

Героиня Обуховской обороны **М. Я. Яковлева.**

Чугун, застывший в разливочных ковшах в день Обуховской обороны — 7 мая 1901 г.

Что дѣлать?

Наболѣвшіе вопросы нашего движенія

Н. ЛЕНИНА.

. . . „Партійная борьба придаетъ партіи силу и жизненность, величайшимъ доказательствомъ слабости партіи является ея расплывчатость и притупленіе рѣзко обозначенныхъ границъ, партія укрѣпляется тѣмъ, что очищаетъ себя" . . . (Изъ письма Лассаля къ Марксу отъ 24 іюня 1852 г.).

STUTTGART

Verlag von J. H. W. Dietz Nachf. (G. m. b. H.)

1902

Обложка книги В. И. Ленина «Что делать?». Штутгарт, 1902 г.

М. М. Эссен.

Н. Е. Буренин.

Памятник А. В. Шотману в Петрозаводске.

Работа в подпольных типографиях тяжела в особенности необходимостью почти полной разобщенности от внешнего мира. Чем реже приходят товарищи, имеющие связь с внешним миром, ведущие агитацию и пропаганду, тем больше уверенности, что типография не провалится. Постоянная необходимость в течение долгих месяцев находиться в двух низких, душных комнатах, невозможность иметь общение с внешним миром, постоянное однообразие типографской работы, вдыхание свинцовой пыли — все это делает из работника подпольной типографии своего рода отшельника и героя. Выйти вечером, когда на улицах темно, пойти в театр — все это рискованно. Работник подпольной типографии, подвергаясь постоянной опасности ареста, ведя самую суровую отшельническую жизнь, лишен тех радостей, тех красочных сторон, которыми бывает временами полна жизнь революционера агитатора или пропагандиста. Как ни были мужественны наши товарищи, но они с трудом выносили новую отшельническую жизнь. Более стойкими оказались Николай Белов и Григорий Тулупов. От них нельзя было услышать ни одной жалобы. Более всех ослабел было и заскучал о внешнем мире т. Смирнов. Тяжелая Артиллерия, как прозвал его Приютов, Смирнов только что окончил военную службу, где был, кажется, артиллеристом. Однажды он заявил Приютову: «Я не могу больше оставаться: пошлите куда угодно, только освободите от работы в типографии». Приютов, призвав меня, предложил мне устроить Смирнова в качестве рабочего на заводе. Ввиду того что Тяжелая Артиллерия не знал никакого ремесла и был молод и здоров, я пришел к мысли устроить его через Матрехина-старшего молотобойцем в большой кузнице. Мастеровой, немец Браун, принимал молотобойцев только через его посредство. Так как Матрехин, любивший выпить, отказал мне на первую мою просьбу, пришлось принести ему два полштофа водки. При виде двух бутылей, которые я поставил в угол в его каморке, Матрехин смягчился и сказал: «Ну, пусть твой приятель приходит завтра».

В это время я снимал подвальную комнату у одного рабочего на набережной реки Таракановки [1]. Теперь эта речка, название которой говорит, что ее мог перешагнуть таракан, уже засыпана, и на ее месте образовалась довольно широкая Таракановская улица. Эта набережная находилась в центре рабочего квартала. Напротив,

за Обводным каналом, с 6 утра до 8 часов вечера горели огнями и гудели Митрофаньевские ткацкие фабрики. За ней начиналась огромная Российско-Американская резиновая фабрика, отравлявшая всю округу на большом пространстве удушливым запахом жженой резины. Дальше шли еще разные фабрики и заводы, и, наконец, за Екатерингофским парком на Вольном острове находилась ткацкая фабрика Воронина [2] и костеобжигательный завод искусственного удобрения. Большое число барж с костями, с загнившим мясом и обжигавшие кости печи издавали настолько невыносимый смрад, что я не мог гулять в Екатерингофском парке, я задыхался и никак не мог понять, как рабочие Воронина и других фабрик выносят этот смрад.

Так как работа на заводе утром начиналась рано, чтобы не опоздать, Смирнов пришел ночевать ко мне в подвал. В утренние и вечерние часы набережные Обводного канала были покрыты толпами рабочих. Ночлег у меня в душном и сыром подвале, раннее вставание в 5 часов утра, серо-зеленые лица проходивших мимо ткачей, сгорбленные фигуры металлистов, лица, выражавшие покорность судьбе, торопливость, с которой бежали они, чтобы не опоздать на работу, — все это произвело впечатление на Смирнова. Задумчивый вошел он в кузницу и подошел к горну, к которому его подвел Матрехин. Последний гудок еще не свистел, но молотобойцы наваливали на горны смоченный водой каменный уголь, делали так называемые печи. Как только завертелись трансмиссии и задул вентилятор, горны загорелись, и вся огромная кузница наполнилась едким густым дымом. Начал бить паровой молот, от ударов которого сотрясалась земля. От каждой наковальни, от раскаленного добела железа стали сыпаться искры. Молотобойцы сгибались и разгибались, ударяя огромным молотом по раскаленному железу. «Бей лучше, мать! — послышались крики Матрехина, ибо Смирнов не умел держать молота. — Не держи молот за горло. Ишь, морда толстая, совсем молотом бить не умеет. Я тебе покажу кузькину мать». Чтобы не смущать Смирнова, я ушел. Когда я пришел навестить Смирнова через три часа, он был покрыт сажей и мокрый от пота. От усталости у него дрожали руки и ноги, и на ладонях появились водяные нарывы. «Как ты выносишь такую жизнь?» — спросил он меня, показывая ладони, растертые до крови. «Эй, ворона, не зевай! — крикнул

на него в это время его кузнец, державший в клепках сверкавший искрами кусок металла. — Бей по железу, а не по наковальне!»

Проработав до обеда, Смирнов, не сказав мне ни слова, сбежал с завода. Он умирал от усталости. У него подгибались колени и ныли руки и спина. «Где же твой товарищ?— спросил меня прибежавший к моему станку рассвирепевший Матрехин. — Как это ты, разэтакую тебя мать, выпрашиваешь на работу лодырей, которые и молотом бить не умеют и на работу не являются?» — «Разве он не явился?»— спросил я. «Конечно нет, мать, мать, мать!» — кричал Матрехин. «Ну ладно, Матрехин, не кричи, я тебе сегодня вечером полштофа поставлю». Матрехин любил выпить, и это его усмиряло. Направившись к Приютову, Смирнов рассказывал, что он пришел в ужас от того, что видел и испытал в кузнечной мастерской. Вернувшись в подпольную типографию, он больше не ворчал и молчаливо исполнял все работы.

Я лично сравнительно редко бывал в типографии, потому что был оставлен для работы среди рабочих. Я встречался только с Приютовым. Только изредка, когда в этом чувствовалась нужда, приходил помогать нашим затворникам. Бывало, впрочем, что я принужден был работать в типографии ежедневно. Дворник при виде товарищей, приходивших нагруженными бумагой и уходивших с отпечатанной литературой под видом заказчиков, делал заключение: «Здорово работают ребята, зашибают деньгу». Иногда я по целым часам бродил по противоположной стороне Звенигородской улицы, наблюдая по поручению Приютова, как входили и уходили эти товарищи, приносившие бумагу и уносившие брошюры.

Однажды, когда я прогуливался, наблюдая, что делается кругом и нет ли какой опасности для нашей типографии, живший на углу этой улицы молодой полковник гвардейского полка усаживался с женой в санки. Красивый экипаж, откормленные лошади, толстый кучер, хорошо одетая выхоленная молодая барыня, жена полковника, все говорило, что он и она принадлежат к числу очень богатых людей. Их счастливый, беспечный смех, здоровый вид бросились мне в глаза. Невольно закипела злоба. Я вспомнил отца, которому такой же полковник переломал ребра, мать, которой молодость прошла в ухаживании за такими барынями, и

мою полную лишений тяжелую жизнь, и я не мог удержаться, чтобы не бросить на счастливую парочку взгляд, полный самой мрачной ненависти. Под взглядом, который был необычен со стороны молодого рабочего, но который не предвещал ничего доброго, мгновенно оборвался счастливый смех молодой красивой женщины; с выражением ужаса она прижалась к своему мужу, невольно ища защиты у него от грозившей ей какой-то опасности; муж, растерявшись, повторял: «Не бойся, не бойся». Поняв, что напрасно дал волю нахлынувшему на меня чувству, я, воспользовавшись замешательством полковника, юркнул в первый проходной двор и скрылся, прежде чем полковник мог прийти в себя и позвать на помощь полицию.

Прежде чем войти в типографию, если это было в часы церковных служб, мы временами заходили в соседнее Синодальное подворье. Туда же в эти часы приходил Гриша или Миша. Узнав от него, что никакой опасности нет, мы шли смело в типографию. «Что, богу молились? — спросил раз дворник, заметив Гришу и Мишу выходившими из церкви. — Хорошее дело-с! Вы люди богомольные, трезвые, работящие. Только вот одно — больно рано начинаете молотом стучать и допоздна утюгами шарпаете. Кабы маненько потише, а то господа жильцы жалуются. Днем хоть на голове ходи, а ночью-то и самим надо отдохнуть, и другим покой дать. Всех денег все равно не заработаете...»

Так как квартира на Звенигородской улице была слишком мала, замечание дворника, что шум от типографского станка мог внушить подозрение, было принято во внимание, и было решено найти другую квартиру.

После довольно долгих поисков, на которые были мобилизованы все члены нашего кружка, новая, более подходящая квартира была найдена на набережной Крюкова канала, недалеко от Садовой улицы. Здесь типография развернула свою работу. Здесь были напечатаны брошюры: «Царь-голод», «Что должен знать и помнить каждый рабочий», «Ткачи» Гауптмана, «Иван Гвоздь» и другие [3]. Здесь работали Григорий и Михаил Тулуповы, Приютов, его сестра Екатерина Петровна Приютова, Николай Белов, Смирнов, Василий Купцов. Во время особенно спешной работы сюда приходили Косолобов Александр и я. После ареста Александра Ергина в этой квартире жил затворником интеллигент-

народоволец Федулов. Женатый на дочери миллионера, владельца шахт, он приехал сюда из Донбасса. По внешнему виду он очень походил на барина. Это был настоящий интеллигент-народоволец, упорно отстаивавший старые народнические позиции. Он исполнял обязанности редактора и корректора. Так как слежки покамест никто не замечал, сюда заглядывали «Любочка» — Любовь Владимировна Ергина, Катанская, Екатерина Прейс-Иогансон и другие.

Уйдя с «Варшавки» — из главных мастерских Варшавской железной дороги [4], — я довольно долго искал работы. Процедура поисков работы носила очень унизительный и тяжелый характер. Вместе с толпой безработных нужно было осаждать ворота заводов. «Господин мастер, — обращались рабочие, сняв шапки, просительным и часто униженным тоном к быстро проходившему с гордым и презрительным видом тому или иному мастеру, — возьмите токаря! Не нужно ли слесаря?» Но время стояло очень глухое, и редко кто из счастливцев поступал на работу. Большинство без работы, без денег, без надежд на будущее, уныло склонив голову, возвращалось домой. Вставая ежедневно в 5—6 утра, я возвращался к себе, ничего не найдя. Я начинал уже раскаиваться, что ушел с «Варшавки», но о возвращении туда нечего было и думать. Последнее время я не только не допускал сбавки расценок, но требовал даже повышения их. Перед уходом настолько повздорил с Небелем и с его помощником Витковским [5], что они не скрыли своей радости, когда я заявил расчет.

Свободное время, которое у меня оставалось, я старался использовать для чтения революционной и легальной литературы, полученной от народовольцев. Очень сильное впечатление произвела первая нелегальная брошюра, которую я прочел, — «Хитрая механика» [6]. Очень понятное и умелое объяснение косвенных налогов, посредством которых обираются правительством крестьяне, удачные иллюстрации, представляющие царя, генералов и министров в виде главных грабителей, а царицу в виде проститутки с короной на голове, — все это произвело на меня необыкновенно сильное впечатление. Накануне только я посетил картинную галерею, но произведения Ван-Дейка, Рембрандта, Рубенса и других художников бледнели перед тем впечатлением, которое произвели на меня довольно грубо

изготовленные картины из «Хитрой механики». Как только мать уходила из подвала, я открывал мой шкапик и впивался глазами в смелый рисунок. Смотрел часами на него и не мог насмотреться. Особенно импонировало, что автор не боялся изобразить царя в виде вора и этим сказать правду про личность, которая до сего для большинства считалась священной и которую попы учили почитать за бога на земле.

Читая «Подпольную Россию» Степняка, календарь «Народной воли», «Вестник Народной воли», «С родины на родину», я все более укреплялся в мысли, что единственное, что я могу сделать, это погибнуть после взрыва бомбы, брошенной моей рукой в какого-нибудь деспота. Но мне все более начинала не нравиться скромная роль, отводимая «Народной волей» рабочему классу. Главное внимание они обращали на крестьянство, считая его в то время, как всякую толпу, косным. Герои-революционеры вербовались в обществе, которое давало средства, квартиры, скрывало от полиции революционеров.

ВСТРЕЧА С МАРКСИСТАМИ

Приходя к Приютову, который был знаком с интеллигентами-марксистами, я однажды встретил одного из последних. Присутствуя при их споре, я невольно заинтересовался новой, неизвестной мне социалистической теорией, которая на первое и главное место в истории будущего ставила только рабочий класс. Хотя Г. Приютов презрительно отзывался о «социал-демократах» как о сухих материалистах, отодвигающих на очень долгий срок низвержение главного врага народа — самодержавия, я познакомился с этим интеллигентом.

С этого времени помимо народнической я стал читать и марксистскую литературу. Приютов, заметив, что я заинтересовался марксистской теорией, сказал мне:

«Остерегайся социал-демократов. Они откладывают дело свержения царизма в долгий ящик. Они, борясь за пятачок, ограничиваясь одним рабочим, игнорируя крестьянство и общество, суживают свою сферу деятельности. Затем, сознавая, что их агитация не так опасна для правительства, как народовольческая, они невольно неконспиративны. Будучи знаком с ними, ты можешь легко захватить слежку».

«Зачем же ты позволяешь им приходить к тебе?» — возразил я.

Интеллигент Иван Митрофанович Шестопалов, студент Лесного института, работал в «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса».

«Я хотел бы разобраться, в чем разница между вами, социал-демократами, и нами, народовольцами, но только боюсь с вами встречаться; говорят, что вы мало обращаете внимания на конспирацию», — начал я, когда мы вышли от Приютова.

«Я к вам пришлю товарища, за которым нет никакой слежки, — говорил Иван Митрофанович, — и который вам все разъяснит и принесет литературу».

С этого времени начались мои знакомства с марксистами. Ко мне в подвал приходил бледный, худой интеллигент. Я получил от него брошюру Плеханова «Русский рабочий в революционном движении», «Речь коммуниста Варлена», «Речь рабочего Петра Алексеева»[7]. Раз начавшаяся работа мысли искала выхода, не могла остановиться. Когда я был сторонником религии, все было ясно. Что значило для меня печальное однообразие жизни на этой скучной земле по сравнению с вечной жизнью в садах рая, думал я тогда. Будучи религиозным, искал не жизни, а смерти. Но сомнения в существовании бога, искания мысли привели меня к сознанию, что ни бога, ни черта, ни ада, ни рая нет. Жгучее чувство обиды, сознание того, что мы, рабочие, жертвы страшного обмана, вызвали у меня прилив отчаяния. Сделавшись народовольцем, по сути дела я искал тоже не жизни, а смерти. «Как прекрасна смерть! — говорил я себе в это время словами поэта Шелли[8]; смерть с бомбой в руках, смерть мстителя, как протест против обмана, против гнета. Будущий социалистический строй, о котором говорила программа «Народной воли», представлялся мне как нечто неясное, неоформленное, далекое... Я был молод, но я был измучен тяжелой, полной труда жизнью, и тот порыв, на который способна молодость, звал меня лишь к смерти. Вступив в партию «Народной воли», я был по-своему счастлив. Я ждал, как жених невесту, того момента, когда отомщу и умру.

Но как раньше сомнение в существовании бога, так теперь сомнения о непогрешимости, верности народовольческой догмы снова выбили меня из колеи. Я хотел погибнуть, протестуя против обмана, жертвою ко-

торого являются рабочие, но в теоретических построениях партии «Народной воли» я почувствовал новый, не менее ужасный, но более тонкий обман. Сам Приютов соглашался, что во время Великой французской революции массы, которые поднялись, которые низвергли французский царизм, которые боролись за свободу, равенство, братство, были самым наглым образом обмануты, и обманутым оказался главным образом рабочий класс.

Как химия разлагает органическое и неорганическое вещество на их первоначальную сущность, на элементы, так и марксизм разложил понятия, выдвигаемые народовольцами, — народ и крестьянство [9]. Народ — это бог, на которого молились народовольцы, но в понятие народа входят различные классы. Народ состоит из богатых и бедных, из трудящихся пчел и ничего не делающих трутней; из помещиков, буржуазии, крестьян и рабочих. Народовольцы хотят заменить волей народов произвол царя. Но кто поручится, что Воля Народа не будет волей буржуазии и помещиков, как это случилось во Франции? «Интересы рабочих и буржуазии противоположны, — говорят марксисты. — Если вы не хотите, чтобы повторился тот же обман, который имел место во Франции, — как бы говорил марксизм рабочим, — создавайте партию рабочего класса и боритесь за интересы последнего». Народ состоит из классов. Буржуазия и помещики стремятся поработить рабочих. Рабочий класс имеет целью освободиться от гнета буржуазии. Народовольцы пытались опираться на крестьянство, но марксизм находит, что само крестьянство состоит из деревенской буржуазии, среднего крестьянства и сельского пролетариата. «Ваши рабочие тонут в миллионном крестьянстве», — говорит Приютов. Но экономическое развитие страны приводит к тому, что средняя и мелкая буржуазия пролетаризуется, класс пролетариев все увеличивается в числе и становится со временем самым многочисленным классом. Его партия, значит, есть партия большинства угнетенных [10].

Марксизм, таким образом, низвергал старого бога народовольцев «народ» и понятие «крестьянства» как однородное целое. Самый вопрос об осуществимости социалистического строя, окутанный народовольческой туманной фразой, в объяснении, даваемом марксистами, выступил в ясных отчетливых формах, как высшая

стадия экономического прогресса, на основах развитой техники машинного производства.

В России развивается капитализм. Это — прогрессивное явление. Железные дороги, телеграф, телефон, технические школы — все это идет вслед за ним. Он вызывает к жизни самый обездоленный из классов, класс пролетариев, который, все увеличиваясь в числе, сплачивается в борьбе с буржуазией [11]. Он является могильщиком и буржуазии, и всего старого общества, основанного на делении на классы. Все это выступает отчетливо и ясно по сравнению с туманной и неясной программой «Народной воли»...

В. А. Князев

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О В. И. УЛЬЯНОВЕ В 90-е ГОДЫ

Я работал в порту Нового Адмиралтейства в слесарной мастерской учеником с 1884 года, а в 1889 году вышел в мастеровые. Работа в порту шла тихо и примитивно — не пользовались даже и станками, какие были в мастерской. Спросишь, бывало, у указателя (мастера) наждачной бумаги отшлифовать медную вещь, а он в ответ: «Эх, плохой ты мастеровой! Захотел наждачной бумаги, а ты возьми щепочку, насыпь наждаку да и протри». Так и шла работа — больше проводили времени, чем работали.

Но вот с Балтийского завода перешли в мастерскую несколько молодых мастеровых; впоследствии оказалось, что они были уволены с Балтзавода как «опасный элемент». Они внесли в порт живую струю. Сейчас же пустили в ход стоявшие без работы станки, поденную работу перевели на штучную, благодаря чему заработки повысились.

Вместе с тем эти мастеровые повели среди рабочих социалистическую пропаганду, выбирая лучшие элементы из заводской молодежи. Началась организация кружков, в один из которых попал и я.

Вкусив в кружке познания «добра и зла», я сейчас же стал распространять среди своих друзей то, что узнал в кружке. Кроме устной пропаганды раздавались по рукам книжки, в которых высказывались идеи социализма. Изредка к нам попадала и нелегальная литература. Но она плохо прививалась, так как была опасной и еще потому, что давала лишь поверхностные знания об окружающем.

Для целей правильного политического развития рабочих у нас в порту устраивались так называемые в те времена «демократические университеты» при слушателях не более 5 человек. При этом говорили так: «Если рабочий не может прийти в университет сам, то университет придет к нему». И действительно, работа по развитию членов кружка шла быстро. Прослушав беседы в этих кружках в течение 4 лет, рабочий уже получал звание «интеллигента».

Руководителями наших кружков были студенты высших учебных заведений, они же были и организаторами кружков.

Когда в 1891—1892 годах Владимир Ильич Ульянов совместно с Запорожцем, Старковым и другими составили программу кружков по образцу программы германской социал-демократии[1], работа в наших рабочих кружках стала более углубленной и правильной.

Когда я сорганизовал несколько рабочих кружков на Петербургской стороне, на Васильевском острове, на Выборгской стороне и в посаде Колпино и заявил, что необходимо прислать интеллигентов в эти кружки для чтения лекций, то мне в нашем центре сказали: «Хорошо. К вам придет Николай Петрович. Это один из лучших, поэтому люди в кружках должны быть благонадежными и серьезными».

В силу этой директивы я отобрал среди завербованных в члены кружков рабочих, более мне известных: Ильина, Астафьева, Крылова, Ниляндера, сам же был пятым. Первое собрание этого нашего кружка состоялось на Петербургской стороне в доме угол Съезжинской и Пушкарской улиц, в комнате, в которой я жил[2] и которая имела отдельный ход с лестницы, так что мои квартирные хозяева не видели, кто ко мне приходил.

В назначенный час ко мне кто-то постучал. Открыв дверь, я увидел мужчину лет тридцати, с рыжеватой маленькой бородкой, круглым лицом, с проницательными глазами, с нахлобученной на глаза фуражкой, в осеннем пальто с поднятым воротником, хотя дело было летом, вообще на вид этот человек показался мне самым неопределенным по среде человеком[3]. Войдя в комнату, он спросил: «Здесь живет Князев?» На мой утвердительный ответ заметил: «А я Николай Петрович». — «Мы вас ждем», — сказал я. «Дело в том, что я не мог прийти прямым сообщением... Вот и задержался. Ну, как? Все налицо?» — спросил он, снимая пальто[4].

Лицо его казалось настолько серьезным и повелительным, что его слова заставляли невольно подчиняться, и я поторопился успокоить его, что все пришли и что можно начинать.

Подойдя к собравшимся, он познакомился с ними, сел на указанное ему место и начал знакомить собрание с планом той работы, для которой мы все собрались. Речь его отличалась серьезностью, определенностью, обдуманностью и была как бы не терпящей возражений. Собравшиеся слушали его внимательно. Они отвечали на его вопросы: кто и где работает, на каком заводе, каково развитие рабочих завода, каковы их взгляды, способны ли они воспринимать социалистические идеи, что больше всего интересует, что читают.

Главной мыслью Николая Петровича, как мы поняли, было то, что люди неясно представляют себе свои интересы, а главное — не умеют пользоваться тем, чем могли бы воспользоваться. Они не знают, что, если бы они сумели объединиться, сплотиться, в них была бы такая сила, которая могла бы разрушить все препятствия к достижению лучшего. Приобретая знания, они смогли бы самостоятельно улучшить себе положение, вывести себя из рабского состояния и т. д.

Речь Николая Петровича продолжалась более двух часов; слушать его было легко, так как он все объяснял, что было нам непонятно. Сравнивая его речь с речами других интеллигентов, становилось ясно, что она была совсем иной, выделялась, и когда Николай Петрович ушел, назначив нам день следующего собрания, то собравшиеся стали спрашивать меня: «Кто это такой? Здорово говорит, без запинки» [5]. Но я им объяснить не мог, кто был Николай Петрович, так как сам его в то время не знал.

Он посещал нас часто — раз в неделю [6]. Посещал он также и другие кружки, которые ему указывали. Удалось сорганизовать кружок на Черной речке, у рабочего П. Дмитриева. Николай Петрович посещал и этот кружок, и на 8-й линии Васильевского острова у Крочкина-Федорова. Этот кружок (около Черной речки) был для Николая Петровича роковым — его там проследили [7]. Кружок этот — пять человек — был арестован в ноябре 1894 года.

Так как я был членом центрального кружка, то у меня на квартире собирались и представители других кружков и интеллигенты. Эти собрания были еще бо-

лее конспиративны. На этих собраниях руководителем был тот же Николай Петрович. Но как его звали по-настоящему, никто из рабочих и здесь не знал. Николай Петрович на этих собраниях распределял по кружкам интеллигентов-пропагандистов и давал им указания, знакомил их с тем, что представляли из себя эти кружки и что читать в них.

В 1893 году умерла моя бабушка, и мне предстояло получить наследство. Зная, что я всегда могу получить совет со стороны товарищей, как мне поступить, с тем чтобы это наследство попало мне в руки, я обратился к ним. Они меня направили к помощнику присяжного поверенного В. И. Ульянову, предупредив при этом меня, чтобы я адреса его не записывал, а запомнил бы, а если и придется записать, то записал условно, прибавив к числам № дома и № квартиры число 9.

Придя в дом № 7 в Казачий переулок, в квартиру 13, я отыскал по данному мне плану эту квартиру. На звонок дверь мне открыла квартирная хозяйка, заявив, что Ульянова дома нет, но что он скоро будет, и разрешила мне обождать его в его комнате. Комната имела два окна. Меблировка ее была очень скромная: железная кровать, письменный стол, три-четыре стула, комод. Осмотрев все, я задумался: что это за адвокат и возьмется ли он за мое дело?.. Раздался звонок, и вскоре в комнату вошел мужчина в цилиндре[8]: «А, вы уже ждете, — сказал он мне и при этом быстро скинул пальто и стал расправлять немного помятый фрак. — Ну-с, одну минуточку, я сейчас переоденусь, и мы с вами займемся».

Посмотрев этому адвокату в лицо, я обомлел: да ведь это же Николай Петрович. Пока я приходил в себя, передо мной появился переодетый в другую одежду Николай Петрович и, указывая на стул, обратился ко мне: «Вы расскажите мне все по порядку». Сев, я, как умел, начал рассказывать, а он, перебивая меня, требовал пояснений, как бы вытаскивая из меня один факт за другим. Узнав от меня, что бабушка моя умерла в услужении у одного генерала и что последний может присвоить наследство, хотя и имеет собственный каменный дом в три этажа, Николай Петрович потер руки и сказал с ударением на этих словах: «Ну что же, отберем дом, если выиграем. Затруднение лишь в том, что очень трудно отыскать посемейный список, так как покойная из крепостных».

Сказав это, он взял бумагу и стал писать прошение для получения ревизских сказок. Написав его, он указал мне, куда придется ходить, куда подавать, и велел по получении того или иного сообщения по делу прийти к нему.

— Ну, а теперь перейдемте к другому вопросу. Как дело в кружках? Что на заводах? — стал расспрашивать меня Николай Петрович.

Я едва успевал ему отвечать.

— Вы, — сказал он мне, — как непосредственно связанный с кружками, должны узнавать, что происходит на заводах, чем недовольны рабочие и кто в этом виновен. Вы должны знать интересы рабочих, чем они больше интересуются, как к ним подойти.

Я слушал и чувствовал, что все эти требования выполнить довольно трудно, но Николай Петрович так уверенно все говорил, что я не осмелился отказаться!

— Вот, — продолжал он, — вы сорганизовали кружок. Сами вы должны стать выше их по знанию, чтобы руководить. Вы должны больше читать, развиваться и развивать других. Я слышал, что вы любите ходить на танцы, но это бросьте — надо работать вовсю. Вы должны развиваться политически, и тогда вся ваша работа в кружке будет для вас наслаждением. Вы должны пройти политическую экономию. Я об этом поговорю с Запорожцем.

Мы расстались. От взваленных им на меня обязанностей мне стало тяжело. Выйдя от него на улицу, я почувствовал облегчение и стал обдумывать, как все выполнить. Встретившись дня через два с Запорожцем, я рассказал ему про свою встречу с Николаем Петровичем — В. И. Ульяновым — и о том, что он мне наказал сделать. Выслушав меня, Запорожец засмеялся и сказал: «Ничего, ничего, берите с него пример. Он и сам очень много работает. Надо же и нам работать и помогать ему».

С тех пор я стал периодически посещать В. И. Ульянова, давая ему сведения, которые получал с завода, и каждый раз получал от него новые инструкции.

— Погодите, погодите, — говорил он, — придет время, когда мы заставим слушать нас и добьемся права организации. Нам будет легче. Важно, чтобы нас поняли рабочие, и тогда мы приобретем силу и поставим нашу жизнь так, как мы захотим, сбросим рабство и послушание этим бездарным бюрократам, живущим

только для своего благополучия. За границей рабочие уже объединились и заставляют себя слушать. Мы не должны от них отставать и должны заявить о себе. — Говорил это В. И. Ленин с некоторым оживлением.

Я ушел от него в приподнятом настроении и с усиленным желанием работать.

На заводе я в свою очередь старался рассказать все, что слышал от Владимира Ильича. Рабочие слушали меня со вниманием, их отношение ко мне переменилось, и меня они стали уважать. Но недолго это продолжалось. Слухи о моей пропаганде дошли до начальства, и мне пришлось уйти с завода.

Придя как-то к В. И. Ульянову, я услыхал от него вопрос:

— А что, если бы вас арестовали, вы знаете, как держаться на суде?

— Да, — ответил я, — нам говорил про это Осип Иванович (последний был арестован в 1892 году).

Рецепт, как держаться на допросе, состоял в том, чтобы не давать никаких показаний, не держать при себе фотографических карточек и адресов.

— Ну, так вот, — продолжал Владимир Ильич, — если знаете, то объясните и всем товарищам. То, что вам говорили о допросах, это обезоруживает жандармов. Имеется ли у вас касса? Библиотека? Из каких книг она состоит? Нам надо сорганизовать хорошую библиотеку, составить соответствующую программу чтения. Надо знать, как надо помогать арестованным и ссыльным. Для этого необходимы средства. Надо обязать членов партии вносить членские взносы, устраивать лотереи и пользоваться всеми возможными источниками для добывания денежных средств.

Владимир Ильич старался передать мне все, что было необходимо для нашей организации. Просидев у него около часа, я ушел, обещая ему все по возможности выполнить.

Вскоре я узнал, что он был арестован. Вскоре же после его ареста был арестован и я, а затем выслан в Вятскую губернию.

Арест В. И. Ульянова и мой помешали мне закончить ведшееся им дело о получении наследства.

Я. А. Михайлов

ИЗ ЖИЗНИ РАБОЧЕГО

В ПОЛИЦЕЙСКИХ ЛАПАХ

Переселившись за Невскую заставу, я не прерывал связи со старыми товарищами. Каждый праздник ходил я на Обводный [1] и в школу на Глазовой улице [2]. Продолжая посещать их, узнавал и все новости по организации.

У Паля я пробыл не больше двух месяцев. Надоело работать в ночной смене, и я стал искать работы на других фабриках. Попал было к Чешеру, на Выборгской стороне [3], а через месяц перекочевал к Воронину, на Резвый остров. Но здесь мне было еще хуже, потому что приходилось работать днем 4 часа (с 11 утра до 3 дня) и ночью с 9 [часов] вечера до 5 утра, всего 12 часов в сутки. Особенно тяжелы были гигиенические условия Воронинской фабрики. Дело в том, что против нее помещался костеобжигательный завод («царская кухня», как прозвали его рабочие); этот завод выпускал ночью необычайно зловонные газы. Это обстоятельство лишало воронинских рабочих возможности освежать в душные летние вечера воздух в фабричном помещении. Открыть окна ввиду распространяемого заводом зловония было невозможно. Врывавшийся в помещение фабрики отравленный воздух вызывал у многих рабочих рвоту. Но делать было нечего. Сразу же уйти в другое место не удалось; пришлось привыкать к Воронинской фабрике, и я, освоившись несколько, начал искать надежных товарищей из молодежи для привлечения в кружок. Вскоре мне это удалось, и так как литературы было достаточно, то работа пошла успешно.

К 1 мая 1896 года я насчитал уже человек 25 таких, которых я мог привлечь к участию в маевке; среди избранных было три девушки. Излюбленным местом для маевок был Екатерингофский парк, куда мы все и собирались после обеденного перерыва. По поручению организации я сделал доклад о возникновении идеи праздника 1 Мая, о том, как его проводят заграничные рабочие и почему русские рабочие лишены такой возможности. Доклад вызвал много вопросов, на которые пришлось отвечать. Маевка продолжалась $1^1/_2$ или 2 часа, наша компания не внушала подозрения, с нами были пиво, закуски, и все имело такой вид, будто бы собрались знакомые рабочие на гулянку.

В то время условия труда на фабрике были ужасные: работа по $13^1/_2$ часов в дневных сменах, по 10 часов — в ночных, штрафы и всякие злоупотребления администрации господствовали вовсю; фабричный инспектор был, но рабочие не видели его почти никогда; а если он и приезжал при возникавших конфликтах, то виноватыми всегда оказывались рабочие. Горючего материала было везде много. Достаточно было малейшего повода для вспышки, и таким поводом оказалась коронация Николая II.

В честь коронации фабрики и заводы Питера были закрыты 3 дня. Рабочих, потерявших трехдневный заработок, наградили серебряными рублями. Это раздражило всех, а вести о Ходынке взбудоражили еще больше. Как только прошли праздники, ткачи и прядильщики по преимуществу и рабочие некоторых заводов (Кенига, Калинкина)[4] предъявили требования об уплате полностью за 3 дня. Им отказали. Ответом на это была забастовка. Социал-демократическая организация выпустила листок с общими требованиями, главные из которых были 10-часовой рабочий день, отмена штрафов, требование вежливого обращения и уплата за дни коронации и за время забастовки.

Работы в эту забастовку было по горло. Листовок и другой литературы требовалось много; днем ездишь за листовками и развозишь их на фабрики, вечером мчишься на свидание с представителями партийной организации для передачи материала с мест. Тут мне пригодилась вся молодежь из квартиры отца, которая с горячностью исполняла все мои поручения по распространению листков. На фабрике Воронина забастовала только ночная смена; с дневной мы ничего не могли сде-

лать; там работали по преимуществу старичье и женщины. Конечно, полиция наводнила фабрику, а ее положение на острове значительно облегчало борьбу с забастовщиками, и я, как только явился на фабрику, был арестован, несмотря на то что явился работать и часть ночной смены даже отработал.

Арестованного, меня поместили в Нарвскую часть, которая была уже переполнена прядильщиками и ткачами.

Конечно, забастовка долго длиться не могла. Забастовочных касс не было, денежных запасов у рабочих тоже не было, и нужда заставила их приняться за работу на старых условиях. Рабочие хорошо понимали, что силы их слабы, враг силен, а большие заводы нас не поддержали; с забастовкой солидарности выступила только одна механическая мастерская Путиловского завода, а остальные заводские массы к забастовке ткачей и прядильщиков отнеслись отрицательно, даже с насмешкой [5]. Но эта стачка дала толчок текстильщикам: они поняли, что в единении — сила. Тогда популярен был клич — «Все за одного, один за всех».

С возобновлением работ на фабриках началась сортировка рабочих. Молодежь из мужчин на работу не брали, составлялись так называемые «черные списки», благодаря которым и на другие фабрики попасть было нельзя. Много молодежи с фабрики поступало тогда на заводы. Арестованных постепенно стали освобождать, но в Питере их не оставляли, по преимуществу высылали на родину. Меня тоже выпустили из Нарвской части после месячного пребывания там, но оставили в Питере. На свою фабрику я, конечно, не попал, но вскоре поступил в корабельный цех Балтийского завода.

Отозвалась забастовка и на нашей организации: провалился наш руководитель — Владимир Николаевич. Его застали за печатанием листков (потом он был выслан в Восточную Сибирь на несколько лет). Арестовали Шаповалова и сослали в Сибирь братьев Плаксиных, а Устругову выслали в Уфимскую губернию. Галактионов — приятель мой — попал в Пермскую губернию. Арестовали также рабочего Александра Королева. На воле это был горячий малый, но не умевший вести себя конспиративно. Благодаря его неуместной болтовне за ним учинили слежку, он ее не замечал, заходил к Владимиру Николаевичу и наградил его своими шпи-

ками. Тюрьму он переносил тяжело. Кончилось тем, что в Предварилке, где он сидел, его вынули из петли. После этого Королев поддался увещеваниям жандармов, посуливших ему свободу, и стал выдавать. Многие из гулявших еще на свободе благодаря ему были арестованы.

ОБЫСК И ВТОРОЙ АРЕСТ

Моя работа на Балтийском заводе была очень тяжелая (я был клепальщиком). Среда, в которую я попал, была такого рода, что о революционной работе среди рабочих нечего было и думать. Это были по преимуществу витебские и псковские крестьяне, люди темные, ударявшие более по пьяной лавочке; с такими людьми много не наговоришь. В такой атмосфере мне было очень тяжело, и я вскоре ушел с завода, оставался безработным до января месяца 1897 года. В этот промежуток времени мы изредка собирались и обсуждали вопросы подпольной работы, в связи с арестами товарищей приходилось ухо держать востро, всегда надо было помнить, что можно наскочить на шпика, тем не менее на старом моем пепелище, на Новой бумагопрядильне[6], нам удалось повести работу среди женщин — составить кружок в 5 человек. Впоследствии они работали в революционном «Красном Кресте» по организации передач в тюрьмы[7]. Так скромненько пожили мы до осени, когда настроение стало немного подниматься, литературы подпольной стало больше появляться, но со мной опять случился казус.

Помню, было это в воскресенье 10 ноября. Мы собрались у Миши Сингалевского на Предтеченской улице; кем-то принесена была нелегальная литература, прибывшая из-за границы. Это были маленькие брошюрки убористой печати, очень удобные для сохранения, величиной в 2½ вершка; говорили, что это издание польской типографии. Всю эту литературу мы поровну распределили между шестью лицами (каждому досталось штук по 15) и разошлись по домам. Дома я не мог сразу же убрать литературу куда следует, оставил ее в кармане пальто, думая переложить в укромное местечко, когда все уснут. Но свершиться этому не удалось. В ожидании, когда уляжется вся наша публика, я сам заснул. Часу во втором ночи слышу, будто меня кто будит; когда, очнувшись, открыл глаза, уви-

дел склонившегося надо мной околоточного Скуева. «Вставайте и одевайтесь», — сказал он. Я сначала не понял, что сей сон значит.

Потом разглядел помощника пристава, двух городовых, двух каких-то субъектов в штатском с нашим дворником; тут же растерявшаяся полуодетая мать. Вижу, дело дрянь, стал одеваться, одевшись, встал на ноги (спал на полу с младшим братом). Околоточный Скуев спрашивает: «Где ваша одежда?» Подошел я к вешалке, взял пальто, в котором находилась литература. Скуев посмотрел боковые карманы, в которых ничего не было, во внутренний карман не заглянул, а там-то и лежали книжки. Повесил я пальто и с спокойной душой стал показывать другие вещи, а сам все время думаю о том, как бы выпроводить их из квартиры. Боялся я, как бы какой-нибудь из шпиков не вздумал сделать самостоятельный осмотр моего пальто и не наткнулся бы на боковой карман. Вдруг вспомнил, что на чердаке в корзине среди всякого хлама были старые совершенно невинные книги. Я обрадовался, прикинулся простачком и говорю, что в квартире ничего интересного для них нет, а вот на чердаке у меня книги есть. Засуетились все, торопят меня вести их на чердак, а я решаю другой вопрос — как быть с пальто, надеть ли то, в котором была литература, или взять старое, на котором спал брат? Решил вытащить из-под брата.

Когда пришли наконец на чердак и увидали полный сундук книг и разного бумажья, так обрадовались, что не стали рассматривать свой клад, запечатали все, велели городовому нести сундук вниз и, не заходя больше в квартиру, ушли, пригласив и меня с собой.

Привели меня в участок и оставили в первой комнате. Минут через 15 приводят другого — Мишу Шорнина, который прошел мимо меня, делая вид, что мы незнакомы. Я, конечно, не отставал от него в этом отношении, хотя в душе и смешно было; околоточный великолепно знал, что мы знакомы, так как часто видел нас гуляющими вместе.

В участке я пробыл недолго. Так через час подходит городовой, велит мне брать свой сундук и следовать за ним. Следовать я был готов, а нести сундук отказался. «Вещи теперь не мои, — заявил я, — а чужих вещей не понесу». Пришлось городовому на своих плечах донести сундук до извозчика. На извозчике, услы-

шав сказанный городовым адрес, понял, что меня везут в охранку. Между прочим, в участке городовой получил деньги на извозчика, но, конечно, проехал даром.

В охранке меня посадили в какой-то чулан. Спать мне хотелось ужасно, а в чулане не только лечь, сидеть-то едва-едва можно было. Я забунтовал — стал требовать, чтобы перевели в такое помещение, где можно было бы лечь. Через некоторое время меня перевели в комнату с диваном, на котором я моментально и заснул сном праведным. Пока я был в чулане, слыхал чьи-то разговоры о том, что арестованными заполнены все углы.

Часов в 10 утра разбудили меня и с места в карьер препроводили в жандармское управление и опять закрыли в клетушку.

Сидел я в этой клетушке, испытывая страшные муки голода и от желания курить; ни еды, ни папирос со мной не было, а арестовавшие меня не заботились о пище для своего узника. Наконец часов в 12 явился какой-то чин с вопросами — кто я и проч. Я отказался отвечать на какие бы то ни было вопросы до тех пор, пока не дадут поесть. Должен сознаться, что это сейчас же было сделано.

Поев, я ответил на предварительные вопросы, после чего часа, вероятно, в 3 дня меня повели в верхний этаж, в комнату, где заседали жандармский полковник и какой-то штатский с судейским значком. Предложили мне сесть на стул посредине между жандармом и судейским: благодаря этому я успел заметить лежащий перед жандармами протокол, написанный рукой Галактионова [8].

Опять потекли вопросы о моем имени, звании, и, наконец, жандарм спрашивает, знаю ли я Галактионова.

— Ну как же не знаю, — отвечаю, — до 1895 года в одном классе учился.

— Что же вы знаете о нем?

— Знаю, что он арестован и в тюрьме сидит.

— А вот расскажите-ка, что это за собрание у вас было в лодках.

— Никакого собрания не помню.

— Ну как же! Не помните? Вы еще лодки тогда брали на Ждановке у Петровского парка [9].

Пока шла эта канитель, я успел прочесть несколько слов из показаний Галактионова, и на последний вопрос жандарма отвечал в тон этим показаниям. Да,

мол, вспомнил, поехали вниз по Ждановке, потом высадились на берег. Жандарм перебивает:

— Нет, вы не на берег высадились, а на мель сели.

— Верно, на мель сели. Я там снял сапоги, перешел вброд на берег и пошел гулять.

— Ну, а кто же с вами ездил?

— Не знаю. Собралась компания случайно, да я и мало с ней был, так как гулял на берегу, пока не услыхал, что меня зовут в лодку, обратно ехать.

— Ну, а когда вернулись — о чем же говорили?

— Не говорили, а ругали меня за то, что долго прогулял...

И так далее в этом роде. В заключение вынули связку разных фотографических карточек, показывали мне многие, но я никого не признал.

Наконец допрос кончен. Меня передали жандарму, который повел меня по зданию. «Верно, в Предварилку повезут», — решил я. Но привели опять в ту же клетушку, где я уже был. Через полчаса приходит жандарм и объявляет, что я могу идти домой, а на следующий день должен явиться сюда к 12 часам дня.

«Врет, — думаю, — дьявол, испытывает меня», — и не трогаюсь с места. Жандарм повторил. Тогда только я понял, что действительно свободен, и поскорей дал тягу.

Домой пришел часов в шесть вечера. Мать так уверена была, что я прочно засел в тюрьму, что даже голоса моего не узнала и не сразу открыла мне дверь.

К вечеру собрались дома все жившие с нашей семьей рабочие. Судили-рядили — почему меня выпустили, когда других держат, да так и не решили этого вопроса. Рассказали мне товарищи, как после моего ухода с городовым мать обнаружила в моем пальто нелегальщину, как она принялась сжигать все. Только три книжечки и удалось спасти от огня.

На другой день в назначенный час являюсь в жандармское, проводят меня туда же в клетку, а минут через 15 выводят во двор и приглашают сесть в карету со спущенными занавесками на окнах. В карете уже сидят два жандарма и ждут меня.

Ну, думаю, теперь с комфортом повезут в Предварилку, а то куда-нибудь и похуже.

Поехали. Сквозь щели занавески на окне кареты стараюсь разглядеть улицы и наконец узнаю Офицерскую. В Литовский замок [10], значит, везут, решаю. Но вот чувствую, что въехали во двор. Карета останавли-

вается, выхожу и узнаю двор Казанской части. Понял, что привезли к фотографу. Снимание продолжалось недолго, и меня тем же маршрутом доставляют обратно в жандармское. Там мне велели идти в охранку, а в охранке записали мой адрес, заявив, что о каждой перемене его я должен извещать охранное отделение, а неисполнение этого повлечет неприятные для меня последствия.

Итак, я на свободе, но не свободен, тем более что собственная моя мать стала усиленно следить за мной. Боясь появления нелегальщины, она неустанно обыскивала все углы и уничтожала все, что находила.

Однажды я вернулся домой с пачкой новоиспеченных листовок. Я собирался передать листовки кому следует, а дома временно спрятал их между входных дверей, стараясь сделать это незаметно для матери. Но от нее трудно было скрыть что-нибудь. Она заметила, что я замешкался за дверьми, мигом сообразила, что это неспроста, и решила действовать по-своему. Не успел я войти в комнату, как она послала меня в лавку. Не подозревая ничего худого, иду. По возвращении застаю мать сидящей у печки и длинной палкой помешивающей в печке. Я обратил внимание на то, что вид у нее был какой-то странный, и даже спросил ее об этом. На следующее утро я понял, что было с матерью. Мои листовки, спрятанные за дверью, исчезли. Это они горели в печке, когда я вернулся из лавки.

С тех пор я ничего нелегального сам домой не заносил, а если нужно было спрятать что-нибудь или передать для распространения, поджидал во дворе кого-нибудь из живущих у нас рабочих и поручал это ему.

ЖИВУ НА ШПАЛЕРНОЙ

С января 1897 года дальний родственник устроил меня на фабрике Мальцева на Выборгской стороне[11]. Опять я начинаю заводить знакомства с фабричными, стараясь сделать это вне своей фабрики и из-за конспиративных соображений и из-за того, что на Мальцевской за мной учредили большую слежку.

Среди фабричных в ту пору замечался значительный подъем настроения. Ожидали проведения в жизнь обещанного после стачек 1896 года сокращения рабочего дня. В феврале фабрики Максвеля и Паля забастовали, выставив старое требование, на вербной неде-

ле забастовала Новая бумагопрядильня, выставив те же требования.

Забастовка Новой бумагопрядильни длилась с неделю и носила несколько необычный характер. Рабочие, объявив забастовку, все же правильно являлись на фабрику, но к работе не приступали; в 12 часов, как в нормальное время, они расходились по домам обедать, после чего снова шли на фабрику, оставаясь в ней до вечера и по-прежнему не работая. Через неделю дело приняло острый характер. Рабочих спровоцировали. Дело было так. Кажется, во вторник на страстной, возвратясь после обеденного перерыва, рабочие в здание фабрики попасть уже не могли — у ворот стояли конные городовые и никого не пропускали. Мало-помалу у ворот собралось человек 300—400 рабочих, требовавших пропуска на фабрику. Вдруг из толпы в городовых полетела палка, и в ту же минуту из других ворот выскакивает другой отряд конных и начинает избиение. Били варварски и стариков, и молодых, и детей [12].

Установить, кто бросил палку, не удалось. Общее мнение свидетелей этого избиения сводилось к тому, что палку бросил провокатор со специальной целью вызвать столкновение рабочих с полицией со всеми последствиями для рабочих.

Эти последствия стали сказываться со следующего дня. Полиция наводнила рабочие квартиры, отбирала у их обитателей паспорта и обязывала обладателей этих паспортов выехать из Питера в течение 24 часов. Буквально все рабочие Новой бумагопрядильни, не исключая подростков, были высланы на родину.

Я в это время жил отдельно от семьи на Выборгской стороне. После забастовки на время пасхальных праздников я отправился на несколько дней к матери, а моя квартирная хозяйка, желая избавиться от беспокойного жильца, каким она считала меня, без моего ведома отправила в участок сведения о том, что я выбыл с ее квартиры неизвестно куда. Ввиду того, что я находился под надзором, полиция подняла бучу, явилась к матери искать меня и, найдя, потребовала в участок. Я уже думал, что не уйду оттуда, но дело кончилось отеческим наставлением пристава на тему о том, что я всегда должен осведомлять полицию о перемене адреса.

Между тем забастовочная зараза не прекратилась.

На пасхальной неделе забастовали у Воронина на Резвом острове, выставив то же требование о сокращении рабочего дня.

Видя, что возбуждение рабочих растет, сознавая, что к высылкам на родину до бесконечности прибегать невозможно, было вывешено объявление, что с 21 апреля будет издан указ о сокращении рабочего дня до $11^1/_2$ часов [13]. В то же время администрация Новой бумагопрядильни получила предписание — пустить фабрику в ход.

Это была уже победа. Рабочие воспрянули, еще раз убедясь в том, что в единении — сила. Сознательная молодежь заходила козырем — наша взяла! Учитесь, старики, как надо добиваться лучшей доли. Теперь не скажете: «Господь терпел и нам велел».

До 1 мая мне удалось сколотить кружок из рабочих разных текстильных фабрик. Помню ткачей от Мальцева Нилушку [14] и Леню Черешкова, от Шау — ткача Медова, от Чешера — Хрусталева. Было еще несколько человек, фамилии которых не помню. Результатом нашей работы была скромная по размерам, но дружная по настроению маевка. Мы устроили ее после работы в так называемых Лисьих ямках. Участников было человек 25, по преимуществу рабочих Выборгской стороны.

Нужно сознаться, что подпольная работа в ту пору шла не очень успешно, частые провалы нарушали связи; бдительность полиции, осведомляемой, видимо, кем-то из рабочих, была повышена. Они узнавали о всяких попытках рабочих собраться где-нибудь за городом и разгоняли нас. В течение лета не удалось провести, кажется, ни одного собрания. Даже такое скромное по размерам, как собрание представителей кружков, которое мы пытались устроить как-то среди лета за Киновеем [15], не удалось. Полиция явилась туда, но мы, собравшись, благополучно разошлись, потому что на всех путях, откуда можно было ждать врага, расставили постовых, которые и известили вовремя нас о приближении полиции [...]

Ф. В. Ленгник

ПЕРВОМАЙСКАЯ ПРОКЛАМАЦИЯ ИЛЬИЧА

Сидя в царской тюрьме, Владимир Ильич написал и передал на волю прокламацию, написанную им к Первому мая 1896 года.

Арестованный 9 декабря 1895 года вместе с рядом товарищей (Кржижановским, Старковым, Запорожцем и др.), Ленин из тюрьмы продолжал руководить революционной борьбой рабочих.

Ленинскую прокламацию передала мне лично Надежда Константиновна Крупская, которая сумела расшифровать и перепечатать ее в нескольких экземплярах[1]. Я отнес полученный экземпляр к одному товарищу, которого жандармы еще не подозревали в причастности к революционному движению.

«Разделения труда» в революционной работе тогда еще не существовало: каждый из нас должен был быть «и швец, и жнец, и в дуду игрец».

Доставши мимеограф, я переписал прокламацию печатными буквами и принялся ее размножать на мимеографе.

Хотя техника печатания была довольно примитивная, но я любовался каждым экземпляром напечатанной таким образом листовки.

Я успел отпечатать триста листовок, когда вдруг среди ночи раздался тревожный звонок в парадную дверь. На своем столе я предварительно разложил медицинские книги и тетради, чтобы у жандармов получилось впечатление, что я занимаюсь медициной.

Как только я открыл дверь, жандармы и полиция

ворвались прямо в комнату и принялись ее «потрошить» с необыкновенным усердием.

Хозяйка сейчас же по приходе жандармов и полиции вышла из своей комнаты и так блестяще сыграла роль перепуганной насмерть обывательницы, что жандармы сочли излишним производить обыск и в ее комнате [2].

Обыск не дал никаких результатов, и я был спасен и даже «реабилитирован» в глазах жандармов. После ухода жандармов я сейчас же принялся за продолжение своей работы и напечатал больше тысячи оттисков.

На другой день, спрятав в надежное место мимеограф и обложив себя под одеждой напечатанными прокламациями, я, отделавшись от шпионов, которые всегда следили за революционерами, поехал к Николаевскому вокзалу, где сел на паровой трамвай, шедший за город, за так называемую Заневскую заставу.

Сидя на империале, я вдруг с ужасом увидел, что наш трамвай со всех сторон оцепляет полиция. Я считал, что все уже потеряно. Но оказалось, что полиция искала не меня. На моих глазах был арестован другой товарищ, который тоже был «обложен» прокламациями и не сумел отделаться от шпионов.

Я доставил по назначению все отпечатанные мной прокламации, и они были распространены среди рабочих петербургских заводов и фабрик [3]. Подпись «Петербургский союз борьбы за освобождение рабочего класса» и блестящий ленинский стиль прокламации доказали жандармам, что «Союз борьбы» жив и работает полным ходом, а рабочие и работницы были в таком восторге от прокламаций, что решили во что бы то ни стало провести Первое мая за городом на массовке.

На маевку собралось несколько сот рабочих и работниц. После начала нелегального собрания прошло около получаса. Уже было произнесено несколько речей о Первом мая, как вдруг караульные сообщили, что нас окружают казаки. Мы в полном порядке успели отступить, так что казаки нашли лишь газетную бумагу и помятую траву.

Эта массовка произвела особенно большое впечатление на присутствовавших на ней ткачей, ткачих и прядильщиков. Этим в значительной степени объясняется то, что через месяц разразилась грандиозная стачка. 35 тысяч петербургских рабочих и работниц ткацких и прядильных фабрик предъявили с нашей помощью

ряд экономических и политических требований. Крупнейшая по тому времени забастовка имела громаднейшее политическое значение как первое крупное выступление рабочих царской столицы и нашла отклик в целом ряде других городов России.

Во время стачки жандармы очень круто с нами расправлялись. Я, так же как и несколько десятков товарищей, был арестован и после продолжительной тюрьмы попал в Сибирь, где имел счастье встретиться с В. И. Лениным, который был выслан туда несколько раньше [...]

П. Ф. Куделли

ДОМ № 65 ПО ШЛИССЕЛЬБУРГСКОМУ ТРАКТУ

Давно это было, и все тогда другим было. Другим был и теперешний Володарский район в Ленинграде. Невская застава в Петербурге в 90-е годы представляла собой ряд грязных улиц; вместо панелей были мостки, качавшиеся, когда по ним шли. В доме № 65 по Шлиссельбургскому тракту помещалась воскресная школа, известная среди рабочих под названием Корниловской. Четырехэтажное здание, где была школа, находилось во дворе. На лестницах этого дома постоянно стоял очень тяжелый запах, потому что сюда выходили уборные. В трех этажах дома были рабочие квартиры, а на четвертом — разместилась школа [1].

Обстановка школы была очень простая — деревянные некрашеные столы и такие же лавки. Но, несмотря на неприглядную обстановку, что-то светлое было в этой школе, притягивающее к себе и преподавателей и учеников. Рабочие после длинного 11- или 12-часового рабочего дня приходили на занятия прямо от станка сильно усталыми, с закопченными лицами. Помню одного ткача — я ему что-то объясняю, а он смотрит на меня непонимающими усталыми глазами и говорит: «Ткачи ведь завсегда глухие, вот я в школу пришел, а в ушах шум стоит, свист, поэтому мне и невдомек, что объясняют».

Постепенно эти люди, переутомленные работой, начинали втягиваться в учебу, и мы, учителя, замечали, что те из учащихся, кто аккуратно посещал школу, даже стали заботиться и о том, чтобы явиться в школу чистыми, опрятно одетыми.

Что же было светлого и притягательного в этой школе? Почему мы, преподаватели, с большой охотой приезжали с разных концов Петербурга на эту окраину? Тогда не было трамваев; маленький паровичок, который рабочие называли «самоваром», тянул 3—4 вагона, потом надо было пересаживаться на конку, для того чтобы доехать до школы.

Случалось иногда, что учителя школы, едущие на уроки, занимали целый вагон. Поднимались разговоры о преподавании, об успехах учащихся и т. д. И этот день для нас был праздничным днем. Когда мы приезжали в школу и каждый шел в свой класс, нас встречали оживленные и веселые лица рабочих.

Что увлекало преподавателей тогда и что всегда может увлечь каждого учителя, интересующегося своим делом? Занимаясь, мы наблюдали, как постепенно просветлялось сознание наших учеников, как они становились на уроках более оживленными, как впитывали в себя преподносимые им истины. А какая в мире есть высшая красота? В чем она заключается? Уверяю вас из своего большого опыта педагогической работы, что она заключается в прояснении сознания темного, забитого человека, в росте его личности, в познании им законов общественного развития и своей роли в этом великом процессе. Вот служение этой-то высшей красоте — способствовать росту человеческой личности — нас и тянуло в Корниловскую школу.

Что влекло в школу рабочих? То, что они, в свою очередь, чувствовали, как просветляется их сознание, как они становятся сознательными людьми. В этой школе многие рабочие впервые узнавали о науке, о силе знания, о борьбе классов, и это их окрыляло.

Какие же знания получали в этой школе рабочие?

Школа начала свое существование с 80-х годов, и в ней работали преподаватели разных течений и разных политических направлений. Вначале, в 80-х годах, среди учителей было распространено народническое мировоззрение. В 90-е годы, когда среди молодежи — учащихся университета и других высших школ — началось сильное влияние марксистского мировоззрения, когда студенты и курсистки засели за труды Карла Маркса и его учение запало им в душу, когда знание теории Карла Маркса у многих из нас окрепло, то это не могло не отразиться и на школе. Карл Маркс учит, что рабочий класс является двигателем истории, и нас потяну-

ло в рабочие школы, чтобы заниматься с рабочими и, несмотря на все преграды, несмотря на то, что под видом учащихся иногда появлялись шпионы и охранники, популяризировать учение Карла Маркса.

Но как мы могли это делать в тогдашних условиях?

Мы прекрасно знали, что во главе школы стояли не наши по своему мировоззрению люди. Значит, опору надо было искать прежде всего среди учащихся, хорошо знать каждого из них. Помню, вела я занятия в группе, учащиеся которой умели прилично читать, но писали слабовато. Мне нужно было узнать, что представляют собою мои ученики. В этом отношении мне помогало изучение литературных произведений. Взяла я, например, стихотворение Алексея Толстого «Василий Шибанов». В этом стихотворении рассказывается, как князь Курбский бежал за границу от гнева Ивана Грозного и, для того чтобы досадить ненавистному царю, послал к нему своего верного слугу Ваську Шибанова с обличительной грамотой. Шибанов явился к Ивану Грозному и передал письмо. Царь, вонзив свой посох с острием на конце в ногу Василия Шибанова, заставил дьяка прочитать ему вслух все послание князя Курбского, в котором было много неприятных для него истин, а затем послал Василия Шибанова в застенок на пытку и смерть.

Это стихотворение, прочитанное в школе, произвело очень сильное впечатление. Мы начали выяснять характеристики Василия Шибанова, князя Курбского и Ивана Грозного. Затем я предложила учащимся написать к следующему уроку характеристику одного из действующих лиц этого стихотворения. С большим нетерпением ожидала я, что будет написано. Вот сочинения у меня в руках. Один учащийся пишет, что Василий Шибанов, конечно, показал большую твердость воли, проявил самопожертвование, но это самопожертвование ни ему самому, ни тогдашнему обществу никакой пользы не принесло. Когда я прочитала такой вывод, то сразу решила, что на этого учащегося надо обратить особое внимание. В то время уже начали создаваться подпольные марксистские кружки за Невской заставой. В 1893 году здесь работал наш незабываемый вождь Владимир Ильич Ленин. Его ученик Иван Бабушкин организовывал группы для изучения марксистской литературы. Помню, как один раз на занятия в мою группу явился невысокого роста человек со светлыми воло-

сами. Это был Иван Бабушкин. Я ему говорю: «Вы не в моей группе занимаетесь», а он отвечает: «Это ничего, я посижу у вас на уроке, послушаю». Как выяснилось потом, он приходил для того, чтобы слушать ответы учащихся. И если от какого-нибудь учащегося ему приходилось услышать ответ в таком приблизительно роде, как было написано в приведенном выше сочинении, то он знакомился с ним ближе и, узнав как следует, привлекал к работе в подпольный марксистский кружок.

В. А. Шелгунов, рабочий Невского судостроительного завода, также появлялся время от времени в разных группах школы и прислушивался к ответам рабочих.

Преподаватели в большинстве своем не были социал-демократами. Они были настроены против самодержавия, но что должно быть дальше, они не задумывались. Иногда учащиеся — члены марксистских кружков вступали в споры с преподавателями. Когда преподаватель говорил, например, что в Швейцарии — милиция, кантональное управление, свобода собраний, свобода слова, печати и т. д., то вдруг кто-либо из распропагандированных учащихся спрашивал: «Все это хорошо, но буржуазия-то там имеется?» Преподаватель отвечал: «Да, имеется». — «Почему же в таком случае вы говорите, что там так уж хорошо? Там, где буржуазия, всегда будет угнетение рабочего класса». Рабочие, занимавшиеся в кружке Владимира Ильича, занимавшиеся также и в Корниловской школе, в смысле политического развития стояли выше некоторых преподавателей, которые не изучали марксизма, а стремились только к свержению самодержавия.

Преподавание литературы играло огромную роль в деле политического и общественного развития учащихся. Конечно, и здесь очень многое зависело от преподавателя. Преподавая историю литературы, мы в то же время знакомили учащихся с историей революционного движения в России, что расширяло кругозор учащихся, подготовляло их к пониманию настоящего и будущего.

Каждой изучаемой эпохе предпосылалась характеристика общества того времени, характеристика экономики и всего политического строя, и на этом фоне давалось понятие о писателях данной эпохи.

О Н. Г. Чернышевском и его произведениях нельзя было говорить открыто, но на переменах мы рекомендовали учащимся прочесть роман Чернышевского «Что

делать?», а затем в частных беседах и в удобную минуту говорили о значении романа.

Когда наступали экзамены, то на них обязательно приезжал из учебного округа специальный уполномоченный. Мы, учителя, побаивались, что вдруг кто-нибудь из рабочих по неопытности начнет говорить про Чернышевского или другого какого-либо революционного писателя, тогда преподавателя не только сняли бы с работы, но, может быть выслали бы из Петербурга. Но рабочие и на экзаменах умели себя держать как надо. Был такой случай. Приезжал на экзамены в мою группу инспектор, ужаснейший иезуит. Сладеньким голосом спрашивает учащегося: «Скажите, какие вы книжечки читали?» Ученик в таком же тоне ответил: «Сказочку о серебряном блюдечке и наливном яблочке». — «А еще?» — «„Капитанскую дочку" господина Пушкина». Инспектор отстал.

Иногда бывало и так, что кто-нибудь из пропагандистов, из подпольных работников договаривался с учительницей, что она будет сидеть на уроке в то время, как он будет заниматься политической пропагандой. Делалось это опять на случай посещения класса кем-либо из посторонних. Как только входил инспектор, сейчас же учительница вставала и начинала, к примеру: «Мы с вами проходили умножение на двухзначные числа, а теперь разберем случаи умножения на трехзначные...» Учительница писала на доске цифры и таким образом проводила весь урок.

Но о политической работе в школе все же дознались в учебном округе.

Много лет спустя, уже после Октябрьской социалистической революции, мне пришлось рассматривать архивные документы, и я нашла некоторые сведения, которые давались о школе в охранное отделение. Оказалось, что один из учащихся был осведомителем и сообщал подробности преподавания. Так, например, он писал: «Учительница диктует: „Великая французская революция произошла в 1789 году". Ученики пишут, а она потом задает вопрос: „А когда же будет русская революция?"». Учительница эта была удалена из школы и даже лишена права преподавать, но тогда мы не знали, по какой причине.

Преподаватели естествознания говорили о том, как создалась вселенная, приводили учащихся к атеистическим взглядам. Таким образом, преподаватели естество-

знания, в свою очередь, оказывали огромное влияние на учащихся, помогали выработке у них цельного, материалистического мировоззрения.

В школе изучалась также экономическая география. Это такой предмет, преподавая который можно дать очень много самых разнообразных сведений. Возьмем, например, географию Франции, Германии и других стран. Мы говорили не только о том, что Париж стоит на реке Сене, а Берлин — столица Германии, но и о том, какая форма правления во Франции, как развивается там рабочее революционное движение, какие там политические партии, профессиональные союзы [...]

На уроках экономической географии мы давали понятие об экономике разных стран, о формах правления и пр. Стараясь обходить полицейский надзор, мы говорили о царском самодержавии в России, каким классам при нем принадлежит фактическая власть и т. п.

Корниловская школа пользовалась большой популярностью и уважением у рабочих с окружавших ее фабрик и заводов. Учеников школы рабочие называли «студентами». Очень часто к ним обращались за советом по какому-либо непонятному вопросу. Корниловская школа сыграла большую роль в деле подготовки революционных деятелей из среды рабочих. И теперь, через много лет, когда встречаешь кого-нибудь из бывших учеников, уже седовласого старика, оказывается, что этот товарищ работает на ответственной работе.

Если мы в воскресной школе давали далеко не все знания, которые были нужны по тем или иным обстоятельствам, то все, что мы преподавали, так западало в душу, что помогало человеку в его деятельности на протяжении всей жизни. Все то, что рабочие узнавали в школе, они передавали на фабриках и заводах другим, учили своих товарищей, вели агитацию за то, чтобы рабочие поступали в школу.

Школа наша пополнялась непрерывно, и агитаторами за ее пополнение были сами рабочие.

Таким образом, в развитии революционного движения в нашей стране, в частности в Петербурге, Корниловская школа сыграла большую роль [...]

Е. П. Онуфриев

НА УРОКАХ СКЛАДЫВАЛИСЬ И КРЕПЛИ НАШИ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ УБЕЖДЕНИЯ

Я сын рабочего Невского судостроительного завода. За Невскую заставу я попал десятилетним мальчиком, здесь я рос, здесь окончил начальное трехклассное училище. После этого учился еще в Обуховской школе[1]. Там преподавали В. Я. Аврамов, Кувшинский, жена которого преподавала в Корниловской школе, и другие, имена их я не могу теперь вспомнить. Окончить эту школу мне не удалось, так как царское правительство превратило помещение школы в казарму для городовых, которые ему нужны были, чтобы усмирять рабочих.

Преподаватели школы, видя у подростков стремление к дальнейшему приобретению знаний, говорили: «Идите учиться дальше в вечерние классы».

Вскоре я поступил «мальчиком» в контору Невского завода. В мои обязанности входило подавать чай, раскладывать в чертежной чертежи, разносить их по цехам. Здесь от В. С. Грибакина[2] я услышал про вечернюю Корниловскую школу. Я пошел в нее. Там я сразу же встретился с В. Я. Аврамовым. И, когда некоторые преподаватели стали говорить: «Разве можно такого маленького, тщедушного мальчика принять?», В. Я. Аврамов сказал, чтобы меня взяли в школу.

Попав в нее, я, хотя был очень юн, сразу почувствовал, если можно так выразиться, дух рабочего класса в этой школе. Здесь были сплоченность, дружба, свободный обмен мнениями на переменах. Несмотря на то что рабочие того времени были малограмотными, мы не стеснялись задавать вопросы педагогам. Эта школа раз-

вязывала язык каждому рабочему, а учителя всячески старались установить товарищеские взаимоотношения с учащимися, отвечать на каждый вопрос учащихся.

Необходимо отметить, что среди учителей была очень тесная спайка, и если появлялся случайно преподаватель, который относился к рабочим не так, как это повелось в школе, то он немедленно изгонялся. В этом принимали участие и ученики.

Как велось преподавание в школе? Возьмем урок математики. В. Я. Аврамов, считаясь с тем, что мы на производстве работали по 10—11 часов, подбирал интересные примеры, иногда рассказывал что-нибудь веселое и тем самым делал предмет усвояемым. Он не допускал зубрежки ни одной теоремы. Он искал все возможности, чтобы человек понял теорему, и говорил: «Если ты понял теорему, то никогда ее не забудешь».

Задачи преподавателя того времени, если даже он не входил в революционную партию, а только чувствовал гнет царского правительства и был либерально настроенным, заключались в том, чтобы поднять сознание рабочих, расширить их кругозор.

Помню, как на одном из собраний учеников и учителей В. Я. Аврамов, выступая, сказал: «Задача всех преподавателей, в том числе и моя, как математика, заключается в том, чтобы доказать истину. Если мы докажем, что дважды два — четыре, то пусть кто-нибудь докажет, что это будет не 4, а 5. Я и в математике ищу истинные законы, и каждый преподаватель должен в своем предмете искать истину». Эти слова ярко характеризуют настроение преподавателей, которые учили нас в те далекие времена.

Учителя относились к своим ученикам с большой любовью, и последние отвечали тем же.

Невзирая на тяжелые условия, имея очень мало времени, учащиеся-рабочие прорабатывали еще дома пройденный на уроке материал. Они повседневно общались между собой и помогали друг другу разбираться в трудных вопросах. Это имело громадное значение. Люди хорошо узнавали друг друга, и в ту среду нельзя было попасть постороннему человеку. Благодаря этому в Корниловской школе сложились небольшие группы рабочих, которые вошли затем в первые социал-демократические организации в России.

Появлялась нелегальная литература, и ее смело передавали друг другу. Это были первые ростки, из ко-

торых образовалась крупная революционная рабочая организация Невской заставы.

Все учащиеся обращали сугубое внимание на то, чтобы хорошо ознакомиться друг с другом, выяснить, кто чем дышит. И, когда люди досконально узнавали друг друга, появлялось доверие, можно было совершенно свободно обмениваться мнениями и решать вопросы не по указу, а по-товарищески, любовно. Там, где друг друга понимают, всегда будут простые, дружеские, честные взаимоотношения. Так складывался крепкий коллектив первых рабочих-революционеров [...]

Кем становились учащиеся Корниловской школы?

Если перечислять их по пальцам, то окажется, что почти все они боролись за дело рабочего класса, все в той или иной мере терпели гонение от самодержавия.

Когда рабочий попадал под арест, то полицейские спрашивали в первую очередь, не учится ли он в воскресной школе. Одного посещения этой школы было достаточно, чтобы человека заподозрили в причастности к революционной работе. Это свидетельствует, что Корниловская школа была не только образовательной школой, но являлась одновременно и своеобразным центром развития революционных взглядов.

Школа открыла мне глаза на очень многое, привела меня в ряды тех рабочих, которые шли вместе с Владимиром Ильичем [Лениным]. Одним из них был Петр Степанович Грибакин, который занимался в кружке, руководимом Владимиром Ильичем Лениным. Другим — его брат В. С. Грибакин, работавший вместе со мной в конторе. Эти двое товарищей помогли мне разобраться в происходившей тогда политической борьбе, и я начал работать в партийной организации.

Я не мог дальше выносить тех холуйских отношений, которые существовали в чертежной Невского завода, где я работал уже копировщиком, и я ушел на Обуховский завод. В 1904 году я организовал большевистское ядро на этом заводе [...]

А. А. Митревич

ВОСПОМИНАНИЯ О РАБОЧЕМ РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ

1897 ГОД

К концу 1897 учебного года поступил в нашу школу [1] М. И. Калинин, с которым мне приходилось ходить домой из школы, которая находилась в 3 верстах от квартиры. Возвращаясь домой, мы вели долгую беседу о литературе, философии, а главным образом о писателях 40-х годов Белинском и Герцене, так как мы оба были порядочно начитаны и знали, что сорокадесятники занимались философией Гегеля. И однажды накануне экзаменов при лунном свете разговорились до того, что Калинин предложил мне устроить философский кружок. Я ответил, что уже бывал в кружке революционном, но он распался [2]. Тогда Калинин говорит: у меня есть хорошие ребята «туляки», рабочие очень развитые, из оружейного завода, тоже участники кружков рабочих, в которых Богданов впервые читал свою рукопись «Политической экономии» в городе Туле в лесу среди рабочих оружейного завода. Богданов был тогда молодым студентом и пропагандистом в рабочих кружках [3]. Словом, договорились приступить к кружковым занятиям — это было летом 1897 года. После нашего разговора на следующий день ко мне в мастерскую пришли Калинин со своим товарищем по работе, токарем из механической мастерской Путиловского завода Кушниковым (туляк из кружка Богданова), и с собою принесли первомайских воззваний; они дали их мне для распространения по заводу [4].

Прокламации и воззвания распространялись таким образом: раздашь представителям мастерских (цехов)

и сам возьмешь полагающееся количество на свою мастерскую, придешь утром раньше всех в завод или же поздно вечером и разложишь по ящикам (хранилища инструмента), прилепишь к уборным по штуке и, когда соберется любопытная толпа рабочих, начинаешь читать. В результате вызывается живой разговор: «Смотри, какая сила и хитрость у этих самых политиков, как они ловко пропечатали и повсюду распространили, прямо невероятно». В глазах рабочей массы эти виновники являются необыкновенными героями.

Забастовка начинается таким путем: канун 1 Мая. Агитаторы или представители мастерских на месте, с утра, пока еще не пущена машина и не начата работа, организатор своего отдела или цеха отдает распоряжение своим друзьям: «Ты, Гришка, покрепче свистнешь и гайку запустишь в окно, а ты, Митька, крикнешь «идут», а ты, Федька, красный носовой платок подымешь и машешь им, а ты, Ванька, «ура» закричишь, мы все подхватим и двинемся из помещения цеха». Тут же на заводе условились вечером собраться на квартире Кушникова. Жило их три человека: Кушников, Гришка Коньков, Татаринов — слесарь Тульского оружейного завода, молодой поэт-рабочий лет 18; он был небольшого роста, с лицом, слегка покрытым веснушками, и с необыкновенно ярким огоньком в светло-карих глазах. По-моему, он был самый симпатичный из всех троих. Насколько мне помнится, он автор стихотворения, начинающегося так: «Вольный рабочий по улицам темным и грязным шел, опустив воспаленные очи, вольный рабочий, он волен, где хочет скитаться, он волен в каждые двери стучаться...»

Еще одного члена пропустил, пожалуй самое главное лицо, душа нашего кружка, — это курсистка Елена Петровна, лет 17, которая больше всех занималась с нами в качестве лектора. Мы все ею увлеклись, уж очень бодрая и сильная была девушка [...]

Возвращаюсь к вечеру у Кушникова. Вскоре пришел наш автор пропагандист-лектор, молодой, красивый и мужественный интеллигент Николай Петрович; он был в студенческой тужурке, а поверх ее в немного замасленном рабочем костюме, чтобы резко не выделяться от рабочих, и сейчас же приступил к чтению заграничного подпольного листка. Читал он мастерски, смелым, звонким, молодым обаятельным голосом. Чтение прерывалось вопросами. Так оживленно и бодро

проводились вечера. 2—4 раза в неделю тут же устраивали собрания, где читали Коммунистический манифест, Эрфуртскую программу, потом политическую экономию Богданова, читали также впервые появившиеся в печати рассказы Максима Горького «Челкаш» и пр. Говорили: вот где талант, из самого дна босяцкой жизни выходец и т. д. Наряду с этими регулярными систематическими занятиями каждый по своим силам брал из библиотеки книги по истории, естествознанию, беллетристике.

Организационные формы были таковы: мы, человек до десяти, объявили себя центральным кружком с поручением каждому члену центрального кружка образовать на стороне кружок с условием, чтобы никто из участников организуемого кружка не знал членов центрального кружка в интересах конспирации. О работе кружка должен докладывать представитель своего кружка центральному кружку. Итак, по нисходящим ступеням, была организована целая цепь кружков. Помимо теоретических занятий нашего кружка приходилось вести и практическую работу, именно — распространение по мастерским заводов листовок и воззваний.

1899 ГОД

Среди революционной интеллигенции разных оттенков и мастей было в моде заниматься разговором о толстовских колониях и производственной кооперации. Помню, как некий Левицкий на лужке, на Горячем поле в мае месяце 1899 года сражался с нашими Калининым и Кушниковым. Вели диспут, продолжавшийся более десяти часов, до поздней ночи. Приходилось также в работе кружка сталкиваться с эсерами, враждебными нашему социал-демократическому кружку.

К началу мая месяца было организовано до шести кружков. Среди членов кружка были такие, которые серьезно мечтали изобрести такую пушку, чтобы одним выстрелом (если эту пушку выкатить к Нарвским воротам) не оставить и духу от самодержавия и буржуазии. Таков был молодой семнадцатилетний товарищ по фамилии Путилов, работавший на Путиловском заводе фрезеровщиком.

И вот в одну прекрасную ночь, накануне 4 июля 1899 года, охранка как дунула, так шестидесяти человек за Нарвской заставой в одном районе не стало[5].

Переселили их в Дом предварительного заключения. Подчистили все наши кружки, только я один как-то случайно остался, потому что жил особняком и был менее заметным в работе кружков. Оставшись один, год целый прокоротал на вагоностроительном заводе Речкина за Московской заставой[6], где хорошо зарабатывал как хороший специалист-слесарь. Но в октябре был забран на военную службу в матросы Балтийского флота в город Кронштадт, откуда приезжал частенько в Питер, к своим осколкам кружка Ивану Иванову, Конькову, Зотову (Васька Беспалый), забирал там нелегальную литературу, увозил под шинелью в Кронштадт и там распространял по экипажам и ротам среди матросов. Почва была очень благоприятная для революционного движения, так как матросы, нижние чины, жили особой своей жизнью, будучи изолированы от офицерства. Сначала я распространял литературу среди штрафованных по карцерам, где заучивалась «Марсельеза» и распевалась там людьми, что называется, отпетыми. Кроме того, имел личных друзей чуть ли не в каждом экипаже (экипаж значит по-армейски полк), а их имелось в Кронштадте до десяти. Я сам в своей роте, хотя по специальности машинистом был, но состоял как наиболее грамотный ротным писарем. Когда рота собиралась целиком, я читал брошюры и нелегальные листки, якобы случайно мной найденные.

Слушатели с благоговением внимательно слушали меня и вообще относились ко мне хорошо. Все свои горести и помыслы поверяли мне: вздумает ли кто удирать (дезертировать) со службы, обращались ко мне за советом. Словом, создалось тоже нечто вроде кружковщины. И так проходила вся моя трехлетняя служба во флоте. Например, когда я был за границей, во Франции, в Тулоне, на судостроительном заводе, там строился русский крейсер «Баян». Его команда состояла из 400 человек с лишком. Там меня окружало тесное кольцо личных друзей из всех родов оружия и поверяло все свои помыслы.

1901—1903 ГОДЫ

По выходе из военной службы в запас (в конце 1902 года) я поступил в Питере на Обуховский завод в конце февраля месяца 1903 года и еще до поступления на работу восстановил связи с социал-демократиче-

скими кружками. В это время как раз был подъем и оживление рабочего движения. Что же касается Обуховского завода, то в 1901 году была крупная стычка рабочих с полицией и казаками, известная в истории рабочего движения под названием Обуховская оборона. При попытке устройства майского праздника-демонстрации на проезде железнодорожной ветки у шлагбаума рабочими был убит пристав или околоточный [7]. Все это свежо в памяти у обуховцев.

Кружки, в которые я вступил, назывались искровскими; были и другие кружки, сторонники газеты «Рабочая мысль», или по-теперешнему — меньшевики, но настоящего расслоения среди рабочих социал-демократических кружков по фракциям не было, а в партийной литературе и заграничных кружках шел упорный бой искровцев с рабочедельцами и «Рабочей мыслью».

Я не буду касаться споров с П. Струве, «экономистами» и народниками: все это большею частью проделывали заграничные кружки. А тут, на месте, на арене рабочего движения пока мало еще занимались теоретическими спорами и почти совсем не касались разногласий [8], но искровцы определенно стояли за централизм и втягивались в практическую работу, так как развивалось забастовочное движение, подготовившее 1905 год. Заграничная литература — «Искра» и пр. — в большом количестве распространялась по кружкам.

Итак, подходит первомайский праздник. Наш кружок организует демонстрацию рабочих Обуховского завода. И накануне вечером, и после окончания работы собираемся в трактире за бутылками пива и вырабатываем программу действий на завтрашний день. На этом совещании принимают участие Сулимов — молодой человек, чертежник Обуховского завода, Антонов — токарь снарядной мастерской, токарь Синицын и еще кое-кто; решили, что, выйдя утром на работу, один должен дать гудок, а остальные, каждый член кружка в своей мастерской, должны моментально остановить двигатель. Затем дружно выйдем все на двор завода, и, когда соберется большая толпа рабочих, поднять красный флаг и пустить его по рукам публики, чтобы не выдать виновника, который поднимет флаг, а затем двинуться к воротам на улицу (Шлиссельбургский проспект) и идти по направлению к Невскому. Я не успел явиться на квартиру, как уже мне доставили 50 штук прокламаций и красный флаг 2-аршинный, сатиновый, с надпи-

сью белыми буквами: «Долой самодержавие, да здравствует социализм!» на одной стороне, а на другой стороне флага: «Восьмичасовой рабочий день». Молодой рабочий, который доставил мне все это, по фамилии Соловьев, не заметил, что вел хвост с собой. Когда я вышел его провожать, то заметил на крыльце дома подозрительную физиономию. Я не обратил внимания. А ночью около трех часов (спал я эту ночь на одной кровати с братом) зазвенели шпоры, по мостовой двора и на пороге квартиры появился целый отряд полицейских во главе с приставом [9]. У моего квартирохозяина язык отнялся, когда на меня набросилась такая уйма вооруженных людей, на меня, который был всегда тихий жилец и очень аккуратный человек и для которого он серьезно был занят подыскиванием хорошей невесты.

Когда меня обыскали и нашли флаг и прокламации, то у полицейских от радости чуть было глаза не выскочили на лоб. Доставили меня в охранку с вещественными доказательствами и без допроса (так как горячее время было) отправили в знаменитую Предварилку. Так как одиночки были переполнены, то посадили в общую камеру; там уже были: С. Сулимов, Мазин, Смесов, Тарк, Ильин, Головкин и др. Всего было 12 человек политических, рабочих разных районов Питера. Помню, подошел день 200-летия основания Питера, получаем записки из одиночек, призывающие устроить демонстрацию в тюрьме. Мы согласились. Приходит время проверки, и запираются наши камеры на ключ. В 9 часов вечера слышим: раздается звон разбитых тюремных стекол и пение «Марсельезы». Мы вскакиваем со своих кроватей и то же самое начинаем проделывать. Но так как нас 12 человек, то звук получался оглушительный, и потому к нам первым поспешило начальство тюрьмы. Потом дулом револьвера нас заставляют одеваться. Затем нас надзиратели выстраивают в шеренгу по тюремному коридору. Через каждого человека стоит конвойный солдат. Стоим долго. Наконец вызывают по фамилии и выкрикивают номер. Я думал, что нас по одному будут выводить на плаху, ведь я первый раз очутился в тюремной обстановке. Очередь дошла до меня, выкрикнули № 91, подошел надзиратель и повел меня по галерее тюрьмы, щелкая замками дверей. В третьем этаже меня надзиратель пихнул в одиночку, обыскал и отобрал ремень, которым я был подпоясан,

захлопнул дверь, потушил электричество (в тюрьме в одиночках электрический свет горел только до 9 часов вечера) и вышел. Я лег на кровать. В этом каменном мешке возбужденное воображение при мертвой тишине тюремной ночи, прерываемой щелканьем ключей да стуком прикрываемых окон, рисовало, будто бы по очереди открываются камеры и по очереди выводят по одному и расстреливают, отчетливо слышатся залпы и как бы стоны. Оказывается, что стук окон, закрываемых самими заключенными, я принимал за залпы, а голубиную воркотню — за стоны людей. Две недели мы демонстрировали: побили все стекла, в одиночках сидели на окнах, ухватившись за решетку, пели, ораторствовали и голодали пять дней. Выдержали голодовку, чтобы ускорить разбор наших дел, но это не помогло: нас расформировали по другим тюрьмам, карцерам и ввели еще более строгий режим [10]. Одиночка на меня подействовала отупляюще. Когда сосед стучал по паропроводной трубе и спрашивал, откуда я и кто, я не откликался и только после продолжительных настойчивых вопросов решился ответить ему. Из переговоров выяснилось, что сосед был политик, просидевший уже девять месяцев [...]

М. И. Калинин

ПУТЬ К САМООБРАЗОВАНИЮ ДЛЯ РАБОЧЕГО И КРЕСТЬЯНИНА

КАК Я ПОЛУЧИЛ ОБРАЗОВАНИЕ В ДЕРЕВНЕ

Свое образование, или правильнее — развитие, я начал с сельской школы; учителем был крестьянин-старик, который получал что-то около рубля или меньше за зиму ученья с каждого ученика, и, насколько я помню, его по очереди кормили. Всего учеников было человек двадцать. Школа помещалась у одного старика в большой черной избе. Расставили несколько столов, скамеек — и школа готова.

Учился я по церковнославянской азбуке, большинство же — по русским азбукам. Ученье шло самым первобытным образом: все двадцать человек читали вслух, каждый свое, получался непрерывный гул.

В такой школе я пробыл месяца три, выучил буквы, двойные и тройные слоги и уже стал складывать слова.

На следующую зиму я имел возможность уже поступить в настоящую школу, в земское народное училище, где курс был четырехлетний. Там я на ученье набросился, как голодный на еду. С осени до рождества я прошел два класса — младший и полусредний — и вступил в средний.

Как только научился читать, так и набросился на книги школьной библиотеки, которая в большинстве состояла из религиозных книг, главным образом из житий святых. За два года я окончил школу и вместе с тем прочитал школьную библиотеку. К концу мне учительница стала давать кое-что из собственных книг. Летом, хотя было и некогда читать постоянно, я все-таки урывками прочитал несколько книг из библиотеки соседнего помещика.

Таким образом, после окончания сельской школы я уже довольно сильно пристрастился к чтению и у меня было большое желание учиться.

УЧЕНИЕ В ПЕТЕРБУРГЕ

Питерская обстановка нельзя сказать, чтобы меня поставила в очень благоприятные условия в смысле обучения, но все-таки я был мальчиком в семье, где было много учащихся, которые, со своей стороны, стремились идти навстречу моему желанию учиться, и даже, насколько я помню, некоторые давали мне уроки, во всяком случае помогали мне в том, в чем они сами разбирались. Затем они меня снабжали в достаточном количестве необходимыми книгами.

По приезде из деревни в Петербург я набросился на газеты и более всего на «Новое время», потому что оно именно было «новое время». Я думал: вот это-то новое мне и требуется, — знать, что делается сейчас в мире. И в газетном материале меня больше всего интересовали отделы дипломатии и политический. Разумеется, мое учение было в высшей степени бессистемно; главным образом читал то, что попадается под руку и что было в библиотеке моих господ. Между прочим, с очень раннего возраста я стал знакомиться с нелегальной литературой, как «Полярная звезда», «С того берега» Герцена и другие революционные подпольные издания. Но мое мировоззрение было очень умеренно, оно было умереннее, чем у моих господ. Из легальной литературы, пока я жил у Болтовских мальчиком, я прочитал русских классиков почти полностью и целый ряд научных трудов, как «Жизнь животных» Брема, Джона-Стюарта Милля и т. д. Одним словом, ученье шло врассыпную, от философии до беллетристики, и когда я поступил на завод — литературно был уже довольно грамотный.

НА ОБЩЕСТВЕННУЮ ДОРОГУ

В заводе общественная жизнь у меня началась с того момента, как я встретился с туляками-рабочими. Это была молодежь, приехавшая из Тулы и поступившая на работу на Путиловский завод. Они там были в воскресной школе, кое-кто побывал в нелегальных кружках, читали главным образом народническую ли-

тературу, как Глеба Успенского, Слепцова, Златовратского и т. д. Наша встреча как бы столкнула две культуры: я был знаком с русской классической литературой, но зато был слаб в народнической, туляки обратно — они мало были знакомы с нашей литературой, зато хорошо знали народническую.

При взаимном обмене мы сорганизовали кружок [1], библиотечку как легальную, так и нелегальную, которую составляли из ежемесячных взносов. Около этого же времени, также через туляков, мы завели связь с нелегальной организацией, с РСДРП, которая присылала нам пропагандиста, с которым у нас были занятия месяцев восемь-девять регулярно. В тот же период времени я посещал техническую вечернюю школу, которую и окончил [2].

Затем с каждым годом начал принимать все большее и большее участие в политической работе, и в 1899 году я был арестован и сделал первую высидку в девять месяцев.

В тюрьме человек располагает большим временем: здесь работать не только не заставляли, но политикам даже было запрещено, и поэтому эти девять месяцев были целиком посвящены, если можно так выразиться, на просвещение. А потом так, год за годом обучение, или вернее — самообразование идет параллельно течению жизни [3].

С. Г. Струмилин

ИЗ ПЕРЕЖИТОГО

СРЕДИ СТУДЕНТОВ

В институте началась новая эра моей жизни [1]. Возникший совсем недавно, этот институт располагал весьма крупными научными и педагогическими силами. Из их числа я мог бы назвать великого при всей его скромности ученого — изобретателя радио А. С. Попова; милейшего своей всегдашней живостью и отзывчивостью М. А. Шателена; вдумчивого физика В. В. Скобельцына; слегка педантичного химика А. А. Кракау; очень требовательного к себе и другим математика С. О. Войтинского и некоторых других. Их талантливые лекции, всегда обильно обставленные хорошо подготовленными опытами и демонстрациями, в отличие от многих других стоило слушать. Я давно заметил, что даже, казалось бы, самые трудные разделы науки тем легче постигаются, чем с большим интересом мы подходим к их освоению. А талант педагога как раз и сводится к умению возбудить у своей аудитории возможно более глубокий интерес к излагаемым проблемам, заражая ее собственным живейшим к ним интересом. Располагая этим ценным качеством, педагоги чрезвычайно облегчали нашу учебу.

Крайне облегчалась она и тем, что освоение теории подкреплялось и закреплялось здесь соответствующей практикой. Так, например, от лекций по механике в аудитории мы переходили в чертежную, где уже сами вычерчивали детали машин, а затем, спустившись в подвальную мастерскую, собственноручно изготовляли некоторые из них. С удовольствием припоминаю, что через пару месяцев, последовательно выполняя функ-

ции кузнеца, токаря по металлу и слесаря, я уже сам мог отковать, закалить и отточить нужные мне резцы, выточить ими железный или медный болт с винтовой нарезкой, сделать, нарезать и отшлифовать шестигранную к нему гайку и ряд других подобных предметов. В аудитории по физике нас знакомили только с выводами и методами этой науки, а в лаборатории, овладев точными измерительными приборами, мы и сами применяли эти методы к решению простейших задач. В химической аудитории мы знакомились лишь с общими закономерностями строения веществ и взаимных реакций элементов системы Менделеева, а в аналитической лаборатории мы и сами уже применяли эти реакции для определения химического состава заданных нам сложных тел. Кроме того, с первого же семестра в порядке текущей проверки наших теоретических знаний мы регулярно сдавали пройденные разделы наук на так называемых репетициях к окончательным, переходным с курса на курс испытаниям в конце года.

В столь благоприятной обстановке наука давалась довольно легко и осваивалась прочно. На первых же репетициях мне, кстати сказать, удалось завоевать казенную стипендию, что для первокурсника было в те времена очень большой и редкой удачей. Мой кошелек был к тому времени совершенно пуст, а ежемесячная стипендия в 25 рублей казалась неисчерпаемым богатством. Комната, которую я снимал вдвоем со своим однокурсником, находилась рядом с институтом, в пяти минутах ходьбы от гранитных колоннад Исаакия и изумительного «Медного всадника» Фальконе. Стоила она мне всего 4 рубля в месяц. Щи без мяса в студенческой столовой можно было получить за 4 копейки, порцию котлет без гарнира — за 7 копеек, а хлеб к обеду — и притом в неограниченном количестве — и вовсе задаром. Обладая завидным аппетитом, я не гонялся за гарнирами, считая, что хлеб в достаточном количестве с успехом заменит любые гарниры, и тратил в месяц на всю еду не свыше 20 процентов своего бюджета. Тем больше оставалось мне на все другие потребности. И прежде всего на театр, музеи, книги, газеты и прочие культурные статьи расхода. Наука отнимала у меня обычно не свыше 6 часов в день, а потому и на развлечения оставалось времени немало.

Провинциалу было на что поглядеть в столице. Целыми часами я бродил по гранитным набережным не-

сравненной красавицы Невы и великолепным торцовым проспектам великого города. Вот великий Петр на вздыбившемся коне перед Невой, на той самой исторической площади, которую залил кровью декабристов его недостойный преемник Николай, по прозванию Палкин, злой гений России и жандарм Европы. А вот насупротив, за Невой — загадочные сфинксы с женственными лицами и львиными когтями, застывшие здесь, в Северной Пальмире, зябкие дети знойных подножий египетских пирамид. Здесь гордо вздымается ввысь адмиралтейская игла, свидетельница еще петровских усилий приоткрыть окно в Европу. Там, напротив, — причудливые «ростральные» маяки Петра, осветившие впервые своими огнями новый путь к нам оттуда, а за ними и первые вещественные следы общения с Западом на этом пути: монументальный храм биржевой спекуляции и наглого ажиотажа бок о бок со старейшим храмом строгой и неподкупной академической науки[2]. Вот еще подальше вдоль Невы — роскошные царские дворцы: Зимний, Эрмитаж, Мраморный — целая улица дворцов, Миллионная улица, только в наши дни освященная именем рабочего революционера Степана Халтурина. Во дворцах беспечально проживали свои дни всевластные «самодержавные» самодуры, а напротив их окон, посреди Невы, под сверкающим шпицем Петропавловской крепости в сырых казематах томились благороднейшие борцы за свободу.

А сколько достопримечательного можно было увидеть на всегда многолюдном и сверкающем витринами Невском! Толпы зевак привлекали здесь широкие окна книжных магазинов и переливающиеся всеми огнями витрины фальшивых бриллиантов Тэта. Но я лично никогда не мог пройти равнодушно мимо того архитектурного чуда, какое представляли собой воздушно-легкие при всей их массивности громады Казанского собора. Сказочно воздушные колоннады бессмертного Воронихина были прекраснее бриллиантов Тэта уже потому, что в них не было никакой фальши. А кроме того, разве не здесь, перед этим шедевром художественной правды, раздалось когда-то и первое свободное слово правды революционной в памятном выступлении Г. В. Плеханова под красным знаменем на демонстрации 1876 года?[3] Вблизи Казанского собора имеется еще один любопытный архитектурный памятник — очень пышный и богатый. Это храм Воскресения «на крови» —

на крови того самодержца, который, опираясь на всю мощь государственного аппарата, пытался подавить беспощадным террором сверху мирное движение «в народ» романтиков-утопистов 70-х годов и, вызвав ответный террор снизу, пал-таки в конце концов 1 марта 1881 года от руки горстки бесстрашных борцов за народную волю, которые, конечно, и сами все поплатились жизнью за свой героический подвиг. Храм «на крови» гораздо богаче и роскошней Казанского, но неизмеримо уступает последнему в красоте и величии. В его пышной роскоши чувствуется какая-то фальшь, как и в бриллиантах от Тэта. Вероятно, эта фальшь заложена в самой идее этого храма «на крови» — увековечить царственного злодея в роли невинно пострадавшего мученика.

По-иному, чем Казанский собор, привлекали меня всегда на Невском еще два монументальных сооружения — Публичная библиотека и Александринский театр. Это были наиболее излюбленные мною очаги науки и искусства. Как часто засиживался я здесь, в богатейшем книгохранилище, поглощая труды корифеев науки и забывая при этом о времени. И сколько чистых радостей доставляла мне в Александринке игра таких мастеров искусства, как незабвенные Варламов и Давыдов и неповторимая В. Ф. Комиссаржевская, которую я всегда ставил неизмеримо выше прославленной звезды этого театра вечно сиплой М. Г. Савиной. За Александринкой, как известно, скромно скрывается восхитительная по своей архитектуре улица Росси, а перед театром и бок о бок с библиотекой у всех на виду красуется величественная скульптура блудливой царицы. Той самой, которая, меняя любовников, как перчатки, столь любезно переписывалась с самим Вольтером, но с ужасом отвернулась от вполне резонных якобинских выводов из учения этого философа и беспощадно преследовала своих собственных, отечественных вольтерианцев. Эта скульптура всегда наводила меня на размышления. Обращенная «к искусству — задом, к науке — боком и к Невскому — передом», эта скульптура уже по своей дислокации казалась мне каким-то бронзовым символом царственного распутства. Но если жалкие раскрашенные блудницы с Невского, торговавшие своими увядшими прелестями из крайней нужды, наказывались за это общим презрением, то царственное распутство от пресыщения приодевалось здесь в бронзу и возводилось на пьедестал.

Пройдешь немного дальше по Невскому и невольно остановишься каждый раз на мосту через Фонтанку перед сказочной четверкой неукротимых коней скульптора Клодта — это не кони, а восторг. Обуздай только такого коня, и, кажется, унесет он тебя до самого конца-края мечты. Повернешь налево, на Литейный проспект, и очутишься перед новым сильнейшим искушением в виде нескончаемого ряда лавочек букинистов. Ну как тут было не порыться, утопая в этом море книжного хлама, в поисках за скрытыми в нем уникумами забытой старины или жемчужины незабвенной творческой мысли таких титанов, как Ломоносов и Лобачевский! Тем более что купить здесь вы могли любую из ваших находок совсем за гроши, иной раз просто на вес, по пятачку за фунт. Тяготея к общественным наукам, я уже тогда выудил у букинистов и памятные «Критические заметки» Петра Струве, звавшего марксистов «на выучку к капитализму»[4], и блестящий памфлет Бельтова о монистическом взгляде на историю, в котором Г. В. Плеханов, укрывшись от цензуры под этим псевдонимом и маловразумительным заголовком, дал в горячем бою с народниками образцовый очерк философии революционного марксизма, и ряд экономических работ Ник. -она, В. В. и других виднейших тогда авторитетов «народнической» мысли. Человеческая мысль невесома. Но признаюсь, что от букинистов я не раз уходил навьюченный как верблюд увесистыми томами Полного собрания русских летописей[5] и тому подобными драгоценными находками.

Приятно было пройтись не спеша и по Каменноостровскому среди дворцов, утопающих в зелени, на пути к еще более зеленым «островам» и «на стрелку» — послушать музыку у взморья и полюбоваться волнующими алыми красками вечерней зари. Никто, однако, тогда не предвидел, что всего через 20 лет сам Каменноостровский станет исторической «Улицей красных зорь» пролетарской революции, что именно здесь, овладев дворцом бывшей царской наложницы, рабочие учредят свой большевистский штаб революции, откуда великий Ленин откроет новую страницу истории — историю социализма. С тех пор в Петровском граде, ставшем ныне городом Ленина, протекало столько достопамятных революционных событий и героических дней борьбы с контрреволюцией, голодом и осатанелыми ордами фашистской агрессии, что в нем каждая улица по-

лита кровью, каждый камень запечатлел на себе следы нетленной славы этого города, застрельщика трех революций. С тех пор весь он в целом давно уже стал в нашей стране историческим символом, а вместе с тем оплотом, знаменем и святыней революции. И ныне потребовались бы фолианты, чтобы достойно описать все достопамятности, пробуждающие в нас столько исторических ассоциаций, глубоких эстетических переживаний и интимных личных воспоминаний.

Уже первый год моего студенчества в Питере совпал с первым годом массового пробуждения здесь новой революционной силы. Только одним годом раньше В. И. Ленин организовал здесь первый в России петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». И, хотя в декабре того же 1895 года почти весь состав этой организации во главе с Лениным был арестован, летом 1896 года грянула памятная стачка 30 000 питерских ткачей, требования которых были зафиксированы в прокламациях все того же неистребимого «Союза борьбы». А в начале 1897 года повторная забастовка тех же ткачей вновь заявила устами того же «Союза» свои требования о законодательном сокращении рабочего дня, вынудив этим упорством у царизма первую серьезную уступку рабочему движению, вставшему под красное знамя социал-демократии. Можно себе представить, какой отзвук эти события получили в рядах революционной интеллигенции вообще и передового студенчества в особенности.

События эти обсуждались повсюду, и в частности в организованном нами по примеру других землячеств Скопинском студенческом землячестве [6], пожалуй, даже много горячее, чем в других. Состав нашего землячества был весьма демократический и радикально настроенный, и притом в его рядах, по счастью, оказался живой свидетель и даже участник волнующих летних событий 1896 года. Это был студент-лесник третьего курса Алеша Сафонов. Завязав во время забастовки связи с рабочими, он прежде всего организовал сбор денег среди студенчества в помощь стачечникам, а затем скоро через рабочих вошел и сам в ряды организации «Союза борьбы». Алеша рассказывал нам интереснейшие эпизоды из этой борьбы, и нам, желторотым первокурсникам, не терпелось и самим хоть чем-нибудь помочь рабочим в этой борьбе.

Каждый из нас, первокурсников, чувствовал себя вначале слишком одиноким среди миллионов чужих людей в чужом городе и потому прежде всего устремлялся в свое землячество, чтобы здесь через вполне уже освоившихся земляков старших курсов скорее приобщиться к новым условиям столичной жизни. А общественная жизнь столицы била вокруг нас в те годы ключом. Именно тогда появилось здесь в печати первое марксистское «Новое слово», а когда этот замечательный журнал прихлопнула цензура, ему на смену возникло «Начало», а когда и его после нескольких номеров прикончили, марксистская мысль возродилась в «Жизни». Во всех этих журналах под разными псевдонимами печатались боевые статьи Г. В. Плеханова и В. И. Ленина, здесь же я впервые прочел и сразу же горячо полюбил юношеские произведения М. Горького — «Челкаш», «Коновалов», зачитывался созвучными эпохе повестями В. Вересаева, А. Серафимовича и многих других. Каждую вновь вышедшую книжку «Нового слова» я сразу в один вечер проглатывал залпом и с нетерпением поджидал следующую[7].

Не пропустил я, конечно, также ни одной из бурных дискуссий марксистов с народниками о «судьбах капитализма в России», то и дело вспыхивавших еще и в Вольно-экономическом обществе и на разных студенческих вечерах и вечеринках. Впрочем, для меня и многих других этот вопрос не казался уже дискуссионным после массовых проявлений рабочего движения в петербургских стачках 1896—1897 годов. Стоило ли еще ломать копья о шансах развития капитализма в России, когда он был уже налицо, проявляясь в столь ярких формах вызванной им реакции, как массовое рабочее движение. Стачки 1896 года убедительнее всех аргументов Туган-Барановского и прочих «легальных марксистов» свидетельствовали о беспочвенности народнических иллюзий о возможности миновать в России капиталистическую стадию развития. Марксизм среди студенческой молодежи становился все более «модной» теорией. И я отчетливо помню, как одна из самых юных наших землячек, миниатюрная Мусенька Яковлева, повсюду таскала с собой книжку «Нового слова» в красной обложке в знак своей приверженности к этой своеобразной моде. Но всякая мода скоро проходит. Прошла она и на занятную игру в «легальный марксизм», от которого вскоре отвернулись все его адепты. А ре-

волюционный марксизм, уходя в подполье и все крепче спаиваясь там с рабочим движением, тем временем все расширял свою базу.

Связь с подпольем через Алешу Сафонова не прошла бесследно и для нашего землячества. Через него не один из нас получал текущую нелегальную литературу. Через него пополнялась тощая касса «Союза борьбы» нашими посильными взносами. И хотя Скопинское землячество в целом всегда было только беспартийной ячейкой для дружеского общения и взаимной поддержки земляков-скопинцев, но в большинстве своем они несомненно сочувствовали революции. И сочувствие это выражалось не только денежными перечислениями из доходов землячества в кассу «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Кстати сказать, доходы эти от организуемых нами студенческих вечеров и любительских спектаклей иной раз были весьма заметными и никогда не иссякали. Но, помимо того, многие из этих земляков и землячек, самостоятельно завязав связи с рабочими, и сами вскоре вошли в актив рабочего движения. А некоторые из них, как, например, покойный поэт Е. Тарасов, талантливо воспевший Московское вооруженное восстание 1905 года, стяжали и немалые заслуги на этом поприще.

В числе других и я с первых же месяцев своего студенчества горел желанием послужить революции, если не головой — в качестве агитатора и пропагандиста, то хоть ногами — на посылках по тем или иным заданиям организации. Освоившись в институте, я со второго семестра стал в нем постоянным сборщиком пожертвований в так называемый «Красный Крест» — для помощи политическим заключенным. Выполняя и кое-какие другие поручения подобного рода, я ясно сознавал, однако, свою неподготовленность к более серьезной работе. Чтобы стать пропагандистом и учить чему-то рабочих, надо было самому много знать. Институт не мог мне дать нужных для этого знаний. Я должен был сам их приобрести. Очень скоро у меня на столе очутились при содействии Алеши Сафонова нелегальные издания: «Эрфуртская программа» Каутского, «Русский рабочий в революционном движении» Плеханова, «Женщина и социализм» Бебеля, «Подпольная Россия» Степняка и тому подобная литература [8]. Трудно передать все очарование, которым повеяло от этих первых для меня откровений свободного слова, где все вещи назывались

своими именами, без всяких эзоповских экивоков и маскировки, к каким нас так приучила царская цензура, что мы уже и не замечали присущего им рабьего привкуса. Однако эти немногие яркие откровения не утолили, а лишь еще больше обострили и разожгли мою жажду знаний и все возрастающий интерес к специальной области наук общественно-экономических.

Зачастив в Публичную библиотеку, я перебрал там и пересмотрел за полгода почти все найденные мною здесь учебники политической экономии в целях более глубокого изучения этой новой для меня науки. Но из подцензурной буржуазной русской литературы того времени я немного мог извлечь для себя ценного. Нужно было взяться за классиков, и прежде всего осилить «Капитал» Маркса. Меня сильно пугали, однако, трудностями его освоения. И я решил отложить это дело до летних каникул. А пока занялся плодами своих раскопок у букинистов: читал книги Струве и Бельтова, читал народников, добыл задержанный цензурой марксистский сборник со статьей К. Тулина (В. И. Ленина) и вообще не терял времени даром. Между прочим, еще в том же году мне удалось впервые напечатать и пару собственных рецензий на текущие новинки экономической литературы. В том же памятном году, 4 марта 1897 года, мне случилось принять активное участие и в первой для меня массовой политической демонстрации у Казанского собора.

Поводом к ней послужила трагическая кончина в Петропавловской крепости заключенной там девушки М. Ф. Ветровой. Говорили, что жандармы-тюремщики гнусно ее изнасиловали там и оскорбленная девушка, не имея иных способов протеста, облила себя из зажженной лампы керосином и, вспыхнув, сгорела как живой факел отчаяния [9]. Такого факта не удалось скрыть даже в тайниках крепости. Волна возмущения широко прокатилась по столице. Кто-то предложил самую невинную и легальную форму общественного отклика на этот возмутительный факт: отслужить в Казанском соборе панихиду по «в бозе почившей рабе божией Марии». Инициатива была широко подхвачена. В назначенный час в соборе и вокруг него на площади оказались неисчислимые массы взволнованной студенческой молодежи и всякого иного люда. Попы, конечно, струсили и отказались служить панихиду по такому поводу. Но мы были готовы к этому. Чей-то юно-

шеский, чуть вибрирующий от волнения голос звонко затянул торжественно-печальный напев:

Вы жертвою пали в борьбе роковой
Любви беззаветной к народу...

Сотни голосов и тысячи сердец дружно подхватили этот всегда волнующий революционный гимн, и, нарастая все мощнее и шире, он скоро безраздельно овладел всей площадью. Но и «архангелы» царской своры были готовы, по-видимому, к выполнению своих привычных функций: «тащить и не пущать». Из ворот окружающих площадь дворов выбежали вдруг целые сотни запрятанных там заранее дюжих городовых гвардейской стати и начали быстро оцеплять крамольных исполнителей торжественной гражданской панихиды. Но это лишь подливало в огонь масла. Еще торжественнее и громче, с уже зловещими грозными нотками зазвучали на площади слова гимна:

А деспот пирует в роскошном дворце,
Тревогу вином заливая,
Но грозные буквы давно на стене
Уж чертит рука роковая.

На Невском перед площадью моментально запрудила проспект во всю его необъятную ширину привлеченная нашим гимном несметная толпа зевак. Движение экипажей остановилось. Полицейские стратеги на этот раз явно просчитались. Никто из них, по-видимому, не ждал такого наплыва демонстрантов. Тонкая цепочка городовых всего в два ряда тщетно пыталась в ожидании подкреплений, крепко схватившись за руки, сдержать в своем кругу многотысячную массу демонстрантов. Правда, все эти городовые были отборными крепышами из отставных гвардейцев, перед которыми и я со своими 182 сантиметрами роста и 88 килограммами веса казался щупленьким легковесом. Но когда перед концом гимна по рядам демонстрантов был передан сигнал «поднажмем» и прозвучали вещие строки:

Но настанет пора — и проснется народ
Великий, могучий, свободный...

и мы действительно поднажали, то эффект получился поразительный. Хоровод отборных «архангелов» в одно мгновение распался на свои элементы, посыпавшись на

мостовую, как сбитые кегли. А я, грешный, в частности, совсем неожиданно для себя очутился верхом на спине одного из этих «архангелов», уткнувшегося носом в землю. В следующий же момент, однако, толпа вынесла меня далеко вперед на проспект. Демонстранты слились на Невском со всей толпой зевак в одну нераздельную массу, и теперь казалось, что и вся эта случайная толпа вместе с нами допевала прощальные строки гимна:

Прощайте же, братья, вы честно прошли
Ваш доблестный путь благородный.

С прорывом на Невский демонстрация закончилась. Ее цель можно было считать достигнутой, ибо если до 4 марта о гибели Ветровой знали тысячи граждан, то после демонстрации об этом с возмущением узнали миллионы. Удовлетворенные этим сознанием, мы мирно разошлись по домам. Не могла удовлетвориться этим только полиция. Поверженные толпой городовые, как я узнал на другой день, оправившись, немедленно же реваншировали свою первую неудачу. Они оцепили оставшихся в соборе молящихся и, хотя здесь не было никаких «нарушений общественного порядка», сами его нарушили, грубо извлекая молящихся из храма и переправляя их под арест в Спасскую часть. Целый день там сотни людей проморили голодом в тщетных поисках «зачинщиков» среди перепуганных до смерти богомольных старушек, пока после допроса и удостоверения личности не были наконец отсеяны все овцы от козлищ, и невинные овечки постом и молитвой вымолили свободу, а наиболее строптивые козлища заработали высылку из столицы.

Один из таких козлищ, мой товарищ по институту, рассказал потом, в чем именно проявилась его строптивость.

На вопрос жандарма, по какому поводу он был сегодня в храме, студент, избегая лжи, честно ответил:

— По приглашению на панихиду по рабе божией Марии.

— Может быть, вы расскажете нам что-нибудь о ее смерти... — полюбопытствовал, чуя поживу, жандарм.

— Боюсь, что вы, по вашей должности, лучше моего осведомлены в этом деле... — ответил студент.

— А скажите, как собственно вам приходится эта раба божия... — продолжал жандарм.

— Сестрою во Христе, если позволительно здесь, в узилище, говорить языком церкви, — ответил, не смущаясь, вопрошаемый.

— О, я вижу, вы очень благочестивый сын церкви... — съязвил разозлившийся жандарм.

— Чего, судя по вашим действиям в храме, я никак не решился бы утверждать о вас... — очень вежливо возразил студент.

И этого было достаточно. Самые гнусные преступления царских опричников оставались безнаказанными. Но именно поэтому даже лояльный протест против них рассматривался как совершенно непростительное преступление. Нечего и говорить, что подобными действиями царский режим отнюдь не укреплял своей популярности даже в наиболее умеренных кругах населения. А для меня, в частности, памятный день 4 марта 1897 года, когда я впервые получил боевое крещение в борьбе с царизмом и почувствовал себя гражданином, стал начальным днем всей дальнейшей общественной деятельности [...]

НОВЫЕ ВЕЯНИЯ

Вернувшись в столицу к институтской учебе, я все чаще стал изменять ей в связи с новыми общественными интересами. В стенах Электротехнического института этим интересам определенно не хватало пищи. В рядах студентов-электриков было тогда еще слишком много откомандированных сюда для учебы провинциальных почтово-телеграфных чиновников. Они и в институте донашивали свои чиновничьи мундиры и получали не стипендии, а присвоенное им по чину жалованье. Некоторые, уже кончая институт, метили из маленьких в большие бюрократы. Другие, более отсталые и забитые, давно обзавелись детишками и обросли бородами, но все еще оставались политическими младенцами, примыкая к той категории граждан, у которых, по Щедрину, даже в паспорте, в графе «чем занимается», прописано: «всего опасается»... Помню, к одному из таких бородачей я рискнул как-то подойти с подписным листом, украшенным нелегальной красной печатью, на котором отмечались условными инициалами сделанные жертвователями взносы в пользу политических заключенных. Бородач, взглянув на заголовок листа, вспыхнул и залепетал:

— Что вы, что вы! Разве вы не знаете, что я состою на государственной службе и приносил присягу государю?

— Да, я знаю это. Но и вы, коллега, чай, знаете, что от тюрьмы да от сумы у нас на Руси никто не гарантирован.

Бородач пугливо осмотрелся вокруг, нет ли свидетелей, наскоро сунул мне свой рупь-целковый и взмолился:

— Только не отмечайте, пожалуйста, меня никак на этом листе.

— Не беспокойтесь, коллега, я ваш взнос помечу тремя крестами, — заверил я робкого жертвователя.

Но страшен, по-видимому, только первый шаг на этом пути. И когда через некоторое время я смог показать ему печатный отчет Красного Креста, в котором он узнал и свой рубль за тремя крестами, то бородач отвалил уже по собственному почину целую трешку. Не сомневаюсь, что и чувство собственного достоинства после столь геройского акта повысилось у моего бородача по меньшей мере втрое. Но все же с такими «героями» нельзя было рассчитывать на многое.

Из других институтов в то время наиболее ретроградное студенчество гнездилось в аристократическом Институте путей сообщения. Увековеченные Гариным в его автобиографическом романе «Студенты», питомцы этого привилегированного заведения, как помнит читатель, очень весело проводили время, отлично канканировали в шикарных публичных домах. И, только заполучив там сифилис, впадали на время в сплин, уподобляясь байроновскому Чайльд-Гарольду. И это не карикатура, ибо Гарин изображал своих коллег по институту с натуры и притом с большой любовью и редким талантом [10]... Наиболее радикальное студенчество в те годы ютилось в гораздо более демократических по составу Лесном и Технологическом институтах, а также в университете. В землячестве были хорошо представлены все эти форпосты передового студенчества, и я поэтому был всегда в курсе всех общественных настроений, в которых как раз в эти годы намечался довольно серьезный поворот.

Прежде всего народничество явно сходило на нет. Народнический журнал «Русское богатство» еще был в спросе. Читали его, в частности, и все мои земляки, среди которых не было ни одного народника. Читал

его с интересом и я. И не только потому, что там печатались чарующие произведения В. Г. Короленко, а и вообще потому, что хотелось знать, что же творится в стане противников. А творилось там явно неладное. Чувствовалось даже по мелочам, что народнические вожди остаются без армии. Раньше к этим вождям то и дело направлялись студенческие делегации с почетными билетами на каждый вечер или вечеринку, привозили их к себе, окружали поклонниками и поклонницами, с открытыми ртами внимали каждому их слову и с почтением, как на иконы старого письма, неотрывно взирали. А затем в роли таких икон на наших вечеринках вместо библейского лика седовласого лидера народников Михайловского все чаще можно было видеть ярко-рыжего П. Б. Струве вкупе и влюбе с громоздким битюгоподобным Туган-Барановским. В дружеских шаржах Каррика эти друзья изображались в виде двуликого Януса на «устойчивой» базе игрушечного ваньки-встаньки. И действительно, их не могли уже вывести надолго из равновесия даже самые яростные атаки «последних могикан» из лагеря народников. Но в пределах собственного идейного лагеря их идеологическая устойчивость оказалась весьма иллюзорной [11].

Кризис переживало не только народничество, но и так называемый «легальный марксизм». Еще в 1898 году нас порадовало огромной важности известие о первом в России подпольном съезде социал-демократов и организации им Российской социал-демократической рабочей партии. Говорили, что опубликованный этим съездом партийный «манифест» принадлежит перу П. Б. Струве, хотя он и не присутствовал на съезде. Это сильно повышало в наших глазах политический вес Струве. Но тем большее изумление и разочарование вызывали в моих глазах его все более ревизионистские выступления в легальной печати. Возглавив новую «критическую струю в марксизме», Струве и Туган-Барановский стали то и дело открывать в печати, на радость врагам, все новые неразрешимые «антиномии» и «основные ошибки» в революционном учении Маркса [12]. Признавая полную правомерность внутрипартийной самокритики, я, однако, ясно видел всю несостоятельность критических «открытий» нового течения. Их нетрудно было бы опровергнуть [13]. Но в подцензурной печати только «критики» пользовались свободой слова. И по-

этому казалось, что оппортунизм становится господствующим у нас течением. Чувствуя себя неуязвимым с этой стороны, двуликий Янус «легального марксизма», качаясь еще на своем шатком пьедестале ваньки-встаньки влево и вправо, вперед и назад, все решительнее кренился вправо и назад. Под лозунгами «назад к Лассалю», «назад к Фихте», «назад к Канту» он определенно поворачивал свое подлинное лицо в этом сплошном попятном движении к самой откровенной реакции [14].

С течением времени это попятное движение становилось все более агрессивным. Петр Струве утверждал, например, что вся «убогая метафизическая надстройка» марксизма «должна целиком пойти на слом». Его соратник Бердяев услужливо предлагал «пагубную ортодоксию» марксистов заменить своей собственной самодельной критической неометафизикой. Даже неуклюжий в философии Туган-Барановский твердил о «реалистической ограниченности философского мышления» К. Маркса и «философской непродуманности его миросозерцания». А затем, спускаясь с философских высот «проблем идеализма» на грешную землю в область аграрного и рабочего движения, критики не оставляли и здесь камня на камне. Причем по Булгакову, например, выходило, что и в этой области «высшую санкцию современному социальному движению дает метафизика» [15]. Хуже всего, однако, было то, что этот растлевающий душу бесстыжий оппортунизм, прикрывающий свою наготу философской мантией метафизического идеализма, не ограничивал сферы своего воздействия интеллигентской верхушкой, пытаясь проникнуть и гораздо глубже, в толщу революционного рабочего движения [16].

Потеря «попутчиков» из интеллигенции не особо страшна была для этого движения. «Чуткий» ко всем самоновейшим веяниям российский интеллигент, в нутре которого было, как известно, «всегда одно и то же — весьма обыкновенный телячий состав студня, способный «отзываться» трепетом на всякое чихание», — вообще способен был метаться в разные стороны [17]. Вчера, следуя по течению, он метнулся, скажем, к крайнему материализму и атеизму, а завтра, смотришь, он уже мечется в противоположную крайность и, завязнув в тине метафизической мистики, клянет марксистскую ортодоксию и, подобно Бердяеву, становится апостолом «но-

вого религиозного сознания» или, еще проще, подобно Булгакову, принимает посвящение в архиерейский сан и выступает в качестве признанного «ортодокса» уже в лоне ветхого церковного православия [18]. Объяснить такие шатания разночинной интеллигенции в классовом обществе можно было уже ее объективно межеумочным положением в борьбе полярных классовых сил этого общества. Такая межеумочная интеллигенция чаще всего становилась попутчиком рабочих лишь до первого перекрестка дорог. Но бедой было то, что рабочее движение не могло развиваться успешно без участия интеллигенции. И, пока оно не вырастило своей собственной классовой интеллигенции, ему приходилось мириться с тем, что на одного самородка Бебеля в рядах его лидеров путалась целая дюжина чужеродных Бернштейнов, Фольмаров, Давидов, сеявших гнилой оппортунизм, или даже Мильеранов и Муссолини, всегда готовых к черной измене делу пролетариата. Не миновала эта зараза и русского рабочего движения.

Даже в рабочей организации столицы после ареста В. И. Ленина с товарищами все более усиливалось оппортунистическое течение так называемых «экономистов». В отличие от «легальных марксистов» эти подпольные интеллигенты отнюдь не дебатировали о метафизике. В качестве сугубых практиков они вообще проявляли крайнюю беззаботность по части всякой теории. Страшась впасть в «утопизм», они сознательно избегали в условиях самодержавия ставить перед рабочими какие-либо серьезные политические проблемы. Считалось, что русские рабочие должны еще предварительно созреть и подрасти для этого, постепенно поднимаясь со ступеньки на ступеньку. В тех же интересах постепенности они даже международный экономический лозунг 8-часового рабочего дня подменяли в первомайских листовках оппортунистическим, но якобы зато более реальным требованием 10-часового рабочего дня. В таком духе редактировался, начиная со 2-го номера, и периодический орган этой организации «Рабочая мысль» [19], отражающий будто бы самую подлинную мысль питерских пролетариев, хотя их пером и водили за них просвещенные демагоги-интеллигенты. Помню, что мне совсем не по душе приходились некоторые из их писаний, хотя самому трудно было еще разобраться во всех качествах этого ползучего практицизма. Его боевую программу несколько позже удачно отобразила из-

вестная пародия на мотив «Варшавянки», посвященная «экономистам»:

Если возможно,
То осторожно
Шествуй вперед,
Рабочий народ! [20]

А между тем в условиях царской России подобный поссибилизм «вождей» ни в рабочей среде, ни в передовом студенчестве отнюдь не встречал никаких симпатий. На вечеринки еще приглашали недавних кумиров — Струве и Туган-Барановского. Но после каждого выступления их в печати с какими-либо критическими антиномиями их угощали на ближайшей же вечеринке примерно такими запевами на мотив популярной «Дубинушки»:

Гнет и сумрак вокруг...
Жить рабочим невмочь!..
Их хозяин и царь донимает.
А ученый их «друг»,
Чем рабочим помочь,
«Антимонии», вишь, измышляет.

Подобного рода «антикритических» импровизаций в те годы я слышал немало. Случалось не раз и мне, грешному, умножать этого рода студенческий фольклор, выступая в роли запевалы. И всегда, помню, после такого запева хор особенно охотно подхватывал песню и звонко «ухал» в дружном припеве. Это «помрачение» вчерашних кумиров только лишний раз подчеркивалось той небывалой еще популярностью и любовью, которую тогда стяжал в среде молодежи новый «буревестник» грядущей революции — Максим Горький.

О том, какими настроениями питалось тогда все студенчество, показала всеобщая в столице студенческая забастовка 1899 года. Поводом послужила весьма [обыкновенная] в дореволюционном быту история. В день годовщины университета, 8 февраля, конная полиция в порядке предупреждения возможных «беспорядков» жестоко избила нагайками перед университетом толпу студентов. В другое время по такому поводу, может быть, сильно пошумели бы на сходке, вынесли бы резкую резолюцию и кто-то спокойно положил бы ее себе в карман. Но на этот раз вышло иначе. Студенчество еще не забыло эффекта рабочих забастовок 1896/97 годов. Гегемоном революционного движения в России становился рабочий класс. И, следуя по его стопам, студенчество на этот раз решило испытать тактику забасто-

вок — это классическое боевое оружие пролетариата. Правда, в аудиториях в отличие от заводских цехов не создается прибавочной стоимости, и потому прекращение в них занятий ничем не грозит карману буржуазии. Но тем более неприятным скандалом оно угрожало правительственным кругам, ибо могло рассчитывать на сочувствие и отклик даже в рядах буржуазии и дворянской бюрократии, сынки которых тоже отведали на этот раз вкус жандармских нагаек. И действительно, скандал получился грандиозный. Самодержавное правительство вынуждено было пойти на некоторые «уступки» явно неблагоприятному для него общественному мнению назначением генерала Ванновского председателем правительственной комиссии по расследованию причин событий в феврале.

Конечно, вначале полиция пыталась потушить движение в самом его зародыше «своими средствами», т. е. прежде всего арестами «зачинщиков». Сорганизованный с первых же дней движения забастовочный «коалиционный комитет» собирался в университетской столовой. И может быть, именно поэтому особенно много арестов было среди универсантов. Но вместо арестованных немедленно являлись на смену им новые их заместители, и работа «коалиционного комитета» не прерывалась ни на один день. Ежедневно выходил очередной выпуск «Бюллетеня» забастовки с полной и точной хроникой всех событий дня. Каждый день в ней отмечались новые аресты. А вместе с тем каждый день отмечалось и присоединение к забастовке все новых учебных заведений столицы, пока она не охватила здесь наконец всю студенческую массу обоего пола. Первое время были еще кое-где попытки сорвать забастовку при содействии мобилизованных педелей и шпиков, переодетых в студенческие тужурки. Загоняя самых робких студентов в аудитории наиболее беспринципных лекторов, готовых читать свои лекции, профанируя науку, даже двум-трем заведомо безмозглым дежурным шпикам, начальство пыталось создать хотя бы иллюзию нормально функционирующих храмов науки. Но из таких попыток ничего не получалось, кроме конфуза.

Переодетых шпиков нетрудно было отличить от студентов уже по обличию. Их то и дело окружали и изобличали, подвергая самому элементарному экзамену. Так, например, если он называл себя юристом, его спрашивали:

— А вы в самом деле юрист? Так вам, конечно, знакома логика. В таком случае скажите, пожалуйста, в чем ошибка следующего силлогизма: «Все гуси — двуноги. Вы тоже двуногий. Значит, и вы тоже гусь?»

Малограмотный «гусь», не разбираясь в силлогизмах, понимал, однако, свой неизбежный провал и, обливаясь холодным потом, как на пытке, сразу же под гомерический хохот веселых экзаменаторов обращался в позорное бегство. А если в какую-либо аудиторию вместе с лектором проникала все же группа вольных или невольных штрейкбрехеров, то всегда среди них оказывалось и несколько активистов-забастовщиков. Без всякого шума и скандала они проливали там под самым носом неразборчивого лектора пару стекляночек специально заготовленных для этого химиками жидкостей вроде сероуглерода или меркаптана. В аудитории распространялся совершенно невообразимый, смертельный смрад. И лектор со всеми своими слушателями пулей вылетал оттуда. А наблюдающие со стороны этот вылет студенты, невольно зажимая носы, лишь провожали беглецов любезными возгласами:

— Фу! Как скверно пахнет эта штрейкбрехерская наука!

Впрочем, к химической обструкции в эту забастовку приходилось прибегать очень редко. Злостных штрейкбрехеров из рядов дрессированных Пуришкевичем много позже студентов-«академистов» тогда еще и в помине не было[21]. К тому же и повод к забастовке — избиение студентов полицией — был самый «академический». Для полного удовлетворения всех чаяний большинства протестантов достаточно было бы лишь расследовать дикое поведение полиции и наказать виновников избиения, возмутившего весь Петербург. Не возмутились им разве только молчаливые свидетели избиения — египетские сфинксы с Университетской набережной. Да и то лишь потому, что их «твердокаменная» невозмутимость определялась уже качеством того материала, из которого они были высечены. Студенты были не каменные. И потому их сочувствие и поддержка возникшей забастовке были исключительно единодушными. Даже в Путейском институте забастовка прошла огромным большинством. А у нас, в Электротехническом, за нее, к моему удивлению, дружно проголосовали даже лояльнейшие из наших связанных «присягой» студентов-бородачей.

Призванный через Алешу Сафонова в 1899 году к активной партийной работе в «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса», я совсем не должен был ввязываться в чисто студенческое движение. Но вышло как-то само собой, что я невзначай оказался и председателем всех сходок и бессменным делегатом института в общестуденческом «коалиционном комитете» на все время забастовки. Институт наш считался весьма отсталым. И чтобы поднять его на забастовку, «коалиционный комитет» делегировал к нам своего докладчика. Чтобы провести оратора мимо швейцара, мне пришлось его переодеть в свою студенческую форму, напялив на него свою шинель и фуражку. Будучи много ниже меня ростом, он весьма беспомощно болтался в этой огромной шинели с чужого плеча и выглядел из-под моей необъятной фуражки довольно «подозрительной личностью». Однако в те годы нам сходили с рук безнаказанно и не такие еще водевили с переодеванием. Иной раз даже на сходки к медичкам удачно проникал делегатом какой-нибудь длинноногий безусый студент и, путаясь в узких для него женских кофточках и юбках, произносил там зажигательные речи.

Приведенный к нам на сходку, в подвальную мастерскую института, оратор в чужой шинели имел очень неказистый вид. Но когда, открыв сходку, я предоставил слово делегату «коалиционного комитета» и он, вскочив на ближайший верстак вместо трибуны, начал говорить, он как-то сразу же преобразился на глазах всей аудитории. Обладая большим темпераментом и волнующей эмоциональной речью, этот незаурядный человек произвел на нашу подвальную аудиторию неотразимое впечатление. Она вся, как один человек, проголосовала за забастовку.

С течением времени, однако, любые речи забываются. Труднее было многим забыть о приближающихся экзаменах, к которым надо было срочно готовиться. Если верно, что дореволюционное студенчество являлось весьма чутким барометром общественных настроений, то во всяком случае придется признать, что этот слишком чувствительный инструмент достаточно сильно реагировал и на экзаменационные настроения. Прежде всего на явную перемену погоды в этом направлении склонилась, конечно, стрелка «барометра» путейских настроений. Студенты-путейцы созвали общее собрание делегатов от всех учебных заведений и поставили на нем во-

прос о ликвидации забастовки ребром. Заседание происходило в чьей-то роскошной частной квартире. Несомненно, с разрешения путейской дирекции института, а может быть, и с ведома полиции. На совещании помимо студентов присутствовали представители профессуры в лице всеми уважаемых академиков Бекетова и Фаминцына[22]. И сторонникам продолжения забастовки предстоял тяжелый и притом заведомо безнадежный бой. Но мы все же решили до конца отстаивать свои революционные позиции.

Это была трудная задача. Почтенные академики поставили перед нами весьма резонно такой вопрос:

— Какую цель вы ставите перед собой теперь, продолжая забастовку? Если вы стремились только привлечь на свою сторону общественное мнение в известном конфликте, то эта цель уже достигнута. Кроме того, назначение Ванновского позволяет вам закончить в данный момент вашу борьбу с известным удовлетворением ее результатами. Если же вы хотите достичь большего, то подумайте только, какими силами и оружием вы располагаете для этого? Не кажется ли вам, что учебная забастовка — это оружие, способное нанести гораздо больший ущерб науке, чем тем темным силам, какие меньше всего в ней заинтересованы?

Вслед за тем разгорелся уже и общий бой. Выступая один за другим — и за и против ликвидации забастовки, — ораторствующие делегаты в блестящем словесном турнире самих себя пытались превзойти в потоках красноречия. Но конечный результат этого петушиного боя горячившихся юных ораторов был уже заранее предрешен. Ликвидаторы, приводя яркие свидетельства упадка забастовочных настроений студенчества, спрашивали нас:

— Не лучше ли закончить затухающую забастовку организованно, чем ждать стихийного ее распада? Коечего мы все же добились. И чего еще вы добьетесь в дальнейшем, продолжая все тот же неразумный бойкот учебы? Не того ли, что в благословенном щедринском граде Глупове еще приумножится и без того немалое число выброшенных за борт дураков-недоучек?

— Не всякий недоучка — дурак... — кипятились мы в ответных репликах. — Если бойкот учебы даже под ударами нагаек не разумен, то не следовало его и начинать. Начатое же дело малодушно бросать на полдороге. В самом деле: чего вы добились? Чтобы для про-

верки действий одного бюрократа по ведомству просвещения был назначен другой? А какая у вас гарантия, что этот новый помпадур не для того назначен, чтобы, въехав на белом коне в храм науки, обратить его в казарму? Мы знаем, что стена самодержавия не рухнет подобно стенам Иерихона от одного лишь сотрясения воздуха нашими слабыми протестами. Но все же наш голос — не глас вопиющего в пустыне, ибо к нему прислушивается с участием вся страна. И продолжение нашей борьбы, чем бы она ни кончилась, может лишь расширить ту зловещую для царизма трещину между ним и народом, в которую ему суждено быть низвергнутым. И наконец, пойти сейчас с видом победителей на безоговорочную капитуляцию в борьбе не значит ли совершить предательство по отношению к тем сотням товарищей, которые уже доныне арестованы, высланы и вообще выброшены за забастовку из рядов студентов?

— А вы гарантируете, что продолжение забастовки не умножит в десятки раз число этих жертв? — возражали нам капитулянты.

Никто не располагал, конечно, такими гарантиями. А как показал вскоре опыт последующих студенческих волнений 1900 года на юге России, генерал Ванновский действительно получил свое назначение совсем не для того, чтобы умиротворять взволнованное студенческое море, устраняя причины таких волнений. Его задачей было, действуя привычными методами, внедрить и в высшей школе любой ценой такую же казарменную дисциплину, какая путем длительного мордобоя внедрялась в рядах темной и безответной солдатни старой царской армии. А средством к цели была избрана массовая сдача бастующих студентов для военной муштры в солдаты. По этому замыслу, чтобы со временем обратить все храмы науки в казармы, все части доблестной русской армии должны были предварительно выполнить не особо почетную роль дисциплинарных батальонов и арестантских рот для устрашения проштрафившихся студентов. Вышло же совсем не так, ибо, разослав в сотни полков бесстрашных пропагандистов и агитаторов, мудрый генерал, напротив, свои казармы превратил на время в школы революции.

Весной 1899 года мы не могли еще знать всего этого. Но исход нашей забастовки был уже ясен. Большинство делегатов проголосовало за ее ликвидацию. И на другой же день по этому сигналу студенческие

сходки повсюду еще дружнее, чем в начале забастовки, проголосовали за ее конец. На сходке, доложив решение вчерашнего делегатского собрания, я добавил от себя:

— Еще вчера я лично боролся, как умел, до конца и голосовал за продолжение забастовки. Но сегодня в интересах товарищеской дисциплины и солидарности, а также необходимой организованности нашего движения подчиняюсь сам и призываю вас всех сознательно подчиниться общему решению всего студенчества.

Этот призыв в нашем институте был, по-видимому, как нельзя более своевременным. Без лишних прений вся сходка и на этот раз вынесла единогласный вотум приступить к занятиям, и прямо со сходки все повалили из подвала в аудитории. На нашем курсе предстояла по расписанию лекция по топографии весьма популярного у нас профессора — генерала Нила Львовича Кирпичева. Через несколько минут он уже был в аудитории. Но, минуя кафедру, он вдруг направился прямо ко мне со следующими словами:

— Позвольте вас расцеловать, мой друг, за ваш призыв. Ваше поведение заслуживает всяческого признания. — И без дальнейших проволочек уважаемый профессор, несмотря на мое смущение, обнял меня перед лицом всей аудитории.

По-видимому, честный генерал столь оригинальным способом хотел лишь предупредить меня, что администрация института, и не присутствуя на наших сходках, прекрасно информирована о всех выступлениях и не замедлит, конечно, при первой же возможности, если не мытьем, так катаньем, выкатить-таки меня вон из института. Впрочем, я был и без того вполне подготовлен к такому исходу. Психологически мне было гораздо легче разделить участь других товарищей по движению, чем спасаться от нее в рядах мирно пасомых капитулянтов. Борьба за диплом меня и раньше не увлекала. А теперь, будучи уже членом подпольной партии, я и подавно должен был готовиться к очередному аресту или переходу на нелегальное житье по чужим паспортам. Мне, стало быть, вообще ни к чему не мог бы служить собственный диплом. И когда через несколько недель, как и следовало ожидать, меня выставили-таки из института, я принял это без всякого огорчения и изумления.

Участие в студенческой забастовке расширило мой революционный опыт. И я не жалел об участии в ней.

Хорошим приготовительным классом к будущей общественной деятельности она послужила и для многих других активных ее участников. Я припоминаю в числе ее участников будущего историка декабристов П. Е. Щеголева, публициста Н. И. Иорданского, Носаря-Хрусталева, кооператора А. С. Токарева[23]. Был и один анархист, студент-горняк, большой оригинал и комик Николай Романов. Пародируя своего коронованного тезку, он весьма охотно строчил под самыми едкими антиправительственными листовками в студенческой столовой свои резолюции:

«Прочел с удовольствием» или «Быть по сему». И расписывался:

«Неизменно благосклонный и благодарный
Николай Романов».

Студенты, узнавая всем знакомый царственный стиль этих резолюций, много смеялись по их поводу. Но сам Николай II, совершенно лишенный чувства юмора, не способен был оценить по достоинству комического таланта своего тезки. И этот талант, насколько мне известно, в конце концов таки сложил свою буйную голову в качестве страшнейшего «государственного преступника» против царизма.

Впрочем, в царской России подобная же участь висела вечной угрозой над каждым большим талантом, сковывая его свободное развитие [...]

НА РАБОЧЕМ ФРОНТЕ

Вернувшись в Петербург по отбытии солдатчины, я узнал о больших провалах в рядах нашей партийной организации весной 1900 года. Нужно было восстановить растерянные связи в рабочих кварталах, заменить арестованных товарищей свежими пополнениями пропагандистов и агитаторов. Студенческая учеба в связи с такими задачами уже не шла на ум. Хотя на всякий случай я все-таки поступил по конкурсу аттестатов студентом на 1-й курс Лесного института. Через левое студенчество этого института легче всего было восстановить и порванные связи с «Союзом борьбы». Привлекала сюда и богатая студенческая библиотека запретной литературы, и дешевая институтская столовая, и возможность поселиться со временем в студенческом общежитии, заполучив стипендию. Из членов «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» я застал в

Лесном институте помимо своего земляка И. П. Щеглова студентов-лесников А. С. Токарева, А. Э. Рериха, М. Н. Семенова, Д. М. Зайцева, М. В. Смидовича (брата В. В. Вересаева), А. Щепетьева и некоторых других [24]. Вся эта молодежь вошла в ряды членов «Союза борьбы», по-видимому, только после студенческой забастовки 1899 года. Из более старых его членов после недавних провалов оставалось немного. Наш земляк А. П. Сафонов по какой-то неясной для нас причине еще накануне массовых арестов весной 1900 года застрелился [25]. Другой его товарищ по «Союзу борьбы» — Е. Ф. Дюбюк, окончив Лесной институт, выбыл из С.-Петербурга. Из более известных ветеранов революции в то время в «Союзе борьбы» работал Петр Гермогенович Смидович. В Питере он проживал нелегально, по бельгийскому паспорту. У меня до ареста были с ним две или три деловые встречи [26].

Обстановка была нелегкая, сказывалось отсутствие опытного руководства. Но это никого из нас не обескураживало. Довольно скоро мне удалось сорганизовать целую группу пропагандистов. Из земляков-скопинцев кроме меня в нее сразу же вошли студенты-технологи Е. М. Тарасов, Н. П. Казимиров и А. А. Фогельман, горняк С. В. Константинов и курсистка с курсов Лесгафта А. Ф. Фессалоницкая. Из других землячеств по мере умножения рабочих кружков пришлось привлечь вскоре в нашу группу пропагандистов еще двух студентов-электриков — С. Д. Мавромати и В. Черданцева, двух горняков и одного путейца. Связи с рабочими были быстро восстановлены. С их помощью удалось сорганизовать свыше дюжины кружков рабочей молодежи за Нарвской и за Московской заставами и на Шлиссельбургском тракте.

Во всех кружках нашей группы было около сотни рабочих, главным образом текстильщиков и металлистов. Был один кружок и на механической фабрике «Скороход». Посещали мы свои кружки каждый не реже одного-двух раз в неделю, чаще всего по субботам, и усердно готовились к очередным собеседованиям [27].

В интересах конспирации каждый из пропагандистов известен был своим слушателям только под вымышленной кличкой или псевдонимом. В частности, я появлялся за Нарвской заставой под именем Захара Степановича или просто Захара. Чтобы не привести в кружок шпика или не увести его за собой оттуда, тоже требо-

валось немало предосторожностей. В студенческой форме рискованно было появляться в рабочих кварталах, где на каждом углу вас подстерегало недремлющее око какого-нибудь полицейского следопыта. А пробираясь к себе домой на студенческую квартиру в рабочем костюме, легко было возбудить подозрение дворников, ибо дворники тоже находились обычно в теснейшем контакте с полицией. Приходилось поэтому каждый раз переоблачаться из студента в рабочего и обратно не у себя дома, а у кого-нибудь из товарищей — на полдороге между студенческой обителью и рабочей окраиной, где нас не знал в лицо ни один дворник. Но и этого было мало. Шпион все же мог где-либо увязаться. Надо было вовремя это заметить и суметь его «потерять». Часто оглядываясь назад, можно было привлечь на себя внимание и таких шпионов, которые без этого и не подумали бы следить за вами. Но, остановившись у какой-либо витрины и якобы изучая выставку в окне, можно было совсем незаметно понаблюдать и за всеми, следующими за вами. Чтобы «потерять» шпика, мы чаще всего пользовались известными нам проходными дворами с выходами на разные улицы. Зайдешь в подъезд такого дома, шпик, как легавая, сделает здесь обычную стойку в ожидании обратного выхода «клиента» из того же подъезда, — а он давно на другой улице продолжает свой путь.

В предвидении неизбежных обысков никому из нас не рекомендовалось хранить в комнате или в карманах какие-либо запретные книжки или записи. Все партийные явки, адреса и пароли полагалось заучивать наизусть, без записи. И только в крайнем случае допускалось записывать их условным шифром на тонкой бумажке, чтобы сразу же ее проглотить в случае опасности. Неприкосновенность частной переписки в царской России ничем не гарантировалась. И жандармы еще бесцеремоннее, чем гоголевский почтмейстер Шпекин, совали свой нос в чужие письма. А потому в партийной переписке утвердилась следующая практика. Секретные записи в письме делались между строк невинного содержания — для жандармов — специальными «чернилами», не оставляющими на бумаге никаких видимых следов. Такими «чернилами» могли служить, например, столь же белое, как и бумага, молоко или же совершенно прозрачный лимонный сок. Чтобы прочесть такие письма-невидимки, их только стоило слегка подогреть

над лампой, и они становились видимыми. Разумеется, все наиболее интересные для жандармов сведения даже в таких невидимых строках осторожности ради записывались шифром. В нашей группе был в ходу между прочим такой весьма элементарный метод шифровки. Ключом к шифру избиралось какое-нибудь слово, например, «Халтурин». Выписав это слово один или два раза акростихом по вертикали и продолжив каждую строку следующими буквами в порядке алфавита по горизонтали, мы получали в квадрате 9×9=81 букву алфавита, годную для любой шифровки. Каждая буква в этом квадрате обозначается двузначной цифрой, указывающей ее место в горизонтальном и вертикальном рядах [...]

Нынешнему поколению нашей революционной молодежи уже ни к чему эта забытая наука конспирации, которой мы обучались на горьком опыте своих ошибок. Но быт революционного подполья, в котором борцы против старого мира всегда чувствовали себя выслеживаемой псами дичью, представляет несомненный интерес именно для молодежи.

Помимо «Союза борьбы» в Питере в 1900 году на моей памяти подвизалось и несколько других социал-демократических групп. Наибольшей известностью из них пользовалась группа «Рабочего знамени», издававшая в 1898—1901 годах газету того же названия под претенциозным титулом «Русской социал-демократической партии» (А. А. Сольц и др.) [28]. Кроме того, начали выходить брошюры группы «Рабочей библиотеки» (М. И. Бройдо) [29]. Образовалась еще так называемая «Группа 20-ти» или «Социалист» (Б. Савинков) [30]. Все это были, по-видимому, преимущественно литературно-интеллигентские группы, слабо связанные с рабочими низами. Но в политическом отношении они были настроены значительно левее оппортунистов «Рабочей мысли», издававшейся за границей. Впрочем, под влиянием промышленного кризиса заметное полевение чувствовалось в этом году и в рабочих низах столицы, а вместе с тем и у части недавних идеологов «экономизма». Осенью 1900 года у меня был не один случай убедиться в этом в дискуссиях с товарищами по организации. Между прочим, мною тогда же был написан специальный доклад на тему о влиянии экономических кризисов на революционное движение. Основываясь на опыте рабочего движения в России за последний год и

уроках истории европейского революционного движения прежних лет, я доказывал не только возможность, но и неизбежность активизации политических форм рабочего движения в России на ближайшие годы кризиса и депрессии. И должен заметить, что этот доклад, вопреки моим ожиданиям, был заслушан рядом товарищей из «Союза борьбы», в числе которых был и П. Г. Смидович, с интересом и заметным сочувствием.

Еще большее сочувствие аналогичное выступление встретило на одной многолюдной нелегальной вечеринке в декабре 1900 года. Эта вечеринка была организована в память декабристов на квартире профессора Горного института Н. Н. Митинского. На ней присутствовали представители всех левых групп и течений. Мне случилось попасть на эту вечеринку с некоторым опозданием, после очередных занятий в кружке за Нарвской заставой, откуда я захватил одного из своих слушателей. Вечеринка была в полном разгаре. Говорили о необходимости известной координации усилий разных групп и течений. Взяв слово, я поддержал мысль о вредности того идейного разнобоя, который наблюдался тогда даже в марксистских группах, обслуживающих рабочее движение, в особенности учитывая неизбежную его активизацию в новых политических формах в связи с наступившим кризисом и последующей депрессией. Развив эту идею в духе ранее написанного на эту тему доклада, я встретил ее одобрение с разных сторон. Но особенный интерес она вызвала со стороны присутствовавшего на вечеринке будущего лидера либеральной буржуазии П. Н. Милюкова. В борьбе с самодержавием в те годы даже передовая буржуазия готова была еще приветствовать революционный пролетариат. И Милюков усердно строчил что-то в своей записной книжке [31].

Однако живейший интерес к вечеринке, несмотря на все предосторожности ее устроителей, проявила и непрошеная, но вездесущая агентура охранки. Не знаю, удостоилось ли ее записей и мое выступление [32]. Во всяком случае несколько месяцев спустя, будучи уже в Предварилке, я в числе соседей по заключению обрел немало участников декабрьской вечеринки.

Выступая в рабочих кружках в роли пропагандистов, нам приходилось по-разному строить свои беседы, применительно к различному культурному уровню рабочих этих кружков. Кружок рабочих Путиловского завода

требовал, например, совсем иной духовной пищи, чем кружок ткачей мануфактуры Воронина (с изрядной прослойкой недавних выходцев из деревни). Но общее представление о характере бесед нетрудно составить хотя бы по тем печатным их следам, какие нам известны. В частности, из бесед того времени в рабочем подполье мне удалось опубликовать не одну, а ряд популярных брошюр, выпущенных в свет в результате временного паралича царской цензуры после бурных событий 1905 года. Присматриваясь теперь к их содержанию, я вижу, что очерк «Богатство и труд», рассчитанный на передовые кадры рабочих, труднее для усвоения, чем беседы о «забастовщиках», про землю и социализм, доступные и наименее подготовленным кругам деревенской бедноты. Но, насыщенные фактами и цифрами, эти беседы в обоих случаях одинаково обращаются не к чувствам, а к разуму аудитории и стремятся прежде всего просветить ее и вооружить конкретными знаниями, давая ей известный минимум политических истин и экономических понятий и пробуждая тем самым ее классовое самосознание. Ни в одной культурной стране подобная просветительная работа не могла бы считаться запретной. А между тем в царской России даже столь скромная общественная деятельность возможна была только в условиях подполья и влекла за собой самые суровые репрессии.

Это была скромная, но отнюдь не легкая работа. У рабочих мы встречали огромную жажду знаний в самых различных направлениях. И в наших беседах они то и дело отвлекали пропагандиста от очередной политической темы вопросами, возвращающими его от Маркса к Дарвину, Копернику и еще дальше. Вопросы мироздания, происхождения человека и возникновения жизни на земле интересовали их не менее живо, чем, скажем, проблема 8-часового рабочего дня, в которой они, кстати сказать, гораздо легче разбирались. Но на пути к познанию наук о природе стояли закрепленные авторитетом церкви перлы библейского невежества. Против Коперника и Дарвина свидетельствовал сам бог устами Моисея. И в интересах истины приходилось брать под обстрел эти свидетельства. Делать это, однако, было нужно с крайней осмотрительностью, щадя понятные чувства глубоко верующих людей. Вот почему в беседах и брошюре на эту тему я начинал прежде всего с пропаганды веротерпимости и равноправия всех

вероучений в защите своих религиозных убеждений. Сталкивая затем между собой противоречивые учения разных религий и сект, я, только показав всю относительность и спорность этих учений, предоставлял слово и принципиальному противнику всяких религий. В рабочей среде я, впрочем, не встречал особых ревнителей церкви. Но тем крепче была приверженность к ней в деревне. И с этим приходилось серьезнейшим образом считаться.

Можно спросить себя: а много ли толку рабочему движению в России могла принести нелегкая работа подобных мне подпольных пропагандистов? И придется, конечно, ответить: очень немного. В век ротационной печати устная пропаганда подпольщика подобна беспомощному кустарю, соперничающему с фабрикой. И гений Ленина, решившего подпольную партию строить на базе свободного печатного станка и многотиражной газеты, вполне оправдался ходом истории. Что могла тогда дать работа нашего брата-пропагандиста? Проведешь десяток занятий в кружке с десятком рабочих, едва заронив в них искорку света, и глядишь, вас поглотила на целые годы тюрьма и ссылка. И не видно никаких следов твоей работы. А между тем за один 1905 год, когда при содействии печатного станка мои старые подпольные «беседы» стали вдруг доступными десяткам тысяч рабочих, это заменило работу тысяч пропагандистов. Правда, это уже было эффектом революции. И все же без тех рассеянных нами повсюду партийных искорок, из которых возгорелось пламя генеральных забастовок 1905 года, не было бы и революции.

Посещения подпольных кружков один-два раза в неделю не мешали, конечно, ни нашей собственной учебе, ни другим занятиям. В частности, в декабре 1900 года производилась в С.-Петербурге очередная перепись городского населения, для которой требовалось много регистраторов. Принять в ней участие для более широкого ознакомления с рабочим бытом столицы показалось нам весьма интересным. Одним из участков переписи, кстати сказать, должен был руководить Петр Павлович Маслов, уже тогда известный экономист, а впоследствии — советский академик[33]. Будучи раньше с ним знаком по разным околопартийным поручениям, я предложил ему обслужить весь его участок регистраторами нашей группы пропагандистов, на что он очень

охотно согласился. Программа переписи нас не вполне устраивала. Она задавалась, например, вопросом: имеет ли опрашиваемый «доход с капитала или земли», но вовсе не интересовалась заработком рабочих и условиями их труда и быта. Однако в этой части мы решили сами ее расширить, наметили сообща ряд интересующих нас вопросов и, собрав в пределах участка за Нарвской заставой большое число на них ответов, передали весь этот дополнительный материал для специальной сводки и обработки все тому же П. П. Маслову. У меня лично доныне еще сохранились некоторые заметки из тогдашних наблюдений регистратора. И, на мой взгляд, они и сейчас не потеряли своего интереса.

На мою долю достался участок человек в 300, населенный почти исключительно рабочими. Работы предстояло немало, ибо народ был здесь не шибко грамотный. Но зато не предстояло никаких огорчений, столь обычных для счетчиков в более аристократических кварталах. В барской квартире нельзя было, например, спросить по-простецки: «Сколько в вашей квартире проживает людей?» или «Сколько у вас здесь числится народу?» Ибо здесь на подобный «неуместный» вопрос вы могли услышать весьма колкий ответ:

— О людях спросите на кухне, а народ ищите на толкучке. Здесь же проживают господа Выродовы или, скажем, Дурасовы или Безобразовы или еще кто-либо из носителей столь же «благородных» и «благозвучных» фамилий.

Еще больше благородного возмущения, по рассказам товарищей, вызывал в богатых квартирах вопрос анкеты о доходах «от капитала или земли».

— Кому какое дело до моих капиталов? — возмущалась, например, одна барынька. — Эдак вы еще в карман ко мне залезете.

И, заявив категорически, что подобные вопросы она считает «прямо-таки неделикатными», эта особа без дальнейших церемоний отправила счетчика «за всеми сведениями» к дворнику, наказав тут же швейцару «не пускать сюда больше этих... с портфелями».

В рабочих каморках не угрожала такая опасность. Рабочие квартирки от чердаков до подвалов населены были чрезвычайно густо. В каждой из них ютилось в 2—3 каморках, включая «угловых» жильцов, человек по 20 и больше. А в одной из них помещалось даже 80 извозчиков зараз. Размещались они на нарах в два

этажа, чередуясь по 40 человек в дневной и ночной сменах. Но и в этой весьма сгущенной атмосфере, в которой и топор мог бы повиснуть, встречали нас очень приветливо и охотно беседовали по всем вопросам программы переписи, а еще охотнее, выходя за ее пределы. Правда, наилучшим успехом пользовался все тот же вопрос о доходах от капитала и земли. Но здесь он вызывал не гнев, а лишь взрывы неподдельного веселья всей пролетарской аудитории.

— А вот и Афоня-капиталист привалил с работы,— радостно встречали уже опрошенные «капиталисты» какого-нибудь вновь вошедшего своего сочлена.

— Ха-ха-ха! Хе-хе-хе! Хо-хо-хо! — дружно хохотали все вокруг.

— У него капиталов не оберешься.

— И от земли у него доходу — девать некуда.

— Оттого, вишь, он и сбежал к нам сюда из деревни, — слышится со всех сторон.

— Хи-хи-хи! — заливается вдруг вслед за другими и сам Афоня, чумазый мальчишка лет 16, работающий уже четыре года «на задах» при мюль-машине и вырабатывающий в месяц рублей десять «доходу». Больно он смешон сам себе в роли «капиталиста».

— Гляди-ко, а вот и еще один капиталист ползет,— замечает вдруг кто-то, и вся артель со смехом оборачивается к двери. Но смех при виде новоприбывшего на минуту смолкает.

Вид у прибывшего «капиталиста» — слишком жалкий. Это дряхлый старик 76 лет, сгорбленный, оборванный и худой, с трясущейся седой головой, длинной, почти по пояс бородой и слезящимися глазами. Из опроса узнаю, что Клементьев — бывший солдат из безземельных крестьян — работает уже 25 лет в столице, в том числе 13 лет на шоколадной фабрике Конради, где зарабатывает 19 рублей в месяц, на каковой «доход» от своих старых костей и содержит и себя и слепую на один глаз жену свою, старуху 80 лет. Из завязавшейся беседы узнаю далее, что Клементьев запоздал с работы не случайно. К празднику, видите ли, повышается спрос на конфеты, и на фабрике в это горячее время все рабочие под угрозой расчета вынуждаются ежедневно работать по 2—3 часа сверхурочно, да и в праздники до обеда. И все это без всякой доплаты к месячному окладу!.. Если не считать лишь «наградных» к празднику один раз в год — по 8 рублей на брата. Безропотный

старик не жаловался на свою судьбу, но вопиющие факты сами говорили за себя.

И таких фактов прошло перед нами немало за дни переписи. По общему впечатлению, питерские рабочие в среднем жили значительно лучше и культурнее других, и не случайно тянулись они сюда из деревни. Но тем показательнее были отклонения от этой средней нормы. Связь с землей у некоторых рабочих лишь ухудшала их положение. О доходе от земли им и думать обычно не приходилось.

— Есть у меня землица, это верно, — объяснял мне один из таких мнимых рантье.— Да безлошадный, вишь, я. Нечем ее уколупнуть. В аренду тоже не берут, больно плоха земля-то. Давал придачу к наделу и двадцать и тридцать рублей — не берут. А подати платишь. Рублей восемьдесят каждый год пошлешь. Вот те и весь «доход» [34].

Но и в городе, на фабрике, труд таких выходцев из деревни обычно по-нищенски оплачивался. В одной артели ткачей с Митрофаньевской мануфактуры, где им платили от 12 до 15 рублей в месяц, я спросил было, как же они живут на такие заработки.

— По-всякому бывает, — объяснил откровенно один бедовый парнюга. — Бывает, что только тем и спасешься, что либо стрельнешь где, что плохо лежит, либо милостынькой подкормишься. Да и то сказать, как жрать станет нечего за неделю до получки, не поститься же святым угодником. Вот пойдешь после гудка и постреляешь малость.

По этой лесенке подсобных «промыслов» можно глубоко скатиться. При переписи ночлежки, где в 1900 году было особенно много безработных, выброшенных на улицу кризисом, некоторые ночлежники на вопрос о занятиях уже совершенно откровенно, без всякой ложной скромности объявляли свою профессию: вор, дескать, я. Другие именовали себя: «Стрелок его величества». А некоторые требовали от нас записать не только их профессию, но и специальность.

— Пиши, вор я, домушник, а не какая-нибудь там шантрапа вроде ширмушника (карманщика).

Женщинам-работницам, в особенности в годы кризиса, приходилось иной раз прибегать к «подсобным промыслам» и похуже. Помню одну еще моложавую резинщицу с «Треугольника», которая на мой вопрос о семейном состоянии с краской в лице ответила мне:

— Девица...

Не знаю, могла бы ли эта девица получить премию за добродетель. Но знаю, что у нее были мозолистые руки, двое детей и мать-старуха на иждивении, а зарабатывала она всего-навсего 12 рублей в месяц. И думаю, что трудно было бы о ней судить с точки зрения суровой морали.

Экономика вообще способна существенно влиять на наши суждения о нравах. Благодаря участию в переписи я убедился, что в рабочей среде столицы брачные узы уже до революции очень нередко обходились без всяких церковных обрядов. И это никого не шокировало. Объяснение этому факту один из опрошенных рабочих дал очень простое.

— Хотел было и я венчаться. Да поп меньше двадцати пяти рублей за венец не берет. А я и всего-то зарабатывал в месяц не больше. Попу отдать, так целый месяц не жрамши работать придется. А запасы у нас какие? И в кредит никто не даст. Так вот и обошлись без попа. А живем вот уже лет пятнадцать дружнее венчанных.

Эта перепись была первым моим дебютом в области статистики. Позже мне привелось много лет поработать на этом поприще, по преимуществу по проблемам труда и быта советских рабочих.

Но, памятуя первый опыт, думаю, что призвание статистика не в том, чтобы без труда облекать закон больших чисел в абстрактные формулы Чебышева [35], извлекая из них все возможные выводы, а в том, чтобы за безмолвными рядами сухих цифр ясно слышать отклики жизни, воочию видеть живых людей и глубоко проникнуть в общественные их отношения. Этот опыт мне дал очень много для познания и сближения с рабочей средой. И долго еще при взгляде в возрастную таблицу рабочих, если в ней бывала заполнена графа «свыше 70 лет», я снова за цифрами видел трясущуюся голову и слезящиеся глаза старого Клементьева. И я сам готов был бы уронить слезу над его судьбой, если бы меня не охватывал яростный гнев на ту систему труда, жертвой которой становились тысячи Клементьевых [...]

10 Зак. № 122

С. Н. Сулимов

ВОСПОМИНАНИЯ ОБУХОВЦА (1900—1903 ГОДЫ)

Осенью 1899 года мой отец, уезжая из Питера с инженером на Брянские рудники, послал меня с письмом этого инженера на Обуховский завод к мастеру молотовой мастерской, которого просил устроить меня на работу для самостоятельной жизни. Проходя по заводу, я сильно оробел, увидев гиганты — морские орудия, перевозившиеся по двору из одной мастерской в другую. Со всех сторон дым, пар, грохот железа, свист паровозов, до тех пор не виданных мною. Страх охватил меня, когда я проходил по громадной молотовой мастерской, отыскивая мастера, к которому нес письмо. Красные болванки в несколько обхватов, в тысячи пудов весом, подвозились маленькими паровозами под гигантские молоты и прессы, которые мерными ударами и обжимами придавали этим болванкам форму. По бокам маленькие молоты и наковальни, сотни черных рабочих копошатся как муравьи вокруг с клещами и молотками. Всюду раскаленная сталь в разных формах. Темная мастерская освещается факелами, кузнечными горнами и раскаленным металлом. Кругом дым и пар. Сверху капает вода. Визг цепей, сигнальные свистки. Сильные удары 30-тонного молота, от которых вся мастерская вздрагивает, — какой-то кошмар!

Мастер определил меня в лафетную чертежную учеником. Рядом со мной работал Сергей Павлович Медведев — угрюмый, неразговорчивый юноша. Он знакомил меня с заводом, водя в обеденное время по мастер-

ским и объясняя производство. В чертежную постоянно приходили из мастерских рабочие за разъяснениями. Мы тоже часто бывали в мастерских по техническим вопросам. Довольно скоро я сблизился с ними, и меня стали считать своим. Большинство рабочих нашего завода были народ высококвалифицированный, интеллигентный, начитанный. Особенно выделялись слесаря замочной мастерской, где работа была особенно точной и чистой. Эта мастерская была всегда впереди и среди остальных цехов играла руководящую роль. Да и начальство ее побаивалось. Помню, как сейчас, Костю Иванова (расстрелян за Кронштадтское восстание в июне 1906 года) [1], Александрова, Мельникова, Гаврилова (за Обуховскую оборону ушел на каторгу), побывавших за границей. Их называли у нас «заводиловка», так как при всяких столкновениях с начальством они были впереди и отстаивали права рабочих. Всюду шли разные разговоры о книгах, театре, политике. Я был неуч в буквальном смысле слова — ничего не понимал, и приходилось стоять в стороне и хлопать ушами. Это меня сильно нервировало, и я постепенно начал читать все, что попадало под руку. Один из первых моих товарищей Игнатий Александров начал мне советовать, какие читать книги из библиотеки для администрации. Он был знаком с библиотекаршей и устроил мне получение книг. Библиотека же для рабочих была неинтересная. Все мало-мальски способное будить мысль было запрещено. Игнатий — культурник по существу — был не чужд и политических вопросов, но, трусоватый от природы, не хотел «влезать в политику», так как политиков «сажали» и с завода гнали. Он подбирал для меня писателей и темы, которые могли меня заинтересовать. Гарин, Шеллер-Михайлов, Тургенев, Гончаров, Достоевский, Шпильгаген, Золя, Диккенс, Ауэрбах, Сеньобос (История Европы), Сенкевич, Толстой и прочие глотались мною, что называется, «на ходу».

Кругозор мой благодаря чтению сильно расширился. Я с жадностью набрасывался на литературу по Французской революции, рассказы и повести о восстаниях рабов и крестьян. Теперь я уже стал смелее в обществе товарищей, принимал участие в разговорах и спорах.

Весной следующего года я стал замечать, что среди рабочих по рукам ходят какие-то листки, которые читались потихоньку, с оглядкой. Затем рабочие шептались между собой и что-то от нас, мальчишек, скрывали.

Как я ни допытывался, ничего узнать не удалось. Только в конце апреля С. П. Медведев дал мне первомайский листок, засаленный до такой степени, что я его еле прочитал. В нем петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» разъяснял рабочим значение международного праздника и призывал питерских рабочих также принять участие в его праздновании [2]. Мысль, что 1 Мая будет праздник рабочих и что его будут праздновать потихоньку и скрытно, меня страшно будоражила. Да и не меня одного — все товарищи кругом были как-то необычно настроены и возбуждены.

Наступило 1 Мая. Я весь настороже. Приглядываюсь ко всему окружающему — завод работал так же, как и всегда, но (быть может, это было мое воображение) мне казалось, что все рабочие как-то особенно, по-праздничному и серьезно настроены. Вечером на улицах было гуляющих гораздо больше, чем всегда, чисто одетых, чего по будням не бывало, пьяных меньше, не слышно разухабистых песен и не видать драк, что обычно являлось принадлежностью нашей улицы и без чего она выглядела совсем по-другому [3].

Осенью я решил поступить на вечерние курсы Императорского технического общества при заводе [4], так как, не имея теоретических знаний, я не мог выполнять ответственных работ по конструкциям. Необходимо отметить громаднейшее значение этих вечерних курсов для петербургского движения. Там мы учились ненавидеть царский режим, узнавали друг друга, сплачивались, наши глаза открывались. Преподавательский персонал курсов был в большинстве своем — передовая интеллигенция Питера, среди которой были и так называемые «легальные марксисты» [5]. Здесь они связывались с нами, организовывали кружки [6], занимались с нами, передавая эти кружки в организацию. На курсах устраивались явки, передавалась литература...

Помимо чисто специальных знаний нам преподавали историю русской литературы, историю общественного движения в Европе и России и вкратце знакомили с пониманием учения Маркса. Помню, как сейчас, старуху Щепкину, ярко и образно рассказывающую нам Белинского, Герцена, Чернышевского; Кувшинскую, разъясняющую нам порядки в Англии, жизнь рабочих в Новой Зеландии; Домантович [7], читавшую лекции о восстании декабристов, Гоголевских временах, Тургеневе, Успенском, Чехове; Русанову Е. Н., на лекциях по гео-

графии рассказывающую нам о промышленном капитализме, об эксплуатации рабочих и стачках. На лекциях по химии инженер-химик читал нам лекции о химике Лавуазье, погибшем во время Французской революции, причем на «чистую» химию тратилось времени в каждую лекцию минут 15—20, остальные ½ часа рассказывалось о самой революции. Даже на лекциях по математике лектор рассказывал нам про народовольцев, Александров II и III, Николая, Ходынку и стачку иваново-вознесенских рабочих [8]. Иногда мы узнавали, что вместо такой-то учительницы будет ездить другая, так как эту «взяли». Это слово — «взяли» — всегда действовало на нас — росла ненависть к полиции, царю и его присным. Много времени прошло с тех пор, но как сейчас вижу своих первых учителей, давших толчок и направивших мысль нашу в определенное русло [...]

В конце января и в феврале т. Щекин [9] доложил нам, что среди питерских товарищей в разных районах возникла мысль устроить в городе на Невском рабочую демонстрацию и что студенты выступят тоже. Как раз в январе были студенческие беспорядки, и мы с завистью смотрели на каждого студента, видя в нем смелого борца с начальством за свою свободу, нас инстинктивно тянуло к ним. Далее Щекин сообщил, что необходимо этот вопрос обсудить и вынести наше мнение. Некоторые товарищи высказывались против демонстрации из боязни, что она не удастся и что полиция разрушит нашу организацию. Другие вместе с Марией Петровной [10] убеждали, что надо же в конце концов попытать свои силы и показать самодержавию, что рабочие тоже начинают понимать, с кем надо бороться, и громко заявляют свои требования на главной улице царской столицы. Интересно было мнение т. Портянкина, старика молотобойца, который сказал, что если наша организация и будет разгромлена, движения никак не остановить, и если мы, ничего не сделавши для освобождения рабочих, будем заполнять собою питерские тюрьмы, то в этом есть тоже часть общего дела, ибо своей массой задавим и суд и жандармов, давая этим самым действительным борцам дольше работать на воле. В конце концов все, кроме Оглоблина, высказались за участие в демонстрации. Последующие собрания были посвящены технической стороне нашего участия; было решено, что в город пойдут на демонстрацию не все члены кружка. Два человека должны были

остаться дома на случай провала для связи. Остался я в числе двух и был выбран заместителем т. Щекина, который через несколько дней свел меня с другими товарищами, представителями других кружков; я встретил многих товарищей-курсантов. Тут я увидел, какое значение имела для роста нашей организации Обуховская оборона. Собрание состояло из представителей кружков в количестве 18 человек, по числу которых я и определил количество кружков на заводе — для этого времени очень большое. Представителем всех заводских кружков был Михаил Щекин. На собрании был интеллигент из города по имени Сергей Иванович, высокий, худой, блондин, с признаками чахотки. Из заводских товарищей были П. Синицын, М. Морозов[11], Ваня Карпов, Африканов, Евдокимов, Петухов, Соловьев, И. Калинин, М. Гвоздев, фамилии многих не помню. Собрание было устроено для взаимного знакомства. На нем обсуждались организационные вопросы, были выборы кассира, зав. библиотекой и складом, кому хранить заводскую печать; намечались квартиры для будущих собраний, был выработан план разброски листков-призывов к демонстрации, назначенной на 3 марта, каждый товарищ получил квартал или мастерскую и должен был руководить распространением листков, причем к распространению должны быть привлечены товарищи внекружковые, имеющиеся у каждого из нас. Члены же кружков должны были следить, чтобы листки разбрасывались равномерно по всей площади, причем сначала должны заполнить коридоры домов, лестницы, замочные скважины, затем расклеить на стенках и в следующую ночь уже разбросать по улицам. Несмотря на то, что никаких речей на этом собрании не произносилось, оно носило глубоко торжественный характер, все были возбуждены и чувствовалась сила и уверенность. Перед концом собрания Сергей Иванович сказал несколько слов о том, что ему, старому революционеру, особенно радостно видеть свежую молодую армию, идущую на смену. «Не будем закрывать глаз, — сказал он, — что демонстрация будет разбита и большинство из нас попадет в цепкие когти охранки. Вы останетесь одни на заводе, и вам придется самим продолжать трудное дело, воспитывать, руководить и строить все шире и глубже нашу рабочую организацию, черпайте силы друг в друге, не поддавайтесь унынию в случае поражения, ибо каждое наше поражение есть уже победа в

деле пробуждения рабочих». Попрощался с нами и ушел. Позднее я узнал, что Сергея Ивановича взяли после демонстрации, долго держали, выслали в Сибирь, где он и умер от чахотки. Товарищи обуховцы, помните ли вы Сергея Ивановича?

За несколько дней ездили в город за листовками — привезли очень много в корзинах и на себе. Листки были двух сортов: одни красные, большие, объясняющие причины демонстрации, за подписями нескольких питерских организаций — «Союза борьбы», студентов, гимназистов; другие — маленькие, белые, в которых коротко сообщалось, что рабочие приглашаются 3 марта в 12 часов дня к Казанскому собору для открытого заявления о нашей борьбе с царским самодержавием, о своей солидарности с передовым отрядом интеллигенции. Начались аресты. У нас на заводе взяли Мантомова, Затонского и др. Нашу кружковую пропагандистку Марию Петровну взяли в городе. Несмотря на аресты, за два-три дня до демонстрации листки были распространены по всей территории завода. Не было места, где бы не находили воззваний. Пошли разговоры.

Более смелые говорили, что едут в воскресенье в город бить полицию. Знаменательно то, что все разговоры и обсуждения велись исключительно среди рабочих-массовиков, мы, организованные, в них никакого участия не принимали, так как не имели права навлекать на себя подозрение шпиков. Накануне при встречах с товарищами мы прощались навсегда. Каждый знал, что вряд ли вернется обратно. Обидно было, что ты остаешься и не можешь сам быть вместе со всеми.

Рано утром на конку потянулось много рабочих. Конка была переполнена, чего в праздники не бывало. Встречаясь на улице с товарищами, мы проходили мимо, не подавая вида, что знаем друг друга. Весь день улицы нашего завода были малолюдны — все были в городе... К вечеру стали возвращаться. Встретил Щекина и Морозова, которые рассказали, что демонстрация вышла внушительной, рабочих было больше, чем студентов. Все время развевались красные знамена, пели «Марсельезу» и «Варшавянку», были схватки с полицией. Многих арестовали[12]. Из наших взяли Ваню Машистова из пушечной мастерской и отняли у него знамя [...]

В. И. Пернафорт

7 МАЯ 1901 ГОДА НА ОБУХОВСКОМ ЗАВОДЕ

Тяжело было материальное положение рабочих Обуховского завода. Низкая оплата труда неквалифицированных рабочих, как-то: чернорабочих, крановщиков и других, получавших в месяц около 15 рублей. В то время даже машинисты получали от 70 до 80 копеек в день. Ко всему этому надо еще прибавить грубое отношение как высшей, так и низшей администрации. Особенно отличались помощник начальника Иванов, он же «Маргаритка», прозванный так рабочими, мастер минной мастерской М. М. Канакотин и его помощник Адам Брейдо, Брунк, Молотов и Бухей — отец и сын — из ремонтных мастерских. Квартирные условия тоже оставляли желать лучшего. Квартиры, заселенные чернорабочими и крановщиками (Троицкий переулок и «Корабли»[1]), были переполнены народом всех возрастов. В небольших комнатах помещались 3—4 семейства. Люди жили, как животные. Жилищная обстановка их состояла из самодельной кровати, пары досок на подставках, табурета и одного стола на все семейство, живущее в комнате. Везде в таких квартирах можно было видеть кучу детей грязных, немытых. Все, вместе взятое, раздражало рабочих и вызывало справедливое негодование. Культурных очагов в виде рабочего клуба или библиотеки-читальни тогда почти не было. Было в то время на территории завода здание одноэтажное, в котором с разрешения заводской администрации устраивались часто рабочими свадебные балы и иногда наш присяжный лектор — заведующий минной мастерской, инженер-технолог Павел

Николаевич Сильверсван — читал лекции с туманными картинами о строении земного шара или еще что-либо другое. Иногда, а это бывало в рождественские каникулы или на масленой неделе, заведующая вечерними классами для рабочих в селе Александровском (помещались в земской школе у Лесной деревни) Евгения Валентиновна и Григорий Михайлович Григорьев (физик), заранее подготовив с учениками старшего технического класса (Краснов, Аранович, Петров, Поляков, Константин Иванов и др.), читали нам по ролям в этом зале произведения Грибоедова «Горе от ума», Гоголя «Ревизор», «Женитьба» или «Как Иван Иванович поссорился с Иваном Никифоровичем». И это было единственное наше разумное развлечение.

Были еще вечерние курсы для рабочих. Школа стала завоевывать симпатии среди рабочих села Александровского. При записи на прием в школу осенью половине желающих приходилось отказывать. Сначала курсы помещались в земской школе, а с увеличением числа посещающих их в 1900 году перевели в здание Обуховской школы. Школа уже понесла жертву. В 1898 году был арестован и впоследствии сослан в Смоленскую губернию на 3 года фрезеровщик из полевого отдела (мастерской) Обуховского завода и ученик вечерних классов Василий Яковлевич Яковлев[2] (брат Марфы Яковлевой, [судившейся] по процессу Обуховской обороны).

Благодаря усиленным сверхурочным работам на Обуховском и Александровском (бывший Берда) сталелитейных заводах не все учащиеся могли регулярно посещать школу. Из посещающих школу стали формироваться небольшие группы, делиться мнением о прослушанном уроке и при неясности обращаться к учителю. Удивляла нас физика — «происхождение грома». Многие думали, что это Илья-пророк на колеснице катается. Физик Григорий Михайлович Григорьев объяснял другое; интересовала нас химия, разные реакции, история и литература. Стали ребята советовать друг другу читать ту или другую книжку, ходить друг к другу в гости. И вот начались беседы в школе, чтение книг на дому и хождение к приятелям тоже на беседы о прочитанном и кое о чем другом. Стали создаваться кружки. Таким образом, работая на Александровском сталелитейном заводе, учась в школе, в 1899 году я попал в кружок, в котором, насколько помню, было человек пять: Костя Иванов, Иван Токарев, Борис Воробьев,

Николай Петров, Михаил Поляков. Вскоре наш старый кружок распался. Поступил я в минную мастерскую Обуховского завода в 1900 году. Стал больше зарабатывать. Стал покупать книги. Вступил в другой кружок. Посещая меня, товарищи не стеснялись разговаривать обо всем. Отцу моему это не нравилось. Частые недоразумения происходили между мной и отцом из-за товарищей и покупки ненужных (по мнению отца) книг, от которых люди «зачитываются до сумасшествия или их ночью увозят в темной карете в Петропавловскую крепость и там бросают в мельницу, где измельчат и выбросят в Неву». Я выехал в конце 1900 года к товарищу по организации Иустину Шнитовскому [3].

Через несколько времени прошел слух в школе и мастерской среди некоторых ребят, что в мастерских были найдены листовки, в которых извещалось, что в воскресенье (4 марта) на Невском проспекте будет демонстрация студентов и рабочих. В прокламациях призывали рабочих выступить. В воскресенье утром встретился с ребятами в паровой конке: Манн, А. Ермаков, Шотман, Затонский, — они ехали на демонстрацию на Невский проспект. Об этих ребятах я раньше и не думал, что они были активные. После демонстрации круг знакомства расширился. На заводе стали чаще появляться листовки «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», помимо нашего кружка. Наш кружок состоял из рабочих Александровского сталелитейного завода: Яков Калинин — снарядная мастерская, Коркин и Михаил Затонский — гильзовая мастерская Обуховского завода, я — из минной мастерской, Иустин Шнитовский — ремонтная, Сергей Любимов — котельная. К нам еще входили женщины, имевшие свой кружок, с Карточной фабрики: Дуня Орлова, Лиза Кузьмина (она же Горина), Мария Яковлева (сестра Марфы Яковлевой) с фабрики Торнтона и Мария Александровна Яковлева (с одним глазом).

Постепенно выяснилось, что у нас на заводе есть еще организации в других мастерских, члены которых имелись почти в каждой мастерской.

К демонстрации 4 марта 1901 года завод был засыпан листовками с призывом к рабочим присоединиться к студентам в общем деле.

4 марта было воскресенье. День был хороший, народа было много. Среди густой массы гуляющих по Невскому проспекту у Казанского собора можно было

заметить кучку рабочих разных районов, между собой разговаривающих и друг друга приветствующих.

После демонстрации 4 марта пропаганда и агитация на заводе пошла еще усиленнее. Демонстрация создала много разговоров по мастерским завода. Многие были на стороне демонстрантов. Началась усиленная подготовка к 18 апреля по старому стилю, а по заграничному к 1 Мая. Было много роздано и распространено путем разбрасывания и расклейки листовок «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» с призывом в ближайшее после 18 апреля воскресенье выступить организованно на демонстрацию в день общерабочего праздника и показать самодержавию и буржуазии свои организованные силы вместе с заграничными товарищами рабочими. Демонстрация не удалась, и потери были. Некоторых товарищей арестовали. После этой демонстрации в наши ряды стали вливаться путем привлечения раньше распропагандированных товарищей свежие силы. Наступило 1 мая по старому стилю. Еще усиленнее и успешнее пошла пропаганда социалистических идей и подготовка к 1 Мая. Появление рабочей заграничной газеты «Искра», которую читали и сочувствующие, нас очень воодушевило, и мы стали еще энергичнее. Помимо рабочих у нас на заводе в некоторых мастерских были прикомандированы на практику матросы, состоящие на действительной службе. Матросы были в станочной, минной, полевой и пушечной мастерских. Вот на них мы и налегли. Помимо разговоров, бесед общих мы их снабжали разной легальной и нелегальной литературой. Легальные — разные брошюры, а нелегальные — «Пауки и мухи» [4], «Сон под 1 Мая», «Хитрая механика», «Мал золотник, да дорог», «Подпольная Россия» и специальная военная, подобранная интеллигентами.

К 1 Мая шла лихорадочная работа по всему Петербургу по подготовке к забастовке. По поводу забастовки в день 1 Мая выяснилось, что навряд ли она пройдет у нас, так как на Обуховском заводе и Карточной фабрике много старожилов, которые работают по 20—30 лет, с основания фабрики и завода и живут оседло в своих домах и казенных домиках, а на фабрике Торнтона очень мало сознательных рабочих и работниц. Поэтому мы решили провести демонстрацию в виде невыхода на работу 1 Мая. Даже некоторые товарищи матросы согласились с нами в этом деле. Накануне

1 Мая среди организованных ребят были устроены собрания, на которых было выяснено, как отметить 1 Мая на заводе. Выяснилось, что сочувствующих празднованию 1 Мая много, но нерешительность к забастовке большая. Ясно было, что забастовка не пройдет. Тогда мы предложили желающим праздновать 1 Мая не выходить на работу, хотя бы взяв накануне увольнительную записку. И вот поведенная в этом духе агитация дала успехи, и за день до 1 Мая завод был усеян прокламациями о значении праздника 1 Мая для рабочих. Результат был хороший. 30 апреля пошли вереницы рабочих к мастерам за увольнительными записками, а так как записки стали брать перед шабашем, перед окончанием работ, то мастера не знали, как им быть, и давали всем увольнительные. Высшая администрация хорошо знала, что на заводе должно что-либо произойти, так как завод был наводнен накануне 1 Мая листовками печатными и написанными на пишущей машинке. Собрались 30 апреля вечером некоторые кружки, а потом и их представители: Шотман, Малышев, Юников, Ермаков и другие — и постановили: выйти утром к воротам завода и уговаривать не идти на работу. Утром пришли к главной проходной и увидели здесь Павла Ивановича (жандарма по прозвищу «Паук»), нашего районного околоточного Лесневича и несколько пеших городовых. Мы переговорили с некоторыми товарищами, и они не пошли на работу.

На другой день по заводу пошли слухи, что все не вышедшие на работу 1 Мая будут уволены, а через день-другой уже окончательно было известно, что будут увольнять по группам. Первая группа намечена из замочной мастерской (от мастера Черткова), где был подмастерье, нетерпимый всеми за клевету на рабочих помощнику начальника Иванову. Первая группа намечалась от 70—90 человек. Было много хлопот и беготни по мастерским, выясняли настроение массы, как на все это она реагирует. Наконец была выбрана делегация к начальнику завода, в каком количестве — не помню, входили в нее не наши ребята, а старожилы, но хорошие парни. Требование было: заявить начальнику завода Власьеву, что если он будет увольнять за 1 Мая хотя бы одного рабочего, то мы забастуем все, как один. Начальник заявил делегации, что из всех неработавших будут рассчитаны те, кто не работал по неуважительным причинам. Рабочие заволновались. Да и

было чего волноваться. Создалась неразбериха. И вот мастера стали сводить счеты с нежелательными для них рабочими. Состоялось совещание рабочих в черте завода на пробной яме; от каждой мастерской были выборные. Было решено в понедельник, 7 мая, утром собраться в деревянной пристройке у полевого отдела (уборная кирпичной и глиномяльной мастерской), выработать требования для предъявления начальнику завода и забастовать всем.

В субботу после получки рабочие разошлись с настроением, что в понедельник будет забастовка. В субботу и воскресенье на кружковых собраниях обсуждался вопрос о забастовке, которая для нас была вопросом решенным. Но как бастовать, как начать — никто не знал. В нашем кружке был слесарь и медник из ремонтной мастерской Иустин Шнитовский, который ходил для исправления кранов и другого ремонта в кочегарку, где находился гудок (заводской свисток). Он взял на себя дать тревожный гудок для скорейшего выхода рабочих из мастерских, а на дворе их надо было задержать, объяснить причину забастовки, потребовать начальника завода и предъявить требования.

Утром 7 мая в условленном месте собралось немного народу, приблизительно из 18 цехов, собралось всего 15—20 человек. Мы полагали, что придет гораздо больше. На этом собрании были почти все свои ребята: Юников и Иван Семенович (ныне Муравьев), Кармазов, Шурупов, Ерофеев — минная мастерская, Шотман и Морозов — полевой отдел, Шнитовский — ремонтная, замочная — Чукаев, Петушков, С. Малышев, Павел Брюхов, пушечная мастерская — Грибков и С. Молотов и другие ребята. Никто больше не подошел. Решили после обеда во что бы то ни стало забастовать, а чтобы не быть, как сейчас, в малом количестве — объявить всем своим ребятам и сочувствующим прийти пораньше после обеда к главным воротам завода, задержаться и задерживать других, как и чем можно, до последнего гудка, и если соберется небольшая группа рабочих, вызвать начальника завода Власьева и предъявить ему требования. Организованные ребята должны были прийти к главным воротам у проходной конторы к первому гудку и разделиться на три группы. Первая группа должна [была] сидеть на канавке у ограды церкви, задерживать как-нибудь рабочих и даже затеять между собой возню или борьбу. Вторая группа — у самых во-

рот, у входа, тоже начнет возню между собой и тем создаст пробку для желающих пройти в завод, а третья за воротами задерживала уже пришедших. Всех идущих останавливали, заговаривали. Создавались группы. Были у нас на заводе двое рабочих, слывших чудаками на все село Александровское, это Ануха (прозвище) и Костя Черешок. У канавки затеяли борьбу между собой и Костей Черешком, а у главных ворот заговорили с Анухой. Во дворе завода, недалеко от ворот тоже стояла группа, это больше сочувствующая публика и пожилые. Когда прогудел последний гудок, ворота закрылись, и тут только кончили возню. Напором ворота открыли и собрались все в кучу. Вышел Фома Кармазов (слесарь минной мастерской) и громовым голосом объяснил, для чего мы собрались. Стали громко звать начальника завода. Ряды наши стали редеть, остались самые активные ребята завода, человек 100[5]. Никто на наш зов не шел, тогда послали двух делегатов. Организованные рабочие предлагали предъявить требования, выработанные уже организацией, но оказалось, что товарищ, который переписал их печатными буквами, оставил переписанное в рабочей блузе, а на работу вышел в другом костюме — почище. Вышло замешательство, из которого вывели нас Кармазов и Шурупов. Они стали записывать, а мы по памяти предлагать, и набралось 12—14 требований.

Пришел помощник начальника завода Иванов. Стали кричать: «Долой Иванова!», «Долой Маргаритку!» Наиздевавшись над Ивановым, мы ему предъявили требования. Иванов читал внимательно, но когда дошел до требования его уволить, то повернулся и говорит: «Эти требования удовлетворить нельзя, вы, пожалуй, потребуете и министров уволить».

Ему стали отвечать, что и царя скоро погоним. С помощником начальника Ивановым ни до чего не договорились и просили вызвать начальника завода Власьева. Власьев не замедлил явиться — в парадной форме, при орденах, в сопровождении помощника начальника Иванова и нескольких сторожей. С появлением начальника завода наши ряды еще стали уменьшаться. Мы требовали категорического и незамедлительного ответа на наши требования, и начальник обещал передать их сейчас же в морское министерство и через день-два сообщить ответ.

Рабочие стали расходиться.

В мастерской не работалось. Немного времени спустя влетает в нашу мастерскую молодняк из станочной и снарядной мастерской; подлетели к мотору, раз-раз за маховик — мотор стал, к другому — тоже, третьи — за звонок, побежали наверх, там тоже остановили. Бежит заведующий мастерской инженер-технолог П. Н. Сильверсван и подмастерье Адам Брейдо и уже схватили ретивого паренька за руку по указанию сторожа. Пареньки оказались деловыми, и их отняли. Засвистели, закричали: «Бросай работы, выходи на двор!»

Когда мы вышли из мастерской, нас уже было много. Вышли три мастерские. Слышим — гудит гудок, да не по-настоящему, а как тревожный, три раза прогудел, а это значило для жителей села Александровского, что где-либо пожар. Мы-то знали, что свои ребята делают это для скорейшего вызова рабочих из мастерских. Прошли к полевой мастерской, видим — рабочие валом валят домой. Некоторые рады были этому случаю, что забастовали, так как дело было после получки.

Дома я застал своего товарища Шнитовского умывающимся. Стал и я умываться и переодеваться на праздничный вид. Вышли мы на улицу. Пошли по направлению к заводу. По Петровскому переулку шли работницы Карточной фабрики и рабочие Александровского сталелитейного завода. Их заставил кончить работы молодняк нашего завода, дошли до конки, повернули назад. У ворот завода был усиленный наряд пешей полиции. Идя от конки по направлению к заводу и до второго флигеля Карточной фабрики, услышали: трах-трах-трах. Мы бегом к месту стрельбы. В это время из пивной «Зеленая роща» выбежал по направлению к церкви рабочий котельной мастерской т. Панков с поднятыми руками и криком проклятия по адресу стрелявших матросов. Еще раз грянул залп. Панков как бежал, так и упал врастяжку на мостовой во весь рост. Пули просвистали по крышам и карнизам противоположных домов, слышно было, как посыпалась штукатурка, шум кровельного железа. Но одна из пуль попала в т. Панкова. Когда мы подбежали к Панкову и перевернули его, то увидели на шее рану. Пуля вышла навылет. Панков был мертв. Мы его взяли за ноги и руки и понесли в больницу. Подошел еще кто-то.

Перешли на другую сторону, к дому начальника, для того, чтобы пройти мимо матросов и показать им их

трофеи и заметить рожи стреляющих. Вдруг видим — из подъезда выбегает с взъерошенной головой, фуражка козырьком набок, заведующий броневым отделом Берсинев. Подбежал к помощнику начальника Иванову и закричал: «Кто приказал стрелять? Кто вызвал матросов?» — и, взяв за погон Иванова, тряс его. Ни один матрос не был мне знаком, а их было человек 18—20. Это были матросы с полигона, а не наши заводские. Было очень грустно. Панкова унесли в больницу. На углу Церковного переулка и проспекта всегда стояли большие группы народа, а сегодня было больше обыкновенного, матросы дали три залпа, а убитых только 1—2 человека и столько же раненых.

После стрельбы матросов народ с улицы куда-то попрятался, а как только матросы стали уходить, им вдогонку посыпались проклятия. Через некоторое время видим — едут конные городовые; заполнили они весь проспект. Городовых был целый эскадрон во главе с толстым начальником. Доехали до завода под свист и крик стоящих рабочих, посылающих им проклятия. Начальник эскадрона отделился с двумя городовыми, поехал к проходной. Поговорив с кем-то из полицейских, он вернулся к своему эскадрону и отдал приказ; я услыхал: «...кучи разгонять, собираться не давать».

Эскадрон разделился. Часть поехала в Мурзинку, часть к Новоалександровской улице. Народ стал покрикивать на городовых, называть их опричниками, фараонами и проч. Городовые побежали к группе стоящих людей, просили разойтись. Выходивших из трактира «Вена» или пивнушек рабочих городовые просили расходиться, не слушавшихся и выступавших с протестом городовые заставляли нагайками разбегаться. Городовые подъехали к троим рабочим, вышедшим из трактира «Вена», те обнялись и пошли с пением к Новоалександровской улице. Городовой что-то сказал им, они продолжали петь. Второй раз им сказал, они обругали его и продолжали петь. Городовых было трое. Один переехал тротуар, заехал с одного бока, другой — сзади, а третий — с другого бока и, окружив рабочих, давай их бить нагайками. Мы с противоположной стороны улицы стали кричать на городовых, ругаться. Городовые бросили стегать пьяных, подъехали к нам и давай нас стегать. Мы с Шнитовским прижались к воротам первого домика Карточной фабрики и закрыли головы пиджаками и руками, а два дюжих городовых наскакивали на

нас. Почему они нас оставили стегать — не знаю, но слышим — у одного лошадь оступилась в канаву.

Отъехав на середину проспекта, городовые злорадно ухмылялись. Мы же стояли, мучимые злобой, избитые и поруганные, не чувствуя никакой боли, кроме обиды. Народ, разодетый в чистую одежду, гулял по тротуару, видел, как нас били, и посылал городовым проклятия, но вмешаться не решался. Городовые поехали к Новоалександровской улице, мы пошли потихоньку в том же направлении и не упускали из виду этих строптивых городовых. На тротуаре (мостках) стали появляться наши ребята. Вот тут-то мы и давай отчитывать городовых. Вся гуляющая публика ополчилась на эту свору. Дав доехать им до шлагбаума, ребята смекнули, пропустили несколько городовых и сейчас же с обеих сторон опустили тяжелые шлагбаумы, служившие для преграждения движения по шоссейной дороге. Часть конных городовых попала между шлагбаумом, и при опускании его некоторым городовым пришлось получать удар как себе, так и лошадям. Мы стали над ними смеяться, дразнить, а когда последовала команда обнажить шашки, то с нашей стороны посыпался град камней на них. Затем они бросились к выходу из шлагбаумов по направлению к Бердовскому переулку, где стояло много молодежи. Мы бросились врассыпную вдоль стенок домов и забора. Добежали до калитки и ворот Карточных флигелей и сейчас же за собой закрыли ворота.

На дворе (большой двор) играли дети и стояли, разговаривая между собой, работницы. Народу вбежало порядочно, человек 20. Тут была и своя братва. Городовые, гнавшиеся за нами, понеслись мимо забора, а так как забор был редким, построен из реек, то всадники на лошадях равнялись с забором по плечо. И вот, вбежав во двор, мы стали брать камни и бросать в проезжающих городовых. Лежавшие груды кирпичей мы быстро разбросали. Нам подносили камни две работницы Карточной фабрики Марфа Яковлева и Лидия Бурчевская (вместе учились в школе) [6].

Не стало ни булыжников, ни кирпичей, стали выкапывать булыжник из мостовой двора. Выворачивая камни из мостовой, я заметил, как малыш сидит между сторожевой будкой и забором и стреляет из рогатки по городовым. Я отнял у него рогатку, а его — 10-летнего революционного стрелка — поднял и посадил в откры-

тое окно коридора и велел уходить, а то убьют городовые, но он в ответ сказал, что у него еще есть рогатка, и он опять будет стрелять, показав мне при этом свинцовые шрапнельные пули. Пули я от него отобрал за серебряную монету, а ему велел идти стрелять по городовым из окна коридора второго этажа. В нашу сторону послышались выстрелы. Одного ранили в пятку, а другого в руку. Потом произошла заминка. Наши взобрались на забор и стали поглядывать на улицу. В это время на другой стороне у стены дома выстраивались городовые с револьверами в руках, и по стенкам домов по обеим сторонам улицы ползли городовые с револьверами. Кто-то из ребят, стоя на заборе и дразня их, раскрыл грудь и просил стрелять в него, если им не жаль страдающих и умирающих рабочих и их детей. Атака вновь началась. Кто-то из нас попал в голову их начальника Палибина. Многим городовым попало. После этого по нас началась стрельба с боков и прямо.

Видим, дело становится плохо, камней уже нет, а стреляющие подбираются к задвижке калитки; мы бросились врассыпную.

Оказалось, что после стрельбы по нас с обеих сторон улицы из ограды Троицкой церкви и Троицкого переулка полетели в городовых камни и кто-то стрелял. Городовики попали под перекрестный огонь. Если бы у нас были камни и связь с товарищами, то мы были бы победителями. У ворот одного дома стояла группа рабочих с женами и рассуждала о случившемся. У ворот завода в проулке стояли солдаты в серых шинелях, маленького роста. Это — солдаты Омского полка. Из разговоров с ними оказалось, что солдаты не знают, зачем их сюда пригнали, и что они должны были уехать на свое место в другой город. Мы старались им объяснить, в чем дело, убедить их в нашей правде. Солдаты были безразличны. Они разделились по три-четыре человека и пошли патрулями по всему селу Александровскому до деревни Мурзинки и всем улицам.

Часов в 11—12 флигели Карточной фабрики окружили конные и пешие городовые. Во дворе стояли кольцом с винтовками солдаты, внутри здания, в квартирах производили обыски городовые. Войдя в квартиру, спрашивали, кто тут мужского пола, где он, если дома, поднимали с кровати, искали под кроватью, в шкафах, чуланах, сундуках и в русской печке. У всех смотрели

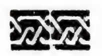
на руки и, если они грязные, выводили во двор в кольцо солдат. Так был арестован больной К. Стефан (Костя Пруссак). Мой отец был арестован за то, что у него были руки грязные. Он доказывал им, что он слесарь Карточной фабрики и работает по ремонту машин и руки у него всегда от красок грязны. Был арестован и выведен во двор. Все протесты на то, что во время боя рабочих с городовыми его не было, не помогли.

Все мужское население обоих флигелей от 16 лет было арестовано и выведено на двор[7]. Всех арестованных окружили солдаты с винтовками и повели на берег у Бердова завода, там уже стояла приготовленная барка, и буксир повез всех вниз по Неве в Пересыльную тюрьму. Немногие из арестованных были освобождены, многие были высланы, а некоторые попали в процесс «Обуховское дело» и получили наказание.

Завод не работал долго. Жители Карточной фабрики ходили к начальнику завода и просили его освободить невинно арестованных. Он обещал им по возможности. Местный жандарм Павел Иванович (наш «Паук») плел свою паутину. Он ходил по квартирам флигелей, распивал кофе и принесенную с собой с белой головкой водку с некоторыми словоохотливыми хозяйками и выспрашивал обо всех намеченных им уже заранее квартирах. Помимо массового ареста были и частичные с частных квартир. Это уже происходило по указанию администрации и околоточного Лесневича. Так мы недосчитались своих ребят: Кармазова, Шурупова, Ермакова, Юникова, Синицына и многих других. Некоторые сами уехали, дабы не быть арестованными: Шотман, Затонский Михаил.

Завод не открывали. Пошла вторая неделя. За это время боевое настроение стало спадать. Кредит, открытый в общественной лавке на две недели, кончился. Кое-кто из старожилов-стариков ходили к начальнику просить об открытии завода, они же встречали его у подъезда, когда он уезжал или приезжал из города, и просили о том же.

Наконец было вывешено объявление у ворот завода, в котором извещалось о его открытии. На работе первые дни приходилось вести себя аккуратно. Все боялись собираться у чьего-либо станка по два-три человека [...]



А. П. Тайми

СТРАНИЦЫ ПЕРЕЖИТОГО

(...) Летом 1902 года произошло решающее событие в моей жизни. Как-то в субботний вечер приехал ко мне двоюродный брат[1].

— Слушай, Адольф, — сказал он, когда мы вышли на улицу. — Один человек хочет поговорить с тобой о серьезном деле.

— А что за дело?

— Приходи ко мне завтра и узнаешь. Этот человек скажет тебе все, как есть, а ты сам решишь — годится тебе это или нет.

И мы отправились с Ваней, кажется, в цирк Чинизелли и провели вместе весь вечер, но, как я ни пытал его, он не хотел ничего добавить к тому, что уже сказал.

В воскресенье, как было условлено, я поехал на Саратовскую улицу, к Ване. Его мачеха угостила меня кофе, потом Ваня сказал: «Выйдем, погуляем», — и повел меня на Астраханскую улицу.

Тут нас окликнул какой-то человек, по виду рабочий, лет двадцати пяти. Ваня поздоровался с ним, как будто встретил случайно, потом сказал:

— Это Адольф, мой двоюродный брат.

Тот протянул мне руку, назвавшись именем, которого я не расслышал[2], и как-то особенно внимательно посмотрел мне в глаза. Я думал, что Ваня отделается от этого случайного встречного, потому что ожидал обещанного свидания.

Но, к моему удивлению, когда этот человек небрежным тоном предложил: «А не зайти ли нам в ресто-

ран?» — двоюродный брат немедленно согласился. Я понял, что обещанная встреча уже произошла.

Мы заняли в ресторане укромный угол в комнате, где стояло еще несколько свободных столов. Была заказана водка и закуска к ней.

Когда половой удалился, мой новый знакомый тихо заговорил:

— Ты должен знать прежде всего, что и я, и Иван — члены социал-демократической рабочей партии. Иван говорил о тебе, что ты надежный и честный парень, которому революционная партия может доверять...

Я слушал с огромным волнением и напряжением эту прямую и твердую речь.

Он сказал, что партия ставит себе целью вести рабочий класс на борьбу с властью царя и капитала, на борьбу за освобождение от гнета и эксплуатации.

Он говорил о тяжелой работе, которую ведет партия, об опасности, которой ежедневно подвергается каждый революционер, о том, что, вступив в партию, нужно быть готовым и к тюрьме, и к каторге, и к смерти за дело рабочего класса.

Далее он сказал, так же пытливо и твердо глядя мне в глаза, что партии нужны новые люди из рядов рабочего класса для выполнения серьезных поручений и что они с Иваном решили предложить мне войти в партию, но прежде всего я сам должен сказать, как смотрю на это.

Я сказал, что согласен и хочу вступить в партию.

Тогда этот человек стал объяснять мне, как должен вести себя член рабочей революционной партии. Он говорил, что самый святой долг партийца — выполнять все, ему порученное, честно, своевременно и точно. Он объяснил значение конспирации.

— Арестуют тебя, найдут что-либо при обыске — помни, что обязан оберегать от провала товарищей, и в крайнем случае — все бери на себя одного, чтобы оставшиеся на свободе могли продолжать бороться. Если тебе дали поручение, не болтай о нем, и сам никогда не расспрашивай товарищей по партии об их работе.

Он говорил, что каждый из членов партии обязан привлекать в ее ряды готовых к революционной борьбе рабочих, но при этом нужно серьезно изучать и проверять людей, чтобы не ввести в партийную семью труса, болтуна или провокатора.

— Вот, Ваня знает тебя с детства, — сказал он, — а все-таки проверял, как ты исполняешь поручения, что делаешь с прокламациями...

Потом он снова спросил, готов ли я взять на себя все то трудное и опасное, с чем связана подпольная революционная работа.

Я повторил, что готов. Признаюсь, законы подпольной борьбы, о которых я услышал, не только не отпугнули меня, но еще более привлекли, как привлекает в молодости все таинственное, связанное с опасными и необычайными приключениями.

Сейчас, вспоминая об этой беседе и о заявленном мною желании вступить в партию, я вижу, что передо мной не стоял в то время вопрос об отношении к существовавшему политическому строю и обществу, о том, действительно ли необходима борьба с царизмом и капитализмом, нужно ли действительно, как об этом писалось в революционных прокламациях, свергнуть власть богачей и воздвигнуть на обломках старого общества новую справедливую жизнь. Все это было как бы уже решено или само собой подразумевалось. Сама жизнь ставила рабочего человека на враждебную позицию по отношению к фабрикантам, помещикам и ко всем вообще представителям и охранителям господствующего порядка.

Я должен был ответить себе и товарищам на вопрос: желаю ли я посвятить себя беззаветной борьбе против этого порядка, несправедливость и подлость которого научился понимать с детских лет?

И я сказал — да. С этого момента началась моя жизнь в партии.

Астраханская улица, дом номер 18, квартира 12.

Съемщик квартиры — Хаапанен, пожилой токарь, финн. В квартире коридор. Первая дверь направо — в комнату Хаапанена. Напротив — кухня. Дальше по коридору — четыре комнаты квартирантов. В трех живут сектанты. В четвертой комнате, что в дальнем углу коридора, проживают молодые люди, холостяки, Адольф и Иван. Сектанты люди трезвые, строгого нрава, семейные. Одеваются они во все черное. Часто по вечерам у них собираются гости, читают священные книги, хором поют псалмы. И к тем холостякам, что живут в последней комнате, время от времени приходит гость, а чаще

всего — гостья. Истинное горе, как подумаешь, до чего распущена молодежь. Ведь это, не иначе, уличные женщины! Правда, ведут себя они тихо...

А в общем, жаловаться на таких соседей, как Иван и Адольф, не приходится. Обыкновенные парни-холостяки, не буянят, хотя иногда и заметно, что выпили лишнее. Трактир недалеко от дома, чуть наискосок, на этой же Астраханской улице, так они, особенно по субботам, возвращаясь из трактира, идут, раскачиваясь, и даже песни поют. Молодежь...

Такова была наша репутация в квартире номер двенадцать, и так же, должно быть, думали о нас с Иваном и дворник, и все соседи по дому. Никому не приходило в голову, что мы, два простых парня, содержим по поручению партийной организации конспиративную квартиру, что на самом деле мы никогда не бываем так трезвы, как в те вечера, когда, пошатываясь, с лихими песнями проходим мимо дворника в ворота, что девушки, которые часто посещают нас, — это разносчицы нелегальной литературы или пропагандистки.

Любопытно, что наши соседи-сектанты иногда приносили домой с заводов, где они работали, те самые листовки, которые мы с Иваном распространяли. От нас они их скрывали, но просили Хаапанена, как человека, достойного доверия, по секрету от нас читать им эти прокламации.

Квартира была удачно выбрана и хорошо служила нашим целям.

После того разговора в ресторане, который я описал выше, мы с Иваном отправились на Астраханскую улицу. Подойдя к дому номер 18, Иван решительно шагнул в калитку, я последовал за ним. Наискосок от ворот стоял трехэтажный дом. Мы поднялись по узкой лестнице на самый верх и позвонили в квартиру номер 12. На звонок вышел хозяин — Александр Хаапанен. Иван сказал ему: «Вот это мой двоюродный брат Адольф, с которым мы хотим жить вместе».

Хаапанен велел жене сварить кофе и повел нас осматривать квартиру. Когда мы оказались в пустой комнате, Хаапанен шепнул, что мы можем рассчитывать на содействие его жены — она в курсе дела.

На следующий день, придя на завод, я сказал мастеру, что должен переехать на новую квартиру, и он отпустил меня. Собственных вещей у меня было так

мало, что мне не пришлось прибегать к чьей-либо помощи. Все имущество я в один прием перетащил на Выборгскую сторону.

Не так просто было переехать на новую квартиру моему двоюродному брату. Круглый сирота, он жил у мачехи, и надо было как-нибудь объяснить внезапный разрыв с нею. Иван воспользовался одной особенностью ее характера. Женщина вспыльчивая, она нередко покрикивала на своего пасынка. Иван легко заставил ее и в этот день вспылить и разразиться криком. Тогда он ответил также достаточно резко, чем вызвал еще большую бурю. Этого ему и нужно было. «Ах так, — сказал он, — в таком случае я ухожу. Живите сами...» Не дав ей опомниться, он собрался и только уж на пороге квартиры обещал приносить ей деньги на жизнь.

Так мы водворились в квартире на Астраханской улице.

Первой заботой было — не внушить соседям каких-либо подозрений. Хаапанен и его жена постоянно держали нас в курсе тех разговоров, которые велись сектантами по поводу нашего поведения и образа жизни. Так, мы узнали, что сектанты, осуждая нас за некоторые легкомысленные поступки, все же относились к нам снисходительно и не теряли надежды привлечь «молодых грешников» в лоно своей религии.

Мое имя было одновременно и паролем нашей конспиративной квартиры. Все приходившие к нам спрашивали Адольфа, все, что приносилось, было адресовано Адольфу. Даже когда меня не было дома, а был только один Иван, хозяин или хозяйка, открывавшие по звонку дверь квартиры, на вопрос: «Дома ли Адольф?» — отвечали утвердительно и указывали посетителю дверь нашей комнаты в конце коридора.

К нам приходили женщины, одетые очень скромно, обычно в темных платьях, с таким же платочком на голове. Они были похожи на работниц или жен рабочих, а на самом деле это были интеллигентки, выполнявшие поручения петербургской партийной организации. Мы называли их «контрабандистками». Войдя в комнату, если это было ее первое посещение нашей конспиративной квартиры, «контрабандистка» произносила пароль, например: «Я к вам от Степана», мы также отвечали какими-нибудь условными словами, а затем нам приходилось повертываться к окну, чтобы дать возможность женщине «разгрузиться».

Прокламации и другая литература обычно приносились в мешочках размером в лист писчей бумаги. Таких мешочков, каждый из которых вмещал две-три сотни листовок, женщина приносила несколько, привязав их под платьем, — на груди, на боках, к ногам. Это был тяжелый груз, особенно для летней поры. Когда «разгрузка» заканчивалась, на моей кровати вырастала целая гора бумаги. Прикрыв листовки одеялом, мы несколько минут беседовали. Обычно темой беседы служило назначение принесенной литературы, текущие события революционной борьбы и партийной жизни. Посидев в нашей комнате достаточно долго, чтобы не вызвать каких-либо подозрений у соседей насчет цели визита, женщина уходила.

Однажды во время такого посещения нам пришлось пережить несколько тревожных минут. Пришла на этот раз Маруся — девушка, довольно часто приносившая нам прокламации. Действительно ли была она Марусей или это была ее партийная кличка — не знаю. Кажется, она училась на Бестужевских курсах. На этот раз Маруся принесла около трех тысяч прокламаций — тяжелый груз, от которого она изрядно устала. Выложив прокламации, как всегда, на кровать и спрятав под платье пустые мешочки, она присела на стул отдохнуть. В эту минуту мы услышали звонок, стук входной двери и тяжелые шаги по коридору. Вслед за тем раздался стук в дверь нашей комнаты, и она отворилась. Вошел старший дворник. Он увидел меня сидящим на смятой постели и женщину, которая стояла у окна, спиной к нему, и спешно поправляла волосы.

— Извиняюсь,— сказал дворник, явно смущенный.— Кажись, лучше мне потом прийти...

— А что надо? — недовольным тоном спросил я.

Оказалось, что надо внести какие-то двадцать копеек.

Дворник попрощался и поспешил уйти.

— Как вы догадались, Маруся, что надо поправлять прическу? — спросил я ее.

— А почему вы уселись на кровать? — смеясь, ответила Маруся.

Литература, которую приносили нам, распределялась мной и Иваном и разносилась по определенным адресам. Адреса эти мы помнили наизусть. Люди, которым мы доставляли на дом прокламации, были ра-

бочими различных заводов и фабрик Выборгской стороны. Это были организаторы и члены партийных кружков. Являться к ним с литературой надо было в определенное время — не раньше и не позже условленного часа.

Но иногда мы получали прокламации с указанием распространить их возможно шире, а не только через партийные кружки. Все мы трое — Иван, Александр Хаапанен и я — садились в нашей комнате за работу. Каждый листок мы аккуратно складывали вчетверо, затем набивали ими все внутренние и боковые карманы, а в один карман насыпали канцелярские кнопки. Выйдя из дома по одному, мы расходились по заранее установленным маршрутам.

В Выборгском районе уже в то время наряду с деревянными одноэтажными домами были многоэтажные дома, населенные рабочими. Перескакивая через две-три ступени, быстро взлетаешь на четвертый или пятый этаж и там только начинаешь действовать. Одна рука извлекает из кармана листовку, в другой наготове кнопка. Рассчитанным движением прикалываешь прокламацию к одной двери, к другой, сбегаешь этажом ниже, повторяешь ту же операцию. И так до первого этажа. Все время ухо держишь востро — не простучат ли где-нибудь шаги, не стукнет ли дверь...

В 1903 году в России отмечалось двухсотлетие печати. В связи с этим событием Петербургская социал-демократическая организация выпустила огромное количество прокламаций[3]. Еще за несколько дней до празднества Иван сказал, что нам поручено разбросать прокламации в Малом театре[4]. На беду Иван простудился, у него поднялась температура, и ясно было, что принять участие в предприятии он не сможет. Мы решили заменить Ивана другим товарищем из нашего партийного кружка. Выбор пал на Арвида. Арвид и Август, так же, как и мы, двоюродные братья, жили в нашем же доме, этажом ниже. Арвид казался нам смелым парнем. Он охотно дал согласие участвовать в рискованном деле, и мы решили, что все в порядке.

Нам дали двести прокламаций — по сто на каждого — и билеты на галерку. Мы были предупреждены, что в театре нас будут охранять — на соседних местах будут сидеть товарищи. Прокламации следовало выбросить в тот краткий момент в конце спектакля, когда занавес уже закроется, а свет в зале еще не будет

включен. Мы знали, что не нам одним поручено разбросать прокламации в Малом театре. Наши места в центре галерки, а справа и слева, на боковых местах, должны были действовать еще по два человека.

Не помню, какой шел спектакль, да, откровенно говоря, не очень я и следил за тем, что происходило на сцене. На груди, под жилеткой, лежала у меня пачка прокламаций, забыть об этом было нельзя, и я мысленно переживал то мгновение, когда наклонюсь над барьером и выброшу прокламации вниз, на головы партерной публики. Перед началом последнего акта произошел случай, из-за которого едва не провалилось все наше дело. Антракт приближался к концу, почти вся публика уже заняла места, когда послышался какой-то шум у одного из боковых входов на галерку. Шум этот нарастал, слышались какие-то возбужденные голоса, и как раз в тот момент, когда открылся занавес и началось действие, мы в полумраке увидели человека, ринувшегося к барьеру и затем широко взмахнувшего рукой. Даже в неосвещенном зале было заметно, как снижаются над партером белые листки прокламаций. Затем мы увидели, что этого человека под руки выводят из театра.

Впоследствии я узнал, что собственно произошло. Один из шести, которым было поручено разбросать прокламации, молодой рабочий, никогда до этого в театрах не бывал. Он почему-то задержался и пришел только к последнему действию. Но главное — оказалось, что одет он был в русскую рубаху и сапоги, а в таком костюме в театры не впускали. Когда его задержали у входа на галерку, парень решил, что, вероятно, его заподозрили и теперь все равно терять нечего — надо хоть силой, но прорваться и выполнить то, что поручено. Так он и сделал: растолкал капельдинеров, ворвался в зрительный зал и, хотя и не своевременно, разбросал листовки.

Медленно тянулось последнее действие. Я держал руку под жилеткой. Рядом со мной, справа, сидел студент, который должен был дать сигнал, что время действовать наступило. Слева — Арвид.

Наконец раздались аплодисменты, занавес стал медленно закрываться. Студент справа от меня шепнул: «Время!» Я толкнул локтем Арвида и, вырвав руку из-под жилетки, широким взмахом послал всю пачку прокламаций вниз, в темный зал. Арвид сидел непо-

движно. Зажегся свет, и я увидел его растерянное лицо. Что было дальше в театре — не знаю. Окружавшая нас «охрана» буквально вытолкала меня и Арвида в фойе, и мы ушли.

— Я испугался, — признался Арвид, когда я набросился на него.

— Сволочь, — сказал я, — давай сюда листовки.

Он протянул мне свою пачку. Когда мы подошли к первому многоэтажному дому, я вошел в парадную и быстро зашагал на пятый этаж. Арвид шел за мной, но я не смотрел в его сторону. На пятом этаже было две квартиры. На дверях одной из них висел почтовый ящик. Я опустил в него листовку. На другой двери почтового ящика не было — я сунул листовку в щель под дверью. Затем сбежал этажом ниже, проделал то же самое. Тут послышались снизу шаги и голоса. Я не спеша спустился по лестнице навстречу каким-то господам, должно быть возвращавшимся из театра.

Мне удалось зайти еще в несколько домов, подъезды которых не охранялись дворниками, и всюду, где только можно было, я оставлял листовки.

Арвид шел за мной. Когда от пачки прокламаций ничего не осталось, я сказал ему:

— Неужели ты не знаешь, что если партия приказывает — надо сделать? Умереть, но сделать.

— Черт его знает, — ответил Арвид, — испугался...

— Ну, так и умер бы от страха, а сделать надо было...

В то время, о котором я вспоминаю в этой главе, мы, петербургские рабочие, не раз слышали о так называемой зубатовщине, получившей особенное распространение в Москве. В конце 1902 года мне самому пришлось наблюдать деятельность одного из организаторов этого «движения», зародившегося в недрах полиции и министерства внутренних дел.

Произошло это так.

Как-то раз к нам, на Астраханскую, пришел партийный организатор Выборгской стороны. Необходимо было посовещаться по поводу предполагавшейся забастовки в ремонтной мастерской воздухоплавательного парка, где я в то время работал. У наших соседей-сектантов в тот вечер не было никаких песнопений, и поэтому мы решили, что нам безопаснее совещаться не дома, а в трактире «Выборг», который помещался не-

подалеку и в котором мы не раз собирались для конспиративных бесед.

Мы заняли в трактире столик в маленькой комнате, где никого, кроме нас, не было. Половой подал нам сороковку водки, ветчину, огурцы и удалился. Только мы начали беседовать о своих делах, как вернулся половой.

— Попрошу, господа, перейти в комнату, которая за органом. Там никого из посетителей нет, — сказал он.

Мы возразили, что нам и в этой комнате удобно, но половой, согнувшись, доверительно сообщил нам, что здесь, в этой именно комнате, должно состояться не то собрание, не то совещание. Придут, мол, какие-то рабочие...

— Так ведь и мы рабочие, — ответил организатор.— Не беспокойся, никто в обиде не будет...

Половой, пожав плечами, удалился.

Вскоре стали сходиться участники совещания. Это были рабочие. Они входили по двое, по трое, здоровались с нами и со всеми прибывшими раньше, усаживались за столы. Комната заполнилась, только за средний стол, который стоял перед диваном, никто не садился.

Наконец в комнату вошел человек интеллигентного вида, в пенсне, с небольшой лысинкой. Поздоровавшись со всеми за руку, он сел на диван и сразу заговорил.

— Господа, — сказал он, — моя фамилия Соколов [5]. Вам известно, что в Москве успешно действует «Общество взаимного воспомоществования рабочих механического производства». Я прибыл из Москвы и вчера посетил министра внутренних дел. Господин министр дал свое согласие на организацию такого же общества в Петербурге. Дело за вами...

Далее он распространялся на тему о тех благах, которые ждут рабочих, если они объединятся в общества взаимного воспомоществования. В заключение Соколов сообщил, что он вел уже переговоры с дирекцией Нобелевского завода о предоставлении зала Народного дома, принадлежавшего Нобелю, для учредительного собрания нового общества. Собрание должно состояться в ближайшее воскресенье.

— Я пригласил вас, господа,— продолжал Соколов,— чтобы сообщить вам это и через вас призвать рабочих механических заводов собраться на это учредительное собрание.

Мы трое с самого начала поняли, с кем имеем дело, но виду не подавали. Когда Соколов стал расспраши-

вать всех по очереди, кто на каком заводе работает, то оказалось, что здесь собрались люди с Обуховского, Путиловского, Семянниковского, Балтийского заводов и других крупных предприятий. Мы назвали, конечно, не те заводы, на которых действительно работали.

В тот же день у нас в комнате была написана прокламация, она была направлена против зубатовщины и призывала рабочих не поддаваться на удочку полицейских агентов, подобных Соколову. Эта прокламация была дополнена и отредактирована в Петербургском комитете нашей партии, а затем отпечатана в подпольной типографии. Впрочем, в то время, получив прокламацию во множестве экземпляров для распространения в обычном порядке, мы не знали, конечно, кто и как ее напечатал.

В Народном доме собралась совсем не та публика, на которую рассчитывал Соколов. Зал был заполнен членами партийных кружков и революционно настроенными рабочими, хорошо подготовленными для встречи с агентом царской полиции.

Когда Соколов, должно быть весьма ободренный видом заполненного зала, уверенно взошел на трибуну, его взгляд упал на черную классную доску, которой обычно пользовались во время лекций. На этой доске красовался рисунок мелом, изображавший самого Соколова в виде паука, запутавшегося в паутине. Легко представить себе, как велики были смущение и растерянность Соколова. Кто нарисовал карикатуру — не знаю, но мы, сидевшие в зале, видели ее раньше, чем Соколов, и заранее предвкушали ее действие. Теперь же, когда Соколов, тщетно пытаясь вернуть самообладание, начал лепетать что-то бессвязное, в рядах зазвучал откровенный смех. Кто-то крикнул:

— Запутался в паутине! Теперь не выпутаться!..

Затея Соколова безнадежно провалилась. Об учреждении «Общества воспомоществования» не могло быть и речи.

Два раза в неделю в нашей комнате собирался кружок. В нем участвовали двоюродные братья Арвид и Август, о которых я уже упоминал, токарь Александр Хаапанен — хозяин нашей квартиры, один молодой рабочий — литейщик с Нобелевского завода, и мы двое.

Постоянного руководителя кружок не имел, они часто менялись, но все это были люди одного типа — мо-

лодые интеллигенты, мужчины и женщины, удивлявшие даже нас, рабочих, убогой одеждой и усталым, истощенным видом. Они старались внушить нам понятие о законах экономического развития капиталистического общества. Нас сперва даже удивляло это, потому что, хорошо зная практику отношений между фабрикантом и рабочим, купцом и покупателем, мы не могли представить себе, что все это — предмет изучения особой науки. Когда однажды шла речь о теории прибавочной стоимости, наша пропагандистка, окинув взглядом комнату, произнесла:

— Возьмите, например, этот стол. Для того чтобы токарь выточил его...

Тут мы, конечно, прервали ее, объяснив, что токарь по дереву может выточить только ножки стола, а сам стол не вытачивается.

Она покраснела. Мы сами предложили несколько примеров, и вопрос разъяснился.

Гораздо живее шли беседы, когда обсуждались волновавшие нас политические вопросы. Все мы имели уже опыт столкновений с полицией, жандармами, мы не раз видели, как охотно государственный аппарат насилия приводится в действие, чтобы защитить интересы хозяев. При всех без исключения конфликтах между рабочими и капиталистами власть принимала сторону эксплуататоров. Мы смутно понимали, что главный вопрос рабочего движения — вопрос о власти. Некоторые пропагандисты охотно развивали эту тему, возникавшую почти всегда во время наших бесед, хотя бы начинались они с самых «мирных» экономических вопросов. И мы приходили к мысли, что удовлетворение всех экономических требований рабочего класса возможно лишь при условии завоевания им власти.

Но не все посещавшие кружок пропагандисты так охотно переходили к этой теме. Были и такие, что избегали говорить с нами об этом, стараясь, по возможности, держаться одних лишь проблем экономики — объясняли, что такое рента, прибыль, заработная плата, рассказывали об успехах рабочего класса на Западе, о постепенном улучшении быта трудящихся Германии, Бельгии, Австрии.

Много позже я понял, что и у нас в кружке находила отражение та решительная борьба, которая шла в 900-е годы внутри социал-демократии [6] [...]

Осенью 1903 года, когда до нас дошли сведения о II съезде партии, наш кружок начал считаться большевистским — пропагандисты-меньшевики перестали посещать квартиру на Астраханской улице, попросту им не давали к нам явки.

В то время профессиональным революционерам из интеллигентов нелегко было завоевать доверие и расположение рабочей массы, у которой тогда еще было много естественной подозрительности к «господам». Помню, как предупреждала меня — подростка — моя мать, чтобы я не связывался со «студентами», которые шли против царя. Легче всех находили общий язык с рабочими интеллигенты-большевики, умевшие отвечать на самые наболевшие вопросы жизни рабочего класса.

Встречаясь часто с интеллигентами-пропагандистами, мы долгое время не имели представления, как живут эти люди. Один случай многое нам объяснил. Как-то раз было назначено занятие кружка. Вечером, приблизительно за час до начала, мы с Иваном расположились ужинать. Хозяйничали мы по-холостяцки: нарезали колбасу, селедку, принесли из кухни чайник. Послышался звонок, и, к нашему удивлению, вошла пропагандистка. Вечер был морозный, ветреный. Она объяснила, что оказалась случайно в нашем районе и, не зная, куда зайти до начала занятия кружка, решила провести оставшийся час в нашей комнате. Замерзла она ужасно. У нас хватило догадливости предложить ей поужинать вместе с нами. Мы были смущены. Толстыми кружками нарезанная колбаса, две луковицы и плохо очищенная селедка на бумаге — все это, казалось нам, не могло понравиться интеллигентной молодой женщине.

— А знаете что, — с улыбкой сказала она, — я у вас, пожалуй, действительно поужинаю.

Признаюсь, нас удивило, с каким аппетитом ела она все то, что мы незаметно подвигали ей. Ясно было, что она в тот день не обедала.

Мы разговорились. Оказалось, что бюджет нашей руководительницы — 15 рублей в месяц, которые дает ей партийная организация. Она была студенткой. Приблизительно столько же могла бы заработать, если была бы свободна, уроками. Я прикинул: 15 рублей — это в три-четыре раза меньше моего месячного заработка. Наша гостья тут же рассказала нам, что партийная организация может помочь только немногим, а

большинство профессиональных революционеров перебивается собственными средствами. Есть такие, что дают уроки за обед или ужин...

После этого случая мы с Иваном всегда по окончании занятий кружка уговаривали руководителя или руководительницу остаться с нами поужинать, и иногда нам этого удавалось добиться.

Квартира на Астраханской, 18, верно служила выборгской партийной организации до осени 1903 года.

Но наступил день, когда пришлось покинуть ее.

Во дворе нашего дома было два одноэтажных флигеля. В одном из них в 1903 году поселился недавно освободившийся из тюрьмы социал-демократ Юников[7]. Он был на нелегальном положении.

Как-то раз вечером, возвращаясь с работы, я подходил к воротам нашего дома. Кто-то со двора толкнул калитку, и при тусклом свете керосинового фонаря я увидел Юникова, а по бокам — двух городовых. Последним шел полицейский офицер. Понятно, что ни я, ни Юников ничем не выдали, что знаем друг друга. Посторонившись, я пропустил мимо себя всю процессию, а затем поторопился домой.

Иван был уже дома. Мы позвали на совещание Хаапанена.

— Вам надо немедленно скрыться, — сказал он.

— Почему? — спросил я, не улавливая его мысли.

Хаапанен рассуждал так: Юников держался очень конспиративно, его знало только несколько человек — как раз все те, кто знает и о существовании нашей квартиры; если арест Юникова — результат предательства, то можно ожидать, что будем выданы и мы с Иваном...

— Сейчас же уезжайте, — настаивал Хаапанен.

Но куда ехать?

Поразмыслив, мы решили отправиться в Финляндию.

Вскоре мы с Иваном были уже на вокзале, а в час ночи тронулся увозивший нас поезд [...]

11 Зак. № 122

Е. Д. Стасова

ВОСПОМИНАНИЯ

АГЕНТ «ИСКРЫ»

(...) Обращаясь к прошлым годам и работе, проводившейся нами, подпольщиками, хочется назвать ряд товарищей времен «Союза борьбы»: Н. К. Крупскую, З. П. Кржижановскую, А. А. Якубову-Тахтареву, С. И. Радченко, В. Ф. Кожевникову, Н. Н. Штремера, Е. Н. Федорову, М. М. Леонтович, М. М. Эссен («Зверь»), Л. А. Маркову, М. И. Девель, В. П. Майкову, Е. Д. Устругову, В. В. Сибилеву, А. Э. Рериха, П. Г. Смиттена, В. П. Краснуху и многих, многих других. Это были учительницы, врачи, студенты и студентки и т. д. [1]

Для тогдашней деятельности нужны были люди, о которых Ленин сказал в свое время: «...для „обслуживания" массового движения нужны люди, специально посвящающие себя целиком социал-демократической деятельности, и... такие люди должны с терпением и упорством *вырабатывать* из себя профессиональных революционеров» [2].

Какие черты должен был воспитывать в себе партийный работник в нелегальное время? Во-первых, точность. Не всегда можно было встретиться с товарищами на квартире, иногда приходилось встречаться на улице, где-нибудь на углу, и тут нужна была исключительная точность. Если вы придете с опозданием, товарищу придется в ожидании вас прохаживаться. Этим он обратит на себя внимание городового, шпика, дворника. Следовательно, вы ставите под наблюдение полиции и товарища, и себя. Надо было минута в минуту сойтись и идти дальше. Тогда встреча проходила не-

замеченной. Явки часто бывали на квартирах у врачей, у адвокатов. Приемные часы у них были определенные. Значит, нужно было вовремя прийти и вовремя уйти.

Затем требовалась наблюдательность, внимание к окружающему. Эти черты мы воспитывали в себе так: например, я вхожу в комнату, и товарищ мне говорит: «Отвернись и скажи, что ты видела». Я должна была перечислить все, что заметила в комнате.

Кроме того, мы должны были вырабатывать умение владеть своим лицом. Когда нас брали на допрос, допрашивающие садились спиной к свету, а нас сажали против света и наблюдали за выражением лица. Значит, надо было так владеть им, чтобы ничем не выдать своих мыслей и чувств.

Во время выборов делегатов на II съезд третейская комиссия Организационного комитета вызвала меня для проверки правильности мандатов на съезд[3]. За мной было в то время наблюдение полиции. Как же мне поступить? Решили, что за мной будет следить партийный товарищ. Сговорились, что ровно в 3 часа я выйду из нашего подъезда на Фурштадтской, а Раиса Моисеевна Шапиро[4] в тот же час выйдет из подъезда напротив, дом номер 15, и мы обе пойдем через Выборгскую сторону на Петербургскую, где должна заседать комиссия. Около клиники Виллие, не доходя Сампсониевского проспекта (ныне проспект Карла Маркса), где я буду опускать письма в почтовый ящик, она, проходя мимо, скажет, как обстоит дело. Так и получилось. Слышу шепот Шапиро: «Неотступно следят двое...» Как же быть, думаю. Решила идти дальше. Перейдя Сампсониевский мост, надеялась найти одинокого извозчика на Сампсониевском проспекте, вскочить в пролетку и уехать. На мосту вдруг меня обгоняет парная Введенская конка, а затем слышу звонок: едет одноконная Михайловская. Соображаю, что теперь за ними долго не будет конок, а потому если я воспользуюсь Михайловской конкой, то выгадаю время и смогу скорее найти нужного извозчика. Вскакиваю на ходу в конку и, оборачиваясь, вижу, что никаких преследователей нет. Вскоре встретился извозчик, который и довез меня к месту встречи.

Так я благополучно добралась до комиссии и смогла дать нужные разъяснения, которые позволили убедиться, что за оппортунистической группой М. Я. Лукомского, называвшей себя комитетом и требовавшей

в связи с этим посылки своего делегата, не стоит никакой организации и поэтому быть представленной на II съезде она не имеет права.

В связи с этим хочется сказать о таком курьезе: я ушла не только от правительственных шпиков, но и от Р. Шапиро. На следующий день я была в Гостином дворе и остановилась у витрины книжного магазина Битепажа. Вдруг слышу голос Шапиро за спиной: «Ты жива!» Оказывается, она среди публики потеряла мой след на мосту и решила, что меня арестовали...

У нас не было принято спрашивать друг у друга о том, что тебя не касается. Когда я заведовала техникой, я, конечно, знала товарищей, занимавшихся агитацией и пропагандой, но их подшефных, то есть тех, кто посещал их кружки, я не знала. Они могли мне дать поручение: отнести на такую-то квартиру литературу для рабочих. Но какой это кружок, кто руководил им, этого я никогда не знала и не спрашивала об этом.

Идя на революционную работу в конце прошлого и начале нынешнего века, подпольщики отдавали делу служения партии всю свою жизнь без остатка. Однако это отнюдь не являлось жертвой. Нет, в этом была суть всей жизни. Товарищи вспоминают о том, что было тяжело, но не в этом дело. Было много тяжелого, но основное в том, что мы были уверены в своей правоте и что бороться было радостно и весело. Вспоминается, как боролись с жандармами, как закалялись в борьбе, как обманывали бдительность «стражей порядка», как жили, работали и закалялись для новых боев. Основное было в том, что мы любили жизнь. Нашим лозунгом было: «Жить работая, умереть в бою».

Для того чтобы показать, как работали мы, агенты «Искры», мне необходимо сослаться на указания, которые мы получали со стороны Владимира Ильича.

В 1897 году, обращаясь от имени «Союза борьбы» к петербургским рабочим и социалистам, Ленин говорил: «Работники нужны для всякого рода работы, и чем строже специализируются революционеры на отдельных функциях революционной деятельности, чем строже обдумывают они конспиративные приемы и прикрытия своего дела... тем надежнее будет все дело, тем труднее будет открыть революционеров жандармам и шпионам... Без усиления и развития революционной дисциплины, организации и конспирации невозможна борьба с правительством. А конспирация прежде всего тре-

бует специализации отдельных кружков и лиц на отдельных функциях работы... Отдельные функции революционной работы бесконечно разнообразны... Нужны распространители литературы, листков... Нужны устроители конспиративных квартир... Нужны сборщики денег... Нужны люди для хранения литературы и других вещей и т. д. и т. д.» [5].

В первом номере «Искры» Ленин писал: «Надо подготовлять людей, посвящающих революции не одни только свободные вечера, а всю свою жизнь, надо подготовлять организацию, настолько крупную, чтобы в ней можно было провести строгое разделение труда между различными видами нашей работы» [6].

Я была главным образом техником и организатором. Что входило в мои обязанности? Хранение литературы и получение ее. Доставка ее отдельным группам. Явки для приезжих и ночевки для них. Явкой называлась квартира или другое место, в котором члены подпольной организации в определенные часы и дни могли встретиться с кем-либо из руководителей организации. Из конспиративных соображений явки часто менялись. Одновременно я входила в финансовую комиссию, добывавшую средства для партии, что делалось путем устройства концертов, лекций, продажей фотографий, печатанием открыток и т. д.

Как было организовано получение нелегальной литературы, хранение ее и распространение, как Петербург снабжался литературой с 90-х годов прошлого столетия и до 1907 года? [7] Ведь этому В. И. Ленин придавал огромное значение и в письмах того времени часто возвращался к этому вопросу. Писала же Крупская в Петербургский комитет: «Отовсюду раздается такой стон: литературы! — что на этом приходится сосредоточить все силы...» [8]. Одна литература была та, которая издавалась за границей и которая шла к нам главным образом через Швецию и Финляндию. Другая — это та, которую печатала наша типография. Я не могу сказать с точностью, где она находилась, но, кажется, она была в Белостоке [9]. Методы получения той или другой литературы были разнообразные.

Как мы получали литературу из-за границы?

Из Швейцарии мелкий транспорт литературы поступал так: склеенные экземпляры газет, напечатанные на специальной тонкой бумаге (которую англичане употребляли для своих миссионерских изданий), заделы-

вались в переплеты невинных детских книг или каких-либо альбомов. Оторвав переплет, нужно было размочить его в теплой воде и отделить склеенные листы друг от друга, затем следовало снять губкой остатки клея и просушить газетные листы. После такой «операции» газета не портилась и свободно читалась.

В начале 900-х годов мы стали получать литературу через Финляндию. Вначале ее в очень небольшом количестве привозили при посредстве сочувствующих нам кондукторов, кочегаров и машинистов Финляндской железной дороги. Эта литература шла через Швецию, где всем транспортом ведал литератор Конни Циллиакус [10]. Он совершенно не разбирался в русских политических партиях, считал их все «революционными», и мы частенько получали вместо ожидаемых искровских, позднее большевистских, изданий «творения» «экономистов», бундовцев, социалистов-революционеров, а затем меньшевиков, и у нас не было ни малейшего желания нагружаться этой литературой, подвергаться из-за нее риску быть арестованными на станции Белоостров. Но отказ взять у товарищей финнов в Куоккале, Териоках или в Выборге доставленную литературу мог привести к тому, что они впредь перестали бы перевозить ее из Гельсингфорса [11]. Это грозило остановить доставку литературы из Стокгольма и погубило бы весь нелегальный транспорт ее. А ведь наши организации так в ней нуждались!

Необходимо было поставить дело транспорта так, чтобы мы могли быть уверены во всем пути, начиная от Лондона и Женевы, где печаталась литература, и до Питера.

В самой Финляндии существовали в то время группировки «активистов» и «пассивистов». Одни боролись за независимость Финляндии активными путями (главным образом, путем индивидуального террора), другие — пассивно (через печать). Обе группы охотно помогали русским революционерам; при их посредстве мы находили достаточное количество нужных нам квартир, адресов и т. д., чтобы получать литературу, давать явки, прятать нелегальных товарищей, бежавших из тюрьмы и пробирающихся за границу.

В Выборг литературу привозили железнодорожники Финляндской железной дороги. Здесь был книжный магазин, в который она поступала и откуда мы должны были ее получать. Из Выборга я переправляла транс-

порт в дачные места, откуда его разбирали разносчики литературы и привозили в Петербург. При этом литературу приходилось прятать под одежду. Везти пакетами ее было нельзя, так как все дачные места (Мустамяки[12], Куоккала, Териоки, Оллила и другие) находились на территории Финляндии и в Белоострове происходил таможенный досмотр. Таможенники, несомненно, задерживали бы литературу.

Недалеко от почтовой и таможенной станции Коркиямякки находилось имение Кириасалы Софии Игнатьевны Бурениной, матери нашего подпольщика Николая Евгеньевича Буренина, носившего кличку «Виктор Петрович», то есть имя и отчество черносотенца писателя В. П. Буренина, а его самого мы звали Небуренин, присоединив к его фамилии первые буквы его имени (Николай) и отчества (Евгеньевич). Это имение сослужило большую службу в деле транспорта литературы.

Н. Е. Буренин организовал для местных жителей, и в том числе таможенников, чтение с волшебным фонарем. Он получал его из «Подвижного музея учебных пособий» в Петербурге, в котором было много революционеров. Буренину приходилось через станцию Коркиямякки в санях или в телеге привозить и фонарь и картины. Он так часто ездил в Петербург и имение, сопровождая ящики с «оборудованием», что в конце концов таможенники привыкли к этому и перестали его досматривать. Заметив это, Николай Евгеньевич, направляясь в Петербург, стал перевозить в примелькавшихся ящиках нашу нелегальную литературу.

Однажды мне самой пришлось поехать за литературой, потому что в силу каких-то обстоятельств Буренин не смог ее привезти. Я приехала в Кириасалы под видом гостьи. На обратном пути Буренин посадил меня в телегу на ящик, и я спокойно привезла нелегальщину на дачу около станции Парголово, откуда предстояло переправить ее к себе на петербургскую квартиру. Так как везти литературу в ящике было нельзя, я переложила ее в портплед и в большую коробку из-под шляпы и благополучно довезла до своей квартиры. Но здесь-то и произошел казус. Едва я вошла в подъезд, как ремни коробки, не выдержав тяжести, лопнули и содержимое веером высыпалось к ногам швейцара (служившего когда-то в Преображенском полку). Ну, думаю, пропала! Но швейцар и его жена сделали вид, что ничего предосудительного не заметили, и даже помогли мне

все собрать в коробку. Я поднялась домой, вызвала товарищей, и уже через час у меня ничего не было.

Оказалось потом, что этот бывший преображенец сочувствовал мне и моему брату Борису, и, когда наведывались шпики, он предупреждал брата [13]. А после Октября 1917 года он пришел ко мне, чтобы я его защитила, потому что его как бывшего преображенца «прижимали».

Одним из самых активных наших помощников того времени был журналист Артур Неовиус, высланный из Финляндии и поселившийся в Стокгольме. Позднее через него шла переписка Петербургского комитета партии с Ильичем и Надеждой Константиновной. В письме в Женеву от 4 февраля 1905 года я дала адрес Неовиуса Надежде Константиновне с просьбой высылать на него газету «Вперед» и указывала, что лучше всего вкладывать «Вперед» [14] внутрь какой-нибудь легальной иностранной газеты, которая пересылалась бандеролью.

Массовая пересылка литературы багажом шла в адрес Народного дома в Стокгольме и оттуда на пароходах «Борэ I» и «Борэ II» направлялась в Гельсингфорс, а затем в Выборг. Это передаточное место служило для того, чтобы пересылать литературу ближе к границе. С Народным домом мы были связаны непосредственно через руководителя социал-демократической партии Швеции Карла Брантинга [15].

Мне как заведующей всей техникой Петербургского комитета лично приходилось в 900-е годы не раз пользоваться дачей Алексея Максимовича Горького в Мустамяках для встреч с товарищами из-за рубежа. Мустамяки были на территории Финляндии за пограничной станцией Белоостров, и товарищи могли спокойно приезжать на эту дачу для переговоров со мной по делам транспорта литературы из-за рубежа. Пользовалась я дачей и для получения литературы и для встречи с финскими революционерами по делам партии.

Был у нас и специальный способ получения литературы с вокзалов в тех случаях, когда она прибывала багажом.

Литература часто печаталась в нелегальной типографии. Получив накладную, приходилось нанимать посыльного. В это время в Петербурге была артель посыльных, которые носили фуражки с красным верхом, как у наших современных начальников станций, и с

медной бляхой спереди, где было вырезано «Посыльная артель, номер такой-то».

Обычно накладная на прибывший багаж вручалась одному из наших товарищей, который для получения и доставки по определенному адресу багажа официально и законным путем нанимал артельщика. Поскольку дело было серьезное, товарищ должен был убедиться, что за артельщиком нет слежки, и лишь после этого он имел право появиться на указанной квартире. Как правило, в этой квартире багаж поджидала я с подоспевшим товарищем. Вместе мы его распечатывали, сортировали содержимое и через разносчиков пересылали в соответствующие места. За все время только один раз случилось следующее: с вокзала вышел артельщик, а за ним следовал какой-то субъект. Товарищ, который следил за артельщиком, поспешил на квартиру и предупредил об этом меня. Мы тотчас вышли и, поскольку дом был с проходным двором, стали следить, что же будет дальше. Видим, как появился посыльный в сопровождении субъекта, получатель багажа его не встретил, и тогда он прошел в дворницкую. Вскоре они удалились вместе с багажом несолоно хлебавши. Дело в том, что адрес был указан правильный, а фамилия получателя — фиктивная. Когда пришедшие стали спрашивать у дворника фамилию жильца, то, конечно, такого не оказалось, и следовательно, сдать багаж было некому. Литературу мы потеряли, но квартиру сохранили.

Я могу сказать, что в числе других квартир, где хранилась литература, одна была в профессиональной школе Дервиза на Петербургской стороне, на Большой Ружейной улице, другая — в мастерской скульптора Ильи Яковлевича Гинцбурга[16] в Академии художеств на Васильевском острове. Хранение литературы было организовано и у некоторых студентов в их общежитиях. На той квартире, куда доставлялась литература, через час после ее получения ничего не должно было оставаться; корзина или чемодан, в которых литература получалась, сжигались хозяином квартиры, чтобы при возможном появлении полиции не было никаких следов. Таковы были правила конспирации.

Литературу полагалось всегда нагружать на себя. Выносить пакеты в руках было запрещено, так как они привлекали внимание шпиков. Люди нагружались и уходили поодиночке. Я обычно покидала квартиру последней, чтобы унести остатки. У меня выработалась

привычка никуда не ходить без портфеля. Даже в театр или в концерт я шла с портфелем, и вследствие этого у шпиков была отмечена как «девушка с портфелем». Когда я знала, что мне предстоит нести литературу, то дома набивала портфель мятой бумагой, чтобы сделать его пухлым, а на улице время от времени перекладывала его с руки на руку, как будто тяжелый. Ну, а набив его литературой, я уже естественно перекладывала его с руки на руку.

Товарищи, нагрузившись, конечно, «полнели». Владелец одной из конспиративных квартир, где мы получали литературу, врач К. А. Крестников, смеясь, говорил, что он великолепно лечит больных, так как его пациенты сразу полнеют. Я же при помощи портфеля и благодаря своему росту уносила до пуда литературы.

Был один случай на квартире у Буренина в Петербурге на Рузовской улице, дом номер 3. Последними должны были уходить член нашей организации доктор Штремер Николай Николаевич [17] и я. Штремер при своем большом росте тоже мог унести много литературы. Для того чтобы нагрузить себя, я должна была раздеться. Хозяин комнаты и Штремер стали лицом к окошку, а я пошла вглубь, чтобы снять платье и нагрузиться литературой. Только принялась за дело, как входит кухарка. По непростительной для подпольщиков оплошности мы забыли запереть дверь. В глубине комнаты стоял лишь маленький китайский столик, за который я, конечно, не могла спрятаться. Представьте себе картину: два молодых человека и раздетая молодая женщина! Увидев это, кухарка остолбенела. Хозяин квартиры, подхватив ее под руку, вылетел с ней из комнаты. Мы так хохотали, что я долго не могла ничего сделать.

На мне лежала обязанность печатания листовок. Как мы должны были их печатать? На гектографе. Но гектограф и гектографическую массу могло приобрести только учреждение. Частным лицам также не запрещалась их покупка, но сразу же вслед за нею их квартира становилась объектом наблюдения охранки, и возможность что-нибудь печатать сводилась на нет. Поэтому гектографическую массу мы варили сами. Надо было иметь желатин и глицерин. Желатин было легко купить, но в аптеке глицерин продавался только в определенном и ограниченном количестве. Чтобы изгото-

вить гектографическую массу, надо было мобилизовать ряд товарищей, которые бы собрали достаточное количество глицерина, принесли бы ко мне, а я увозила его на квартиру, где наши «специалисты» варили нужную нам массу.

Бумага тоже вызывала затруднения. В магазинах не продавали больше двух тетрадей бумаги. Следовательно, надо было обойти ряд магазинов, купить ее и потом отнести туда, где печатались листовки.

Я вспоминаю майскую листовку 1901 года. Тогда перед майскими днями полиция произвела очень много арестов, и среди арестованных были некоторые члены Петербургского комитета. Для того чтобы показать, что комитет действует (хотя он из-за «экономистской» позиции тогдашних своих руководителей влачил жалкое существование), мы решили распространить листовки и даже разослать их по почте таким «именитым» адресатам, как обер-прокурор Победоносцев, министр внутренних дел Дурново и другие [18].

Рассылка писем была поручена мне. И вот 17 апреля до позднего вечера на квартире Девель мы — хозяйка Мария Ивановна, Майкова и я — писали адреса на конвертах, часам к 12 ночи подготовили до 50 конвертов и вложили в них листовки. Затем вдвоем с Майковой шли по разным улицам и опускали конверты в почтовые ящики. Домой я пришла около часу или двух ночи. Встречает меня брат Борис и говорит: «Кто-то из твоих оставил записку и на словах еще сказал, чтобы завтра к 7 часам утра доставить на Путиловский завод фельдшерице Лидии Николаевне Бархатовой знамя для демонстрации» [19]. В 5 часов утра я встала и, чтобы не обратить внимание швейцара, только в 2 часа ночи открывавшего мне дверь, вышла из дома по черной лестнице. Долго я не могла найти извозчика. Наконец обрела какого-то ночного извозчика и доехала до Обводного. Пришлось будить М. И. Девель. Знамя получено. Обмотала его вокруг себя и опять в поход. Опять поиски извозчика и поездка на Путиловский завод. Бархатова ждала меня, и знамя было вручено ей вовремя. День города уже начинался, когда я вышла от Бархатовой, и домой могла вернуться уже на конке. Брат спросил: «Ну, как дела?» На что я ответила, что все в порядке. Он ахнул.

Среди рабочих листовки были распространены в большом количестве.

Все это как будто «черновая работа», но этой работе В. И. Ленин придавал большое значение, и не раз в его письмах видно, как он заботился о транспорте литературы. В. И. Ленин не считал это мелочью, а, напротив, очень высоко ценил эту работу.

Кроме таких гектографических листовок мы пытались организовать свою маленькую типографию. Несколько товарищей нашли «американку», и мы выпустили две листовки, но «американка» шумела, на товарищей донесли, и типография провалилась. Была попытка устроить типографию в Новгороде [20].

Моя большая приятельница В. Ф. Кожевникова [21], которая работала в Военно-медицинской академии в Петербурге, получила назначение в качестве фельдшерицы в Колмов, в шести верстах от Новгорода, где находилась психиатрическая больница. Здесь, как известно, лечился Глеб Успенский. Его в свое время пользовал в этой больнице знаменитый доктор Синани. Варвара Федоровна хворала туберкулезом, и вот на новом месте с ней случилось обострение процесса. Она попросила меня приехать и помочь ей, так как была совершенно беспомощной. Кроме того, необходимо было связаться с Новгородом, где жила и работала Нонна Феликсовна Устинович [22]. Ей было поручено организовать в Новгороде подпольную типографию, и связь с ней поддерживалась через Вареньку Кожевникову. Одновременно с тем, что я помогала больной, мне пришлось поддерживать всю связь с Питером по части снабжения Новгорода шрифтом для типографии. После посещения мною Колмова через Кожевникову посылался шрифт, но поставить типографию не удалось, она провалилась. Устинович и Кожевникова были арестованы [23].

Кто был разносчиком литературы в Петербурге в то время? Главным образом молодежь... Во всех высших учебных заведениях Петербурга имелись члены партии, они объединялись в организацию того или другого учебного заведения. Во главе каждой организации стоял ответственный за нее товарищ, который и входил в состав общестуденческого комитета партии. В то время я несла ответственность за работу этого комитета и являлась представителем в нем от Петербургского комитета партии. Студенчество имело свои агитационные и пропагандистские кружки, свою финансовую комиссию, своего организатора. Через этот комитет я и получала нужных мне помощников для техники, т. е. разносчи-

ков и хранителей литературы, дававших свои квартиры или общежития для явок. Явки были в столовой Технологического института, в Военно-медицинской академии, в столовой Петербургского университета. Устроить явку в университете помог студент Ш. З. Элиава[24].

Студенты в своих общежитиях устраивали на ночь товарищей, которые приезжали из-за границы или из провинции и, будучи нелегальными, не могли где-либо остановиться, не имея паспорта.

Студенческая масса к этому времени все более и более активизировалась.

12 января (Татьянин день) — день основания Петербургского университета — студенты начали отмечать демонстрациями. На студенческих вечеринках и во время этих демонстраций напевались такие песни, как «Соберемтесь, друзья», «Нагаечка, нагаечка, нагаечка моя», «Смело, товарищи, в ногу», «Красное знамя», «Варшавянка», «Дубинушка», «Утес Стеньки Разина» и другие. Притом в песне «Утес Стеньки Разина», которую мы пели, был такой куплет:

Если есть на Руси хоть один,
Кто с корыстью житейской не знался,
Кто неправдой не жил, бедняка не давил,
Кто свободу, как мать дорогую, любил
И во имя ее подвизался —
Пусть тот смело идет, на утес тот взойдет
И к нему чутким ухом приляжет,
И утес-великан все, что думал Степан,
Все тому смельчаку перескажет.

На все это градоначальник реагировал посылкой усиленных нарядов полиции и жандармов, избивавших и арестовывавших студентов.

Кроме студенчества нам очень много помогали адресами для явок адвокаты, врачи, у которых в определенные часы дня были приемы клиентов. Это был тот контингент, который давал возможность принимать товарищей, это были квартиры, куда мы могли безбоязненно явиться. Ко мне домой приходить не позволялось опять-таки по соображениям конспирации.

У меня были очень дружеские отношения с И. Е. Репиным. Я не раз обращалась к нему за материальной помощью на нелегальные нужды, и никогда Илья Ефимович не отказывал мне. В бытность Репина академиком я пользовалась его мастерской в Академии художеств на Васильевском острове как явкой. Ключ от

этой мастерской предоставлял мне скульптор И. Я. Гинцбург, который, как я уже говорила, также имел мастерскую в Академии [...]

Кроме мастерской И. Е. Репина была еще одна нелегальная явка на Постоянной выставке в Академии художеств, где работала секретарем член нашей организации Леонтович. Явка эта была безукоризненной. Но был случай, когда я должна была встретиться там с М. М. Эссен и не встретилась. Мы обе долго ходили по выставке, да так друг друга и не нашли. Дело в том, что я была одета как элегантнейшая дама — на мне была шикарная шляпа, отделанная соболем, вуалетка, лорнет в руках. В конце концов я пришла к Леонтович и говорю ей: «Нет Эссен». Она отвечает: «Эссен думала, что увидит курсиху, а тут такая элегантная дама».

Кроме квартир для явок, для складов, для собраний нужны были квартиры для ночевок. Одной из них была квартира ныне покойного президента Академии наук СССР В. Л. Комарова. Она была удобна тем, что входы в нее были с разных сторон. Адресом Комарова мы пользовались и для получения писем.

Вообще всех явок и всех квартир, конечно, не упомянешь [...]

В число моих обязанностей входили и финансы. Для работы нужно было иметь деньги, а их-то у нас и не было. Каким же образом мы их доставали? Во-первых, в этом нам очень помогали студенты. Официально они устраивали концерты для неимущих студентов. Но за собранные деньги нужно было отчитываться по количеству проданных билетов. И тут на помощь нам шли рабочие типографий. Они печатали большее количество билетов, чем было указано. Организаторы концертов отчитывались в меньшем количестве проданных билетов, а оставшиеся деньги вручали нам. Кроме того, устраивался буфет и продавали не только чай, но также коньяк и водку, что было запрещено. Водку и коньяк наливали в чайники: под видом кипятка — водку, а под видом чая — коньяк. Доходы от этого также шли на революционную работу.

Имелся доход и от устройства лекций в частных квартирах. Такие лекции часто устраивались у нас в доме. Мои родители охотно содействовали их устройству. Из большой комнаты-зала выносили мебель, ставили стулья в ряды и приглашали гостей. Текст приглашения гласил: «Поликсена Степановна и Дмитрий

Васильевич Стасовы просят Вас пожаловать в такой-то день и такой-то час на чашку чая». Приглашения оплачивались. Обыкновенно тот, кому поручалось раздать их, получал деньги, но можно было внести их и придя на лекцию. Для этого в передней ставился поднос. Кто-нибудь должен был дежурить в передней и в случае появления полиции немедленно спрятать деньги. Я помню одну лекцию Туган-Барановского на нашей квартире. Как раз на эту лекцию нагрянула полиция с черного и парадного ходов, задержала всех и переписала. В числе посетителей у нас была тогда и графиня Панина — родственница князя Вяземского, начальника удельного ведомства. Тот поднял бучу: «Как! Мою двоюродную сестру — графиню Панину смели переписать?..» И вот Вяземский напустился на Клейгельса (петербургского градоначальника) и потребовал его извинения. Клейгельс звонил моему отцу и извинялся.

Про Вяземского и Клейгельса было сложено несколько строк по поводу студенческой демонстрации на Казанской площади:

Смирно! Стой! — кричит удельный.
Бей! Руби! — кричит бездельный —
Клейгельс генерал [25].

Помню другой случай.

Практиковались горьковские вечера, сборы с которых поступали в кассу партии. Я прекрасно помню один из них, устроенный в 1903 году на квартире известного петербургского адвоката О. О. Грузенберга, где Горький читал только что написанный им очерк «Человек». Произведение, прозвучавшее как гимн человеку, произвело огромное впечатление на слушателей, а вторичное чтение очерка встретило еще больший восторг, и самый вечер принес в кассу партии крупную сумму денег, так как каждое приглашение было хорошо оплачено.

А. М. Горький всемерно помогал партии большевиков, и помощь эта оказывалась в самых разнообразных формах.

Алексея Максимовича я знала с конца прошлого столетия, но не могу вспомнить, при каких обстоятельствах познакомилась с ним. Думаю, что знакомство наше состоялось через посредство Александры Михайловны Калмыковой, которая дружила с моей матерью и часто бывала у нас [26]. Работая как агент «Искры», я

пользовалась магазином А. М. Калмыковой для хранения нелегальной литературы, в чем мне помогала сотрудница Калмыковой О. Н. Чагина. А. М. Калмыкова и А. М. Горький были членами Комитета грамотности [27], я же использовала для воскресной школы, в которой работала, брошюры, издававшиеся комитетом.

Помню также, что я бывала в издательстве «Знание» [28]. Бывала и у А. М. Горького на его квартире в Питере на Николаевской улице (теперь улица Марата). Сохранилось в памяти посещение Алексея Максимовича по каким-то делам в 1903 году. Тогда моей матери сделали ампутацию левой руки, и Алексей Максимович расспрашивал меня о том, как прошла операция и каково общее состояние здоровья моей матери.

Для получения денег мы использовали и издательское дело. На моем процессе в Тифлисе в 1913 году были перечислены очень любопытные вещи, выпущенные нами в Петербурге. Помню, мы распространяли стихи Галиной [29] «Лес рубят», посвященные событиям 1901 года:

Лес рубят — молодой, нежно-зеленый лес...
А сосны старые понурились угрюмо
И, полны тягостной, неразрешимой думы,
Безмолвные, глядят в немую даль небес.
Лес рубят... Потому ль, что рано он шумел?
Что на заре будил уснувшую природу?
Что молодой листвой он слишком смело пел
Про солнце, счастье и свободу?
Лес рубят... Но земля укроет семена:
Пройдут года, и мощной жизни силой
Поднимется борцов зеленая стена —
И снова зашумит над братскою могилой!

Тогда же примерно курсировало стихотворение:

Приключением в Отсу
Взволновались царь с царицей:
Сладко ль матери, отцу,
Когда сына бьет полиция.
А, царевич Николай,
Когда царствовать придется,
Ты почаще вспоминай,
Как полиция дерется.

Стихотворение это было сочинено по поводу «инцидента» в Японии, когда наследник Александра III, дебоширивший в одном из японских городов во время своего кругосветного путешествия, получил 21 апреля 1891 года удар по голове от японского полицейского.

Одно стихотворение, да еще с карикатурой, было найдено у меня при обыске. В деле значилось: «кощунственный рисунок». Это уже касалось 1904 года (Порт-Артурской эпопеи) [30] и событий 9 января 1905 года. На рисунке изображен Николай II, штаны у него спущены, обеими руками он держит рубашку. С одной стороны стоит Победоносцев и обращается к государю: «Разрешите, ваше величество, я подержу сорочку». Николай отвечает: «Оставь, я сам самодержец». А с другой стороны японец его сечет. Подпись под рисунком была следующая:

Вот, наконец, сошел на наши флаги
Счастливый луч удачи боевой:
Там, в Порт-Артуре, отдали мы шпаги,
Но здесь, на Невском, полные отваги,
Мы ринулись и выиграли бой.
О, славный час! Победы нашей рати
Ждала вся Русь, давно была пора,
Пускай погибли сотни наших братий
И Русь полна рыданий и проклятий,
Но спасена честь армии. Ура!

После Порт-Артурского поражения была выпущена открытка: Витте с венчиком вокруг головы, как на иконе, с надписью: «Портсмутская божия матерь, мироточивая». Это был намек на мир, заключенный Витте в Портсмуте [31].

Был еще один рисунок, взятый из немецкого сатирического журнала. Он изображал в верхней части большой занавес с царскими эмблемами, перед ними стоит на коленях крестьянин в лаптях и говорит: «Я ищу пути к твоему сердцу, государь». Нижняя часть — тот же занавес раздвинут, показалось дуло стреляющего ружья. Крестьянин падает. Подпись: «И я — к твоему».

Финансовая комиссия пользовалась фотографическими аппаратами для размножения портретов замечательных людей. Так, нами были выпущены портреты К. Маркса, Ф. Энгельса, Ф. Лассаля, В. Либкнехта, Р. Оуэна и других. Выпускались многочисленные открытки с изображением событий 9 января и другие.

Были еще открытки с портретами Н. Э. Баумана, лейтенанта Шмидта. Мы выпустили также марки с изображением К. Маркса, Ф. Энгельса, Ф. Лассаля, А. Герцена, П. Лаврова, Н. Г. Чернышевского, Г. Плеханова, П. Прудона, Ш. Фурье, Сен-Симона, Р. Оуэна, К. Каутского, П. Кропоткина, А. Бебеля, Ж. Геда. Эти мар-

ки были взяты у меня при обыске в 1912 году, когда я была арестована в Тифлисе.

В числе фотографий и гравюр, которые мы распространяли, была одна, которая пользовалась большим успехом среди либеральной публики. Относилась она к тому периоду, когда Бобриков, будучи генерал-губернатором в Финляндии, вздумал ликвидировать законы, учрежденные для Финляндии в 1809 году после ее присоединения к России и дававшие ей некоторую свободу и самостоятельность как великому княжеству [32]. Неизвестный (а может быть, я просто забыла его имя) финский художник нарисовал следующую картину: белокурая финская девушка с распущенными волосами, в белом платье, перехваченном кушаком, на котором пряжкой был финский герб, держит обеими руками над головой большую книгу с надписью «Lex» («Закон»). В книгу эту обеими лапами и всеми когтями вцепился огромный двуглавый орел с широко раскинутыми крыльями и пытается выхватить книгу [33]. Фон образовали тяжелые грозовые облака, прорезанные молниями. Это была великолепная художественная картина, воспроизведенная в виде гравюры. Мы ее продавали за 25 рублей экземпляр, а в то время это были большие деньги. Гравюры эти мы получали из Финляндии нелегально через железнодорожников-финнов.

Партия старалась использовать каждую мелкую возможность и в лице своей финансовой комиссии сразу же схватывала на лету все, что подвертывалось, чтобы провести, с одной стороны, агитацию, а с другой — получить деньги в кассу. И это продолжалось до февраля 1917 года [...]

Финансовые дела оставались в моих руках в течение долгих лет моей работы в Петербурге и позднее послужили основой для организации финансовой комиссии, в которой работали, между прочим, П. С. Араратов, А. Я. Гуревич и другие.

Вопрос шел о средствах не только для партии, но и для политического Красного Креста, т. е. для организации помощи ссыльным и заключенным.

Несколько слов о политическом Красном Кресте. Эта организация задавалась двоякой целью: во-первых, материально помочь заключенным революционерам, а во-вторых, поддержать их морально и дать им возможность не чувствовать себя оторванными от живой политической жизни.

Организовать свидания с заключенными, доставить им сведения о партийной работе, о политических событиях было делом политического Красного Креста. Через него на меня, как заведующую техникой, возлагалось обеспечение связи с заключенными, организация передач для них, забота о том, чтобы они знали, в чем обвиняют круг лиц, связанных с ними. Для этого имелось много способов. Одним из них была посылка «женихов» и «невест» на свидания с заключенными. Не у всех арестованных были родные, значит, нужно было находить «женихов» и «невест». В. И. Ленин, будучи заключенным, передал через сестер, чтобы к нему тоже пришла «невеста». Незадолго до своей смерти Надежда Константиновна рассказывала: «Мария Ильинична пришла ко мне и сказала, что надо пойти к Владимиру Ильичу невесте. Я подумала — я ли должна пойти или кто другой. Я пошла, и оказалось — правильно».

Как доставлялись сведения, т. е. записки? При личном свидании их передавали при пожатии руки, при объятии и т. д.

А если свидание было через две решетки? Тогда нужно было умудриться спрятать записку в передачу. Записки, написанные мелким и мельчайшим почерком на папиросной бумаге, заделывали в то, что сейчас называется целлофаном. А затем обмазывали густо вареньем и обсыпали сахарной пудрой — делали, так сказать, искусственную «клюкву в сахаре» и эту искусственную клюкву вкладывали в купленную действительно клюкву в сахаре. Или покупали соответственное печенье, упакованное в бандероль, осторожно снимали эту бандероль, расщепляли слоистое печенье, выдалбливали луночку и вкладывали записку, а затем все водворяли на место. Или распиливали кусок пиленого сахара, выдалбливали лунку, а потом смазывали края белком и припудривали сахарной пудрой; кусочек был как целый и не отличался ничем от других. Или снимали с мандарина звездочку, протыкали стерженек, вкладывали записку, а звездочку приклеивали. Способов было много, и их всячески разнообразили.

Как видно из вышесказанного, эта работа была весьма трудоемкая и хотя техническая, но В. И. Ленин всегда говорил, что во всякой технической работе есть доля политики, что нет мелочей в революционной работе.

На мне также лежала обязанность получения паспортов. Это было непростое дело. Большую помощь нам оказывал знакомый М. И. Калинина — старший дворник Конон Демьянович Савченко, живший недалеко от меня, на Воскресенском проспекте (ныне проспект Чернышевского). Он был на хорошем счету у полиции. Все старшие дворники, как и швейцары, состояли, как правило, на службе у полиции, и, следовательно, за ними не следили. И когда случалось что-нибудь экстренное, например, нет у меня явки, нет возможности спрятать на ночь приезжего, я спокойно шла к Конону, и он в дворницкой прятал товарища. Когда кто-нибудь из жильцов дома умирал в больнице, на обязанности старшего дворника лежало получить обратно его паспорт. Многие паспорта покойников, которые получал Конон Савченко и его ближайшие друзья — старшие дворники, попадали через Конона к нам. Это были так называемые «железные паспорта». В случае запроса, выдан ли паспорт на имя такого-то, ответ был бы утвердительным, значит, человек может спокойно жить по этому паспорту. Когда Конон ходил в больницу получать паспорта покойников, некоторые соседние дворники просили его: «У меня такой-то жилец помер, возьми его паспорт». Бывало, возвращаясь из больницы, он говорил: «Знаешь, твоего паспорта нет, потеряли его». А сам, конечно, сохранял его для партии.

Вся «техника» требовала очень много времени, точности и сил, так что в бытность мою в Петербурге пропагандистскую и агитационную работу я совсем не вела, если не считать той, которую проводила с учениками в воскресной школе. Что касается политических вопросов, то я, как заведующая техникой, постоянно присутствовала на заседаниях Петербургского комитета. В состав комитета входили представители агитации, пропаганды, от молодежи и от «Рабочего комитета». Последних во время «Союза борьбы» и споров наших с «экономистами» мы называли по их печатному органу «Рабочая мысль» «мыслителями». На этих заседаниях происходили горячие споры между нами, искровцами, и «экономистами». С момента появления в Питере представителя «Искры» Радченко И. И., да и раньше, с начала моего знакомства с В. Ф. Кожевниковой, я стала на позицию Ленина, так как Кожевникова и Е. Н. Федорова, будучи его сторонницами, быстро привлекли меня в свой лагерь[34].

Говоря о своей организационной работе, необходимо указать, что в те времена она была тесно связана с политикой.

Как иллюстрацию этого могу привести факт, который касается подготовки ко II съезду партии.

Положение в Питере тогда было сложное. В городе действовали два Петербургских комитета: искровский и примиренческий[35]. Кроме того, был Комитет Рабочей организации, называвший себя иногда петербургским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса». Каждая из этих организаций претендовала на исключительное право представительствовать на съезде. Для того чтобы определить правомочность каждой из них, был создан так называемый третейский суд. Вопрос об искровском комитете и «Союзе борьбы» был решен сразу: каждая из этих организаций получала по одному мандату. Сомнения возникли лишь в отношении так называемых литераторов. Это была группа во главе с редактором листков М. Я. Лукомским, о которой я говорила выше, отколовшаяся от Петербургского комитета; она стала громко именовать себя ПК РСДРП и претендовала на самостоятельное представительство на II съезде партии. Мне пришлось идти на заседание «третейского суда», где решались вопросы и политические, и организационные. Отвечая на них, я показала, что претензии примиренчески настроенных «литераторов» на посылку делегата не имеют под собой никакой почвы, они совершенно не связаны с рабочими и представляют лишь самих себя.

Переписка с искровским центром за границей, т. е. с В. И. Лениным и Н. К. Крупской, лежала на мне как на секретаре. Вся связь «Искры» с Россией шла через Надежду Константиновну. Она принимала активное участие в организации II съезда партии, была его делегатом, а затем столь же активно участвовала в подготовке и проведении III съезда партии.

С Владимиром Ильичем я познакомилась по переписке в 900-х годах. Его письма производили на нас необычайное впечатление. У меня в памяти сохранилось то волнение, с которым проявлялись и расшифровывались письма Владимира Ильича и Надежды Константиновны в адрес Петербургского комитета. Каждое письмо приносило много нового, свежего, давало указания, раскрывало перспективы дальнейшей работы. И. И. Радченко в разговоре со мной как-то сказал, что

эти письма действовали на нас как разорвавшаяся бомба, они приводили нас во внутреннее напряжение и заставляли думать о том, как лучше проводить нашу работу. Я вспоминаю письма, которые производили действительно особое впечатление, как, например, письмо, которое Владимир Ильич написал во время борьбы с «экономистами», с такими товарищами, как Токарев и Аносов, которые входили в состав Петербургского комитета [36].

Многие теперь не имеют понятия, что представляла собой корреспонденция того времени. Между II и III съездами партии в адрес Н. К. Крупской поступало до 300 писем в месяц. А что значило тогда написать письмо, например, Ильичу? Прежде всего надо было подготовить текст письма и отметить для последующей шифровки наиболее конспиративные сведения. После этого на отдельном листе нужные места зашифровывались и тщательно проверялись, чтобы не было ошибок, которые чрезвычайно затрудняли дешифровку письма. Но и на этом подготовительная работа не кончалась. Требовалось еще написать на каком-либо иностранном языке так называемое внешнее письмо. Оно тоже должно было тщательно продумываться, чтобы не вызывать малейших подозрений. Помню, при переписке между организациями в России мне не раз приходилось ругать людей за то, что они писали такие письма: «Милый друг, я твое письмо получил, за что благодарю, сейчас писать не могу». В то время 7 копеек (стоимость почтовой марки) были большие деньги, и полиция, когда вскрывала письмо, конечно, обратила бы внимание на такой текст. И наконец, за внешним письмом следовала последняя процедура — между строк явного письма различными химическими составами (химией) вписывалось конспиративное зашифрованное послание. Как видите, времени на подготовку нелегального письма уходило предостаточно, и можно себе представить, какая огромная и необычайно кропотливая работа лежала на Н. К. Крупской.

Письма из России в редакцию «Искры» посылались не прямо, а через несколько инстанций, так как ни В. И. Ленин, ни Н. К. Крупская не могли их получать непосредственно на свой адрес, поскольку их квартира, конечно, была под наблюдением и все письма из России вскрывались и просматривались. Поэтому письма направлялись и в Бельгию, и в Германию, и в Англию,

и во Францию, а уже оттуда пересылались или лично доставлялись Крупской.

Для того чтобы письмо еще меньше обращало на себя внимание почтового ведомства, и Надежда Константиновна, и я старались внешнее письмо писать на языке той страны, откуда или куда оно шло, т. е. по-французски, немецки или английски, что мы обе могли делать, владея этими тремя языками.

Как подтверждение нашей переписки не могу не привести письма, которое Надежда Константиновна и Мария Ильинична послали мне 15 октября 1933 года.

«Дорогая Елена Дмитриевна, — писали они,— шлем Вам в День Вашего юбилея горячий привет. Вспоминаются старые годы подполья и эмиграции, когда так ждали от Вас писем, вспоминается Ваш приезд в Женеву в пятом году. Милый Абсолют, крепко жмем Вам руку».

Одним из шифров переписки с Надеждой Константиновной у нас была басня И. А. Крылова «Дуб и трость», потому что в этой басне есть решительно все буквы алфавита. Так как мы часто пользовались этим шифром, мы знали наизусть, в какой строчке какая буква стоит. Это важно было потому, что, как бы чисты у вас ни были руки, если вы каждый день проводите пальцем по строкам, то какие-то следы остаются на книжке и в конце концов страница пачкается. Мы с Надеждой Константиновной все же из предосторожности писали басню на отдельной бумажке, а потом по ней шифровали.

Химические чернила я держала обычно в медицинском пузырьке с надписью «наружное» в числе прочих лекарств, чтобы при обыске они не бросались в глаза. Как хранились у меня адреса для переписки? Пока их было мало, я записывала их на тонкой бумажке и вкладывала ее в корешок переплета какой-либо беллетристической или научной книги в своей библиотеке. Когда же их стало очень много, я стала зашифровывать адреса в адресной книге «Весь Петербург» за минувший год, так как для пользования семьи употреблялось новое издание, а старое поступало в мое распоряжение. Мой преемник знал, что «Весь Петербург» был хранилищем конспиративных связей во всех концах России, и в случае моего провала, имея под рукой этот справочник, мог легко продолжить партийную переписку.

Иногда обстановка требовала упрощения шифра, которым мы пользовались. Скажем, приходили на явку

товарищи и приносили с собой различные адреса. Взять их в написанном виде я не могла, так как не была уверена, что по дороге меня не задержит полиция. Адрес надо было зашифровать. Для этого у меня, как и у других товарищей, был свой собственный ключ для шифровки. Он составлялся из семи слов, содержащих все буквы алфавита. Например:

1. Телефония.
2. Привычка.
3. Хитрюга.
4. Будущее.
5. Мездра.
6. Сцепщик.
7. Женьшень.

Каждая буква, как и в обычном шифре, обозначалась двумя цифрами: порядковыми номерами слова (числитель) и места буквы (знаменатель), которое она занимала в слове. Так, например, буква «л» в моем шифре обозначалась цифрой 1/3 (первое слово, третья буква). Кроме того, я могла менять шифр: например, назвать первое слово восьмым, потом пятнадцатым, потом двадцать вторым. Таким образом, один раз буква «ф» может быть 1/5, другой — 8/5, третий — 22/5. Я шифровала так же быстро цифрами, как писала буквами, так как знала наизусть, в каком слове какое место занимает буква. Вот образец зашифрованного слова «провокатор» — 213416241667563З,15622. Как видите, сплошной ряд цифр и только в одном месте стоит запятая. Это для того, чтобы показать, что 15 — это не первое слово и 5-я буква в нем, а 15-е слово (т. е. то же первое, но для заблуждения на случай провала названное 15-м, как указано было выше), 6-я буква в данном случае «о». В случае же моего провала условный шифр был, конечно, знаком и моему преемнику, который благодаря ему мог заполучить все нужные адреса.

Большую работу по усилению влияния «Искры» в Петербурге проделал Иван Иванович Радченко («Аркадий»), который приехал по явке от Н. К. Крупской [37] прямо ко мне и просил меня дать ему связи с «Союзом борьбы». И. И. Радченко был членом Организационного комитета по созыву II съезда партии и представителем организации «Искра» в Петербурге. Я связала его тогда с товарищем из Петербургского комитета и лично все время поддерживала с ним связь. Вся переписка с «Искрой» велась нами тогда совместно. Мне помогали

при этом В. Ф. Кожевникова (Штремер) и Николай Николаевич Штремер — члены нашей искровской организации [38].

Мне хочется привести здесь отрывок из письма, которое я получила в 1933 году от Вячеслава Рудольфовича Менжинского. Он, между прочим, писал мне следующее:

«Мало осталось товарищей, которые своими глазами видели начало твоей подпольной работы в Питере 90—900-х годов, а я работал под твоим началом около 4-х лет, видел твои первые шаги в качестве партийного руководителя и могу смело сказать, что до сих пор не встречал работников, которые, вступивши на поле подпольной деятельности, сразу оказались такими великими конспираторами и организаторами — совершенно зрелыми, умелыми и беспровальными. Твой принцип — работать без провалов, беспощадно относясь ко всем растяпам, оказался жизненным и после Октября, даже в деятельности такого учреждения, как ВЧК — ОГПУ. Если мы имели большие конспиративные успехи, то и твоего тут капля меду есть — подпольную выучку, полученную в твоей школе, я применял, насколько умел, к нашей чекистской работе».

К концу 1903 года в связи с арестами деятельность Петербургского комитета РСДРП сильно ослабла. Начальник петербургского охранного отделения 24 сентября 1903 года отмечал в памятной записке: «Собрание членов комитета, до того регулярное, не могло происходить, и первое собрание состоялось лишь 12 сентября сего года. Местом собрания была станция Парголово. На этом собрании кроме оставшихся членов Комитета Елены Дмитриевны Стасовой и Анатолия Георгиевича Циммермана присутствовали следующие лица: приехавший из города Екатеринослава бывший ученик Академии художеств Э. Э. Эссен, инженер путей сообщений Захар Николаевич Шишкин, неизвестная молодая барыня и неизвестный мужчина. На собрании Стасова заявила, что ввиду ареста («Андрея Черного»), Векслера и других, а также ввиду дошедших слухов, что и остальные члены Комитета известны охранному отделению, она предлагает им оставить на время работу и избрать новый Комитет. Предложение это сочувствия не встретило, так как вновь избранные члены Комитета не могли бы сразу ориентироваться, ввиду чего было решено пополнить Комитет новыми

лицами; старые же члены, за исключением Циммермана, вошли в его состав. В состав ПК РСДРП входят: Е. Д. Стасова, Э. Э. Эссен, З. Н. Шишкин, неизвестный еврей, еще два невыясненных пока лица» [39].

В конце декабря 1903 года я на несколько дней уехала передохнуть к своим друзьям В. Ф. Кожевниковой и Н. Н. Штремеру на станцию Молосковицы Балтийской железной дороги. Вернувшись в Петербург, я узнала, что С. К. Каверина, воспитанница В. В. Стасова, помогавшая нам в хранении нелегальной литературы и в связи с этим арестованная, передала из тюрьмы, что, очевидно, на днях меня тоже арестуют, так как одна молодая женщина, которую я недавно привлекла к обслуживанию складов (переноске литературы), была задержана и раскрыла мою кличку.

Я с М. М. Эссен обсуждала вопрос, какую бы кличку мне взять. Она мне сказала: «Охотней всего я дала бы тебе кличку „Категорический императив", но это слишком длинно, давай возьмем „Абсолют"». Так эта кличка и осталась за мною на долгие годы.

Я всегда в своей жизни ставила категорические требования к делу, к работе, требовала всего, а не часть... Но эти абсолютные требования предъявляла прежде всего к своей работе, к порученному мне делу, к самой себе [...]

М. М. Эссен

ПЕРВЫЙ ШТУРМ

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИСКРОВСКИЙ КОМИТЕТ В 1902—1903 ГОДЫ

Я поехала из Женевы в Петербург[1] с паспортом одной знакомой студентки, которая дала мне его для переезда через границу с условием, чтобы я его немедленно выслала обратно и ни в коем случае не прописывалась и не жила по нему. Она собиралась вскоре вернуться в Россию, и паспорт был нужен ей самой.

Переехав благополучно через границу, я немедленно отправила паспорт обратно и в Петербург приехала без всякого документа.

Я была довольно хорошо снабжена партийными директивами, планом работы, конкретными заданиями. Мне были сообщены явки, адреса, пароли, у меня было все, кроме паспорта. Правда, я особенно не беспокоилась, будучи уверена, что партийный комитет сумеет достать мне надежный документ. Но это оказалось сложнее, чем я предполагала. Между тем паспорт нужен был немедленно, так как ни в гостиницу, ни в меблированные комнаты, ни на частную квартиру без паспорта нельзя было и носа сунуть.

Наступал вечер, а я все еще была на улице. Я стала перебирать в памяти имена друзей и знакомых и вспомнила свою старую приятельницу по Саратову Евгению Семеновну Стрекалову. Забежав в адресный стол, я взяла ее адрес и направилась к ней. Она встретила меня самым радушным образом и сразу выручила. Жена ее сына Зинаида Васильевна Дешина отдала мне свой девичий паспорт, который сохранился у нее после замужества. Лучшего и желать было нельзя. Это была

не фальшивка, а настоящий паспорт, к тому же дворянский. Приметы и возраст подходили: рост средний, лицо круглое, волосы русые, нос и рот умеренные, особых примет нет.

С этим паспортом в кармане я на другое же утро сняла хорошую комнату на Фонтанке близ Невского и вызвала симпатию и доверие хозяйки как своим внешним видом (парижская шляпа, светлые лайковые перчатки), так и дворянским происхождением. В комнате стояло пианино, и мне сейчас же, как только я заявила, что приехала учиться пению, хозяйка любезно предложила пользоваться им, не стесняясь. Я спела под аккомпанемент хозяйки пару романсов и этим окончательно расположила ее к себе. Она мне любезно предложила и обедать у нее. Таким образом, мой быт сразу наладился.

Я прожила в этой комнате около восьми месяцев, вплоть до ареста, не вызвав и тени подозрения ни среди других жильцов, ни у самой хозяйки. Мой арест поверг ее в страшное изумление. Она была уверена, что это случайное недоразумение, которое, несомненно, немедленно разрешится. И, целуясь со мной на прощанье, обещала сохранить для меня комнату и сказала, что я вообще всегда могу рассчитывать на ее гостеприимство. И действительно, через несколько месяцев, когда по выходе из тюрьмы я зашла к ней, она устроила меня в своей гостиной и все время ахала и охала, что моя музыкальная карьера прерывается, так как меня из Петербурга высылают.

— И за что, подумаешь? Девушка приехала из провинции совершенствовать свой голос, а оказывается, и этого нельзя. Ну и порядки, — возмущалась она.

Устроившись на квартире, я уже спокойно могла отдаться работе, которая захватила меня целиком.

Петербургский комитет РСДРП представлял в ноябре — декабре 1902 года довольно прочную организацию с большим количеством связей в рабочих районах, прекрасно оборудованной техникой, налаженным транспортом. Правда, связи не были оформлены, не было организационной четкости.

Здесь надо сказать, что Петербургский комитет пережил довольно тяжелый период раскола. Группа социал-демократов, руководимая студентом Токаревым (кличка «Вышибало»), — сторонники «экономизма», начала выступать против искровцев. С ними пришлось

вести очень напряженную борьбу. В результате победы искровского направления над «экономистами» комитет летом 1902 года выпустил «Заявление», обращенное «Ко всем российским социал-демократическим организациям», в котором отметил, что «надо закончить,— выражаясь словами автора брошюры «Что делать?», — ликвидацию периода кустарничества, периода местной раздробленности, организационного хаоса и программной разноголосицы». В заключение комитет заявил «о своей солидарности с теоретическими воззрениями, тактическими взглядами и организационными идеями «Зари» и «Искры», которые признает руководящими органами русской социал-демократии» [2]. Осенью 1902 года «экономисты» откололись от комитета и образовали «Рабочую организацию петербургского „Союза борьбы за освобождение рабочего класса“».

К январю — февралю 1903 года нам удалось надлежащим образом сконструировать комитет согласно указаниям Ленина. В искровский комитет входили представители районных комитетов, районные организаторы, преимущественно рабочие: Белянчиков, Стернин, Корчевский, Шотман. Литературным отделом заведовал Дивильковский, пропагандистским — я, всей техникой — типографией, транспортом — Лавров. Секретарем комитета была Е. Д. Стасова [3].

Секретарь комитета не играл в то время такой роли, как сейчас, он не руководил политической деятельностью комитета, но диапазон его работы был все же чрезвычайно обширен, и Е. Д. Стасова с этой работой блестяще справлялась. В ее руках сосредоточивались все связи, все нити повседневной организационной работы, связь с заграничным центром, учет новых работников, обеспечение комитета денежными средствами, помещениями для собраний, ночевок и ряд других самых разнообразных дел. Комитет обычно собирался не чаще одного раза в неделю, и созыв комитета лежал на секретаре. Повестка дня принималась на собрании комитета с учетом имевшихся у секретаря заявок различных отделов, заслушивалась краткая информация секретаря о текущих делах и сообщение о полученных письмах от Ленина и Надежды Константиновны Крупской. Каждый заведующий отделом имел свою группу работников, свои квартиры для собраний, явок и мог без предварительной санкции комитета обсуждать и решать вопросы, связанные с его работой. Чаще всего

происходили собрания пропагандистов и районных организаторов, иногда устраивались общие собрания пропагандистов с организаторами того или иного района для решения практических вопросов, связанных с их повседневной деятельностью. Петербургский комитет уделял огромное внимание пропагандистской работе, привлекая к ней наиболее подготовленных товарищей.

К весне 1903 года было организовано не менее 50 пропагандистских кружков. Привлечение новых пропагандистских сил, обсуждение с ними программы, метода и характера занятий — все это стояло в центре внимания комитета, и возможности для развертывания работы были безграничны. На Урале трудно было найти подготовленных людей для ведения занятий в кружках, и их приходилось обучать на ходу, в Петербурге же в короткий срок удалось организовать группу отлично подготовленных товарищей, у которых не хватало разве практического опыта, а порой лишь смелости. В эту пропагандистскую группу вошли братья Эссены («Бур» и «Барон»), П. И. Куделли, Соколов, Никитин, Кузнецов, Плюснин, Бенуа, Шишкин и еще ряд товарищей, ставших потом профессиональными революционерами [4].

Работали все с огромным увлечением и энтузиазмом. Много времени уделялось обсуждению программы, подбору литературы, проработке отдельных тем. Много мы бились над программой, стремясь включить в нее основные положения марксизма. Вероятно, теперь было бы трудно отыскать эту программу [5], но, сравнивая современные программы по вопросам партийного просвещения с программами того времени, с огромным удовлетворением отмечаешь, что и тогда пути намечались правильные.

Программа составлялась так, чтобы не душить слушателя формальными заданиями, обилием фактов, а способствовать выработке марксистского мировоззрения, развивать в нем активность, приучать к самостоятельному мышлению. Наша задача заключалась в том, чтобы слушатель научился обобщать факты, делать выводы, то есть овладевал диалектическим методом, умел критически анализировать действительность. Там, где удавалось до конца провести такую работу, в кружке вырастали прекрасно подготовленные товарищи, ставшие потом активными политическими работниками.

Наряду с организацией пропагандистских кружков комитет через своих членов и районных организаторов создавал на предприятиях искровские ячейки, через которые осуществлялось руководство рабочим движением завода. Заводские ячейки привлекали новых рабочих в кружки, распространяли литературу — газеты, брошюры, листки, руководили забастовками, вели учет членов партии, привлекая к организации новых проверенных рабочих, собирали членские взносы, устраивали в цехах летучие митинги и собрания и руководили всей политической жизнью завода.

Трудно сказать, как велико было число этих ячеек на предприятиях, учет всегда был приблизительным, но на каждом крупном заводе такая ячейка имелась, а на таких больших заводах, как Путиловский, Семянниковский, Обуховский, партийные ячейки были почти в каждом цехе.

Вопросы, рассмотренные комитетом, и принятые по ним решения, если они имели общеполитическое значение, переносились на обсуждение районных комитетов, если же касались отдельных предприятий, то обсуждались на партийном собрании данного завода или фабрики. Ни один конфликт между рабочими и администрацией завода, ни одна забастовка не проходили мимо партийной организации завода, районных комитетов и Петербургского комитета. Рабочие привыкали прислушиваться к мнению, советам и решениям партийных организаций и руководствоваться их указаниями.

В период 1902—1903 годов и последующих лет выдвинутый Лениным вопрос об открытых выступлениях стал одним из центральных пунктов всей нашей партийной работы. Наряду с конспиративной работой в кружках, где шла подготовка руководящих работников из числа наиболее передовых, надежных и проверенных рабочих, была развернута широкая массовая агитационная работа. Рабочие призывались к открытой политической борьбе, к открытым выступлениям. Рабочее движение становилось массовым, выходило на улицу.

Наши ораторы стали выступать уже не в тесных комнатах рабочих квартир или в рабочей казарме, а на открытых трибунах, в больших цехах завода или в огромных его дворах. Рабочие, знакомясь с партийными ораторами, слушая изложение нашей программы, наших требований, не оставались безмолвными слуша-

телями, они научились и сами выступать, довольно быстро преодолев застенчивость и овладев искусством устной речи.

Когда сейчас слушаешь ораторов, не умеющих обходиться без шпаргалки, а то и целиком написанной речи, от которой веет невообразимой скукой, невольно вспоминаешь выступления рабочих, горячо и страстно произносящих свои первые речи дрожащими от волнения голосами, заражая своим волнением всех участников собрания. Порой это были короткие речи с призывом к действию, но зачастую содержательные выступления на определенные темы: о необходимости открытых действий, о роли и значении партии, о Ленине как вожде и друге рабочих.

Партийные пропагандисты читали рабочим статьи из «Искры». Газета печатала большое количество статей Ленина, который владел даром облекать самые сложные вопросы в простые, ясные и предельно четкие формы, и рабочие больше всего ценили эту простоту, ясность и глубину ленинских высказываний.

«Искра» помогала оформлять политическое мировоззрение не только передовым рабочим и революционной молодежи, но и всем партийным работникам, и в первую очередь пропагандистам и организаторам. «Искра» была боевым пособием, отвечающим на все теоретические, политические и злободневные вопросы дня. Рядовые рабочие, мало искушенные в теоретических вопросах, отлично усваивали революционный дух «Искры» и шли в наши ряды, улавливая классовым чутьем широту и размах искровских идей, искровской тактики и всю линию старой «Искры».

Отлично работала наша техника. Две типографии, одна в Вильно, другая в Петербурге, действовали с полной нагрузкой, выполняя все наши задания, печатая без перебоя наши листки, воззвания, брошюры.

Не менее четко работал наш транспорт на финляндской границе. «Искру», «Зарю» и всю выходящую за границей литературу мы получали самым аккуратным образом и широко распространяли среди рабочих и революционной интеллигенции.

В конце февраля 1903 года от Петербургского комитета РСДРП откололась группа социал-демократов, которая еще с конца 1902 года вела борьбу с искровцами, выступала против плана «Искры». Эта группа также называла себя Петербургским комитетом РСДРП

и претендовала на представительство на II съезде партии, но ей в этом было отказано[6].

В апреле 1903 года из-за границы в Петербург приехал член Организационного комитета по созыву II съезда[7], чтобы определить, которая из существующих здесь социал-демократических организаций имеет право на посылку делегатов на съезд. После обследования их работы он признал, что искровский комитет вполне отвечает всем нужным требованиям и имеет право на посылку делегата. К моменту съезда у нас был оформленный комитет, крепко связанный с рабочими районами, существовала сеть заводских и фабричных ячеек, на крупных предприятиях Петербурга работали пропагандистские кружки. Не было ни одного сколько-нибудь значительного выступления рабочих (забастовки, демонстрации), где бы искровский комитет не принимал самого активного участия.

Рабочая организация петербургского «Союза борьбы» также получила право послать своего делегата на II съезд партии.

Накануне Первого мая мы, готовясь к демонстрации, решили устроить собрание всех социал-демократических организаций, чтобы выяснить, какими силами мы располагаем для этого открытого выступления рабочих.

На собрании находились провокаторы Янкельсон и Богданов — члены «Союза борьбы», которые сообщили полиции о собрании, и мы все были арестованы[8].

Для меня этот неожиданный арест был настоящим ударом. Провалились все мои планы. Если для большинства арест мог закончиться несколькими месяцами тюрьмы и высылкой из столицы, то мне, бежавшей из Якутии, имевшей за спиной пять лет ссылки, подпольщице, проживавшей по чужому паспорту, было не так легко отделаться. Предстояло, в лучшем случае, новое путешествие в Сибирь, уже подальше Якутии, удлинение срока ссылки или годы заключения в Петропавловской или Шлиссельбургской крепости. Значит, опять годы отрыва от жизни, годы вынужденного безделья. А работа с каждым днем становилась все живей, интересней. У меня было такое чувство, точно я с разбегу ударилась о железную стену.

Подготовка и устройство демонстрации было делом первостепенной важности, и комитет еще не принял решения, проводить ли общую демонстрацию в центре го-

рода, на Невском, или ограничиться демонстрациями в районах и организацией митингов на заводах. Все зависело от учета наших сил. Надо было основательно проверить, на что мы можем рассчитывать, много ли выйдет рабочих на демонстрацию, какое у них настроение. Ведь первомайская демонстрация — это прежде всего смотр сил, а без предварительной подготовки, без тщательного учета этих сил мы не могли принимать решений. Каждый организатор района должен был дать точные сведения о том, какое количество рабочих он рассчитывает вывести на улицу. Каждая заводская ячейка должна была твердо знать настроение рабочих. Таким образом, этот предварительный учет был делом огромного политического значения, и им были заняты не только все члены комитета, но и весь актив.

Товарищи, оставшиеся на воле, понимали, как горько и обидно было сидеть в тюрьме и ничего не делать в то время, когда они надрывались на работе. Время было горячее, а нас, выбывших из строя, была солидная группа.

Но изменить уже ничего было нельзя, и следовало набраться терпения и ждать случая, чтобы убежать. Из петербургской Предварилки, как я ни раскидывала умом, убежать было невозможно. Надо, следовательно, ждать окончания дела и тогда действовать; как ни было горько на душе, но пришлось взять себя в руки и временно примириться со своей неволей, строя лишь всяческие планы о побеге.

Несмотря на мои мрачные предположения, все произошло иначе. На жандармов произвели, очевидно, впечатление мой дворянский паспорт, внешний вид и мое занятие музыкой, и они решили, что я попала на собрание по чистой случайности. Жандармский офицер, ведший следствие, изумленно спрашивал меня:

— Как вы попали в это общество? Какие-то рабочие, какие-то еврейки?

Я делаю большие глаза и наивно спрашиваю:

— Неужели вы юдофоб?

— Нет, конечно, что за вздор, но согласитесь, Зинаида Васильевна, что это не ваше общество и что вы попали на это собрание случайно. Какое дело вам, светской девушке, будущей артистке, до какой-то демонстрации, бунтов рабочих?

Несмотря на то что провокатор Янкельсон донес, что я выступала с речью от искровского комитета и прояв-

ляла большую активность на собрании, жандармский офицер почему-то не дал веры словам провокатора, а положился, как он говорил, «на свое чутье, на свое знание и понимание людей».

Через несколько месяцев меня освободили вместе со всеми другими участниками собрания. Жандармский офицер решил козырнуть передо мною на прощание своим либерализмом и, вызвав меня, чтобы объявить об окончании дела и освобождении из тюрьмы, сказал:

— Вот видите, Зинаида Васильевна, мы не такие уж людоеды и зря людей не обижаем. Вот выяснили, что вы случайно попали в чуждое вам общество, и освобождаем вас.

В заключение он выразил надежду, что это послужит мне уроком быть впредь осторожнее в выборе знакомств.

Мне зачли время, проведенное в тюрьме, и ограничились высылкой под гласный надзор полиции в Одессу. Министр юстиции предлагал выслать меня в Олонецкую губернию на три года, но, очевидно, утверждение жандармов, что я случайно попала в общество «каких-то рабочих и евреек», возымело свое действие. Приговор был смягчен, и мне даже разрешили остаться в Петербурге на несколько дней для устройства «личных дел». Я чуть не расхохоталась в лицо этому олуху с его «тонким знанием и пониманием людей», щеголявшему передо мной своим либерализмом и гуманностью и «отечески» наставлявшему меня быть осторожнее в выборе знакомств. У него не возникло ни малейшего сомнения в том, что я не Дешина, а между тем, если бы он проверил мой паспорт, он сразу бы насторожился. Дело в том, что я знала имя «своего отца», а отчество, его служебное положение мне были неизвестны, и я дала неверные справки, о чем узнала уже значительно позже.

У меня была с этим жандармом еще одна короткая встреча, когда я пришла за получением проходного свидетельства перед отъездом в Одессу, после недельного пребывания в Петербурге «по личным делам». Мои друзья советовали мне не рисковать, обойтись без проходного свидетельства и просто скрыться из города. Ведь за эту неделю могли быть получены новые сведения обо мне, и вообще для чего лезть «щуке в хайло», зачем без особой нужды рисковать свободой?

Все это было верно, но верно было и то, что за мной шла усиленная слежка, и с каждым днем мне становилось все труднее отделаться от преследующих меня шпионов. Я твердо знала, что, если я не явлюсь в назначенный день в жандармерию за проходным свидетельством, я буду немедленно арестована. Это подтвердил и жандармский офицер. Вручая мне проходное свидетельство, он сказал:

— Если бы вы сегодня не явились, вы были бы немедленно арестованы и отправлены по этапу, мы вас из виду не теряли, хотя иногда вы все же куда-то исчезали.

Вот эта слежка за мной и заставила меня решиться прийти в жандармское управление. У меня был такой расчет: если я приду за проходным свидетельством и уеду из Петербурга на глазах у жандармов, — а что они проследят мой отъезд, у меня сомнений не было — это усыпит их бдительность на многие месяцы. Когда они еще получат запрос из Одессы, ответят на него, хватятся искать меня, наводить справки, примут меры к розыску и т. д. За это время я успею исчезнуть с их горизонта. Выиграть время — мне казалось в данном случае — было делом немаловажным. Когда я говорила товарищам, что за мной ведется неусыпная слежка, они отвечали, что я страдаю манией преследования, и советовали не поддаваться этой «навязчивой идее». Но, к сожалению, это не было навязчивой идеей, а реальным фактом, и я решила рискнуть и пойти для получения проходного свидетельства в жандармерию. Ведь меня освободили как «случайную жертву», и мне было выгодно поддерживать эту версию. Если бы я сделала попытку скрыться, я вызвала бы подозрение, стали бы внимательнее проверять меня, и дело не кончилось бы простым арестом и отправкой в Одессу.

Так я рассуждала, но, когда перешагнула порог жандармского управления и услышала за собой стук захлопнувшейся двери и лязг замка, — меня моментально заперли, — я пережила тяжелый час.

Ну, думаю, все пропало, товарищи никогда не простят мне моей ненужной бравады. Я пребывала в томительном ожидании и то ходила по комнате, ощупывая замки дверей, то заглядывала в окна и определяла высоту помещения, соображая, нельзя ли выпрыгнуть из окна, то строила фантастические планы об убийстве

жандармского офицера: вцеплюсь ему в горло, задушу, захлопну дверь и убегу.

Но вот дверь открывается, мой враг входит, любезно улыбаясь, извиняется, что задержал меня, и протягивает на подпись бумагу об обязательстве немедленно выехать из Петербурга.

С какой радостью я подписалась под обязательством о выезде и, получив на руки проходное свидетельство, стремительно ринулась к двери. Свободна, вновь свободна!

Хотя мой расчет оказался верен, мои друзья не могли мне простить перенесенной ими тревоги и корили меня, утверждая, что ни один здравомыслящий революционер не позволил бы себе так рисковать.

Вероятно, я бы сама не повторила этого опыта, помня свои переживания [...]

После выхода из тюрьмы мне удалось побывать на заседании теперь уже большевистского комитета (это было уже после II съезда партии) [...] Все адреса, явки, пароли действовали по-прежнему.

Я слушала отчет о работе комитета и с радостью убеждалась, что комитет прочен как никогда, что размах работы стал шире и глубже и что никакие аресты отдельных его членов не могут расшатать или приостановить работы, что имело место раньше в ряде организаций.

Впервые в России существовал и действовал Центральный Комитет партии, выбранный на II съезде. И этот ЦК действовал не за границей, а в России и был тесно связан с местными организациями.

Это был период после II съезда партии, когда определились и выявились противоречия внутри партии, и в каждом комитете уже шла борьба за влияние своей фракции. И уже на первых порах нашей борьбы определились преимущества большевиков, их четкой, принципиальной позиции. Меньшевики же, оставаясь в меньшинстве, сколачивали наскоро свою организацию, куда устремлялись все оппортунистические элементы прежних, разбитых нами еще в период «Искры» организаций.

Петербургский большевистский комитет никогда не утрачивал своих староискровских, ленинских позиций.

О расколе, происшедшем на II съезде, мы знали лишь в общих чертах. На местах не было еще ни резолюций съезда, ни тем более протоколов. Мы даже не

слышали обстоятельного доклада о съезде, но смысл разногласий был ясен, и мы твердо были уверены, что правда там, где Ленин, и что за линию большевиков мы будем яростно драться, не щадя сил. Но, чтобы вооружить себя для борьбы, необходимо было обстоятельно ознакомиться с материалами съезда, со всем ходом борьбы, глубже вникнуть в существо разногласий. Все же для многих было неожиданностью, что искровцы, действовавшие до съезда так, казалось, согласованно, на съезде разошлись. Мы тогда еще не знали о том, что эти разногласия существовали и раньше, о том, какую борьбу пришлось выдержать Ленину с Плехановым и другими членами бывшей группы «Освобождение труда» в период организации «Искры», в период подготовки II съезда партии при выработке программы [9].

Мы уже знали и чувствовали на каждом шагу, что меньшевики не подчинились решениям съезда и стремятся всячески дискредитировать деятельность ЦК. Борьба предстояла нешуточная.

Члены большевистского ЦК, выбранные съездом, — Кржижановский, Ленгник и Носков [10] — находились в Киеве, который стал, таким образом, резиденцией ЦК, и я, запросив разрешение, поехала в Киев, чтобы на месте ознакомиться с материалами II съезда и получить направление на работу. С образованием ЦК мы уже твердо понимали, что определять место работы по собственному влечению и разумению не приходится. Было так отрадно сознавать, что ты действуешь не как партизан, а как член единого коллектива, единой организации и что ты будешь использован надлежащим образом в интересах общего дела.

Все понимали, какое огромное значение для партии имеет учет партийных сил, их правильное распределение, пополнение местных организаций свежими работниками и правильное использование всех партийных кадров. Мало нас было, зачастую в одном комитете действовали три-четыре товарища, разрываясь на части, то и дело проваливаясь из-за невозможности распределить работу, и потому так важно было учесть все силы и произвести перераспределение их по местным организациям.

В Петербурге, например, было обилие подготовленных работников, а, скажем, в Туле, Твери, Екатеринославе вся работа сосредоточивалась в руках несколь-

ких товарищей. В Москве, где особенно часто бывали провалы, партийный комитет сокращался порой до двух-трех человек. Все это мы знали и потому были счастливы, когда был создан ЦК.

Я поехала в ЦК с отчетом о деятельности Петербургского большевистского комитета и с резолюцией об одобрении решений II съезда, признании руководящих органов и твердым заявлением, что Петербургский комитет целиком стоит на позиции большевиков и будет решительно бороться против меньшевиков [11].

Н. Е. Буренин

ПАМЯТНЫЕ ГОДЫ

ГОДЫ ДЕТСТВА И ЮНОСТИ

В студенческие годы я увлекался общественной работой. В земской школе в Волковой деревне, на одной из окраин Петербурга, работала учительницей жена моего близкого товарища Софья Ефимовна Евстифеева. В этой школе мы устраивали по воскресеньям литературно-музыкальные чтения. Их посещали рабочие, жители района, со своими семьями.

Вначале Софья Ефимовна читала какой-нибудь рассказ или главу из книги. После этого выступала концертная группа с участием вокалистов и инструменталистов, я аккомпанировал на рояле. С помощью своих знакомых я привлек к участию в этих концертах студентов консерватории, молодых музыкантов.

Принимал я участие в устройстве концертов для рабочих и в других районах Петербурга.

Теперь во всех районах Ленинграда, в том числе и на бывших рабочих окраинах, есть Дворцы и Дома культуры, замечательные клубы с отличными театральными и концертными залами. А тогда мы устраивали наши концерты в тесных, неприспособленных помещениях. Часто в этих помещениях даже не было роялей. Я нанимал ломового извозчика, который вез на концерт мой кабинетный рояль.

Но зато мы испытывали большое удовлетворение, когда видели, как много людей собирали наши концерты, с какой жадностью и интересом слушали жители рабочих окраин лекции, музыку, какими щедрыми, дружными аплодисментами награждали они всех ис-

полнителей. Я и сейчас помню внимательные лица наших зрителей и слушателей, иногда серьезные, напряженные, а порой искрящиеся радостными улыбками.

Конечно, прошло время, и я понял, что, только опрокинув деспотический буржуазно-помещичий строй, народ откроет себе доступ к знаниям, культуре, искусству. Но тогда, в конце 90-х годов прошлого века, я видел в устройстве концертов, литературно-музыкальных чтений единственную для себя возможность быть полезным народу.

ПЕРВЫЙ АРЕСТ

Зима 1900/901 года была богата революционными событиями. В Петербурге, как и в других крупных промышленных центрах, происходили многолюдные рабочие стачки и демонстрации. Наиболее выдающимся революционным событием 1901 года была, как известно, знаменитая Обуховская оборона. О забастовках и других беспорядках на фабриках и заводах говорили тогда во всех слоях общества.

Революционная борьба рабочих находила самый горячий отклик в среде оппозиционно настроенного студенчества. То в одном, то в другом высшем учебном заведении вспыхивали демонстрации, забастовки, вызванные недовольством существующими порядками.

Правительство применяло самые крутые меры к непокорным студентам — бросало их в тюрьмы. Но все это вызывало еще большее возмущение.

4 марта 1901 года в Петербурге, у Казанского собора, состоялась демонстрация студентов и рабочих. Участники демонстрации протестовали против введения царским правительством Временных правил. Согласно этим «правилам» лица, замешанные в студенческих беспорядках, исключались из высших учебных заведений и отдавались в солдаты [1].

Рано утром я вышел из дому. Меня поразило необыкновенное количество городовых, казаков, всяких полицейских чинов, конных и пеших жандармов. Они шли и ехали по улицам целыми отрядами. Империалы конок были буквально усеяны городовыми. Можно было подумать, что готовится полицейский парад. Невский проспект кишел народом. Все направлялись к Казанскому собору.

Огромный дом на углу Невского проспекта и Екатерининского канала (ныне канал Грибоедова) принад-

лежал моей бабушке. В этом же доме жили моя тетка с мужем Глазуновым, бывшим петербургским городским головой. Подъезд их квартиры выходил на Екатерининский канал. Я хотел войти в подъезд, но на парадной лестнице оказались городовые, а швейцар сказал мне, что не велено никого впускать, и тут же сообщил, что во дворе находятся отряды городовых и казаков. Впоследствии я узнал, что такая же картина была во всех дворах, ворота которых выходили на Казанскую площадь или на Невский [2].

Около двенадцати часов дня я пробрался к Казанскому собору и не успел подняться на ступени, как услышал со всех сторон крики. На безоружную толпу бросились городовые и стали избивать людей шашками в ножнах. За городовыми выскочили на лошадях казаки, стегая нагайками всех, кто попадался под руку. Едва я успел поднять меховой воротник своего зимнего пальто и отвернуться, как почувствовал удары плетью по спине. А вокруг неистовствовали казаки. Они били людей по головам, по лицам. Студенты защищались... галошами, бросая их в казаков.

Соскочив с паперти собора с противоположной от Невского стороны колоннады, я увидел несколько раненых: их перевязывали и уводили домой. Одну женщину, избитую до полусмерти, окровавленную, посадили к случайно попавшемуся извозчику и отвезли в больницу.

Возмущенный до глубины души всем происходившим и еще ничего не понимая, я бросился к какому-то полицейскому чину с требованием объяснить, что все это значит. В ответ на его удивленный вопрос — с кем он разговаривает? — я предъявил визитную карточку и сказал, что намерен выступить при расследовании этого возмутительного случая свидетелем бесчинств полиции над мирными жителями и студенчеством. Полицейский чин не взял моей визитной карточки, а указал на группу людей, стоявших у собора.

— Вот присоединитесь к ним. Вам все разъяснят.

Окончательно ничего не понимая, я подошел к этой группе. Через несколько минут все мы были оцеплены городовыми и казаками. Затем нам приказали идти по Казанской улице (ныне улица Плеханова). По сторонам шли казаки, которых возбужденная толпа осыпала с тротуаров весьма нелестными эпитетами. Но казаки сохраняли полное равнодушие.

Нас привели в Спасскую часть и стали вталкивать в растворенные ворота. Мне удалось перебросить через закрывавшиеся ворота свою карточку с домашним адресом. На карточке я написал: «Сижу в Спасской части, здоров».

Как потом выяснилось, в тот же день какая-то курсистка принесла карточку моей встревоженной матери и рассказала ей, где меня искать.

Посредине двора Спасской части был поставлен стол. Полицейские чины уселись вокруг стола и стали нас переписывать и распределять по группам. Ночь нас продержали на дворе, а утром стали выводить на Офицерскую улицу (ныне улица Декабристов), где уже было подготовлено двойное каре из городовых и казаков. Затем арестованных повели к Конногвардейскому манежу. Шли мы в сопровождении толпы, которую оттесняли городовые.

Зрелище было внушительное. Наша процессия растянулась от площади Мариинского театра далеко по Офицерской улице.

Сутки пробыли мы в Манеже, а затем нас стали вызывать на улицу, где стояли приготовленные «кукушки» — так назывались пароконные омнибусы, курсировавшие по некоторым улицам Петербурга. Вокруг сплошной стеной стояла масса народа, приветствовавшая нас.

Несмотря на строжайший запрет полиции, люди жали нам руки, что-то передавали. У меня в руке оказался золотой в десять рублей. Кроме того, мне вручили большой пакет с горячими калачами. Наконец мы разместились по «кукушкам» и под приветственные крики собравшихся тронулись, эскортируемые конной стражей. На протяжении всего пути нас приветствовали толпы людей. Но вот мы подъехали к пересыльной тюрьме, находившейся на Казачьем плацу. Миновав ряд дворов с открывавшимися и закрывавшимися железными воротами, мы оказались в конторе тюрьмы, откуда нас развели по камерам.

Пребывание в тюрьме не прошло для меня бесследно. Здесь я столкнулся вплотную с революционно настроенным студенчеством. В нашей камере сидело человек двадцать пять — тридцать. Часть из них принадлежала к различным антиправительственным партиям, но были и такие люди, которые ни к каким партиям не принадлежали и вообще о политической борь-

бе, тем более о подпольной работе, имели весьма смутное представление. Мы с интересом прислушивались к жарким спорам, постоянно вспыхивавшим между заключенными.

Вспоминаю часы, когда к нам приходили на свидание родные и знакомые. Когда я спустился вниз в комнату для свиданий, она кишмя кишела самой разнообразной публикой. Нигде не было свободного уголка. Многие разговаривали стоя. Посетители принесли с собой всякие продукты, цветы. Мне сразу бросилась в глаза фигура известного русского искусствоведа и критика Владимира Васильевича Стасова[3], пришедшего к своей племяннице-курсистке, также арестованной у Казанского собора. Владимир Васильевич тепло, приветливо разговаривал со многими из арестованных. В его словах чувствовалась большая симпатия к нам.

Когда начались допросы, следователь всячески старался установить мою причастность к революционным организациям, но ничем доказать этого не мог, так как не было фактов, подтверждавших мою революционную деятельность.

Но однажды, явившись на очередной допрос, я был удивлен переменой в поведении моего следователя. Он был на сей раз изысканно вежлив и любезен. Все стало понятно, когда я услышал от него:

— Что же вы мне сразу не сказали, что за вас хлопочет генерал Маслов?

Оказалось, мать обратилась за помощью к другу своей молодости Маслову, главному военному прокурору. Она все допытывалась у Маслова — повесят ли меня. Генерал убедил ее, что меня не повесят, и мама успокоилась.

Вмешательство столь влиятельного лица быстро сделало свое дело. Я оказался на свободе.

Мать и сестра радостно встретили меня, не допытываясь об обстоятельствах, вызвавших мой арест. Но многие родственники и знакомые отвернулись от «бунтовщика». В одной из квартир, где меня встречали всегда как желанного гостя, я услышал от швейцара: «Вас не приказано принимать». Некоторые знакомые прислали мне вежливо-официальные письма, смысл которых заключался в просьбе не посещать их.

Но были среди знакомых и такие, которые встретили меня по выходе из тюрьмы с распростертыми объятиями.

В ДОМЕ СТАСОВЫХ

В самом конце прошлого века я познакомился с Дмитрием Васильевичем Стасовым [4]. Вспоминаю свою встречу с ним на одном из концертов симфонической музыки, происходивших в зале Дворянского собрания (ныне в этом здании помещается Ленинградская государственная филармония).

Посетители этих концертов всегда видели в одном из первых рядов партера двух маститых старцев. Они и сейчас, спустя шестьдесят с лишним лет, как живые, стоят перед моими глазами.

Один из них — человек богатырского телосложения, с большой седой головой. Он обладал мощным басом, и, когда во время антрактов разговаривал о чем-либо с соседями, его «тихий шепот» слышали за несколько рядов. Это был Владимир Васильевич Стасов, известный всему миру музыкальный и художественный критик, выдающийся деятель русской культуры.

Другой — худой, очень высокий, белый как лунь, с длинными седыми волосами, с кругловатой бородой, в неизменном пенсне на черном шнурке. Это был младший брат Владимира Васильевича — Дмитрий Васильевич Стасов, старшина присяжных поверенных Петербурга. Он занимал известное место в политической и общественной жизни Петербурга. Достаточно вспомнить, что Дмитрий Васильевич был защитником в ряде знаменитых политических процессов второй половины прошлого века, в частности в процессах 193-х, 50-ти, процессе Каракозова [5]. У него в квартире постоянно жили подзащитные, взятые им на поруки.

Обо всем этом я узнал позже, когда ближе познакомился с Дмитрием Васильевичем и его семьей. В момент же нашего знакомства меня интересовала в первую очередь общественно-музыкальная деятельность Дмитрия Васильевича. Хороший музыкант и друг Глинки, он был наряду с Антоном Рубинштейном и Кологривовым основателем Петербургской консерватории. Дмитрий Васильевич был также одним из основателей Русского музыкального общества, знакомившего широкую публику с лучшими образцами классической музыки [6]. Кроме того, он принимал живое участие в работе многочисленных обществ, в частности общества «Помощь в чтении больным и бедным». Я предложил Дмитрию Васильевичу устроить концерт в пользу этого общества.

Разговор происходил в зале Дворянского собрания после очередного концерта симфонической музыки. Супруги Стасовы — Дмитрий Васильевич и Полина Степановна[7] — горячо встретили мое предложение. Узнав, что я играю, аккомпанирую и хорошо читаю ноты с листа, они пригласили меня провести у них вечер в ближайший четверг.

Это предложение было для меня очень лестным. Дмитрия Васильевича Стасова знал и уважал весь интеллигентный Петербург. С нетерпением ждал я назначенного дня.

По четвергам в квартире Стасовых на Фурштадтской улице (ныне улица Петра Лаврова) бывали известные художники, артисты, композиторы, музыканты. Здесь пели, музицировали.

Мне живо вспоминается первый четверг, который я провел у Стасовых. Едва переступив порог подъезда, я услышал музыку, доносившуюся с четвертого этажа. На вешалке в передней вмеремешку с дорогими шубами и генеральскими шинелями с бобрами виднелись скромные пальтишки студентов и курсисток. В гостиной толпились запоздавшие гости: никто не смел до перерыва войти в комнату, откуда доносились звуки роялей. Играли в восемь рук. За двумя роялями сидели Дмитрий Васильевич, два его сына Андрей и Борис и кто-то из гостей.

Когда игра закончилась, Дмитрий Васильевич, чуть согнувшись, мелкими шажками, несколько странными при его огромном росте, вышел навстречу вновь пришедшим гостям, приветствуя их. Причем мне бросилось в глаза, что он был равно любезен и с каким-нибудь высокопоставленным лицом — знаменитым артистом или артисткой, и с никому не известным молодым человеком.

Дебют мой в доме Стасовых прошел удачно. Меня усадили за рояль и, когда убедились, что я дела не порчу, признали достойным партнером. С этого дня я стал завсегдатаем четвергов, мне всегда было приготовлено место у рояля. Потом меня приглашали и по воскресеньям, когда у Стасовых собирались только родные, самые близкие знакомые. После обеда мы играли на двух роялях: Дмитрий Васильевич и я — на одном, Андрей и Борис — на другом.

Больше всего меня волновало и беспокоило присутствие на этих домашних концертах Владимира Василье-

вича Стасова. Ведь многие вещи я играл впервые, игра моя была далеко не безупречна, а Владимир Васильевич был таким строгим ценителем, слушал лучших в мире музыкантов. Как сейчас, помню его тяжелую фигуру, горой возвышавшуюся на низком кресле. Иногда казалось, что Владимир Васильевич заснул: сидит с закрытыми глазами, с лицом, обращенным в потолок. Но стоит запнуться, остановиться, как он открывает глаза и недовольно поворачивается в сторону исполнителя.

Когда исполнялись любимые вещи Владимира Васильевича — произведения Мусоргского, Бородина, Глазунова, Римского-Корсакова, скерцо из квинтета Брамса или «Пассакалья» Баха, — он не мог сидеть спокойно. Вставал с кресла, бродил по комнате, подходил к играющим и как-то гудел, выражая свое удовольствие.

Но вот перерыв. Все идут в столовую. В дальнем конце стола за самоваром сидит дочь Стасовых Елена Дмитриевна. Одетая обычно в черное платье, она с приветливой улыбкой разливает чай. Я заметил, что вокруг Елены Дмитриевны был свой мир, живший какими-то особыми интересами. Что это за мир, я узнал позже.

Выйдя из тюрьмы после ареста у Казанского собора, я поспешил к Стасовым. Здесь меня встретили с горячим сочувствием.

Кровавая расправа над студентами и рабочими, которую учинило царское правительство у Казанского собора 4 марта 1901 года, вызвала возмущение передовой русской интеллигенции. Ученые, писатели, видные общественные деятели в своих гневных письмах, направленных в редакции газет, обличали произвол и насилие властей.

Были очень взволнованы в те дни и братья Стасовы — Владимир Васильевич и Дмитрий Васильевич. Увидев меня после выхода из тюрьмы, они заставляли вновь и вновь рассказывать со всеми подробностями о происшедшем у Казанского собора, о днях, проведенных в заключении. Дмитрий Васильевич даже предложил отпечатать мой рассказ на гектографе для нелегального распространения.

Внимательно слушала мои горячие рассказы, полные возмущения бесчинствами полиции, и Елена Дмитриевна. Она словно изучала меня. А спустя некоторое время, когда мой пыл несколько поостыл и я обрел

равновесие духа, Елена Дмитриевна решила, что настало время для откровенного разговора.

Этот разговор навсегда остался в моей памяти. Ведь с него началась новая полоса моей жизни.

Елена Дмитриевна познакомила меня с условиями революционной работы в подполье и предложила помогать ей. По ее словам, я был подходящим человеком для такой работы. Семья наша была вне подозрений: достаточно сказать, что мой брат, дяди, муж сестры были офицерами лейб-гвардии. Я нигде не служил, в средствах не нуждался, мог свободно располагать своим временем, имел много знакомых. Все это должно было облегчить мою работу. Правда, я был арестован у Казанского собора, но вряд ли полиция придала этому факту серьезное значение. Что, в самом деле, могло быть общего с революционерами у выходца из семьи Бурениных? Очередная прихоть баловня судьбы...

На предложение Елены Стасовой я, не задумываясь, ответил согласием. Выстрелы у Казанского собора определили мое отношение к господствующему строю. Я горел желанием принять участие в борьбе с царизмом. А Елена Дмитриевна постепенно все больше посвящала меня в свою работу, рассказала о деятельности Российской социал-демократической рабочей партии, о газете «Искра», о Владимире Ильиче Ленине.

В конспиративном отношении условия для нашей совместной работы с Еленой Дмитриевной Стасовой были необычайно удобными. Мы могли часто видеться в доме ее родителей. Я состоял членом общества «Помощь в чтении больным и бедным», председателем которого был Дмитрий Васильевич Стасов. К тому же моя мать была казначеем в обществе «Детская помощь», где председательствовала мать Е. Д. Стасовой. Мне доводилось устраивать концерты в пользу этих обществ. Словом, меня считали своим человеком в семье Стасовых, и я не должен был из своих посещений делать тайны.

Вспоминаю, как однажды, обмотанный нелегальной литературой, только что прибывшей из-за границы, явился я к Стасовым, чтобы передать литературу Елене Дмитриевне. В квартире Стасовых, как это часто бывало, музицировали. Мой приход был очень кстати: требовался партнер для игры в восемь рук. Меня радостно встретили и сразу же, не дав опомниться, усадили за рояль. Чувствовал я себя в своем бумажном панци-

ре весьма неловко и поэтому играл плохо, несусветно врал, что вызвало общее удивление. Мать Елены Дмитриевны сокрушалась:

— Какая впечатлительная натура у Николая Евгеньевича! Очевидно, он чем-то расстроен сегодня.

Страдал я и за чаем. Только выйдя из-за стола, я смог наконец проникнуть в комнату Елены Дмитриевны и «разгрузиться». После этого моя «впечатлительность» сразу прошла. Я вернулся в гостиную, сел за рояль и играл вполне прилично.

Хочется сказать о том, как относился к революционной работе своей дочери и ее друзей отец Елены Дмитриевны. Подпольщики бывали в его доме очень часто. Во все часы дня, а иногда и поздней ночью мы являлись сюда по разным срочным и сугубо секретным делам. Никогда Дмитрий Васильевич не расспрашивал нас, но мы отлично видели, что он многое знает, о многом догадывается.

Помню такой случай. Решив показать мне какую-то книжку или ноты, Дмитрий Васильевич подошел к книжной полке в своем кабинете, достал книгу. Вдруг из нее вылетела не то записка, не то нелегальная брошюрка или прокламация. Надо было видеть, как лицо его выразило недоумение, как брови поднялись кверху, как лукавые искорки зажглись в его глазах.

— Черт возьми, опять Леля сунула сюда свою нелегальщину, просто беда с ней, — проговорил Дмитрий Васильевич наигранно сердитым голосом и тут же бережно положил «нелегальщину» обратно.

Елена Дмитриевна окрестила меня «Борисом Ивановичем», и под этой кличкой я начал свою работу. Затем я стал «Виктором Петровичем», «Владимиром Борисовичем» и наконец «Германом Федоровичем». Последняя кличка закрепилась за мной на долгие годы. Присоединив к моей фамилии первые буквы моего имени и отчества, товарищи звали меня часто «Небурениным» в отличие от черносотенца-писателя В. П. Буренина.

Внешне моя жизнь никак не изменилась. По-прежнему я участвовал в нескольких филантропических организациях, устраивал благотворительные концерты, музыкальные вечера в богатых домах. По-прежнему я одевался у самых модных портных Петербурга, а швейцары, получая от меня щедрые чаевые, низко кланялись и называли меня не иначе, как «ваше сиятельство».

Не раз подумывал я о разрыве с семьей, о переходе на нелегальное положение, но условия, в которых я находился, настолько помогали подпольной работе, что отказаться от них было бы преступлением по отношению к партии. Сделать это я не имел права. Мне, выходцу из богатой купеческой среды, имевшему вид весьма благополучного буржуа, удавалось легче скрывать свое лицо подпольщика.

ТРАНСПОРТЫ ЛИТЕРАТУРЫ

Вначале я выполнял небольшие поручения, но постепенно круг моей деятельности расширялся. Е. Д. Стасова ввела меня в техническую группу при Петербургском комитете РСДРП.

Елена Дмитриевна была моим талантливым педагогом и руководителем в области конспирации. Она работала изумительно четко и от своих помощников также требовала самой строгой дисциплины, не допуская никакой мягкотелости. Владимир Ильич как-то дал Е. Д. Стасовой кличку «Абсолют»[8].

Первое время требования Е. Д. Стасовой казались мне чрезмерно суровыми. Но вскоре я убедился в том, что Елена Дмитриевна права, что в своей конспиративной работе мы идем единственно правильным путем. Техническая работа в условиях подполья была крайне сложной, трудной и ответственной. Нечего и говорить, что малейшая ошибка вела к провалу, наносила большой вред нашему делу. Для многих товарищей она могла повлечь за собой тюрьму, ссылку, каторгу.

Очень подкупала в Елене Дмитриевне ее постоянная бодрость и жизнерадостность даже в самые, казалось бы, критические минуты. Следуя ее примеру, я старался быть таким же, вырабатывать в себе внутреннюю дисциплину и самообладание.

В 1901 году Е. Д. Стасова, будучи агентом ленинской «Искры» в Петербурге, поручила мне организовать транспортировку в Россию через границу нелегальной социал-демократической литературы. Это было нелегкое, но очень важное дело. Владимир Ильич Ленин придавал большое значение организации транспортов марксистской литературы в Россию.

Существовали разнообразные способы пересылки литературы. Склеенные номера «Искры», а позже газеты «Вперед» и других большевистских газет, напеча-

танные на специальной тонкой бумаге, заделывались в переплеты детских книг или альбомов, которые высылались в Россию по определенным адресам. Получив такую книгу, оставалось снять переплет, размочить газеты в теплой воде, отделить лист от листа, просушить, а затем уже можно было и читать газету.

Как вспоминает Е. Д. Стасова, специальная мастерская в Петербурге на Бассейной улице (ныне улица Некрасова) получала аляповатые гипсовые фигурки, в которые закладывалась нелегальная литература. Литература изымалась, а фигурки продавались на улицах города.

Очень удобный способ пересылки писем и рукописей из-за границы нашел наш товарищ Владимир Мартынович Смирнов (партийная кличка «Паульсон») [9]. Он использовал тайную почту финляндского «кагала». Такое прозвище петербургская черносотенная газета «Новое время» дала в насмешку финляндской партии «пассивного сопротивления», выступившей против беззаконий царизма, за соблюдение конституционных законов Финляндии и прав ее граждан. «Пассивисты» затем и сами стали называть себя «кагалом». В отличие от «активистов», считавших необходимым бороться за независимость Финляндии активным путем (под активным путем «активисты» подразумевали главным образом путь индивидуального террора), «пассивисты» ограничивались критикой в печати. И те и другие были, конечно, очень далеки по своим идейным взглядам от социал-демократов. Однако и «активисты» и «пассивисты» охотно помогали русским революционерам, считая своими союзниками всех, кто борется против царизма.

Почта «пассивистов» регулярно функционировала между Петербургом и Гельсингфорсом. Из Петербурга ее отправлял вместе со служебной железнодорожной перепиской в особой сумке служащий Финляндского вокзала Отто Мальм. Эту сумку имел право вскрывать в Гельсингфорсе только приятель Отто Мальма, также сторонник «кагала». Таким же путем переправлялась почта и из Гельсингфорса в Петербург. Через В. М. Смирнова мы установили связь с Отто Мальмом и с его помощью посылали через Финляндию в «Искру», а позже и в газету «Вперед» значительную часть корреспонденций из России.

Связи В. М. Смирнова с финнами облегчались тем, что он, как и его мать Виргиния Карловна, шведка по

национальности, отлично владел финским и шведским языками. Еще будучи студентом Петербургского университета, Владимир Мартынович организовал доставку марксистской литературы в Петербург через финских железнодорожников.

Вспоминая о В. М. Смирнове, не могу не сказать о его матери. Это была чудесная старушка. Зная о нашей подпольной работе, она добродушно ворчала, что мы «не делом занимаемся», а сама рада была хоть чем-нибудь нам помочь. Очень опасаясь за своего сына, она часто предпочитала брать на себя выполнение весьма рискованных поручений.

Припоминаю такой случай. Виргиния Карловна пошла к рабочему железнодорожной мастерской на Финляндском вокзале Парикки, через которого Смирнов часто получал нелегальную литературу из Гельсингфорса. Проживал Парикки где-то на Выборгской стороне. Виргиния Карловна вышла из квартиры Парикки на улицу с тяжелыми корзинками, наполненными литературой, в обеих руках. В это время полиция по каким-то причинам оцепила квартал, где находилась Виргиния Карловна. Но женщина не растерялась.

— Скажите-ка, батюшка, как мне пройти на Симбирскую улицу? Видно, запуталась я, не туда попала,— обратилась она к одному из городовых.

Среднего роста, очень полная, в черной кружевной косыночке на голове, с ласковой, располагающей улыбкой, она выглядела типичной петербургской нянюшкой, подобно тем, какие во многих семьях растили барчуков. Никаких подозрений у городового Виргиния Карловна не вызвала. Он указал ей дорогу, даже помог выйти из оцепления и проводил до конки.

Очень остроумно хранила Виргиния Карловна список наших зашифрованных адресов-связей. Сама она почти никогда не расставалась с вязаньем... Сидит благообразная старушка и вяжет, а клубок с вязаньем лежит в рабочей корзинке или мирно катится по полу. Кому в голову придет мысль, что в этом клубке хранятся адреса подпольных явок?

Владимир Мартынович Смирнов часто наезжал в Гельсингфорс и организовал транспортировку литературы из Стокгольма в Финляндию. Вначале это делалось довольно примитивно. Кто-нибудь из финнов по поручению Смирнова отправлялся в Стокгольм, оттуда на себе перевозил небольшую партию прибывшей туда

из Женевы литературы — около пуда. Два или три таких рейса прошли удачно, но затем человек, перевозивший литературу, был задержан. Нужно было искать надежные способы массовой транспортировки литературы.

Центральный и Петербургский комитеты РСДРП считали необходимым широко использовать Финляндию для транспортировки литературы из-за границы в Россию.

Вместе с В. М. Смирновым мы установили связь с Народным домом в Стокгольме. Из Швейцарии багажи с литературой шли в Стокгольм, в адрес Народного дома. В Стокгольме литературу грузили на пароходы, прятали среди угля и таким образом направляли в Гельсингфорс, а затем в Выборг.

Большую помощь оказывали нам начальники станций и другие железнодорожные служащие на линии Выборг — Петербург. Ящики с нелегальной литературой направлялись на эти станции под видом яблок, домашних вещей и т. д. Имея накладные, мы являлись за этими грузами, получали их и отправляли в Петербург.

Иногда наши друзья — финские железнодорожники — сами выкупали эти грузы, брали их к себе домой. Затем к ним приезжали из Петербурга на «кофе» знакомые «дачники», а иными словами — студенты и курсистки, наши транспортеры. Кофе с финскими булочками благотворно влиял на молодых людей: приходили они в гости тоненькими, а выходили значительно располневшими...

У женщин были особые карманы в нижних юбках. Кроме того, они ловко пользовались корсетами, закладывали за них брошюрки. Мужчины устраивали себе панцири на спине и груди, обертывали литературой ноги.

Поскольку я руководил всем транспортом, мне самому, естественно, приходилось избегать какого бы то ни было личного участия в перевозках литературы. Но однажды на станцию Сейнино приехало меньше товарищей, чем требовалось. Пришлось нагрузиться и мне. Когда я надел панцирь из листовок, жилет нового моего костюма, узкий в талии, не сошелся чуть ли не на два вершка. Товарищи хохотали над моей раздавшейся фигурой. Одна курсистка, вооружившись ножницами, разрезала спинку жилета во всю длину и зашнурова-

ла ее, как корсет, веревочками. Пиджак и пальто скрыли мою неестественную полноту, и я благополучно проехал через границу.

В 1902 и 1903 годах я регулярно посещал уже упоминавшегося мною ранее Отто Мальма, у которого брал уроки финского языка, так как предвидел, что моя подпольная работа будет в течение длительного времени связана с Финляндией. Но не только изучать финский язык ездил я к Отто Мальму. На уроках он сообщал мне о положении дел, передавал письма, накладные на посланную нелегальную литературу и т. д. Однажды Отто Мальм сообщил мне, что на станции Райвола (ныне Рощино) получено несколько ящиков с нелегальной литературой и желательно их взять немедленно. Требовалось спешно организовать это дело.

Была весна. Начинался дачный сезон. У меня явилась мысль инсценировать переезд на дачу и справить новоселье в виде пикника. Я немедленно поехал на поиски дачи и нашел такую на Черной речке, вдали от станций. Проехать к ней можно было с трех сторон: из Териок (ныне Зеленогорск), из Тюрисева (ныне Ушково) и из Райволы. У моей матери на чердаке я нашел старую мебель — как сейчас помню: большой диван, стол, стулья — и при помощи нашей горничной собрал посуду, которую у нас обыкновенно возили на дачу, накупил массу всякой провизии, собрал «теплую компанию» из курсисток Рождественских и Бестужевских курсов, студентов-технологов, лесников, медиков и других, работавших в нашей организации. Один из товарищей выехал в Райволу за ящиками, другой под видом рабочего повез возы с мебелью, а вся компания с весельем и шумом отправилась гуртом, беспечным видом своим внушая полное к себе доверие. Все шло гладко. Мебель была расставлена, шторы повешены. Ящики с нелегальной литературой благополучно прибыли, и хозяева дачи не могли нарадоваться на общее веселье. Публика ловко и умело нагружалась, все растолстели, и казалось, что все сойдет хорошо. Но когда стали разгружать последний ящик, стало ясно, что все увезти немыслимо, больше половины ящика остается, а людей не хватает. Положение получилось критическое. Оставить ящик на даче нельзя было, сдать на хранение на станцию — рискованно. Оставить у ящика кого-нибудь из товарищей тоже было невозможно, так как, не зная языка, он мог очутиться в неловком по-

ложении, навлечь на себя подозрение. Дать же какой-нибудь из наших адресов я также не мог: слишком ценны были для нас связи. Оставалось одно: все перегрузить в один из привезенных чемоданов и поехать мне самому по направлению к Выборгу. Так я и сделал.

Проводив всю компанию, я с чемоданом вернулся в Райволу и отправил его багажом на станцию Голицино, в полукилометре от которой была почтовая станция. Здесь в маленькой избушке жил старичок-начальник, лет восьмидесяти, на адрес которого приходили иногда наши грузы. Чемодан был черной кожи, внушительных размеров, обитый бронзовыми желтыми гвоздями.

Не успел я сесть в вагон, как напротив меня появился странный субъект, начавший меня рассматривать и что-то записывать в свою книжечку. Я перешел в другой вагон, но только сел и успел оглянуться, как увидел его на площадке, наблюдающего за мной через двери. Сомнений быть не могло: за мной следили. Однако я вышел из вагона и сел в поезд только после третьего звонка. Субъект тоже вышел и сел на ходу, после меня. Тогда я выбрался на площадку, загородил спиной дверь и стал «чиститься», то есть уничтожать все лишнее, что было при мне: записную книжку, все записки и т. д.

Приехав, кажется, в Перки-Ярви (ныне Кирилловское), я вышел на платформу и пошел по направлению к багажному вагону. Сыщик меня предупредил и очутился впереди. В это время один из носильщиков получил прямо из багажного вагона чемодан, удивительно похожий на мой, но с белым набором. И тут произошло что-то необычайное. Сыщик посмотрел на меня и бросился за носильщиком. В это время раздался свисток, я на ходу вскочил в поезд и видел, как чемодан, похожий на мой, «попался». Сыщик уже успел вызвать жандарма. Чем все это у них кончилось, я не видел, но я был спасен, и мой чемодан остался в багажном вагоне.

На станции Голицино я получил чемодан и немедленно отправил его на другую станцию на имя знакомого начальника, а сам со спокойной душой пошел к старичку, о котором упоминал. Каково же было мое изумление, когда старичок сказал, что он уже несколько дней спит на ящиках, которые пришли по его ад-

ресу, и, боясь за них, сделал себе постель, покрыв их матрацем и одеялами.

Пришлось остаться на ночь, занять единственную маленькую комнату с одной постелью и перетащить ящики к себе. Окно в комнате было еще заколочено и замазано по-зимнему, выход был только в сени, из которых вела стеклянная дверь на крыльцо. Дул страшный ветер, лил дождь, из-за густого леса ничего вокруг не было видно, деревья шумели, как разбушевавшееся море, и казалось, что в мое маленькое окошечко кто-то хочет ворваться, но, обессилев, только царапает его своими ногтями. Нервы были напряжены до последней степени, ощущение было такое, будто я попал в западню и выхода из нее нет. Погасив свечу, я попытался заснуть, но не успел задремать, как смутно услышал отрывистые голоса, через окно донесся лязг металла. Раздался стук. Грубые мужские голоса требовали открыть дверь. Не зажигая свечи, я вышел в сени и через стеклянную дверь на фоне покрытого тучами неба увидел силуэты мужчин с винтовками на плечах. Лязг оружия не оставлял сомнения — жандармы! Меня проследили и сейчас арестуют.

Я бросился обратно в комнату, с отчаянием посмотрел на маленькое окно и чуть не поддался желанию поджечь ящики. Только мысль о старике хозяине удержала меня от безумного шага. Пришлось покориться участи. Я решил отдаться в руки своим врагам.

Тем временем стук в дверь стал еще настойчивее: очевидно, жандармы теряли терпение. Проснулся старичок, спавший в другой половине избушки, и мы одновременно вышли в сени, чтобы впустить ночных гостей. Дверь открылась, ворвался ветер, и меня чуть не сшибли с ног собаки, гремевшие цепями. Вошли люди в охотничьих костюмах, и страшные винтовки за плечами оказались простыми ружьями. Невольно вспомнилась поговорка: «У страха глаза велики».

На следующий день я уехал в Петербург, а через неделю рабочие Обуховского, Путиловского и других заводов читали новые номера «Искры» и новые революционные брошюры.

Литература прибывала из-за границы в Финляндию все в большем количестве. Не так просто было доставить ее из Финляндии в Петербург, переправить транспорт через русско-финляндскую границу. Я предложил Елене Дмитриевне Стасовой воспользоваться для пере-

возки литературы имением Кириасалы, принадлежавшим моей матери. Елена Дмитриевна вскоре сообщила, что мое предложение принято и мне поручена организация этого дела.

Имение Кириасалы находилось у самой границы с Финляндией. От Петербурга до Кириасал, если ехать Кексгольмским трактом, было около семидесяти верст. Тот, кто отправлялся сюда из Петербурга поездом, должен был доехать до финской железнодорожной станции Райвола, а оттуда лошадьми до имения.

Таким образом, выезжая из Петербурга, можно было в Кириасалы попасть и со стороны России, и со стороны Финляндии. Это обстоятельство представляло большие удобства для транспортировки литературы.

Очень важно было и то, что на территории имения находился русский таможенный пункт, арендовавший у моей матери как землю, так и постройки, необходимые для чиновников и солдат.

Чиновник, возглавлявший таможенный пункт, его жена и дочь считали для себя весьма лестным знакомство с помещицей Бурениной и ее семьей. Они часто зазывали нас к себе, угощали чаем с вареньем, вкусными домашними наливками. Близкое соседство с имением было по душе и солдатам, которые наперебой ухаживали за хорошенькими горничными помещицы. В общем, между нашей семьей и таможенным пунктом установились вполне добрососедские отношения. Я не преминул этим воспользоваться.

Обычно груз с литературой прибывал на станцию Райвола. Получив сведения об этом, мы снаряжали из Петербурга «охотничью экспедицию»: надевали соответствующие костюмы, брали ружья, иногда прихватывали и собак, создавали видимость того, что группа беспечных молодых людей собирается весело провести время на лоне природы. Когда мы приезжали в Райволу, там уже поджидал нас с лошадью и санями приехавший из Кириасал рабочий имения Микко Олыкайнен. Он был моим усердным и надежным помощником в транспортировке нелегальной литературы.

Наша группа «охотников» делилась на получающих литературу и наблюдающих. Наблюдатели должны были в случае провала немедленно уехать и предупредить о происшедшем всех, кто имел отношение к транспортировке литературы. Получив багаж и погрузив его в сани, мы возвращались в имение. При переезде че-

рез границу приходилось подчиняться некоторым формальностям. Солдат, дежуривший у шлагбаума, звонил в колокол. Появлялся досмотрщик. Он подходил к экипажу и спрашивал:

— Кто едет? Что везете? Контрабанда есть?

Узнав меня, досмотрщик приказывал солдату: «Пропусти», и мы благополучно переезжали через границу. Так мы переправили большое количество литературы, минуя таможенный пункт в Белоострове, где грузы тщательно просматривались.

Помогал мне в транспортировке литературы Эдуард Эдуардович Эссен. Партийная его кличка была «Барон». Высокого роста, стройный, с вьющимися белокурыми волосами, он и в самом деле мог сойти за какого-нибудь немецкого или шведского барона.

Однажды мы с «Бароном» отправились в очередной рейс. «Барон», в костюме охотника, с ружьем, в высоких сапогах с отворотами, отправился из Петербурга на станцию Райвола. Там он должен был выкупить багаж и дожидаться меня. Я же выехал в Кириасалы из Питера на перекладных — почтовых по Кексгольмскому тракту.

Приехав в имение, я тоже принял подобающий охотнику вид, захватил несколько красивых ковров и поехал на станцию, где находился «Барон».

В сани был запряжен удивительный конь Бурят. Когда выезжали из дому, он обычно все время оглядывался, как бы угадывая, далеко ли едут. Заставить его бежать рысью было почти невозможно. Он нехотя шевелил ногами и все время норовил перейти на шаг. Но стоило, доехав до какого-нибудь места, повернуть обратно — и коня было не узнать: он несся стрелой.

Когда я приехал на станцию Райвола, «Барон» уже ожидал меня. Мы выбрали время, когда у пакгауза никого не было, и стали грузиться. Уложить в сани три больших ящика было не так просто. Выломав сиденье и козлы, мы поместили два ящика, положили сверху сено. Пестрые кавказские ковры совершенно их скрыли. Но куда девать третий ящик? Решили поставить его в ногах «Барона», и если будут спрашивать, объяснить, что в этом ящике находятся рождественские подарки для учащихся земской школы, где моя мать была попечительницей.

Пока мы возились с ящиками, время шло. На станции стала собираться публика, ожидавшая поезда. По-

явились и жандармы. Но мы сели в сани, и наш Бурят, почуяв, что едем домой, взял с места резвой рысью.

Стояла чудная погода, снег искрился на солнце. Наши сани, убранные пестрыми, яркими коврами, выглядели празднично. Под дугой заливался валдайский колокольчик. Из-под копыт весело бегущего Бурята летели комья слежавшегося снега и ударяли о передок саней. Сани раскачивались то в одну, то в другую сторону, казалось, вот-вот перевернутся. Но, подхваченные быстрым бегом, они снова выпрямлялись и легко скользили по накатанной дороге.

От Райволы до Кириасал было верст сорок. Проехав полдороги, мы остановились, накормили и напоили лошадь, а потом тронулись дальше. Финскую таможню мы проехали беспрепятственно. Вот и полосатый шлагбаум русского пограничного пункта.

Как обычно, дежурный солдат позвонил. Но на этот раз вышел по сигналу новый досмотрщик, которого я видел впервые. С ним был солдат, вооруженный винтовкой и длинным прощупывающим металлическим прутом. Конечно, я допустил оплошность, непростительную для конспиратора. Появление на пограничном пункте нового досмотрщика оказалось для меня новостью.

Назвав свою фамилию, я небрежным тоном сказал, что еду домой. В ответ мне было предложено предъявить груз для осмотра. Изобразив на лице удивление, смешанное с досадой, я заявил, что везу рождественские подарки для школьников, что раскрывать ящик нельзя, так как его содержимое может от этого пострадать. Я даже попробовал прикрикнуть на досмотрщика, но этим чуть не испортил дело. Он оказался ревностным служакой и настаивал на осмотре.

Тогда я попросил досмотрщика распорядиться поднять шлагбаум и пропустить меня во двор к начальнику таможенного пункта, а у саней поставить вооруженного солдата для охраны моего имущества. Это требование, выраженное в высокомерном тоне, не допускающем возражений, сбило с толку досмотрщика. Он понял, что я с начальством в дружеских отношениях, и выполнил мое требование. Шлагбаум был открыт. Мы с «Бароном» въехали во двор, подождали, пока явится охрана, оставили сани на попечение солдата и направились к начальнику.

Чиновник и его семья встретили меня, как всегда, радушно. Когда же я представил «Барона», прибавив к его громкому титулу какую-то немецкую фамилию, семейство чиновника совсем растаяло от удовольствия. Жена отправилась хозяйничать, дочка — переодеваться. Сам же чиновник тем временем завел со мной и «Бароном» разговор на излюбленные им темы международной политики.

Затем тема нашей беседы изменилась. Я сказал, что мой друг «Барон» очень увлекается охотой, он будто бы слышал, что в нашем лесу водятся лоси, и надеется устроить на них облаву. Чиновник любезно предложил использовать в качестве загонщиков солдат таможенного пункта.

Наш радушный хозяин, человек небольшого роста, с нависшими украинскими седыми усами, с небольшим брюшком, с маленькими веселыми глазками, всем своим видом показывал стремление угодить гостям. Кажется, он готов был всю таможню предоставить в наше распоряжение, чтобы заслужить благосклонность «Барона».

— Ольга Петровна, да где же ты пропадаешь? — торопил он супругу. — Ведь соловья баснями не кормят, гости наши, наверное, проголодались. А Шурочка куда девалась? Вот уж эти кокетливые девицы, — хлебом не корми, а дай принарядиться! Гости укатят, а мы и угостить-то как следует не успеем.

А гости действительно сидели как на иголках, думая о ящиках с нелегальной литературой. Не успели мы сесть за стол, обильно уставленный всякими закусками и разноцветными бутылочками с домашними водками и наливками, как раздался стук в дверь.

— Войдите! Кого это еще бог несет? — воскликнул хозяин.

Раскрылась дверь, и появился... вооруженный солдат, вытянувшийся в струнку:

— Ваше благородие, пожалуйте во двор!

Я посмотрел на «Барона», он побледнел. У меня тоже сердце заколотилось. Чтобы скрыть свое волнение, я стал рассказывать что-то Шурочке, выпивать за ее и мамашино здоровье.

Но вскоре чиновник вернулся.

— Вот ведь, извольте видеть, — пожаловался он, — без меня ничего не обходится, по каждому пустяку беспокоят! Точно у самих нет головы на плечах. А лошад-

ка ваша здравствует, дали ей сенца и овсеца. Добрый у вас конек!

У нас отлегло от сердца. Оказывается, привезли дрова, а чиновника пригласили распорядиться, куда их положить.

Наконец настало время прощаться. Хозяева приказали подать гостям лошадь. Сопровождаемые самыми лучшими пожеланиями чиновника и его семейства, мы тронулись в путь. Об осмотре нашего груза не могло быть и речи.

Шлагбаум остался позади.

Спустя три-четыре дня наш драгоценный груз был уже в Петербурге.

Таким образом, на сей раз все кончилось благополучно. Но этот случай заставил нас призадуматься. Кто может поручиться, что подобное не повторится и в один прекрасный день наш груз не будет осмотрен? Надо было принять заблаговременно какие-то меры.

В трех верстах от имения моей матери, в нейтральной зоне между двумя пограничными пунктами — русским (Кириасалы) и финским (Липпооля) — была расположена земская школа. Находилась она в ведении моей матери. Я решил устраивать по воскресеньям в помещении школы литературно-музыкальные вечера.

Приглашались на эти вечера чиновники с семьями, досмотрщики и свободные от дежурства солдаты. Все они были польщены оказанным им вниманием, довольны тем, что могут в глуши интересно проводить воскресные дни. А мы, организуя эти вечера, преследовали свои цели.

На литературно-музыкальных вечерах демонстрировались волшебные картины. Фонарь и картины мы получали в Петербурге, в Музее технических пособий, помещавшемся в Соляном городке. Я запасся официальной бумагой с печатью на право перевоза груза через русскую границу. В бумаге было указано, что ящик не подлежит вскрытию во избежание порчи фонаря и картин.

Фонарь мы доставили в имение, где он и хранился. По мере надобности его возили в школу на воскресные чтения. Но часто бумага на право беспрепятственного провоза груза через границу охраняла от осмотра не волшебный фонарь с картинами, а нелегальную литературу, которую мы переправляли из Финляндии регулярно, раза три-четыре в месяц.

Конечно, главное было — миновать границу. Но нужно было подумать и о том, как доставить литературу из Кириасал в Петербург.

Вначале мы перевозили багаж на перекладных. Лошадей меняли на почтовых станциях Коркиямякки, Лемболово, Вартемяги, Парголово. А это было сопряжено с риском. Перекладывая груз из одних саней в другие, ямщики удивлялись, почему чемоданы такие тяжелые. Нетрудно было догадаться, что в чемоданах книги. Не без моего участия был пущен слух, что Буренин перевозит из имения в Петербург свою библиотеку. Но это также вызвало удивление: что-то уж больно большая библиотека, никак не перевезти. Да и почему книги надо возить в чемоданах?

Пришлось литературу, уложенную в мешки, перевозить в подводе под видом картошки. Делал это опять-таки мой отличный и верный помощник Микко Олыкайнен.

Так литература доставлялась в Петербург, на Рузовскую улицу, в квартиру, где я жил. Но как унести в течение нескольких часов из квартиры целый воз литературы, чтобы никто не заподозрил? Как доставить ее на наши явки и склады?

Тут сослужила мне службу моя общественно-музыкальная деятельность, которую я не прекратил, приступив к работе в большевистском подполье.

По-прежнему я активно участвовал в устройстве воскресных чтений и концертов в Волковой деревне и в других рабочих районах. Репетиции к этим концертам проводились в нашей квартире. Дворник знал об этом, так как я не раз поручал ему перевозить пюпитры и инструменты для музыкантов. А то, что дворник не догадывался об истинной цели происходивших у меня собраний, было очень важно. Охранка часто поручала дворникам слежку за внушающими подозрение жильцами.

Постепенно программа воскресных чтений расширялась. Мы устраивали и спектакли. На репетициях читали пьесы с большим количеством действующих лиц. В гостиной раскладывали огромный стол, торжественно покрывали его зеленым сукном. Вокруг стола рассаживались с книгами в руках человек десять — пятнадцать студентов и курсисток. Моя мать радовалась всему этому, так как сама очень увлекалась культурно-просветительной и филантропической деятельностью. А о том,

что скрывается за этими репетициями, она тогда еще не знала.

Из гостиной участники репетиций выходили в одиночку или небольшими группами в мою комнату покурить, побеседовать. Здесь и совершалось то, ради чего, главным образом, проводились репетиции. Мои гости быстро раздевались и обертывались литературой. Музыканты часто уносили литературу в футлярах из-под виолончелей и скрипок.

Однажды возникла необходимость срочно в течение одной ночи разнести по районам Петербурга большую партию нелегальной литературы, доставленную на нашу квартиру.

Жил я тогда вдвоем с матерью. Кроме нас в квартире находились горничная и кухарка. Мою комнату отделяли от комнаты матери большая гостиная и столовая. В конце коридора были расположены кухня и комната кухарки. Я закрыл все двери, спустил тяжелые портьеры. Горничная была до некоторой степени в курсе моих подпольных дел. Брат ее являлся рабочим одного из питерских заводов, и она хвалила меня за то, что я стоял за «рабочего человека», очень хорошо ко мне относилась и даже иногда припрятывала у себя под матрацем нелегальную литературу. Я ее предупредил, что ночью ко мне придут товарищи, я сам открою им двери и провожу их, но никто из домашних не должен об этом знать.

Когда в доме все затихло, я сложил в своей комнате и в гостиной пакеты с литературой, приготовил жбаны с керосином, чтобы в случае внезапного обыска можно было быстро сжечь литературу в камине и печке. Во входных дверях я пробуравил отверстие, через которое продел веревку с наружной петлей. Когда тянули за петлю, дверная ручка, к которой была привязана веревка, слегка шевелилась, и я знал, что пришли ко мне. Все товарищи были строго предупреждены, что звонить не надо.

Всю ночь товарищи приходили, обертывались литературой или привязывали ее под платьем. Все шло гладко, но часов в пять утра кто-то, очевидно, забыв о предупреждении, нажал кнопку электрического звонка. Мать проснулась. Накинув капот, она вышла в столовую и очень испугалась, увидев, что портьеры во всей квартире спущены. Войдя в гостиную, заметила свет в

передней. Не успел я проводить двух последних товарищей, как портьеры раздвинулись, и я увидел мать, стоящую в дверях:

— Что случилось? Кто эти люди? Почему ты не спишь?

— Не беспокойся, мама. У меня неожиданный спектакль, всю ночь мы репетировали... Ложись спать [...]

ЯВКИ, ТИПОГРАФИИ, СКЛАДЫ

Нам, людям, руководившим технической работой Петербургского комитета РСДРП, сосредоточившим в своих руках нити от явок, складов, типографий, не рекомендовалось что-либо переносить самим или хранить в своих квартирах. Делали мы это в крайних случаях. Распространяли литературу переносчики, «транспортеры» — главным образом, молодые студенты и рабочие, беззаветно преданные делу. Они действовали осмотрительно и в то же время решительно и смело. Каждую минуту им угрожала тюрьма, ссылка, каторга, но ничто не могло помешать им выполнять свой долг. В трудных условиях товарищи проявляли исключительную находчивость и самообладание.

Одним из лучших наших транспортеров был рабочий Шлиссельбургской мануфактуры Дианов. Он никогда не падал духом, никогда не отступал от требований конспирации, какие бы трудности ни приходилось преодолевать.

Однажды, приехав в Петербург, Дианов нагрузился литературой, чтобы отнести ее по указанному адресу. Но произошло недоразумение. Когда Дианов пришел на место, его «не признали». Видимо, Дианову дали неправильный адрес.

Транспортер попытался отыскать нужный адрес, но сделать этого не смог. Уже поздно вечером он вынужден был явиться обратно на ту явочную квартиру, где получил литературу. Но опять неудача: к этому времени товарища, давшего ему литературу, здесь уже не было. Дианова встретили другие люди, совершенно ему незнакомые. Ни в какие переговоры они с ним не вступали и, как выяснилось позже, приняли его за шпика. Так Дианов и ушел с литературой обратно.

Что же ему было делать? Он знал адреса товарищей, знакомых по подпольной работе, но идти к ним не мог, так как это противоречило правилам конспирации.

Дианов не был уверен и в том, что его не выслеживают. Не мог он с литературой возвращаться и домой.

Всю ночь Дианов, обмотанный листовками, блуждал по городу, стараясь не навлечь на себя внимание городовых. Надо еще добавить, что дело было зимой.

Только утром Дианову удалось найти нужного товарища и сдать литературу. Характерно, что он не выразил ни малейшего неудовольствия случившимся. Наоборот, радовался тому, что все кончилось благополучно, что он, несмотря на все трудности, выполнил партийное задание — сдал литературу куда следует.

Я привел этот обычный случай из практики наших транспортеров, чтобы читатель, в особенности молодой, понял, сколько усилий, труда стоило распространение партийной литературы в условиях подполья, с каким риском было связано это дело.

Не так просто было найти подходящую квартиру для хранения литературы. Такая квартира должна была быть исключительно надежной. Кроме того, следовало подумать, как доставлять литературу в эту квартиру, как уносить ее отсюда по районам.

Случалось, что какой-либо из наших складов литературы оказывался под угрозой. Возникала необходимость срочно очистить его. Сделать это нужно было до наступления ночи, когда, по нашим сведениям, следовало ожидать обыска. Хорошо, если удавалось заблаговременно подготовить новое, надежное хранилище. А если его у нас не было? Где разместить хотя бы временно все находившееся на складе?

В этих случаях приходилось действовать очень энергично, сочетая осторожность с безудержной смелостью и твердой решительностью.

Среди наших транспортеров были наряду с молодыми рабочими и отдельные выходцы из состоятельных слоев населения, честно служившие делу революции. Они, если это нужно было, умело использовали свое положение, свои связи.

Однажды товарищи, спасая склад от ожидавшегося налета полиции, принесли пакет с нелегальной литературой, обложенный ученическими тетрадями, в гимназию, где преподавала Маргарита Вячеславовна Януш. Дочь видного юриста, Маргарита Вячеславовна была членом подпольной социал-демократической организации.

Что же ей было делать с пакетом? Оставить его в гимназии? Нельзя. Маргарита Вячеславовна вышла с пакетом на улицу, обдумывая, где же его спрятать. И в этот момент она увидела шедшего навстречу... военного прокурора — товарища ее отца по Военной юридической академии. Прокурор часто бывал у них в доме, хорошо относился к Маргарите Вячеславовне и, конечно, понятия не имел о ее причастности к революционной работе. Увидев свою хорошую знакомую с тяжелой ношей, он предложил помочь. Жил прокурор неподалеку от гимназии, и у Маргариты Вячеславовны мелькнула мысль воспользоваться его квартирой.

— Вы, кажется, идете домой? — спросила она. — Это ученические работы, они мне скоро понадобятся в гимназии, может быть, вы разрешите временно оставить их у вас? Только я бы попросила хорошо спрятать пакет, чтобы никто его не развязывал, так как в нем много записочек и заметок, которые мне очень нужны, а они могут выпасть и затеряться.

Прокурор сказал, что возьмет пакет к себе в кабинет и трогать его не будет, потому что не интересуется детскими сочинениями. Так пакет с нелегальной литературой пролежал в домашнем кабинете военного прокурора, пока не был найден новый склад.

Настоящими героями были работники наших нелегальных типографий. Они делали свое дело в очень трудных условиях, под ежеминутной угрозой ареста.

Обычно под типографию приспосабливали какой-нибудь подвал, над которым был склад или торговое помещение, где находились под видом лавочников или торговцев «хозяева» типографии, то есть наши товарищи, ведавшие печатанием и распространением литературы. Наборщики и печатники жили и работали в типографии нелегально, поэтому из помещения выходили очень редко, подолгу были оторваны от внешнего мира.

Каждая типография обслуживалась целой сетью передаточных квартир и несколькими десятками переносчиков. Адрес типографии был известен очень узкому кругу лиц. «Хозяин» типографии получал тексты листовок в условленном месте. Для этого подыскивались самые надежные квартиры, никак не вызывавшие подозрений полиции, или такие места, где постоянно толпилось много людей и охранке трудно было установить слежку. Часто использовались помещения, где устраивались выставки картин. Уславливались встретиться у

какой-нибудь картины, привлекавшей к себе особенно много зрителей, и незаметно, в толпе, передавали текст.

Выполнив заказ, заведующий подпольной типографией относил напечатанные листовки в одну или две квартиры-склады, где он тут же нагружался бумагой, краской, шрифтом. Все он, как правило, переносил на себе: наполнял карманы, обматывал бумагу вокруг тела. В руках у транспортеров ничего не было.

В этих трудных условиях работники типографий, переносчики и все другие товарищи, связанные с печатанием и распространением литературы, действовали очень четко и быстро.

Лидия Христофоровна Гоби, заведовавшая в 1902 году техникой Петербургского комитета РСДРП, рассказывает в своих воспоминаниях: «Мы выпустили к 1 мая десятки тысяч первомайских листовок и распространили их к 30 апреля к концу работы, примерно около четырех часов дня, на всех крупных и менее крупных фабриках и заводах столицы. Это произвело большой эффект на петербургскую полицию, которая пришла в бешенство оттого, что какая-то неведомая ей тайная рука может так четко и ловко работать»[10].

Больших трудов стоило добывание шрифта. Иногда нам удавалось доставать его в легальных типографиях. Одно время нашим «поставщиком» шрифта была частная типография «Слово», находившаяся на улице Жуковского. В этой типографии работали братья Войтенко, оказывавшие нам большую помощь.

Старший из братьев — Василий Андреевич Войтенко — приехал в Петербург из Черниговской губернии. У него обнаружился хороший голос, и я занимался с ним музыкой и пением.

Нуждаясь в средствах, Войтенко работал по вечерам в конторе типографии «Слово», а своего младшего братишку Колю устроил в этой же типографии мальчиком-учеником. Черноглазый шустрый мальчуган быстро завоевал общие симпатии. Ему разрешили свободно ходить в типографию по парадной лестнице, а не через специальный вход для рабочих, где каждого обыскивали.

Василий Войтенко часто выполнял обязанности переносчика нелегальной литературы. С помощью своего братишки Коли он прятал литературу в типографском складе для бумаги. Кроме того, Коля таскал для нас из типографии шрифт. Во время обеденного перерыва

мальчик входил в комнату корректоров, которые его очень любили, оттуда проникал в наборную, подходил к реалу и брал связанные полосы использованного шрифта.

Однажды с Колей произошел такой случай. Засунув шрифт во внутренний карман своего старенького, рваного пальтишка, он выбежал на улицу и направился по указанному ему адресу. Не успел мальчик дойти до Невского, как карман прорвался, шрифт выпал и рассыпался по панели. Коля перепугался, бросился в первые попавшиеся ворота и пустился наутек. К счастью, двор оказался проходным. Ни жив, ни мертв Коля вышел на Невский. Немного успокоившись, он стал думать, что же делать дальше, как выполнить поручение. Вернулся и обошел злополучное место, попытался подойти к нему с другой стороны, но тут услышал свистки городовых, увидел взбудораженных дворников. Мальчик все-таки вернулся в типографию, ухитрился незаметно взять набор двух уже отпечатанных объявлений и благополучно доставил шрифт в условленное место. Помню, как Коля уморительно рассказывал о происшедшем: «Аж с переляку у меня волосы дыбом встали и глаза на лоб повылезали».

Листовки с прокламациями печатались не только в типографиях, но и на гектографах, мимеографах, ротаторах, пишущих машинках — одним словом, всеми возможными способами. Здесь также было немало трудностей. Мы не могли, например, покупать гектографическую массу, чтобы не навлечь на себя подозрение. Этот состав мы варили сами. Но необходимый для ее изготовления глицерин продавался в аптеках маленькими дозами, которые нас никак не устраивали. Приходилось вовлекать в заготовку глицерина ряд товарищей, чтобы собрать его в необходимом количестве. Точно так же приходилось обходить целый ряд магазинов, чтобы собрать нужное количество бумаги.

Огромную, поистине неоценимую услугу оказывали нам люди, предоставлявшие свои квартиры для подпольных явок, собраний. Находили иногда здесь временный приют и товарищи, скрывавшиеся от царской полиции.

Владельцы этих квартир были людьми внешне вполне благонамеренными, подозрений у полиции не вызывали. Но они сочувствовали нашему делу и стремились помогать нам, рискуя собственным благополучием. Ча-

сто мы устраивали подпольные явки в квартирах врачей или адвокатов, где многочисленные посетители не обращали на себя внимание городовых. Сюда наши товарищи приходили под видом больных или клиентов, нуждавшихся в совете адвоката.

Несколько явочных квартир было в здании Академии художеств [11]. Так, например, много лет подряд, начиная с 1902 года, служила нам квартира Эрнеста Францевича Зиварта.

С Эрнестом Францевичем я познакомился, занимаясь в Академии художеств. Был он человеком прогрессивных взглядов, сочувствовал социал-демократии.

Зиварт работал в печатной мастерской Академии художеств, где заведовал граверной студией. Занимал он казенную квартиру, помещавшуюся над печатной мастерской. Чтобы попасть в мастерскую и в квартиру Зиварта, нужно было миновать ворота, затем со двора войти в дверь, откуда расходились в разные стороны длинные, запутанные, слабо освещенные коридоры. К квартире Зиварта можно было направиться по любому из этих коридоров. Та часть коридора, где находилась дверь этой квартиры, была совсем темной; по коридорам постоянно сновали вперед и назад студенты Академии.

Все это делало квартиру Зиварта очень удобной для конспиративной работы. Наши товарищи были предупреждены о всех деталях ее расположения. Заметив в коридоре подозрительного человека, они спокойно проходили мимо и, никуда не заходя, удалялись в противоположную сторону, а затем выходили на улицу. Словом, здесь была большая возможность сбивать с толку шпиков.

Эрнесту Францевичу можно было полностью доверять. В его квартире проводились заседания Петербургского комитета РСДРП, устраивались наиболее важные явки, хранилась нелегальная литература. Здесь мы печатали листовки на мимеографе и гектографе, а в 1905 году хранили оружие и приготовляли взрывчатую смесь для бомб. Эрнест Францевич снабжал нас печатями, которые он искусно вырезал из пальмового дерева. Эти печати были нам необходимы для паспортов, которыми нужно было снабжать товарищей, находившихся на нелегальном положении.

Охотно предоставляла нам для явки свою небольшую квартирку на Васильевском острове старая учи-

тельница Яковицкая. Она была честным и надежным человеком, в чем мы имели много возможностей убедиться. На подпольщиков, особенно женщин, старушка смотрела вначале с недоумением и каким-то сожалением. Она говорила, что не понимает, зачем мы, молодые, губим себя, лишаем себя радостей жизни, советовала бросить такое опасное дело. Однако затем и хозяйка квартиры втянулась в нашу работу, стала выполнять некоторые поручения. Здесь была одна из лучших наших явок.

По заданию Елены Дмитриевны Стасовой я подыскивал надежные адреса для писем, прибывающих из-за границы, а также и из других городов России. Адреса всех этих квартир в моей записной книжке были зашифрованы. Когда в 1907 году меня арестовали и я попал в тюрьму, у следователя оказалась моя записная книжка. Но только через три месяца полиции удалось расшифровать написанное, да и то не совсем точно. За это время я успел предупредить товарищей, и обыски, проведенные у них, не дали полиции никаких результатов.

Нам, техникам, имевшим дело с типографиями, складами, подпольными явками, приходилось вырабатывать свою систему шифрования. Мы в этом настолько усовершенствовались, что писали шифры со скоростью обычного письма. При этом применяли двойной шифр: переименовывали слова по известной аналогии и шифровали уже переименованные слова.

Один из членов нашей технической группы — А. М. Игнатьев[12], придя домой, обнаружил у себя зашифрованную записку: «Был тот, кто лает у ворот». Игнатьев вспомнил поговорку: «Енот, что лает у ворот». Среди известных ему товарищей людей с фамилией «Енотов» или похожей на нее не было. А вот Бобров был. И Игнатьев сразу догадался, что автор записки имел в виду Боброва, так как есть енотовые и бобровые воротники.

Однажды — это было в 1905 году — я должен был сообщить А. Я. Гуревич, заведовавшей в то время партийным архивом, что начиненные ручные бомбы удалось благополучно перенести из опасного места, куда могла нагрянуть полиция.

Не застав Анну Яковлевну дома, я оставил записку: «Свадебные мешки с конфетами переданы дружкам, и они очень довольны». В тот же вечер у А. Я. Гуревич

был обыск. Записка попала в охранное отделение, но «как не имеющая значения» через два месяца была возвращена с прочими вещами, взятыми при обыске.

Хранить дома адреса квартир, используемых для нелегальной работы, строго запрещалось. Помню, я заказал знакомому столяру, человеку, которому доверял, специальную полочку. Она очень хитро раздвигалась, и я прятал в ней бумажки с зашифрованным текстом. Полочку эту я хранил в комнате знакомой старушки, которая ко мне очень хорошо относилась. Старушка, конечно, и не подозревала о назначении полочки. Но она помнила мои слова, что эта полочка дорога мне по воспоминаниям, и заботливо ее оберегала. Полочку я в свое время сдал в Музей Великой Октябрьской социалистической революции в Ленинграде.

Вообще же мы старались меньше записывать и больше запоминать, доходя в этом отношении до виртуозности.

Вспоминая те далекие дни, с глубокой признательностью и уважением думаешь о бескорыстных, самоотверженных людях, которые, не страшась опасности, помогали партии, вносили свой вклад в ее великое дело.

А. В. Шотман

ЗАПИСКИ СТАРОГО БОЛЬШЕВИКА

КРУЖКОВАЯ РАБОТА

На этот раз мне удалось связаться с подпольной организацией «Союза борьбы» прочно. Кеттунен[1] уже не работал на этом заводе, но через одного члена нашего старого кружка (к сожалению, не помню его фамилии) я познакомился с работавшим в токарной мастерской слесарем по фамилии, если мне память не изменяет, Таратынов. Ему я потом уплачивал членские взносы, от него я получал нелегальную литературу, он меня познакомил с несколькими членами тайного кружка, и, наконец, через него же я впервые познакомился с интеллигентами, а затем и с организатором Выборгского района Вишневским, с которым я виделся раза два или три и о дальнейшей судьбе которого не знаю; помню только смутно, что говорили, будто бы его арестовали где-то в Полюстровском районе[2].

В этот период (лето 1900 года) благодаря Таратынову у меня не переводилась нелегальная литература, которую я читал, как говорится, взасос и которую наконец приучил читать Артура Шульца[3]. Приучился он к этому волей-неволей, так как в это время мы жили с ним в одной комнате и, кроме нелегальной литературы, у нас часто и читать было нечего. Кроме брошюр Таратынов довольно аккуратно доставлял выходящие в то время за границей газету-журнал «Рабочая мысль» и журналы «Рабочее дело» и «Работник», из которых мы узнавали о существовании тайных кружков и на других заводах Питера и других городов.

На этот раз на собрания нашего кружка иногда

приходил и интеллигент. Кружок наш состоял из пяти-шести человек, включая самого Таратынова. Собирались мы чаще всего на квартире Таратынова, иногда у меня, не стесняясь Шульца, который обычно после этого ругал меня идиотом, и только раз или два, помню, нанимали лодки, выезжали по направлению к островам и затем, опустив весла и плывя по течению, слушали речи интеллигента. Регулярных занятий в нашем кружке не велось, так как редко случалось, чтобы один и тот же интеллигент (обычно студенты петербургских высших учебных заведений) приходил два-три раза подряд. Обычно наши занятия сводились к рассказам интеллигента о жизни заграничных рабочих, об их борьбе с капиталом, о происходивших в Европе революциях, затем давались ответы на волнующие нас вопросы и на этом расходились. Иногда интеллигент-пропагандист приносил связку литературы, которую мы тут же делили с обязательством распространить ее среди знакомых рабочих, а если это были листки, то, рассовав по ящикам или каким-либо другим способом, распространить среди более широкого круга рабочих. Иногда, не дождавшись интеллигента, Таратынов сам руководил беседой, и довольно хорошо.

По мере того как мы приобретали знания, нам хотелось распространить таковые возможно шире и завязать связи с теми заводами, где, по нашим сведениям, не было еще тайных организаций.

У некоторых членов нашего кружка оказались надежные друзья на заводах в других районах Питера, с которыми они потом знакомили приходивших к ним интеллигентов.

У меня также, помимо обуховцев и Шульца, работавшего у Нобеля[4], которого я таки приучил таскать и распространять у себя на заводе листки, оказался друг на судостроительном заводе Крейтона на Охте — Иван Линдстрем.

Побывав в один из воскресных дней у него, я рассказал ему о существовании тайной организации, об ее задачах и прочем, убеждая его организовать у себя на заводе такой же кружок, как и тот, в котором я состою, обещав привести к нему интеллигента, если ему удастся сколотить и собрать кружок в 5—6 человек.

Через несколько дней Линдстрем сообщил, что ему удалось организовать кружок в 9 человек, который соберется в будущее воскресенье, — необходимо привести

интеллигента. Об этом успехе я сообщил Таратынову и просил его позаботиться об интеллигенте. В такой короткий срок ему добыть интеллигента не удалось, и мы решили пойти с ним без такового.

Собрание было устроено на одной из глухих улиц на Охте, в отдельной комнате невзрачной чайной. Собрались все 9 человек, исключительно рабочих с завода Крейтона. Заказали чай с вареньем и стали обсуждать задачи нового кружка.

Оставив небольшое количество нелегальной литературы и квитанционную книжечку для сбора членских взносов, мы расстались, обещав на следующее собрание привести интеллигента-пропагандиста.

У крейтоновцев оказались друзья на других заводах и фабриках Охтинского района, где также организовались нелегальные кружки, куда мы с Таратыновым через Линдстрема доставляли сначала запрещенную литературу, а затем и интеллигентов-пропагандистов.

Так, с завода на завод, из района в район распространял свою деятельность «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», одним из главных вдохновителей которого был Владимир Ильич Ленин, приведший рабочий класс России к победе над капиталом.

Работая у Лесснера и с энтузиазмом новообращенного завязывая связи на заводах ближайших районов, я не забывал и своих обуховских друзей, доставляя им получаемые мною новинки нелегальной литературы. На самом же заводе я с таким рвением подыскивал новых членов, что скоро чуть ли не все токари «проходящей казармы» знали меня как члена тайного кружка, и все-таки в течение четырех или пяти месяцев, что я там проработал, ни одного предателя не оказалось среди отпетых токарей у «Самы»[5].

Вся атмосфера мастерской, казалось, была в то время пропитана революционным духом: брошюрки читались почти открыто во время работы, и даже сам «Сама» как будто был заражен этим, совершенно для него не подходящим ядом, так как занялся собиранием подписки на выходившую в Гельсингфорсе социал-демократическую газету «Työmies» («Рабочий»).

Благодаря его умелой агитации чуть ли не все работавшие у него финны подписались на эту газету, в том числе, конечно, и я. Но — увы! — любовь «Самы» к этой газете была недолговечна. В одном из номеров была помещена злая-презлая статья против самодур-

ства «Самы», которую мы демонстративно читали, когда он проходил мимо, и затем, обведя статью красным карандашом, положили ему в конторе на стол. Автором статьи был мой сосед по станку Хамяляйнен, которому «Сама», не зная, конечно, об этом, жаловался на людскую неблагодарность, подлость и прочее, и так потом возненавидел эту газету, что стоило ему увидеть ее в чьих-нибудь руках, начинал кричать как одержимый.

Уйти с завода опять мне пришлось, хотя и без драки, согласно данному мною при поступлении обещанию, но с шумом и криком превеликим и так же скоропалительно, как и в первый раз. На этот раз пришлось погулять без работы больше месяца. Благодаря связям отца удалось опять поступить на Обуховский завод, но уже не в минную мастерскую, а в отдел полевых орудий, в просторечии — «полевую».

В это время (февраль 1901 года) на Обуховском заводе имелись подпольные кружки почти в каждой мастерской; литература также получалась в достаточном количестве, особенно листовки, и чуть ли не открыто распространялась среди рабочих. Кружок, в который я вступил, состоял из 6—7 человек. Из членов этого кружка по фамилиям помню только Манна, Юникова, Дмитрия Вересова и Владимира Пернафорта. Руководителем кружка, имевшим непосредственную связь с районом, был молодой токарь из минной мастерской Манн.

Собирался наш кружок редко, еще реже приходил на наши собрания интеллигент, так что большей частью наши собрания проходили в совместном чтении запрещенной литературы, а иногда и легальной, причем из легальной преимущественно Салтыкова-Щедрина и Писарева. Собирались чаще всего у Николая Юникова, иногда у меня и еще у Кармазова, не желавшего официально входить в тайный кружок, но охотно предоставлявшего в наше распоряжение свою квартиру, причем мы разрешали и ему присутствовать на этих собраниях. С наступлением теплых дней мы предпочитали устраивать наши собрания на Преображенском кладбище.

Литературу приносили из города на квартиру Манна, проживавшего с родителями в казенном доме Карточной фабрики, на которой отец Манна служил мастером и от которого Манну приходилось тщательно скрывать свое участие в подпольной организации.

Когда наконец отец Манна пронюхал о деятельности своего сына и стал допрашивать его, пришлось квартиру переменить, а затем поручили мне самому ездить за литературой в село Смоленское. Распределение литературы обычно происходило на небольшой площади по Палевскому проспекту под открытым небом[6]. К условленному часу собирались представители заводов и фабрик Невской заставы (Семянникова, Чугунного, Обуховского, Паля, Максвеля и др.) и в ожидании прихода «почтальона» рассказывали друг другу о житье-бытье на заводах и фабриках.

Обычно литературу приносила пожилая работница, работавшая, если не ошибаюсь, на фабрике Варгунина[7]. Приносила она ее, когда было много, в мешке или корзине, но обычно в переднике. Тут же на небольшой площади, на скамейке против окон квартиры, где жил (как потом узнали) околоточный надзиратель, делили листки и литературу пропорционально количеству работавших на предприятиях рабочих и спокойно расходились. Большая часть приходивших за литературой товарищей, как я потом узнал, когда пришлось заменить Манна, составляла нечто вроде районного комитета. Из тогдашних членов этого комитета по фамилии помню только рабочих Афанасьева и Голубева, работавших, кажется, на фабрике Варгунина.

Особенно энергичную деятельность развил «Союз борьбы» к концу февраля, подготовляя к 4 марта в городе большую демонстрацию, о необходимости которой говорили на заводе открыто.

Связь с Выборгской стороной у «Союза борьбы» в это время была, по-видимому, прервана, так как хорошо помню, с какой радостью ухватился за мое предложение познакомить с кружками лесснеровцев и крейтоновцев приходивший к нам интеллигент «Иван Иванович».

В один из воскресных дней мы условились с «Иваном Ивановичем» встретиться на квартире родителей И. Линдстрема, на Сампсониевском проспекте, откуда затем втроем пошли на условленное место, в поле за Московскими казармами, где нас уже ожидали представители не только от Лесснера и Крейтона, но и от других заводов. С этого времени я стал часто ездить на Выборгскую сторону, куда уделял получаемую мною и откуда брал не попадавшую почему-то к нам литературу.

К началу демонстрации, устроенной 4 марта на Казанской площади, я не попал, так как с утра ездил в село Смоленское за листовками, часть которых потом отвозил на Выборгскую сторону.

Когда я пришел на Невский проспект, Казанская площадь уже была «очищена» казацкими нагайками. Около Думы я встретил группу обуховцев, чудом спасшихся от ареста во время свалки на площади при освобождении одной из избиваемых курсисток.

После этой «студенческой», как ее тогда прозвали, демонстрации мы стали усиленно готовиться к демонстрации 1 Мая.

В это приблизительно время (март 1901 года) в нашей организации произошел раскол. Причиной этого раскола была вышедшая за границей в декабре 1900 года газета «Искра», вызвавшая в нашей среде горячие споры. Как наш кружок, так и большинство других кружков без долгих колебаний признали правильной позицию, занятую «Искрой»[8]. Разница между позицией «Рабочей мысли» и «Рабочего дела» — с одной стороны, и «Искрой» — с другой, была для нас, особенно после избиения на Казанской площади, весьма ясна. В это время «Рабочая мысль» и особенно «Рабочее дело» призывали рабочих бороться исключительно за экономическое улучшение условий труда, как-то: прибавку заработной платы, устройство вентиляции в мастерских, чтобы во время работ в мастерских был кипяток и прочее в этом роде.

Это не значит, конечно, что «Искра» игнорировала борьбу за улучшение условий труда на фабриках, заводах, транспорте и пр. Из номера в номер «Искра» печатала статьи и корреспонденции со всех концов России, в которых рабочие призывались вести борьбу за повышение заработной платы, за уменьшение рабочего дня и т. п.

Но в отличие от рабочедельцев, или «экономистов», как их еще тогда называли, «Искра», призывая рабочих бороться за экономические требования, указывала наряду с этим на необходимость ведения политической борьбы и с первого же номера стала доказывать, что никакие экономические улучшения не будут прочны, если рабочий класс не завоюет себе политических прав.

С появлением «Искры» подпольная работа на Обуховском заводе оживилась весьма заметно, листки и

прочая литература стали появляться чаще и аккуратнее, да и пропагандисты-интеллигенты стали аккуратно посещать собрания наших кружков [...]

ОТ КРУЖКА К ПАРТИИ

[...] 1 мая из 6000 обуховцев не вышло на работу 1200 человек. Я с утра поехал на Выборгскую сторону, где также на большинстве заводов рабочие не вышли на работу, а на Сампсониевском проспекте, около так называемой «Колонии Сегаля», произошла небольшая стычка с конным отрядом полицейских, разогнавших довольно большую толпу бастовавших рабочих и работниц [9].

Когда мы на следующее утро вышли на работу, по заводу пошли слухи, что все 1200 человек бастовавших будут уволены. В ответ на это мы решили объявить забастовку и в этом направлении и повели усиленную агитацию. Через два-три дня стало известно, что увольнять будут бастовавших частями и что 96 человек [10] получат расчет через несколько дней. Этого было достаточно, чтобы взбудоражить весь завод. Три дня прошли в беспрерывных совещаниях и беготне из одной мастерской в другую, и, наконец, была послана к начальнику завода делегация из двух человек, которым было поручено заявить, что в случае если будет уволен хотя бы один из бастовавших, то будет объявлена забастовка. Ответ начальника гласил, что будут уволены все, не вышедшие 1 мая на работу «без уважительной причины».

По получении такого ответа было созвано экстренное летучее совещание из представителей мастерских, на котором было решено объявить на заводе с 7 мая забастовку [11]. Тут же условились на следующее утро, 7-го, собраться всем членам организации, которых — мы рассчитывали — соберется человек 200, на дворе за полевой мастерской, откуда всей толпой пойти в станочную, как в самую революционно настроенную мастерскую, остановить там работу. Оттуда уже пойти по другим мастерским, останавливая всюду работы, потом всем заводом выйти на улицу, где и устроить демонстрацию.

На следующее утро собралось нас вместо ожидавшихся 200 всего 15—20 человек. Прождав напрасно на заднем дворе, где на нас могла обратить внимание ад-

министрация завода, около получаса, мы приняли решение остановить завод после обеденного перерыва, когда рабочие будут приходить на завод.

До сих пор мы не знали количества организованных рабочих на заводе, так как между существовавшими кружками определенной связи не было, не было и такого центра, который был бы связан со всеми кружками. Отчасти поэтому и потому еще, что много расходилось прокламаций и брошюр и что бастовало 1200 человек, мы преувеличивали количество организованных в кружки. Это же собрание, положившее начало массовой вооруженной борьбе русского рабочего класса с самодержавно-капиталистическим строем, показало нам, насколько слаба количественно была наша организация на заводе.

Задолго до послеобеденного гудка пришла наша небольшая группа к воротам завода. Тут же был составлен такой план: часть войдет во двор завода и будет под разными предлогами останавливать входящих рабочих у ворот, то же самое должны делать оставшиеся у ворот вне завода. Под разными предлогами, с шутками и прибаутками, не решаясь всем сообщать настоящей цели задержки, нам удалось остановить у ворот как вне завода, так и во дворе значительную толпу рабочих. Когда прогудел последний гудок, Кармазов, обладавший громовым голосом, вскочил на тумбу и объяснил собравшимся, в чем дело. Часть, остановившаяся из любопытства, в числе которых были и «старожилы», вообще враждебно настроенные против каких-либо «беспорядков», отхлынула и побежала по своим мастерским; оставшаяся же часть, человек около 200—300, стала требовать прихода начальства. Прождав несколько минут напрасно, решили послать в контору делегацию. Послали тех же, что и накануне, то есть Шурупова и, кажется, Кармазова. Нужно отметить, что ни Шурупов, ни Кармазов ни в одну из наших организаций не входили, хотя Кармазова мы знали хорошо, собирались у него на квартире, давали ему и хранили иногда у него нелегальщину; Шурупова же до этого никто из нас не знал.

В ожидании делегации члены нашей организации вели усиленную агитацию, удерживали трусивших, призывали к стойкости, а небольшая группа, человек пять-шесть, уселась тут же на панели и стала сочинять требование. Это показывает, насколько мы были не под-

готовлены к нахлынувшей на нас забастовке. Когда пришли к соглашению относительно выставленных требований, решили их записать на бумаге. У одного нашелся клочок бумаги, у другого карандаш, кто-то тут же на панели записал, и, когда пришла делегация, а следом за ней помощник начальника, полковник Иванов, нам осталось только прочесть ему наши требования. Нужно сказать, что из всей администрации завода больше всего мы ненавидели полковника Иванова, и, когда он явился, мы окружили его плотным кольцом и, вместо того чтобы сразу предъявить ему требования, стали над ним издеваться. Особенно в этом деле отличался Александр Калинин, вообще предлагавший нам весьма радикальные меры расправы с Ивановым.

Натешившись вдоволь, отведя, что называется, душу, стали излагать ему наши требования. Требования наши были изложены приблизительно в 10 пунктах, из которых на первом месте стояли: чтобы никого не увольнять за празднование 1 Мая, чтобы впредь празднование 1 Мая было узаконено, установить 8-часовой рабочий день, чтобы немедленно уволить полковника Иванова; затем шли обычные: чтобы был кипяток, вентиляция, вежливое обращение, увеличение расценок и пр. Особенно возмутило Иванова требование об его увольнении. «Вы скоро, пожалуй, потребуете увольнения и министров!» — возмущенно воскликнул Иванов. «Не только министров, но и царя потребуем уволить!» — закричал я при всеобщем одобрении.

Затем рассудительный Шурупов стал деловым образом обсуждать с Ивановым наши требования, все время прерываемый нетерпеливыми возгласами окружающих, особенно со стороны разгорячившегося Калинина.

Видя, что с Ивановым не договоришься, так как он на все наши вопросы давал уклончивые ответы, мы стали настойчиво требовать прихода самого начальника, генерал-майора Власьева. Иванов, видя накаленную вокруг себя атмосферу и заметно труся, согласился пойти и привести начальника. По уходе Иванова ряды наши начали редеть, и мы, боясь, что большинство разойдется, собрались уже идти в станочную, чтобы с ее помощью остановить работу в мастерских, уже начавших работу. Но в эту минуту появился сам начальник, одетый в парадную форму, при всех своих орденах. Седая, внушительная фигура генерала, по-видимому, вну-

шила почтительный страх оставшейся части более «благоразумных» рабочих, и наша армия еще более поредела после его появления. Видя это, окруженный надежной охраной, генерал сразу взял твердый, хотя и не заносчивый, тон и на все наши требования ответил отказом, но подумать о них не отказывался и велел нам разойтись.

Мы, оставшиеся в числе 30—40 человек, попытались убедить генерала удовлетворить наши требования, а я даже стал доказывать ему несправедливость существующего строя, эксплуатирующего рабочий класс, и прочее, но в конце концов пришлось нам разойтись. Войдя в свою мастерскую, работавшую полным ходом, сопровождаемый насмешливыми, даже враждебными взглядами, я подошел к станку, но к работе не приступил, вместе со мною не приступили к работе человек пять, хотя в мастерской работало около 300 человек. Часть рабочих, главным образом «старожилы», стала поговаривать, чтобы нас пятерых немедленно выкинуть из мастерской, часть оставалась равнодушной, но мы заметили, что все же большинство нам сочувствует [12]. Наша последняя попытка уговорить бросить работу не увенчалась успехом, и мы уже собирались покинуть мастерскую и уйти домой, чтобы назавтра получить расчет, а может быть, и арест, но в это время со двора послышались крики. Мы побежали к окну и сразу поняли, что забастовка началась. Оказалось, что группе рабочих станочной мастерской во главе с Николаем Юниковым удалось не только остановить в своей мастерской работу, но и вывести станочников во двор, остановить работу в минной и других небольших мастерских, а затем направиться к нам. Как только мы увидели в окно подходившую к нашей мастерской толпу, мы стали кричать, чтобы бросали работу, а тем, кто не желал добровольно кончать работу, мы грозили очутившимися у нас в руках палками [13]. Когда я прибежал в то отделение, где работал мой отец, он уже успел сложить свои инструменты в ящик, собираясь уходить, но некоторым его соседям по верстаку на его глазах мне пришлось пригрозить палкой. Когда я убедился, что все из мастерской вышли во двор, я побежал и присоединился к группе, шедшей во главе большой толпы, направлявшейся к пушечной мастерской. Впереди всех шел, почти бежал Н. Юников. Высокий, стройный, с блестящими голубыми глазами, с развевающимися бе-

локурыми кудрями, с засученными рукавами и с огромной палкой в руках, он был невыразимо красив в этот момент и невольно влек за собой толпу.

Вбежав в мастерскую, где работали самые закоренелые «старожилы», и рассыпавшись по мастерской, мы стали останавливать станки и сбрасывать приводные ремни. Юников, я и еще не помню кто третий вбежали в машинное отделение, чтобы остановить главную машину. Но машинист, несмотря на наши угрозы, не хотел останавливать сам, а указал нам, как ее остановить, что мы и сделали.

После того как все мастерские были остановлены, огромная шеститысячная толпа вывалила за ворота. При выходе из ворот нас встретил отряд городовых человек в двадцать пять во главе с околоточным надзирателем. По-видимому, околоточный этот был большой дурак, так как сделал попытку остановить выходившую толпу, за что весьма жестоко и поплатился. Как только он выступил вперед и что-то стал говорить, небольшая группа рабочих подбежала к нему и на глазах не двинувшихся с места городовых сорвала с него шашку, револьвер, затем, избив его до крови, бросила в канаву.

С торжествующими лицами, с ликующими сердцами расходились мы по домам, не забыв предварительно остановить работу на соседнем большом заводе, бывшем Берда, где в это время работал мой нобелевский друг А. Шульц.

Придя домой, умывшись и переодевшись по-праздничному, я пошел к Ермакову, который жил на той же Александровской улице [14], почти напротив нашей квартиры, где немного погодя собрался не только наш кружок, но и представители других кружков. Первым делом стал вопрос: как быть дальше? Нужно было также издать листовку, разъясняющую происшедшее, и указать дальнейшее поведение, необходимо было подумать и обезопасить себя и особо отличившихся, не входивших в организацию, от репрессий и пр. Нужно отметить, что в течение всей этой недели мы не видели ни одного интеллигента и вообще не имели за это время никакой связи с центром.

Потолковав немного и приняв кое-какие решения, мы всей гурьбой пошли на Шлиссельбургский тракт, где к тому времени, как нам сообщили, собралась довольно внушительная пешая и конная полицейская сила. Придя туда, мы увидели небывалую в этом рай-

оне картину. Почти во всю ширину тракта или проспекта, как теперь называется Шлиссельбургский тракт, начиная от Карточной фабрики до шлагбаумов Бердова завода, стояли стройные колонны городовых и жандармов. Мобилизованы были также и все пешие городовые, находившиеся в селе Александровском. По обеим сторонам проспекта на широких тротуарах разгуливали по-праздничному одетые толпы забастовщиков и окончившие работу «барышни» с Карточной фабрики. Ничто не предвещало кровавого столкновения, которое произошло несколько минут спустя. Началось оно так. Около больших четырех шлагбаумов, закрывающих при опускании их проезд по тракту во время проезда заводских поездов Берда, остановилась небольшая колонна городовых, а у каждого шлагбаума группировалась заводская молодежь и дразнила городовых «фараонами» и пр. Когда же несколько конных городовых попытались проехать под шлагбаумами по направлению к Обуховскому заводу, озорники мгновенно опустили тяжелые шлагбаумы и, кажется, сильно ушибли одного полицейского. Издевательства, насмешки и, наконец, удар шлагбаумом вывели полицейских из терпения, раздалась команда: «Шашки наголо!», и вся эта орава, размахивая шашками, с гиком бросилась сначала на группы, стоявшие у шлагбаумов, а затем и на гуляющую публику. Среди гуляющей публики произошла паника, все бросились бежать в ворота ближайших домов, и только благодаря канаве, прорытой вдоль тротуаров, конным не удалось как следует разгуляться. Наша группа, проходившая в этот момент как раз около шлагбаумов и так же, как и другие, не ожидавшая ничего подобного, принуждена была укрыться в ближайшие дома [15]. Пробежав некоторое расстояние, преследуемые конными городовыми, мы вбежали в калитку между двумя каменными домами Карточной фабрики. Едва мы вбежали во двор, отгороженный от проспекта деревянным решетчатым забором, как схватились за лежавшие во дворе булыжники и стали отбиваться ими от полицейских. Одним из брошенных мною булыжников я попал в голову подъезжавшего к нам конного полицейского. Он как-то неестественно склонился к шее лошади и, по-видимому еле держась в седле, отъехал по направлению к Обуховскому заводу. Помню, я от этого вначале ужасно растерялся, бросился почему-то в коридор ближайшего дома и, когда сообразил, что

здесь меня легче всего поймать, в случае если ему удастся прорваться к нам во двор, быстро повернул обратно. Увидав, что толпа, хотя и небольшая, продолжает отбиваться, я опять схватился за булыжники и принялся с еще большим жаром бросать их в наступающих полицейских.

Полицейские, видя, что голыми руками нас не возьмешь, открыли стрельбу из револьверов. Стреляли пешие городовые с противоположной стороны проспекта, стоя у железной ограды Троицкой церкви. Две-три попытки городовых взять нас под прикрытием огня штурмом не удались, так как мы, несмотря на стрельбу в упор, не только не разбегались, а, наоборот, усиливали бомбардировку. У нас уже появились раненые, всего только трое, да и те легко: одному прострелили руку немного ниже локтя, другому чуть не целиком оторвало большой палец на ноге, третьего не помню куда ранили. Работница Карточной фабрики Марфа Яковлева, подававшая нам до этого камни, теперь превратилась в сестру милосердия и стала перевязывать раненых. Мы же к этому времени до того разгорячились, что вскакивали на забор и, выставляя раскрытые груди, кричали «фараонам»: «Стреляй, сволочь, все равно не победишь!» Рядом со мной сражался, не отставая от меня ни на один брошенный мною камень, старый приятель А. Шульц, который всего еще только год тому назад ругал меня дураком и идиотом, что я читаю и распространяю нелегальщину.

В конце концов нас, вероятно, взяли бы полицейские, так как устали мы порядочно да и камни поблизости уже были все разобраны, но в это время неожиданно для полицейских из ограды Троицкой церкви в тыл им посыпался град булыжников, что и заставило их быстро отступить. Мы воспользовались этим, вышли со двора, соединились и общими силами загнали всю полицейскую силу в переулок у Обуховского завода; насколько помню, у рабочих, кроме булыжников и двух-трех охотничьих ружей и пары револьверов, не было другого оружия, у полицейских тоже были только револьверы, стрелявшие какими-то невероятно толстыми пулями [16]. Мы, упоенные победой, подошли довольно близко к переулку, где спрятались полицейские со своим раненным в голову начальником, но потом быстро принуждены были отступить под винтовочным огнем, открытым пришедшими на помощь полиции матросами,

проживавшими на заводе в количестве 40 человек. Эти матросы были присланы на завод задолго до всяких событий на заводе в качестве приемщиков, с одной стороны, и в качестве обучающихся — с другой. Еще до забастовки мы не раз беседовали с этими матросами, они нам казались такими славными ребятами, и вдруг эти славные ребята стреляют по нас. Это нас страшно возмутило. Но скоро мы убедились, что ребята, хотя и стреляют усиленно, но не столько по нас, сколько по крыше противоположного дома, находившегося от них через улицу. На следующий день мы убедились в этом, увидя изрешеченный карниз двухэтажного дома. Действительно, несмотря на убийственный огонь, с нашей стороны было убито всего трое, да и то двое из них — мальчик лет тринадцати и один пожилой рабочий — были убиты далеко от места сражения случайными пулями [17].

Весь этот бой происходил приблизительно часа три, с 6 до 9 вечера. Усталые, но гордые, что отбили атаки полицейских и жандармов, собрались мы около станции «паровой конки», как называли городскую железную дорогу на паровой тяге, проходившую от села Александровского до Знаменской площади. Тут были Малышев, Ермаков, Юников и еще два-три товарища, фамилий которых сейчас не помню. Домой идти не хотелось [18] [...]

В Питер я вернулся 4 марта 1902 года, имея в кармане ровно 15 копеек, которых мне в обрез хватило, чтобы доехать на конке до села Александровского. Первое знакомое лицо, которое я встретил по выходе из конки, был Сергей Васильевич Малышев. Мы расцеловались, стоя посредине улицы, затем оглядели друг друга с головы до ног и нашли, что по внешнему виду мы очень похожи друг на друга. Оказалось, что он тоже только что, в тот же день, прибыл из дальних краев, из Одессы, где ему жилось весьма горько и откуда он тоже добрался до Питера, рискуя попасть в тюрьму за бесплатный проезд по железной дороге. Дома меня мать едва узнала. Отец лежал в больнице безнадежно больной. Ходил я на этот раз без работы не более двух недель и затем поступил токарем на завод Л. Нобеля в ту же самую мастерскую, где прошел ученье. Первым делом я принялся за восстановление революционных связей и через старых знакомых лесснеровцев познакомился с работавшим у Лесснера слесарем Из-

раилем Стерниным, по кличке «Гриша». Это был интеллигентный, удивительно энергичный и преданный товарищ (погиб при отступлении от Астрахани в 1918 году) [19]. Через него я связался с Ильей Тараевым, бывшим в это время организатором Выборгского района, вскоре же арестованным. «Гриша» в это время был организатором на Петербургской стороне, где он жил и где у него были обширные связи. Благодаря своим знаниям и лекторскому таланту он часто приходил потом в кружки в качестве интеллигента. С ним мы очень подружились и затем целый год работали, встречаясь чуть ли не ежедневно.

Через неделю приблизительно после поступления моего к Нобелю в больнице Обуховского завода умер мой отец. Похоронив его на Преображенском кладбище, я перевез свою мать и калеку-брата на Выборгскую сторону, где мы поселились на Выборгской набережной на углу Роченсальмского переулка. Эта квартира, в которой мы снимали одну комнатку, была затем в течение года базой Выборгского района, куда курсистки кипами таскали литературу и листки.

После ареста Тараева организатором Выборгского района был назначен Иван Белянчиков. С Белянчиковым мне пришлось проработать не больше двух месяцев. Это был замечательный пролетарий, хорошо развитый, читавший в свободные минуты серьезные научные книги, чуть ли не зубривший наизусть Маркса. Он, по-видимому, был чернорабочий, не знавший никакого ремесла, так как впоследствии, через четыре года, когда мне опять пришлось с ним встретиться, он изучил слесарное ремесло, а затем стал шофером.

В период его работы на Выборгской стороне появилась зубатовская организация. У нас была директива вести контрагитацию против зубатовщины, что нами на Выборгской и было успешно проделано; через довольно короткое время зубатовская организация скрылась с горизонта Выборгской стороны. Собирались обычно зубатовцы на Финляндском проспекте в трактире «Выборг». Мне пришлось там побывать несколько раз вместе с Белянчиковым, который, не называя себя, конечно, социалистом, выступал там раза два и, по-видимому, там же подхватил шпика, так как скоро был арестован в своей комнате на Оренбургской улице, имея основную квартиру где-то в Полюстровском районе. На второй день после его ареста я чуть не был арестован

около его комнаты находившимися в засаде шпиками, от которых мне удалось убежать только благодаря тому, что я хорошо знал все проходные дворы Выборгской стороны.

Кроме Белянчикова на зубатовских собраниях выступали И. И. Егоров («Нил») и Федор Яковлев, не примыкавший к нашей искровской организации.

После ареста Белянчикова я был назначен организатором Выборгского района и в этой должности пробыл около года, то есть до мая 1903 года. За этот период, с лета 1902 года до лета 1903 года, Петербургский комитет (искровский) развил небывалую по размаху и по количеству выпускавшихся листков подпольную работу. Когда я заменил Белянчикова, связи и кружки были почти на каждом заводе и фабрике, не только Выборгской стороны, в примыкающем к Сампсониевскому проспекту районе, но и в Полюстровском, вплоть до Охтинского. Типография Петербургского комитета работала великолепно и буквально наводняла прокламациями петербургские заводы и фабрики. Одной из главных экспедиций, куда приносили литературу для Выборгского района, была моя комната, а обязанности экспедитора выполняла моя мать, связывавшая принесенные листки газеты в различной величины пакеты пропорционально количеству работавших на фабриках и заводах рабочих.

Как добрая и вместе с тем аккуратная финка, моя мать чрезвычайно тщательно и справедливо распределяла по пакетикам листки, и можно было быть вполне уверенным, что каждый завод и фабрика получат причитающееся количество листков. Когда же бывал избыток листков или по характеру их требовалось распространить вне завода, лучшей распространительницы, чем моя мать, у нас в то время не было. Чтобы удобнее подбросить в чужую квартиру листок, она прорвала в своей юбке карман и, сложив определенным образом листки, под каким-либо предлогом заходила в чужую квартиру, а затем при выходе оттуда незаметно роняла из-под юбки листок.

Чаще других приносила нам литературу очень красивая интеллигентная женщина «Ольга Викторовна». «Ольга Викторовна» не ограничивалась доставкой только литературы, а часто, застав меня дома, подолгу беседовала со мной на злободневные политические темы и вообще держала меня в курсе политической жизни

страны. Первое время по назначении меня организатором района я связи с Петербургским комитетом имел только через нее. Она же познакомила меня с курсисткой медицинского факультета Ольгой Михайловной Генкиной, впоследствии, в 1905 году, арестованной жандармами в Иваново-Вознесенске и тут же на глазах растерзанной озверелой толпой погромщиков. У нее на квартире, на Широкой улице Петербургской стороны [20], я впервые увидал большой склад нелегальной литературы. От такого количества и такого разнообразия нелегальных брошюр и газет у меня глаза разбежались. Сама Ольга Михайловна была воплощением революционерки, беззаветно преданной делу рабочего класса. В беседах с товарищами я ее всегда сравнивал с Софьей Перовской, образ хорошо нам тогда знакомый из прочитанной нелегальной литературы.

Ольга Михайловна только что начинала свою революционную деятельность и дальше хранения и разноски нелегальной литературы не шла. Помню, с каким восхищением, смешанным с уважением, смотрела она тогда, в 1902 году, на нас, революционеров, подлинных, прямо с заводов, рабочих. Когда же я потом, в 1905 году, снова встретился с нею — она уже была видной революционеркой.

Некоторое, очень короткое, время связь с Петербургским комитетом у меня была через «Петра», фамилии не помню, приходившего ко мне в качестве члена комитета.

Он был незаконнорожденный, воспитывавшийся у петербургских подгородных крестьян, затем работал на питерских заводах, а потом долго сидел по политическому делу в Предварилке, где выдержал 14-дневную голодовку, после чего стал страдать эпилепсией, которая очень мешала вести подпольную работу, так как иногда с ним случались жестокие припадки на улице. С тех пор я его не видел.

Как я уже говорил, связи на Выборгской стороне у нас были почти на каждом заводе и фабрике.

На заводе Л. Нобеля, где я работал, была организация человек в 10—12, большей частью из финнов.

Из лесснеровского кружка, организованного мною из рабочих не только лесснеровского завода, помню Адольфа Тайми, бывшего в 1918 году во время финляндской революции народным уполномоченным (комиссаром) по военным делам, и Александра Хаапанена,

отбывшего четыре года финской каторги за участие в финляндской Красной Армии. Организатором на фабрике Воронина, через которого у меня была прочная связь с ткацкими, бумагопрядильными, ниточными и прочими фабриками, был в то время Ефим Изотов, по кличке «Мужик». Он работал у Воронина чернорабочим, исполняя иногда должность смазчика. Через него обычно распространялась литература по фабрикам, на которых у него был огромный круг личных знакомств. Однажды с ним произошел такой забавный случай. Он до того увлекся различными способами распространения прокламаций, что почти совершенно перестал стесняться. Забравшись как-то под самый потолок для смазки трансмиссии, он сбросил оттуда пачку листков и попал ими прямо в голову стоявшему внизу директору-англичанину.

Когда наш смутившийся «Мужик» спустился вниз, директор-англичанин, желая показать, что он не обращает внимания на проделку смазчика, дружелюбно спросил его: «Ну что, Изотов, смазал?» На что Изотов в шутку по-военному, но двусмысленно ответил: «Так точно, господин директор, смазал!» [21]

Связь с кружками Полюстровского подрайона поддерживалась и литература распространялась через Александра Эркку.

В Охтинском подрайоне, центром подпольной работы которого был судостроительный завод Крейтона, работа велась через братьев Павла и Илью Судаковых.

В районе Черной речки, прилегавшем к Новой деревне, на механических заводах Исидора Гольдберга, братьев Экваль, отчасти на заводе Барановского, наждачном заводе Струкка и на крупной текстильной фабрике Чешера, которая в истории революционного движения упоминается еще с 1880 года [22], были небольшие кружки; крупнейшим из них был кружок на фабрике Чешера. Во главе его, состоявшего почти исключительно из мужчин, хотя на фабрике преобладали женщины, был пожилой рабочий, фамилии которого, к сожалению, сейчас не помню. Это был интересный тип революционера-рабочего. По внешнему виду ему было около сорока лет. Его слегка сгорбившаяся фигура, облаченная в ситцевую рубашку и штаны из чертовой кожи со вздутиями на коленях, впалые без блеска глаза, грустное лицо ничем не выделялись из обычного типа фабричных рабочих, проведших свою жизнь с малолет-

ства за ткацким станком в пропитанных вредной пылью фабричных корпусах. А между тем это был образованнейший из рабочих, которых я в то время знал среди нашей организации. Из всех рабочих искровских кружков Выборгской стороны в его кружке велись наиболее регулярные и серьезные занятия, причем в случае отсутствия интеллигента он сам объяснял членам кружка непонятные места из Маркса. Последнее время, когда я с ним виделся в 1903 году, он проживал в Нейшлотском переулке, где в одном из битком набитых фабричных домишек снимал «угол», едва вмещавший его небольшую библиотеку, почти сплошь из книг по философии. В этой квартире он потом, насколько помню, был в этом же году и арестован. Ефим Изотов мог бы дать более подробные сведения об этом интересном рабочем-революционере [23].

Условия для подпольной революционной работы в это время на Выборгской стороне вообще были очень благоприятными. Длинная вереница видных подпольных работников, начиная от Ленина и покойного Бабушкина, которого мне однажды удалось видеть в 1900 или 1901 году в Полюстровском районе на небольшом собрании, хорошо подготовила район.

Хотя на заводе Л. Нобеля до моего поступления, вернее в момент поступления, никакой подпольной организации не было, но среди рабочих было много таких, для которых нелегальная литература и листки были далеко не новостью.

Несмотря на все мои попытки законспирировать свою работу, это мне не особенно хорошо удалось, так как через какой-нибудь месяц-другой многие на заводе знали, что я являюсь едва ли не главным «закоперщиком» по части крамолы. Однажды, к моему удивлению, мастер слесарной мастерской Линдквист, прежний приятель моего отца, после довольно большой порции листков, пущенных мною по заводу, подошел к моему станку и отеческим тоном предупредил меня быть поосторожней, так как на заводе могут оказаться шпионы. Несмотря на все это, мне удалось проработать там год с небольшим, причем за все это время не было ни одного ареста.

Не только заводы, но как будто бы вся Выборгская сторона была заражена в это время революционным духом, даже босяки.

Те, кто в эти годы работал или проживал на Выборг-

ской стороне, должны хорошо помнить видного босяка Петьку-«Рыбака», без которого ни одна крупная драка на Выборгской стороне не обходилась, причем в той драке, где участвовал «Рыбак», обычно основательно попадало городовым и дворникам, так как «Рыбак» их органически не переносил, а те его немного побаивались. Этот самый «Рыбак» великолепно играл на гармонике, а также великолепно пел революционные песни. В летние вечера, когда мы по окончании работ выходили из завода, он с гармоникой уже сидел на разбросанных по набережной бревнах и ожидал наших «заказов». А заказывали мы ему всегда революционные песни... Очень хорошо он пел про Савву Морозова на мотив «Камаринской». Затем он начинал про «Попа и черта»:

В церкви, золотом залитой,
Пред оборванной толпой
Проповедовал с амвона
Поп в одежде парчевой... и т. д.

Последним номером его репертуара была новая, по случаю бывшей 4 марта 1901 года демонстрации на Казанской площади составленная «Казацкая песня», которую он пел тоже на мотив какой-то народной песни и которую начинал, только справившись предварительно, далеко ли стоит постовой городовой.

С тех пор я этой песни не слыхал, и в сборниках песен не довелось ее видеть. Приведу ее, насколько помню, как характерную для своего времени:

Как четвертого числа
Нас нелегкая несла
Смуту усмирять,
Эх, смуту усмирять!
Рано утром нас будили,
Не кормили, а поили
Водкою одной,
Эх, водкою одной!
Подготовив понемногу,
Вывели нас в путь-дорогу,
К Невскому пошли!
Эх, к Невскому пошли!
По дворам нас рассадили
И настрого запретили,
Чтобы не орать,
Эх, чтобы не орать!
Долго ль, мало ль мы сидели,
Не шумели, не галдели,
Вдруг команда нам,
Эх, вдруг команда нам!

Выходите на тревогу,
Фараонам на подмогу,
Клейгельс ослабел,
Эх, Клейгельс ослабел!
Мигом вышли на свободу,
Видим массы мы народу —
Тысяч до пяти,
Эх, тысяч до пяти!
Тут и штатский, и военный,
И бродяга, и почтенный,
Весь народ шумел,
Эх, весь народ шумел!
Кутерьма тут поднялася,
Свалка-драка началася,
Бросились и мы,
Эх, бросились и мы!
Молоток тут пошел в дело,
Офицерику влетело;
Кровью залился,
Эх, кровью залился!
Сам фон Клейгельс, генерал,
Все подальше удирал
И с коня кричал,
Эх, с коня кричал!
Много силы у солдата,
Но давить родного брата
Можно лишь спьяна,
Эх, можно лишь спьяна!
Как домой вернулись в роту,
Принесли одну заботу —
О своем грехе,
Эх, о своем грехе!

Иногда случалось, во время песни незаметно подходил городовой и, протискавшись к певцу, начальническим тоном обращался к нему:

— Ты что, «Рыбак», опять про Морозова поешь?

— Никак нет, господин городовой, сами послушайте.

И под общий хохот тут же импровизирует какой-нибудь непристойный куплетик.

— Ой, «Рыбак», смотри, попадешься ты когда-нибудь — не отвертишься, — пригрозит озадаченный городовой и, прикрикнув «для порядка» собравшейся толпе: «Господа, расходитесь, не приказано собираться!» — уходит на свой пост.

И Петька «Рыбак» действительно скоро попался по подозрению в убийстве во время драки, но за недостатком улик был освобожден, а затем немного спустя после этого утонул «по пьяной лавочке», как рассказывали.

Месяца через полтора или два после назначения меня организатором Выборгского района я в конце лета

1902 года был кооптирован вместе с «Гришей» — Стерниным в члены Петербургского комитета (искровского).

Это высокое отличие мне, конечно, очень польстило, но зато и работы и забот прибавилось втрое. Если до сих пор у меня все свободные от работы на заводе часы уходили на беготню по кружкам огромного района, то теперь приходилось иногда по два раза в неделю брать у мастера увольнение на полдня, чтобы попасть на заседание комитета. А так как Елена Дмитриевна Стасова, бывшая в то время секретарем Петербургского комитета, ухитрялась устраивать собрания комитета часто в архибуржуазных квартирах, то мне пришлось еще и расход крупный произвести, чтобы приобрести приличный костюм.

В это время в состав Петербургского комитета кроме Елены Дмитриевны Стасовой входили «Нина Львовна», имевшая кличку еще «Зверь», Анатолий Авдеевич Дивильковский, «Бур» — фон Эссен, «Ольга Петровна» и, кажется, еще кто-то, не помню [24].

Для «солидности», должно быть, меня окрестили «Сергеем Сергеевичем», а И. Стернин, несмотря на высокий чин «комитетчика», так и остался «Гришей».

На явки, которые, как я уже говорил, происходили часто в весьма буржуазных квартирах, Елена Дмитриевна всегда приходила первой и за малейшее опоздание делала нам весьма строгие выговоры. Не за эту ли строгость ее прозвали «Генералом»? Кроме клички «Генерал» ее звали еще «Абсолют» — почему, не знаю. Не в обиду будь ей сказано, боялся я ее чрезвычайно и готовился к докладам о работе в районе очень тщательно, скорее приуменьшая количество членов в кружках и количество бывших собраний, чем было на самом деле, только бы она не заподозрила, что я приукрашиваю положение дел в своем районе. Зато расход литературы, по данным заведующей этим делом, в Выборгском районе был самый большой, что объяснялось надежным составом членов кружков и очень хорошо налаженным аппаратом для распространения.

А типография Петербургского комитета (как я мельком слыхал, даже не одна) работала на славу.

Особенно мы гордились чистотой техники, ничуть не уступавшей легальным типографиям. Не помню сейчас точно, в 1902 или в 1903 году, первомайская прокламация вышла даже с хорошим портретом К. Маркса, что особенно тогда поразило рабочих [25].

Не было тогда такого мало-мальски заметного события в политической жизни не только России, но и Европы, на которое не реагировал бы Петербургский комитет в своих прокламациях, воздействуя не только на рабочую массу, но и на интеллигенцию, для которой печатались специальные прокламации. Эти предназначенные для интеллигенции прокламации не распространялись широко на заводах, давались только членам кружков. Распространялись они при помощи рассылки почтой по адресам, выбранным из «Адрес-календаря», и при помощи разбрасывания по театрам.

Для распространения в театрах назначалось по одному человеку от кружка, из которых составлялись тройки на каждый театр. Обычно эти трое, устроившись на ярусах в разных концах театра, перед самым поднятием занавеса, в тот момент, когда тухнет электричество, бросали вниз удобно сложенные, разлетавшиеся веером пачки прокламаций, иногда с задорным криком: «Долой самодержавие!»

Завод же Л. Нобеля, на котором я работал, благодаря тому, что главная масса листков для Выборгского района доставлялась ко мне на квартиру, всегда получал их в большем, чем другие заводы, количестве: на 600 рабочих мы часто распространяли по 300 прокламаций. Замечательно быстро и неуловимо распространял на нашем заводе листки, и в любом количестве, молодой токарь эстонец Юлиус Тильте, к сожалению, впоследствии при аресте струсивший и разболтавший жандармам все, что знал. В течение получаса во время работы он буквально засыпал все мастерские листовками, а потом с невинным видом читал где-нибудь на стенке им же наклеенную прокламацию.

Как-то в день 200-летнего юбилея русской печати нужно было экстренно распространить по городу прокламации. Это было, если не ошибаюсь, весною 1903 года. «Ольга Викторовна» заходила ко мне в обеденный перерыв с просьбой дать двух товарищей для раздачи листков на улицах Питера в этот же день. Я обещал, решив сам принять участие в этом деле, несмотря на то что знал, что, если Елена Дмитриевна узнает, попадет мне основательно.

Уйдя с завода часа за два до окончания работ и получив в условном месте на улице от «Ольги Викторовны» около 300 листков, мы с Тильте пошли на Невский проспект. На углу Невского и Литейного Тильте,

вытащив из-за пазухи часть прокламаций, штук 100—150 (остальные нес я), положил их открыто на левую руку, как это делают разносчики разных объявлений, и пошел по Литейному проспекту, всовывая в руки идущим навстречу прохожим по листовке, громко выкрикивая: «Двухсотлетие печати!»

Я шел в пяти-шести шагах сзади него и наблюдал, как публика реагирует. Некоторые, пробежав глазами листок, удивленно таращили глаза, пожав плечами, складывали аккуратно полученный листок и прятали в карман; другие, взглянув на листок, нервно, как-то испуганно его мяли и незаметно бросали в сторону. Так прошли мы с ним до Фурштадтской улицы, здесь один подозрительного вида субъект, посмотрев на полученную листовку, быстро повернул назад и пошел следом за Тильте. Я, заподозрив в нем шпика, быстро догнал Тильте, шепнул ему: «Шпик сзади!» — и, наняв поблизости одиноко стоявшего извозчика, вместе с Тильте сел в пролетку. Обещав на чай, мы быстро помчались через Литейный мост на Выборгскую. Когда мы заметили, что никто нас не преследует, я вытащил оставшиеся у меня листовки (Тильте успел свои почти все раздать), и мы стали с извозчика разбрасывать их по улицам. Когда я об этом рассказал потом Елене Дмитриевне, она дала мне «генеральскую» нахлобучку.

К концу 1902 года во всех рабочих районах господствовали как идейно, так и организационно искровцы. О том, нужна ли наряду с экономической и политическая борьба, споров уже почти не было. Да и трудно было бы [не] убедиться в необходимости политической борьбы в то время, когда вся Россия начала бурлить и со всех концов необъятной страны раздавался все громче и громче крик: «Долой самодержавие!» 1 мая 1902 года прокатилась по всей России волна забастовок и демонстраций, а вслед за ними полицейские репрессии, вплоть до массовых расстрелов демонстрантов.

За участие в демонстрациях в Сормове, Саратове участники получили ссылку на поселение. На станции Тихорецкой в рабочих, протестовавших против изнасилования и убийства казаками женщины-учительницы, казаки стреляли. Батумская демонстрация разгонялась стрельбой в толпу. Наконец, огромные демонстрации-митинги в Ростове-на-Дону, доходившие до тридцати тысяч участников, с неизменными политическими тре-

бованиями окончательно открыли глаза даже самым заплесневелым крохоборам-«экономистам».

Как последние отзвуки борьбы с «экономистами»-рабочедельцами мне вспоминаются только споры по организационному вопросу.

Мы, искровцы, доказывали, что при существующих условиях самодержавного режима подпольная организация может работать, только проводя строго и последовательно организационный централизм, строгую дисциплину комитетов и связанную с этим величайшую конспиративность, что не мешало вовсе широкому распространению революционных марксистских идей в массах. Мы откладывали до лучших, легальных времен выборное начало на руководящие посты. «Экономисты» же доказывали возможность и при существовавших условиях проведение выборного начала... и «демократического контроля». Как возможно было это на практике проводить, мне до сих пор не ясно.

Всем этим спорам, можно сказать, положил конец В. И. Ленин своей книжкой «Что делать?», вышедшей в 1902 году. В этой книге были подведены итоги как идейным, так и организационным спорам и резко, ясно и точно указано, как надо дальше вести революционную, марксистскую работу.

Книга эта произвела на нас сильное впечатление, и если до этого кое-кого иногда и смущали возражения некоторых рабочих-«экономистов» против «генеральства» искровских комитов[26], то по прочтении этой книги исчезли, так сказать, всякие сомнения. В мае 1903 года я был делегирован на II съезд партии.

ВТОРОЙ СЪЕЗД ПАРТИИ

О том, что мне придется ехать за границу на II съезд партии, я узнал в середине апреля. Это сообщение было для меня несколько неожиданным. Поездка за границу меня не смущала, так как я уже бывал там и мог ехать совершенно легально; но поездка на съезд партии в качестве делегата меня весьма смущала. О своих колебаниях я сообщил Елене Дмитриевне Стасовой, но она объяснила мне, что на съезд необходимо послать рабочих, особенно от Петербурга. Моя же кандидатура как члена комитета, в то же время работавшего на заводе и являвшегося организатором такого крупного района, как Выборгский, самая подходящая. Я не стал спорить.

В это время в Петербурге работали три подпольные социал-демократические организации, и все три претендовали на посылку своих делегатов. Две из этих организаций называли себя «Российской социал-демократической рабочей партией», и обе имели свой «Петербургский комитет». В чем состояли тогда принципиальные разногласия между этими двумя организациями, сейчас не помню, но знаю, что наша организация имела связи почти со всеми заводами; литература, особенно листки, распространялась среди широких рабочих масс исключительно нашей организацией; у другой организации связей среди рабочих совсем не было, имелись лишь кое-какие связи среди студенчества.

Третья организация не имела своего «комитета» и называлась «Петербургская группа русских социал-демократов». Это была группа рабочедельцев, возглавляемая Акимовым-Махновцем и Мартыновым [27].

Так как все три организации, как я уже говорил, требовали себе мандат на съезд, а согласно постановлению Организационного комитета, созданного специально для подготовки и созыва съезда, решено было дать Петербургу, как и всем комитетам, только два мандата, то для решения спора несколько раз приезжали члены ОК. После долгих обсуждений, споров и обследований ОК решил дать нашей организации два мандата условно, оба с решающим голосом, и один мандат, также с решающим голосом, «Петербургской группе» [28].

После этого решения ОК было заседание нашего Петербургского комитета, на котором мы обсуждали кандидатуры делегатов. Моя кандидатура, как рабочего да еще работавшего на заводе, не вызвала никаких возражений и была утверждена без прений. Что же касается второй, то тут возникли продолжительные дебаты. Как наиболее подходящий кандидат на съезд была выдвинута Елена Дмитриевна Стасова. Эта кандидатура сначала также не вызвала никаких возражений. Но когда возник вопрос о замене секретаря, то тут все в один голос заявили, что Елену Дмитриевну заменить в данный момент некем. И действительно, только ее энергии, ее колоссальным связям во всех слоях Питера, умению подбирать людей мы были обязаны тому размаху, сплоченности и твердости, какую проявил в это время искровский Петербургский комитет РСДРП.

Произведенные незадолго до этого значительные аресты среди нашей организации требовали напряжения

всех сил для продолжения борьбы и сплочения организации, поэтому в конце концов решили из членов комитета, кроме меня, больше никого не посылать, а дать второй мандат члену ОК Гореву-Гольдману, присутствовавшему на заседании[29]. На этом и разошлись.

Съезд намечался в июле 1903 года. Но так как я еще на заседании комитета заявил о своей неподготовленности к такому ответственному делу, а кроме того, надвигалось 1 мая, когда обычно усиливались аресты, то Петербургский комитет совместно с представителями ОК решил послать меня за границу немедленно, с тем чтобы я там на свободе занялся чтением революционной литературы, познакомился и побеседовал с руководителями партии, ознакомился бы с положением дел нашей партии, а кроме того, был бы застрахован от первомайских арестов.

Работал я в то время на чугунолитейном и механическом заводе Людвига Нобеля на Выборгской стороне. Чтобы получить расчет, необходимо было предупредить контору за две недели вперед, что я и сделал. Было решено, что я перееду границу легально, так как мне как финляндскому уроженцу легко было достать легальный заграничный паспорт.

Продолжая работать на заводе, я вместе с тем хлопотал о паспорте, для чего мне пришлось бегать в полицию и в финляндскую паспортную экспедицию. Самый паспорт нужно было получить в Выборге, куда я решил ехать, когда получу расчет. Кроме того, нужно было заканчивать подготовку к 1 мая, подготовить себе заместителя-организатора и выполнить ряд других дел, связанных с подпольной работой. Жил я тогда с матерью и с калекой-братом на Выборгской набережной. Брат не работал, а мать вела наше домашнее хозяйство; жили на мой заработок. Нужно было обеспечить мать, пока я буду жить за границей. Елена Дмитриевна достала мне 100 рублей, чего вместе с моим жалованием, которое я получил при расчете, должно было ей хватить месяца на три.

Перед отъездом я виделся с «Адель»[30], с которым мы долго гуляли сначала по набережной Невки вдоль Ботанического сада, а потом в саду. Там он меня подробно информировал, как надо ехать, дал явку в Женеву к А. Н. Потресову-Староверу, снабдил паролем, дал денег на дорогу, и мы с ним распрощались, чтобы встретиться в Женеве.

После этого мне нужно было зайти в полицейский участок на Сампсониевском проспекте за какой-то справкой. Когда я сидел там в коридоре вместе с другими посетителями, вбежал запыхавшийся городовой и, не обращая внимания на посторонних, тут же, в коридоре, доложил остановившемуся околоточному, что рабочие фабрики Воронина прекратили не в урочное время работы и выходят из ворот с криками и пением. Это сообщение было неожиданным не только для полиции, но и для меня, районного организатора. Едва получив необходимую мне справку, я чуть не бегом бросился из участка разыскивать Изотова, по кличке «Мужик», работавшего у Воронина и бывшего на этой фабрике организатором. Разыскав Изотова, узнал от него, что ему не удалось удержать рабочих от выступления и теперь надо срочно созвать собрание кружка. К вечеру собрался кружок; что мы на нем решили, сейчас не помню. Было это за несколько дней до 1 мая [31].

По моему предложению заместителем моим в качестве организатора района Петербургский комитет назначил Н. Н. Юникова, работавшего слесарем на одном из заводов Выборгского района. Покончив со всеми делами, я накануне 1 мая с маленьким узелком под мышкой уехал сначала в Выборг, где получил в тот же день паспорт и отправился с ним за границу. О том, куда и зачем я еду, никому, кроме матери, не сказал, что было, как выяснилось по возвращении со съезда, весьма целесообразно [...]

ПОСЛЕ СЪЕЗДА

[...] До Петербурга я доехал без помех. Прежде чем пойти домой, где я мог нарваться на шпиков, я зашел к одному товарищу, который до моего отъезда оказывал мелкие услуги нашей организации. От него узнал, что Н. Н. Юников, которого я оставил в качестве своего заместителя организатором Выборгского района, жив и здоров и прекрасно справляется со своей работой. По окончании работ на заводах я зашел к Юникову, передал ему привезенную литературу, которую его жена немедленно отнесла в безопасное место, и стал подробно рассказывать ему о работах и решениях съезда. Он меня также информировал о положении дел в организации, радуясь успехам, гордился, что, по данным Петербургского комитета, Выборгский район как

по количеству членов, так и по качеству стоит на первом месте. Разговаривая таким образом, мы и не заметили, как прошло время. Когда я собрался уходить, было уже далеко за полночь. Надежной квартиры, куда бы я мог пойти ночевать, да еще так поздно, у меня не было. Юников предложил мне остаться ночевать у него.

Не успели мы еще как следует заснуть, так как, еще лежа, мы продолжали беседу, раздался сначала звонок, а затем и громкий стук в дверь. Комната, которую занимал Юников, помещалась в первом этаже деревянного дома по Сампсониевскому проспекту и, как теперь говорят, имела жилой площади не более девяти квадратных метров. Кто-то из жильцов открыл дверь, и через минуту в нашу комнату ворвалась орава полицейских и дворников во главе с приставом.

Я, лежа на полу, прикрывшись своим пальто, притворился спящим. Обыск произвели самый поверхностный, совершенно не тронув меня. Из допроса, который пристав учинил Юникову, я понял, что полиция имеет предписание Юникова арестовать. Когда допрос окончился, пристав быстро встал, сказав Юникову:

— Одевайтесь, вы арестованы!

Я ухитрился одним глазом взглянуть на Юникова, стоявшего против пристава в одном белье, и, когда пристав заявил, что он арестован, Юников как-то спокойно сказал:

— Ну что ж, ехать так ехать.

Пока Юников одевался, наступила тишина. Вдруг слышу:

— А это кто тут на полу валяется?

— А это тут один мастеровой, знакомый жены, завалился к нам в пьяном виде и заснул, — говорит Юников.

— А ну-ка, разбуди его! — сказал пристав.

Я сообразил, что надо притвориться пьяным. И когда один из дворников стал меня будить, я сначала не подавал признаков жизни и только мычал. Долго трясли меня дворник и городовой. Наконец я «проснулся», не вставая, промычал в ответ на вопросы пристава свою фамилию, местожительство и прочее и вновь, закутавшись в свое пальто, захрапел. Назвал я свою настоящую фамилию, так как мой заграничный паспорт был при мне и в случае обыска все равно бы узнали, кто я. Конечно, если бы обыск производили жандармы, они бы меня без обыска не оставили, но полиция была

еще в то время недостаточно опытна, и меня даже не обыскали. Юникова увели. Я, оставив его жене несколько рублей, поспешил через несколько минут покинуть квартиру. На Черной речке жил один мой приятель детства, куда я и направился. Там, прожив два дня, я пошел на явку к Елене Дмитриевне Стасовой. Адрес этот я получил в Лондоне от «Бориса Николаевича» — В. А. Носкова, выбранного на съезде в ЦК. Елена Дмитриевна по-прежнему продолжала работу в качестве секретаря ПК. Одна из ее явок помещалась в больнице принца Ольденбургского на Литейном проспекте, в комнате не то врача, не то фельдшерицы. Увидав меня, она очень обрадовалась и закидала меня вопросами, так как я был первым делегатом, привезшим сведения о съезде. Без колебаний одобрила она мое поведение на съезде [32], погоревала несколько, что Мартов не пошел до конца с Лениным. Долго мне пришлось рассказывать, как проходил съезд, она интересовалась всякой мелочью, касавшейся работы съезда и отношения каждого делегата к отдельным вопросам, обсуждавшимся на съезде. Мое сообщение об аресте Юникова заставило ее насторожиться. Расспросив подробно, как вела себя полиция, она пришла к заключению, что Юникова не просто выследили, а что тут что-то другое, возможно, тут имеет место предательство. Если не ошибаюсь, в это же время был арестован и член комитета А. А. Дивильковский [33].

— Надо предупредить публику, — решила она и заторопилась уходить.

Сначала было мы решили, что я сделаю доклад в ПК, но затем она решила посоветоваться по этому вопросу с другими членами комитета, а меня просила никуда не ходить, чтобы не провалиться. Условившись встретиться тут же через два дня, я ушел к своему приятелю на Черную речку, где провел эти два дня.

Когда я вновь встретился с нею, она была очень озабочена: сообщила об арестах в различных районах города, по преимуществу среди рабочих; мне посоветовала немедленно выехать из Петербурга в Псков в распоряжение нового ЦК, куда мне еще в Лондоне дал явку «Борис Николаевич» [...]

ПРИМЕЧАНИЯ*

Глеб Максимилианович Кржижановский
(1872—1959)

«Вихри враждебные веют над нами...» Слова этой широко известной песни были написаны молодым революционером в московской тюрьме. А до этого были еще 14 месяцев петербургского Дома предварительного заключения. Кржижановский попал в него в ночь с 8 на 9 декабря 1895 г. Он был арестован как член руководящей группы петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

В начале партийного пути Кржижановский был самым близким другом и сподвижником Владимира Ильича. Он был связан с Лениным 30 годами совместной революционной и государственной деятельности. И ему, как никому другому, была отчетливо видна роль В. И. Ленина — создателя и вождя большевистской партии.

Велики заслуги Кржижановского перед революционным движением. В трудное время, в начале 90-х гг., он был одним из немногих марксистов в Петербурге. Член партии с 1893 г., он активно вел пропагандистскую работу, знакомил передовых рабочих с теорией научного социализма. Мучился и страдал от того, что пролетарии неохотно изучали в подпольных кружках формулы структуры капитала. А тогдашние пропагандисты думали, что только так и надо вести революционную пропаганду. В 1893 г. Глеб Максимилианович познакомился с Лениным и сразу увидел, что есть живой, подлинно революционный марксизм. Кржижановский со всем пылом своей возвышенной поэтической натуры отдался агитации в рабочих кружках, налаживанию конспирации, подготовке листков-воззваний к петербургским рабочим.

В 1897 г. Кржижановского по делу «Союза борьбы» выслали в Сибирь. Жил он в селе Тесинском. Когда Глеб Максимилианович приезжал в сравнительно недалекое Шушенское, у «Ильичей» был праздник. Ему первому доверил Ленин свой план создания партии с помощью политической газеты «Искра». В 900-х гг., после ссылки, Кржижановский активно боролся с «экономизмом» в Поволжье, возглавлял деятельность Бюро Русской организации «Искры». Это ему писал Ленин в начале 1902 г., получив известие о создании общероссийского искровского центра: «Ура! Именно так! Шире забирайте и орудуйте самостоятельнее, инициативнее — вы первые начали так широко, значит и продолжение будет успешно!» (Ленинский сборник, 8, с. 221).

Кржижановский не попал на II съезд РСДРП, но был на нем по предложению сторонников Ленина заочно избран одним из трех членов Центрального Комитета. В 1905—1907 гг. Глеб Максимилианович активно участвовал в революции, возглавлял забастовочный комитет Юго-Западной железной дороги. Впоследствии подпольную работу умело прикрывал службой в качестве инженера-

* Автор примечаний Е. Р. Ольховский.

электрика. После Февральской революции 1917 г. являлся членом большевистской фракции Моссовета. В полутемном зале Большого театра в декабре 1922 г. Кржижановский выступил с докладом об электрификации страны. Он был главным руководителем разработки знаменитого ленинского плана ГОЭЛРО. В 1921—1930 гг. работал председателем Госплана СССР и стоял у колыбели советских пятилеток. Кржижановский организовал строительство первых крупных советских электростанций.

В 1929 г. Кржижановского избрали академиком и вице-президентом Академии наук СССР. Он возглавлял все связи Академии с народным хозяйством. XII—XVII съездами партии избирался членом ЦК.

Кржижановским в разное время, начиная с 20-х гг., написано немало воспоминаний о революционном движении. Больше всего привлекают его воспоминания о В. И. Ленине. Они в разное время и в разных вариантах публиковались во многих периодических изданиях и сборниках. Для настоящей книги выбран отрывок из мемуаров Кржижановского, написанных и впервые опубликованных в 1956 г. Воспроизводится по книге: *Кржижановский Г. М.* Великий Ленин. М., 1968. Другая часть печатаемых воспоминаний написана еще в 1925 г.

[1] Имеются в виду марксистские кружки Петербурга 1893 г., возглавлявшиеся Г. Б. Красиным, Г. М. Кржижановским и С. И. Радченко. — *58.*

[2] Речь идет о реферате Г. Б. Красина. — *59.*

[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 67—123. — *59.*

[4] З. П. Невзорова-Кржижановская вспоминала: «И еще было огромное историческое счастье для работы: это то, что во главе РСДРП был с самого начала В. И. Ульянов, без которого вся работа имела бы и иной темп, и иное русло, и иной характер» (Наброски воспоминаний о «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса». — Творчество, 1920, № 7, с. 10). — *60.*

[5] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 311—312. — *62.*

[6] Г. В. Плеханов отмечал удивительную эрудицию В. И. Ленина, цельность его мировоззрения, ключом бьющую энергию. В сентябре 1895 г., рекомендуя его В. Либкнехту, Плеханов писал о Ленине как об одном из «лучших русских друзей» (см.: Воинствующий материалист, кн. 4. М., 1925, с. 213). В 1895 г. в письме из Цюриха к жене Плеханов сообщал об Ульянове: «Приехал сюда один молодой товарищ, очень умный, образованный. Какое счастье, что в нашем революционном движении имеются такие молодые люди» (Исторический архив, 1959, № 6, с. 208). — *62.*

[7] З. П. Невзорова (Кржижановская по мужу) — видная участница социал-демократического движения, входила в руководящую группу петербургского «Союза борьбы». Описание этого собрания см. во вступительной статье. — *63.*

[8] Кржижановский правильно связывает переход от узкой кружковой пропаганды к широкой агитации с приездом в Петербург и деятельностью В. И. Ленина. При этом активная агитация велась не только на экономической почве, но и содержала политические

лозунги. Меньшевики, искажая фактическую историю вслед за Мартовым, впоследствии изображали переход к агитации в Петербурге как отказ от политических требований (см.: *Жуйков Г. С., Комиссарова Л. И., Ольховский Е. Р.* Борьба В. И. Ленина против «экономизма». М., 1980, с. 71—73). — *65.*

[9] Подробный анализ газеты см.: *Гальперин Э. Ю.* «Рабочее дело» — орган ленинского петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» в 1895 г. — Вестник ЛГУ. История, язык, литература, 1977, № 2, вып. 1, с. 24—29. — *67.*

[10] Власти обвиняли А. А. Ванеева в том, что кроме деятельной пропаганды в рабочей среде он активно участвовал в создании газеты «Рабочее дело». При обыске 9 декабря 1895 г. у него обнаружены «десять преступного содержания статей, предназначавшихся для помещения в помянутом выше журнале „Рабочее дело“» (Центральный государственный исторический архив СССР, ф. 1405, оп. 521, 1897 г., д. 445, л. 72 об.—73). — *68.*

[11] «Высокий, широкоплечий, красивый, полный сил и энергии, Петр привлекал к себе своим светлым умом, искренностью и непосредственностью», — вспоминала участница ленинской группы «стариков» С. П. Невзорова-Шестернина (Запорожец П. К. — Старый большевик. М., 1933, 2 (5), март—апрель, с. 141—142). Хотя охранка выявила не все факты о работе Запорожца в пролетарской среде, но ему было назначено самое суровое наказание, так как его считали автором многих статей для «Рабочего дела» и он был сыном крестьянина, замешанного в аграрных волнениях 60-х гг. и за связи с народниками и агитацию среди крестьян сосланного в Сибирь. — *68.*

[12] С. И. Радченко был арестован (во второй уже раз) 23 августа 1896 г. и привлекался по делу другой группы участников «Союза борьбы», не той, в которой были арестованы Ленин, Кржижановский и др. Поэтому-то тюремное начальство заблуждалось и не опасалось такого соседства. — *69.*

[13] О народовольческой (Лахтинской) типографии см. ниже воспоминания А. С. Шаповалова. Арестована типография 24 июня 1896 г. — *69.*

Надежда Константиновна Крупская
(1869—1939)

«Тюрьму и ссылку, тяжкие годы эмиграции, суровые испытания борца-большевика на протяжении долгих и долгих лет, когда заря победы лишь сверкала на отдаленном горизонте, а вблизи на каждом шагу злая сила глумилась и сокрушала лучших, любимейших и избранных товарищей, — все это изведала Надежда Константиновна. Изведала и навсегда осталась в первом ряду борцов-большевиков, все такой же простой и скромной, вдумчивой и бодрой, стойкой и мужественной, неустанно трудолюбивой, не знающей себе пощады». Так писали о друге своей юности Г. М. и З. П. Кржижановские 26 февраля 1939 г. в газете «Известия».

Единомышленница, друг, жена и ближайшая сподвижница Ленина, Крупская — одна из наиболее видных социал-демократок

90-х гг. Она руководила Невской районной группой петербургского «Союза борьбы». Преподавала в Смоленской вечерне-воскресной школе для рабочих, вела революционную пропаганду. Была выдающимся мастером конспирации; несмотря на длительную «охоту» за ней охранки, была арестована значительно позднее других руководителей «Союза борьбы», в августе 1896 г. Надежда Константиновна в деталях знала состояние работы в Петербурге, активно участвовала в подготовке к объединению различных российских групп и организаций в партию. После тюремного заключения была в 1898 г. выслана на 3 года. Сначала, до января 1900 г., жила с Лениным в Шушенском. Потом отбывала ссылку в Уфе. С весны 1901 г. — секретарь редакции «Искры». Многие годы провела в эмиграции (1901—1905, 1907—1917). Постоянно участвовала в работе большевистских центров. Активный боец в революциях 1905—1907 гг. и 1917 г.

Крупская была видной партийной публицисткой. Написала около 3000 статей, книг, брошюр. Ее труды были посвящены положению женщин, истории социал-демократии, проблемам педагогики, воспитанию советских людей. Первую свою книжку «Женщина-работница» Надежда Константиновна написала в Сибири. Издала ее редакция «Искры» в 1901 г.

Мемуары Крупской представляют огромный интерес. Во-первых, они всегда насыщены большим количеством точных фактов первостепенного значения, так как она постоянно находилась в центре революционной борьбы. Во-вторых, все оценки этого мемуариста строго партийны, даются с последовательных марксистских позиций. В-третьих, никто лучше Крупской не знал фактов жизни Ленина. Часть событий освещается со слов его самого.

Первая, самая общая ленинская биография написана Н. К. Крупской еще в мае 1917 г. — «Страничка из истории Российской социал-демократической партии». — Солдатская правда, 13 мая 1917 г. С тех пор на страницах различных периодических изданий в разное время, а также в виде целых книг появлялись воспоминания Крупской о Ленине. Для настоящего сборника взята первая глава воспоминаний. Она впервые напечатана в 1925 г. Текст воспроизводится по книге: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, изд. 2, т. 1. Воспоминания родных. М., 1979.

[1] Эти замечания легли затем в основу выступления В. И. Ленина на собрании группы «стариков» при обсуждении реферата Г. Б. Красина. Затем Владимир Ильич подготовил письменно свой реферат «По поводу так называемого вопроса о рынках» (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 67—123). — *71.*

[2] Считавшаяся утерянной, рукопись в 1937 г. поступила в Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; тогда же впервые опубликована и с тех пор воспроизводится в Собраниях сочинений Ленина. — *72.*

[3] Р. Э. Классон — в 90-е гг. «легальный марксист». Жил на Большеохтинском проспекте, д. 99. — *72.*

[4] О длившемся несколько дней диспуте с «легальными марксистами» В. В. Старков вспоминал, что «в прениях выяснилось такое глубокое расхождение во взглядах, что если бы даже это дело не

было насильственно приостановлено нашим арестом и ссылкой в Сибирь, то все равно на длительное существование этого начинания (совместного печатного издания. — *Е. О.*) рассчитывать было бы нельзя. Расхождение касалось главным образом методов работы. Мы настаивали на необходимости и неизбежности борьбы чисто революционными методами, отводя подчиненную роль легальной литературной работе. Наши противники наоборот старались доказать нам, что революционная работа при данных условиях является не только невозможной, но и вредной впредь до основательной обработки общественного мнения путем легальной литературы. Споры доходили до самых глубин исторических и экономических проблем и в конечном счете велись почти исключительно между Струве и Владимиром Ильичем, причем, полагаю, Струве был не меньше нас поражен глубиной и всесторонностью познаний Владимира Ильича в этой области» (*Старков В. В.* Воспоминания о В. И. Ленине (Ульянове). — Воспоминания о В. И. Ленине, ч. 3. М., 1960, с. 18—19). — *73.*

[5] Александр Ульянов (1866—1887) написал свою самостоятельную научную работу на 3-м курсе Петербургского университета. За нее советом университета был 17 февраля 1886 г. награжден золотой медалью. — *74.*

[6] Имеется в виду книга «Что такое „друзья народа" и как они воюют против социал-демократов?». О значении книги см. во вступительной статье. — *74.*

[7] З. П. Невзорова-Кржижановская вспоминала, что Крупская «пользовалась большой популярностью среди учеников и служила связующим живым центром между ними и нелегальной организацией» (Творчество, 1920, № 7, с. 11). — *74.*

[8] Некоторые учащиеся Обуховской школы, по воспоминаниям рабочего Зарубкина, посещали и Смоленские классы (см.: *Зарубкин А. П.* Моя учительница. — Школа взрослых, 1939, № 2, с. 9—11). На заводе было еще подготовительное профессиональное училище. Однако в 1901 г. всю учебу рабочих власти запретили, а помещение школы и училища 1 мая превратили в казармы для городовых и жандармов в связи с начавшимися на заводе волнениями (см.: *Онуфриев Е. П.* За Невской заставой. Воспоминания старого большевика. М., 1968, с. 10). — *75.*

[9] На Гороховой улице (ныне улица Дзержинского), в д. 2 помещалось управление петербургского градоначальства. — *75.*

[10] Ныне Невский проспект, д. 97, кв. 52. — *76.*

[11] Зарубкин вспоминал, что «рабочие радушно здоровались» с Крупской. «Спокойный голос учительницы приятно действовал на уставших от тяжелого труда рабочих. Просто и понятно излагала она урок. На перемене... ее тесно окружили рабочие, беседуя с ней как с родным человеком» (Школа взрослых, 1939, № 2, с. 9). — *76.*

[12] Ныне Невский машиностроительный завод им. В. И. Ленина, комбинат тонких и технических сукон им. Э. Тельмана, часть прядильно-ткацкого комбината «Рабочий». — *76.*

[13] В. В. Старков вспоминал: «Надо было видеть, с каким огромным терпением и чуткостью к уровню понимания слушателей он

развивал им теорию Маркса о стоимости и об основах буржуазного строя. И, надо сказать, рабочие платили ему за это данью огромного уважения и любви» (Воспоминания о В. И. Ленине, ч. 3. М., 1960, с. 19). — *76.*

[14] Рукопись виленской брошюры А. А. Кремера и Ю. О. Мартова в Петербурге в 1894 г. была воспринята по-разному. Группа «стариков» во главе с В. И. Лениным согласилась, что пора от узкой кружковой пропаганды перейти к широкой массовой агитации. Эта мысль потому встретила здесь поддержку, что почва, как подчеркивает Крупская, была вполне подготовлена. Но «старики» требовали соединить экономическую агитацию с политической, отвергали тред-юнионизм виленской брошюры «Об агитации». «Молодые» же, будущие «экономисты», заимствовали в рукописи идеи стачкизма, подмены партии профсоюзной кассой, а к агитации относились отрицательно. Споры вокруг брошюры велись и в провинции. Брошюра была издана за границей с предисловием П. Б. Аксельрода в 1896 г. — *76.*

[15] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 15—60. — *77.*

[16] А. Д. Михайлов — один из выдающихся руководителей революционно-народнических организаций «Земля и воля» и «Народная воля». Товарищи называли его всевидящим оком организации и блюстителем дисциплины. Однако арестован он был из-за нарушения простейших правил конспирации в 1880 г. — *77.*

[17] Ныне город Пушкин, улица 1 Мая, д. 11 (см.: *Куцентов Д. Г.* Деятели петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». М., 1962, с. 123—133). — *78.*

[18] Совещание состоялось в квартире Книповичей (Колпинская улица, д. 3). Об этом совещании сообщали несколько мемуаристов. Наиболее подробно см. у З. П. Невзоровой-Кржижановской (Творчество, 1920, № 7, с. 10—11). — *78.*

[19] «Рабочий день» — переделка членами московского социал-демократического «Рабочего союза» польской брошюры Э. Абрамовского. В 1894 и 1895 гг. трижды издавалась подпольно. В популярной форме объясняла рабочим механику их эксплуатации на капиталистическом предприятии. Агитационная брошюра польского социал-демократа Ш. Дикштейна «Кто чем живет?» описывала основы эксплуататорского строя. Она была переведена на многие языки и широко распространялась в России. О брошюре В. И. Ленина см. выше. Брошюра видного народовольца 80-х гг. А. Н. Баха (впоследствии известного советского ученого-химика, академика) «Царь-голод», выросшая в 1883 г. из его лекций казанским рабочим, потом много раз переиздавалась. Популяризировала в яркой форме «Капитал» К. Маркса, но не указывала рабочим путь борьбы за свое освобождение. — *78.*

[20] А. М. Калмыкова действительно давала немалые деньги «Искре». Но были у редакции и другие источники дохода: из местных комитетов, от А. М. Горького, революционной молодежи, от распространения газеты и др. — *79.*

[21] З. П. Невзорова-Кржижановская вспоминала: «Были это линючие лиловые маленькие листочки, написанные от руки печатными

буквами, но несли они новые смелые слова, простые и правдивые, близкие и понятные каждому. Листочки передавались из рук в руки, обсуждались, а мы радовались, когда удавалось просунуть на завод, вопреки всяким «каменным стенам», два-пять таких листочков» (Творчество, 1920, № 7, с. 11). — *80.*

[22] Этот листок, написанный в самом конце 1894 г., не разыскан. — *80.*

[23] Ныне табачная фабрика им. Урицкого. Как видим, группа «стариков» вела активную агитацию и распространяла массовые листки задолго до вступления в организацию участников кружка Мартова осенью 1895 г. Таким образом, рушится версия самого Мартова и его современных апологетов на Западе о том, будто бы Мартов произвел переворот в петербургской социал-демократии и повернул ее лицом к агитации. Текст листка к табачникам опубликован в сборнике: Листовки петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» 1895—1897 гг. М., 1934, с. 12—13. — *80.*

[24] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 70—74. — *81.*

[25] Заседаний руководящей группы «Союза борьбы» по обсуждению подготовленного к печати «Рабочего дела» было два: 6 декабря 1895 г. на квартире С. И. Радченко [Выборгская сторона, Симбирская улица, д. 12 (ныне улица Комсомола, д. 4)] и 8 декабря на квартире Н. К. Крупской (угол Гродненского пер. и Знаменской [ныне улица Восстания, д. 7 (36)]. — См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 1. М., 1970, с. 112. — *81.*

[26] Листок «Что такое социалист и государственный преступник?» был написан И. В. Бабушкиным. — *82.*

[27] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 83—86. Сохранилась и часть объяснения Программы (с. 87—110). О том, что Ленин в 1896—1897 гг. делал из тюрьмы попытки побудить социал-демократов созвать I съезд см.: *Жуйков Г. С., Ольховский Е. Р.* Из истории разработки В. И. Лениным учения о партии нового типа (1894—1904 гг.). — Испытанный авангард масс. Л., 1975, с. 7. — *83.*

[28] Небывалая до того по размаху всеобщая стачка 30 тыс. текстильщиков Петербурга с 23 мая по 16 июня 1896 г. — *84.*

[29] З. П. Невзорова-Кржижановская вспоминала, что во время стачки 1896 г., когда уже были арестованы многие соратники Ленина, сил не хватало. «Мы работали как в лихорадке. Листки выпускались за листками и жадно, как никогда, расхватывались рабочими. Кое-где удавалось провести летучие беседы среди толпы бастующих» (Творчество, 1920, № 7, с. 12). Поэтому в организацию и были приняты члены других кружков. — *84.*

[30] Из-за отсутствия в европейской России теоретиков-марксистов член ЦК С. И. Радченко привлек после съезда для написания «Манифеста Российской социал-демократической рабочей партии» П. Б. Струве. Радченко жестко контролировал текст. Сам Струве позднее писал, что «Манифест» вынужденно отражал в целом ортодоксально-марксистскую концепцию и не соответствовал его личным взглядам (см.: История Коммунистической партии Советского Союза, т. 1. М., 1964, с. 265—266). — *85.*

[31] В. И. Ленин с большой тщательностью отнесся к переводу, выписал не только английское, но и немецкое издания книги, сделал к ней множество различных примечаний. Некоторые из них исправляли ошибки авторов (см.: *Ольховский Е. Р.* Переводческие работы В. И. Ленина. — История СССР, 1973, № 4, с. 129—133). — *85.*

Анна Ильинична Ульянова-Елизарова
(1864—1935)

«И будем мы питать до гроба вражду к бичам страны родной», — любимая отцом, Ильей Николаевичем Ульяновым, песня на слова Плещеева прошла через всю ее жизнь. Профессиональная революционерка, с 1880-х гг. А. И. Ульянова неоднократно арестовывалась и ссылалась. Старшая сестра и ближайший соратник В. И. Ленина. Ее жизнь была озарена и тесно связана с выдающимися личностями Александра Ильича Ульянова и Владимира Ильича Ленина. Анна Ильинична была активной деятельницей революционного марксистского движения, принимала участие в работе петербургского «Союза борьбы». Пионер и один из организаторов социал-демократии в Москве в 1894—1897 гг. Она установила и поддерживала связи «Союза борьбы» с Лениным во время тюремного заключения Ильича и его ссылки, с группой «Освобождение труда», активно работала в качестве агента «Искры». Впоследствии — видная большевичка, занималась нелегальной транспортировкой партийной литературы, сотрудничала в партийной печати, осуществляла связь между российскими социал-демократическими организациями и заграничными большевистскими центрами.

В дореволюционный период партия многократно поручала А. И. Ульяновой сложную работу: помощь В. И. Ленину в издании и распространении его книг и статей. Широко образованная, владевшая многими иностранными языками, она была известным переводчиком, ярким публицистом и незаурядным писателем.

После Октябрьской революции Анна Ильинична — видный государственный деятель, педагог, публицист. Она стала одним из создателей журнала «Пролетарская революция», Института истории партии, Института В. И. Ленина и его научным сотрудником.

Воспоминания А. И. Ульяновой-Елизаровой, написанные еще в 20—30-х гг., с того же времени не раз публиковались. Они содержат увлекательные подробности большевистской техники конспирации. Для этого мемуариста характерен широкий охват событий, критический подход к ним, умение проверять детали. Особенно ценны воспоминания А. И. Ульяновой-Елизаровой о В. И. Ленине, его приемах и методах работы, связях с марксистами ряда городов. Факты изложены с подкупающей искренностью и простотой.

Для настоящего сборника взяты четыре отрывка из мемуаров. Текст воспроизводится по книге: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, изд. 2, т. 1. Воспоминания родных. М., 1979.

[1] О том, что носителем революции в России является пролетарий, Г. В. Плеханов писал уже в первых своих марксистских

книгах «Социализм и политическая борьба» (1883), «Наши разногласия» (1885). В 1889 г. Плеханов от имени российских социал-демократов в речи на учредительном конгрессе II Интернационала в Париже заявил, что русская революция восторжествует только как революция пролетарская. Ср.: *Плеханов Г. В.* Соч., т. 4. М., 1925, с. 54. — *87.*

² Более правильно в смысле конспирации оценил вечеринку В. И. Ленин. Она происходила 9 января 1894 г. Это было первое публичное выступление Ленина в Москве. Агент охранки, тайно проникший на собрание, донес, что В. П. Воронцов успешно полемизировал с одним из московских марксистов. Тогда защиту этого учения взял на себя В. И. Ульянов, который и провел ее «с полным знанием дела» (см.: Ленин в Москве и Подмосковье. М., 1970, с. 19—21). В. В. Старков вспоминал о выступлении Ленина в Москве: «На другой день те мои знакомые, через которых нам удалось попасть на это собрание, говорили мне, что такой страстности и внутренней убежденности им не только не приходилось видеть, но они и не представляли себе возможным ничего подобного. Наряду с этим они должны были отметить, что и такой стальной логики им также не приходилось встречать» (Воспоминания о В. И. Ленине, т. 3. М., 1960, с. 19). — *90.*

³ Статью В. И. Ленина «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (Отражение марксизма в буржуазной литературе)» см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 347—534. — *90.*

⁴ Дело было не только в ярых нападках на народничество. Книга Плеханова была замечательным по содержанию и форме изложением революционной диалектики, теории научного социализма в применении к истории жизни и мысли человечества. На книге Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», писал В. И. Ленин, «воспиталось целое поколение русских марксистов...» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 19, с. 313). Поэтому разрешенная к изданию в России в 1894 г. книга была под давлением департамента полиции в 1898 г. пересмотрена цензурой и запрещена к обращению в библиотеках. — *90.*

⁵ Цензор обратил внимание на статью В. И. Ленина, подписанную «К. Тулин». Авторы сборника, по мнению цензора, проводят мысль о неизбежности капитализации России; революционный марксизм заявил себя в этом сборнике торжествующим учением. Петербургский цензурный комитет отмечал, что историческая формула Маркса «с комментариями, придаваемыми ей, особенно в статье К. Тулина, получает характер доктрины, проповедуемой так называемыми русскими марксистами». От уничтожения удалось спасти лишь около 100 экземпляров сборника (см.: *Яковлев Н.* Ленин в цензуре. — Красная летопись, 1924, № 2 (11), с. 21). — *91.*

⁶ Речь идет о Дмитрии Ильиче и Марии Ильиничне Ульяновых, которые впоследствии стали известными революционерами, видными деятелями большевистской партии и социалистического государства. — *91.*

⁷ Книга Ленина издавалась тремя отдельными выпусками, ко-

торые в разных местностях неоднократно гектографировались. В Горках (Владимирской губернии) и в Москве А. А. Ганшин в августе и сентябре 1894 г. напечатал около 100 экземпляров первого и второго выпуска (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 576, примечание ИМЛ при ЦК КПСС). — *91.*

[8] Одним из первых против Н. К. Михайловского и его «похода на марксизм» выступил выдающийся пропагандист научного социализма Н. Е. Федосеев. Однако народнический журнал «Русское богатство» письмо-протест Федосеева не опубликовал и продолжал клеветать на марксизм. — *92.*

[9] Более подробно разница между пропагандой и агитацией показана в книге В. И. Ленина «Что делать?», в главе «Повесть о том, как Мартынов углубил Плеханова». Ленин выступал здесь против попытки «экономистов» видеть в пропаганде лишь освещение событий, а в агитации — призыв к конкретным действиям масс (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 65—68). — *93.*

[10] Передовая статья «О чем думают наши министры?» газеты «Рабочее дело» разоблачала высших царских сановников и весь самодержавный строй России (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 75—80). — *94.*

[11] Имеется в виду «Протест российских социал-демократов» (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 163—176). Этот документ, известный также как «Протест 17-ти» и «Антикредо», получил широкое распространение и стал знаменем борьбы с «экономизмом». — *94.*

[12] Брошюра «Задачи русских социал-демократов» (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 433—470) была написана в конце 1897 г., тайно переслана за границу и в 1898 г. издана группой «Освобождение труда». Представляет собою выдающийся марксистский труд, обобщающий опыт петербургского «Союза борьбы» и обосновывающий политическую программу и тактику русских социал-демократов, главная задача которых — объединиться в марксистскую революционную пролетарскую партию. — *95.*

[13] О роли Михайлова см. во многих воспоминаниях ниже, а также: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 35. Позднее Михайлов был чиновником департамента полиции. Убит эсерами в 1905 г. в Крыму. — *97.*

[14] Имеется в виду газета «Рабочее дело». — *98.*

[15] За Невской заставой в 1894—1895 гг. В. И. Ленин вел занятия следующих рабочих кружков: Н. Е. Меркулова, братьев Ф. И. и А. И. Бодровых, И. В. Бабушкина, В. А. Шелгунова (см.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 1. М., 1970, с. 91, 93, 94). — *98.*

[16] Письмо В. И. Ленина формально было написано А. К. Чеботаревой, жившей на Верейской улице, д. 12, 2 января 1896 г. Фактически оно адресовано оставшимся на свободе членам «Союза борьбы». Сохранившуюся часть письма см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 18—19. — *98.*

[17] Сведения о петербургской стачке текстильщиков пришли в Москву 11 июня 1896 г. Московский «Рабочий союз» сразу же

развернул широкую социал-демократическую агитацию. С 25 июня начались волнения и забастовки в разных отраслях московской промышленности. Только после крупных арестов руководителей 6 июля властям удалось прекратить стачку (см.: Очерки истории Московской организации КПСС, кн. 1 (1883 — ноябрь 1917). М., 1979, с. 42—43). — *103.*

[18] Специальное совещание в департаменте торговли и мануфактур указало, что «рабочие, несомненно, действовали вполне сознательно». «Как бы сурово ни была подавлена нынешняя стачка, но едва ли можно рассчитывать, что спокойствие на фабриках водворится на сколько-нибудь продолжительное время» (Рабочее движение в России в XIX веке, т. 4, ч. 1. М., 1961, с. 238, 240). — *103.*

[19] Во время гулянья на Ходынском поле в Москве 18 мая 1896 г. по случаю коронации Николая II из-за нерасторопности и нераспорядительности властей произошла давка и погибло 2000 человек, 1300 человек получили увечья. — *103.*

[20] Уже после первой публикации этих воспоминаний А. И. Ульяновой один экземпляр Программы был обнаружен, поступил в ИМЛ при ЦК КПСС и с тех пор воспроизводится в собраниях сочинений В. И. Ленина (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 81—110). — *104.*

[21] На совещаниях 14 и 17 февраля 1897 г., происходивших на Большом Сампсониевском проспекте (ныне проспект Карла Маркса), д. 18, и на Невском проспекте, д. 77/1, разгорелся спор между революционным крылом «Союза борьбы» во главе с В. И. Лениным и «молодыми» (К. М. Тахтаревым и др.). «Экономисты» пытались навязать движению оппортунистическую тактику, подменить революционную деятельность сочинением уставов и собиранием членских взносов в стачечные кассы. «Молодые» вынуждены были под напором ленинской критики временно отступить. — *107.*

[22] Длительное время московским генерал-губернатором с диктаторскими полномочиями был великий князь Сергей Александрович. — *108.*

Михаил Александрович Сильвин
(1875—1955)

Юношей вступил он в Нижнем Новгороде на революционный путь в 1891 г. А затем студент юридического факультета Петербургского университета Сильвин активно участвовал в работе марксистских кружков столицы, был энергичным пропагандистом, вошел в группу «стариков», занимался изданием и распространением трудов В. И. Ленина. Михаил Александрович сам выступал как автор ряда статей в нелегальной печати и листовок. Член центральной группы «Союза борьбы». В 1893—1895 гг. часто встречался с Лениным по делам организации, поддерживал ее связи с московскими и нижегородскими марксистами.

Особенно велика была роль Сильвина в деятельности «Союза борьбы» в начале 1896 г. и во время всеобщей стачки текстильщи-

ков Петербурга, когда он оказался на свободе одним из немногих участников группы «стариков». Сильвин был арестован в августе 1896 г. и после двух лет заключения сослан в Сибирь. Здесь он не раз встречался с Лениным, участвовал в собрании 17 ссыльных, выработавшем «Антикредо».

Царское правительство по недоразумению мобилизовало ссыльного М. А. Сильвина в армию и направило его служить в Ригу. Здесь он установил контакты с местными социал-демократами и наладил их связь с В. И. Лениным, приезжавшим по приглашению Сильвина в столицу Латвии. С началом 1902 г. Михаил Александрович перешел на нелегальное положение, стал одним из наиболее активных членов Бюро Русской организации «Искры», ее деятельным разъездным агентом. Недаром даже псевдоним у него был «Бродяга».

В августе 1902 г. Сильвина вновь арестовали. Его, как и других агентов «Искры», заключили в киевскую Лукьяновскую тюрьму. Искровцы не растерялись. Они запаслись железным якорем-«кошкой», переданным в тюрьму в букете цветов, сплели из простыней лестницу, опоили надзирателя, устроили живую стенку из своих тел и перебрались через тюремную изгородь. Этот фантастический побег 11 политических заключенных стал известным чуть ли не всей Европе. Только активный разработчик плана побега Сильвин, державший надзирателя, бежать тогда не смог. После двух лет заключения в Киевской крепости, суда и ссылки он все-таки бежал, снова арестовывался и снова работал в подполье, сотрудничал в ряде большевистских изданий.

М. А. Сильвиным в советское время написаны различные воспоминания. Они ценны достоверностью, самокритичностью, в центре событий, интереснейших приводимых фактов ставят не автора, а действительного вождя — В. И. Ленина. Части воспоминаний Сильвина, начиная с 20-х гг., не раз публиковались. Для данного сборника взяты мемуары о первом периоде пребывания Ленина в Петербурге. Текст воспроизводится по книге: *Сильвин М. А.* Ленин в период зарождения партии. Л., 1958.

[1] В действительности вечеринка в Лесном была в феврале 1895 г. (см.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 1. М., 1970, с. 99). — *109.*

[2] Похороны А. А. Ванеева состоялись в селе Ермаковском 10 сентября 1899 г. (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 177). Над его могилой речь произнес Ленин. — *110.*

[3] Сильвин жил в кв. 33 д. 34/31 по Гороховой улице только с 17 по 19 сентября 1894 г., а в январе 1895 г. — на Троицком пр. (ныне проспект Москвиной), д. 5 (см.: *Кириллина Р. А.* Фонды Ленинградского государственного исторического архива как источник уточнения ленинских адресов в Ленинграде. — Лениниана. Поиск, источниковедение, археография. Л., 1981, с. 367). — *111.*

[4] Ныне в этой комнате (переулок Ильича, д. 7) квартира-музей В. И. Ленина. — *113.*

[5] «Работник» — непериодический сборник, издававшийся за границей «Союзом русских социал-демократов» под редакцией П. Б. Ак-

сельрода и В. И. Засулич. Вышло 6 номеров в трех книгах. Договоренность об издании «Работника» была достигнута В. И. Лениным с группой «Освобождение труда» во время его летней поездки за границу в 1895 г. Петербургский «Союз борьбы» энергично помогал «Работнику» литературным материалом и деньгами. — *113.*

[6] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 208—209. — *113.*

[7] У себя дома В. И. Ленин занимался с рабочими В. А. Шелгуновым, В. А. Князевым и И. И. Яковлевым (см. печатаемые ниже воспоминания). — *115.*

[8] Далее публикуются два отрывка из главы, названной автором «Как отразилось отсутствие Ленина на работе „Союза борьбы“». Главное ее содержание — рассказ о зарождении «экономизма». Для воспроизведения же в данной книге взяты те фрагменты, в которых речь идет о связях «Союза борьбы» с рабочими и ходе знаменитой стачки текстильщиков Петербурга в 1896 г. — *115.*

[9] Ныне табачная фабрика им. Урицкого. — *115.*

[10] О Б. И. Гольдмане (Гореве) см. в воспоминаниях А. В. Шотмана. — *116.*

[11] Ныне эти предприятия не существуют. — *116.*

[12] Ныне Станкостроительное объединение им. Свердлова, ряда предприятий нет, хлопкопрядильная фабрика «Веретено», Сестрорецкий инструментальный завод им. Воскова. — *116.*

[13] Ф. И. Гурвич (Дан) — впоследствии один из лидеров меньшевизма, безосновательно претендовавший на роль крупного публициста и вождя социал-демократов антиленинского направления, белоэмигрант, враг Советской власти. — *116.*

[14] Имеется в виду «Обзор важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях империи в 1895—1896 гг.». — *117.*

[15] Ныне прядильно-ткацкий комбинат им. Петра Анисимова (П. А. Моисеенко), хлопкопрядильная фабрика «Веретено», прядильно-ниточный комбинат «Советская звезда», прядильно-ткацкий комбинат «Рабочий», бумагопрядильная фабрика «Равенство», часть комбината «Рабочий»; фабрики Паля и Митрофаньевской мануфактуры нет, комбинат тонких и технических сукон им. Тельмана, прядильно-ниточный комбинат им. Кирова, бумагопрядильная фабрика «Возрождение». — *117.*

[16] Действительно, формы рабочего движения в Петербурге и Москве не совпадали. Но автор явно преувеличивает отставание Москвы. О Ходынке см. примечание 19 к воспоминаниям А. И. Ульяновой-Елизаровой. — *117.*

[17] Об этом см. в воспоминаниях И. В. Бабушкина. — *117.*

[18] ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 521, 1896 г., д. 444, л. 84 об. — *118.*

[19] Листовки петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». М., 1934, с. 66. — *119.*

[20] Стачка напугала власти, которые обрушили на ее участников град репрессий, и хозяев предприятий. Капиталисты поспешили выполнить ряд мелких требований забастовщиков и сократить рабочий день до $11^{1}/_{2}$ часа в день. Стачка получила широкий резонанс в России и за границей (подробнее см.: История рабочих Ленинграда, т. 1. Л., 1972, с. 205—212). — *119.*

Василий Андреевич Шелгунов
(1867—1939)

Питерский рабочий Шелгунов — один из старейших и наиболее авторитетных деятелей социал-демократического движения. Он был вовлечен в подпольные кружки еще с 1887 г. С 1893 г. занимался в кружках, руководимых В. И. Лениным. Возглавлял рабочую сеть «Союза борьбы» за Невской заставой. Крупный организатор пролетарского движения, руководил распространением нелегальной литературы.

Василий Андреевич был арестован вместе с ленинским руководящим ядром «Союза борьбы» в 1895 г. и через 14 месяцев сослан в Архангельскую губернию. С 1901 г. работал в Екатеринославском, Ростовском и Петербургском комитетах партии. Неоднократно арестовывался и ссылался, потерял здоровье и ослеп.

Несмотря на это, Шелгунов активно участвовал в революциях 1905—1907 гг. и 1917 г. Первый Петербургский Совет рабочих депутатов в 1905 г. избрал его членом коллегии агитаторов. В 1910 г. — редактор большевистской газеты «Звезда». Позднее партия поручила Шелгунову выступать одним из официальных издателей «Правды» для маскировки истинного состава редакции.

После Октябрьской революции В. А. Шелгунов работал в Обществе старых большевиков и выступал как пламенный пропагандист политики Коммунистической партии.

Шелгунов написал много воспоминаний, которые многократно печатались начиная с 20-х гг. Особенно интересен рассказ о первых шагах рабочего социал-демократического движения в Петербурге, о встречах с В. И. Лениным. Факты, сообщаемые этим мемуаристом, подтверждаются другими воспоминаниями, а также документами архивов. Для настоящей публикации выбран текст, составленный из двух наиболее интересных отрывков. Первый написан и впервые опубликован в 1920 г. (Творчество, 1920, № 7); второй — в 1924 г. (Об Ильиче. Л., 1924). В данном сборнике текст воспроизводится по книге: Старая гвардия. М.—Л., 1926.

[1] См. примечания к следующим ниже воспоминаниям Г. М. Фишера. — *121.*

[2] Как видим, коренное различие между взглядами народовольчества и марксизмом осталось в тот момент непонятным для участников рабочего движения. — *121.*

[3] Имеется в виду К. М. Тахтарев, руководитель одной из двух петербургских групп «молодых»; позднее—лидер «экономизма».—*121.*

[4] Это была вторая группа «молодых» И. В. Чернышева. — *123.*

[5] Квартира путиловского слесаря Б. И. Зиновьева в Огородном переулке, д. 6, была центром партийной работы за Нарвской заставой (см.: документы к биографии В. И. Ленина в журнале «Красный архив», 1934, № 1, с. 88—89). Карамышев и тогда был агентом охранки. — *124.*

[6] В. И. Ленин в своем переводе книги С. и Б. Вебб сумел далеко выйти за рамки простого перевода и сделал немало приме-

чаний, направленных против тред-юнионизма, в защиту марксизма. Подробный анализ см. в упоминавшейся выше статье Е. Р. Ольховского о переводческих работах В. И. Ленина. — *125.*

Генрих Матвеевич Фишер
(1871—1935)

Необычной была судьба германского подданного Фишера. Жил он и в России, и в Англии, но только не в Германии. Даже имени у него было три: Матвей, Генрих, Андрей. И отчества два: Матвеевич или Августович. А человек был один. Рабочий-металлист, он с начала 90-х гг. входил в петербургские марксистские кружки на разных заводах, затем учился под руководством В. И. Ленина, сам занимался пропагандой. Арестованный в 1894 г., он не смог принять участие в «Союзе борьбы». После ссылки в Архангельск вел революционную работу в Саратове. В 1901 г. Фишер был выдворен из России, жил в Англии, принимал участие в рабочем движении. На V съезде РСДРП, в 1907 г., снова встретился с В. И. Лениным. Один из первых английских коммунистов. В 1921 г. возвратился в Россию, вступил в РКП(б), работал в народном хозяйстве.

Впервые воспоминания были изданы отдельной книгой: *Фишер Г. М.* В России и в Англии. М., 1922. Это были одни из первых мемуаров рабочего-революционера после Октября. Воспоминания Фишера отличаются большой точностью. Это — ценный источник для воссоздания подлинной обстановки в рабочем Петербурге накануне возникновения «Союза борьбы». В настоящем сборнике текст воспроизводится по книге: *Фишер Г. М.* Подполье, ссылка, эмиграция. М., 1935.

[1] Фишер имеет в виду совместные собрания рабочих с народовольцами. Первое происходило в конце 1893 г. или в начале 1894 г. От группы «стариков» присутствовал В. В. Старков. Была избрана Центральная группа (об этом см. в воспоминаниях В. А. Шелгунова). Второе собрание происходило 9 апреля 1894 г. на квартире Г. М. Фишера и И. И. Кейзера. Народовольцы предложили рабочим, по сведениям охранки, вступить в «группу народовольцев», но те категорически отказались (Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства СССР (далее ЦГАОР СССР), ф. департамента полиции, 7 делопр., 1894 г., д. 86, т. III, л. 191). Договорились о совместной работе народовольцев-пропагандистов в рабочих кружках. — *126.*

[2] Эта брошюра — перевод с польского. Впервые гектографирована в 1883 г. В 1895 г. переделана членами московского «Рабочего союза». Неоднократно издавалась за границей и в России. Брошюра давала советы, как создать организацию, библиотеку, кассу, подготовить стачку в русских условиях. Выдвигала лозунги всеобщей рабочей стачки и борьбы за политические свободы. — *126.*

[3] Ныне завод им. В. Н. Козицкого. — *127.*

[4] Об удовлетворении требований рабочих администрация думала меньше всего. Она заботилась о военизированном управлении

огромным заводом, о предотвращении волнений. Но социал-демократ И. И. Егоров вспоминал: «Мы, молодежь, старались влиять на ход выборов этих депутатов, чтобы подчинить этих депутатов себе, чтобы они проводили определенную линию, которую им диктуют рабочие» (В начале пути. Воспоминания петербургских рабочих 1872—1897 гг. Л., 1975, с. 238). — *127.*

[5] Имеются интересные воспоминания А. Г. Егоровой (Болдыревой), посвященные быту текстильщиков. Она писала: «Мы жили тогда так: в комнате стояло 8 кроватей деревянных. На каждой кровати по семье». Дети спали под кроватями. Одна часть этих воспоминаний была опубликована еще в 1923 г. Полностью см.: В начале пути, с. 249—268. — *130.*

[6] Автор явно говорит о В. М. Карелиной. Она с конца 80-х гг. вошла в социал-демократическое движение как активный член петербургской социал-демократической Бручневской организации. Участница марксистского кружка С. И. Радченко. В 1904 г. работала в гапоновских организациях, член Петербургского Совета рабочих депутатов в 1905 г. Позднее работала в профсоюзных и кооперативных органах. Она оставила интересные мемуары. О тайной маевке 1892 г. Карелина вспоминала, что они с Болдыревой «купили аршин красной материи и к березовой ветке прикрепили красный флажок. Этот красный флажок служил нам как бы путеводной звездочкой, светил нам». Через годы «этот красный флажок привел нас к морю знамен» (В начале пути, с. 289). — *130.*

[7] И. Б. Швейцер — деятель германского рабочего движения. Увлекался идеями Ф. Лассаля и его ошибочным «железным законом заработной платы» (капиталистическое общество будто бы ограничивает средний размер заработной платы пределом, необходимым для существования в соответствии с привычками данного народа). Маркс высмеивал это «человеколюбие» капиталистов. Роман «Эмма» — русский перевод 1872 г. части двухтомного романа «Lucinde, oder Kapital und Arbeit» (1864), посвященного Лассалю. «Эмма» пользовалась успехом у русской революционной интеллигенции и рабочих. — *130.*

[8] Имеется в виду «Российско-Американская резиновая мануфактура», теперь — «Красный треугольник». — *130.*

[9] Скорее всего, Е. А. Афанасьев (Климанов), видный член группы Бруснева в Петербурге. Один из организаторов первой в России маевки 1891 г. Многие современники, а следом за ними и историки утверждают, что им была произнесена одна из четырех речей на этой маевке. Напечатанная за границей, она имела широчайшее хождение в России. Арестован в 1892 г., выслан в Прибалтику. В 1917 г. — большевик. — *131.*

[10] П. А. Морозов — активный член группы Бруснева, один из самых образованных, теоретически подготовленных рабочих своего времени. — *131.*

[11] И. Форсов — рабочий-активист, участник кружка И. И. Яковлева, не раз бывал на собраниях в его комнате (Васильевский остров, Наличная улица, д. 71, кв. 4), которыми руководил В. И. Ленин. — *131.*

[12] С. И. Фунтиков — питерский рабочий-революционер начала 90-х гг., член Брусневской группы, активный участник демонстраций. Арестован в 1894 г. и выслан из столицы. — *132.*

[13] Брат И. И. Кейзера. Тоже участвовал в рабочем движении. — *132.*

[14] К. М. Норинский — участник рабочего движения в Петербурге 80—90-х гг., член Брусневской группы. Арестован и выслан из Петербурга. Участвовал в работе революционных организаций Екатеринослава и Вологды. В своих мемуарах Норинский утверждал, что в 1892—1893 гг. их кружок завязал новые связи и наметил план борьбы с народовольцами. «У всей нашей головки уже давно наметилось социал-демократическое течение» (В начале пути, с 295). — *133.*

[15] Логин Иванович Желабин. Иногда мемуаристы называют его Логиным-Желабиным. — *133.*

[16] Ныне улица Воинова. — *133.*

[17] М. С. Александров (Ольминский) — известный революционер, публицист, историк, литературный критик. Сначала народоволец, затем перешел на позиции социал-демократии. С 1904 г. — большевик, соратник Ленина. Председательствовал на VI съезде партии в 1917 г. После Октября — видный партийный и общественный деятель, в 1920—1924 гг. — организатор и руководитель Института истории партии, затем — член дирекции института Ленина. — *136.*

[18] Н. Д. Богданов — видный участник петербургского рабочего движения, руководитель нескольких стачек. Неоднократно арестовывался и ссылался. Один из четырех ораторов на первой тайной маевке 1891 г. в России. Богданов вспоминал: «Разошлись мы с верой, что каждый год мы будем усиливаться и что наступит время, когда мы 1 Мая будем праздновать так же открыто, как и наши западные товарищи» (В начале пути, с. 233). — *137.*

Иван Васильевич Бабушкин
(1873—1906)

18 января 1906 г. на станции Мысовая Забайкальской железной дороги карательная экспедиция генерала Меллер-Закомельского расстреляла без суда и следствия шесть неизвестных ей большевиков, везших транспорт оружия из Читы в Иркутск. Руководителем транспортировки был Бабушкин. О его героической смерти друзья узнали через годы.

В. И. Ленин назвал его народным героем и гордостью большевистской партии, посвятил его памяти некролог (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 79—83). Бабушкин — выдающийся участник и руководитель рабочего движения России 90—900-х гг. Любимый ученик Ленина, профессиональный революционер. Активный участник петербургского «Союза борьбы». Создатель социал-демократической организации в Екатеринославе. Значительный вклад внес Бабушкин в дело «Искры»; руководил искровской организацией в Центральном промышленном районе. Сумел наладить

живые связи газеты с десятками рабочих корреспондентов. В конце 1902 г. возглавлял Петербургский комитет партии. Многократно арестовывался и совершал дерзкие побеги.

Воспоминания представляют собой незаконченную автобиографию, написанную во время пребывания Бабушкина в Лондоне (1902) в редакции «Искры». Рукопись воспоминаний была передана В. И. Ленину. Впервые опубликована в 1925 г., и с тех пор части ее неоднократно воспроизводились в различных изданиях. Избранный нами отрывок посвящен наименее изученному периоду предыстории ленинского «Союза борьбы». Мемуары Бабушкина близки по времени написания к воспроизводимым событиям, что увеличивает достоверность фактов. Они, однако, не претендуют на анализ всего рабочего движения своего времени в целом. Автор придал им характер безыскусного рассказа. Все действующие лица зашифрованы и несколько опрощены. В воспоминаниях рассказывается далеко не все и не обо всех даже важнейших фактах деятельности самого Бабушкина — вожака петербургских рабочих. В данном сборнике текст воспроизводится по книге: Воспоминания И. В. Бабушкина (1893—1900 гг.). Л., 1925.

[1] Описываемые волнения начались на Невском судостроительном и механическом (бывш. Семянниковском) заводе 22 декабря 1894 г. По их поводу В. И. Лениным был написан первый агитационный листок петербургских марксистов (см.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 1. М., 1970, с. 95). Сведения собрал и распространял листок Бабушкин (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 79). Волнения носили в значительной мере характер стихийного бунта. «Союз борьбы» тщательно проанализировал события на Семянниковском заводе и принял меры к руководству борьбой рабочих, к внесению в нее социалистического сознания и начал организации (см.: Летописи марксизма, 1927, № 4, с. 140; Листовки петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», 1895—1897 гг. М., 1934, с. 1—6). Так же стихийно начинались волнения и на других предприятиях. Старый большевик Металлического завода на Выборгской стороне Ф. А. Богданов вспоминал, что и у них давнишняя злоба и ненависть к эксплуататорам вылились «в разгром главной конторы и поджог ее» (О революционном прошлом Петербургского металлического завода (1886—1905). Л., 1926, с. 14—15). По сведениям охранки, рабочие подожгли мебель и бумаги. Были вызваны полиция и пожарные (ЦГАОР СССР, ф. ДП, Особый отдел, 1898 г., д. 4, ч. 1, лит. Р, л. 21). — *138.*

[2] Член ленинского кружка Б. С. Жуков — слесарь Семянниковского завода — сообщал об участии в забастовке и в агитации рабочих, связанных с группой «стариков». Об этом см.: *Ложкин В. В.* Обследование ленинским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса» положения рабочих. — Вопросы истории, 1982, № 7, с. 22. — *143.*

[3] Ныне часть проспекта Обуховской Обороны. — *144.*

[4] Занятиями рабочего кружка в комнате Бабушкина (Шлиссельбургский тракт села Смоленского, д. 29) руководил В. И. Ле-

нин. Бабушкин вспоминал, что слушатели-рабочие были очень довольны этими занятиями по политической экономии «и постоянно восхищались умом нашего лектора» (подробнее см.: В. И. Ленин. Биохроника, т. 1, с. 93—94). Далее речь идет о Смоленской воскресной школе. П. И. — Тахтарев. — *145.*

[5] Дж. Кеннан — американский путешественник и журналист. Посещал Сибирь. Книга Кеннана «Сибирь и ссылка», написанная с демократических и антисамодержавных позиций, вышла в русском переводе в 1890 г. и пользовалась большим успехом у революционеров. — *146.*

[6] Ф. А. — Федор Афанасьевич Афанасьев, один из первых русских рабочих-революционеров, марксист, один из четырех ораторов на подпольной маевке 1891 г. Организатор первого Совета рабочих депутатов в Иваново-Вознесенске. Убит в 1905 г. черносотенцами и казаками на митинге. — *146.*

[7] «Кресты» — петербургская тюрьма на Выборгской стороне. Здание напоминает собою крест. Использовалась царским правительством как одно из многочисленных политических узилищ. — *146.*

[8] Рабочие на крупных предприятиях работали партиями, т. е. артелями. — *146.*

[9] Демагогический характер обоих выступлений молодого оратора рождает предположение, что это был провокатор П. И. Карамышев, склонный к демагогии вообще. Мысли ему могли быть подсказаны охранкой в розыскных целях. О собрании рабочих в августе 1895 г. ей было известно (см.: Доклад по делу о возникших в Петербурге в 1894—1896 гг. преступных кружках лиц, именующих себя «социал-демократами». — Сб. материалов и статей. М., 1921, с. 138, 139). — *149.*

[10] Этой легальной библиотекой заведовала Н. К. Крупская. — *149.*

[11] Конспиративное собрание организовали В. А. Шелгунов и Н. Е. Меркулов, живший в квартире торнтоновца А. А. Афанасьева (Прогонный переулок, д. 16, кв. 2). Афанасьев скоро стал предателем. От «Союза» переговоры с торнтоновцами вел Кржижановский (см.: *Корольчук Э. А., Соколова Е. А.* Хроника революционного рабочего движения в Петербурге, т. 1 (1870—1904 гг.). Л., 1940, с. 189). — *151.*

[12] «Союз борьбы» издал листовки к торнтоновцам: «Чего требуют ткачи?» (Кржижановский, 5 ноября), «К рабочим и работницам фабрики Торнтона» (Ленин, 8—9 ноября). Ленинская листовка, широко распространявшаяся на различных предприятиях Петербурга, и послужила началом массовой агитации (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 70—74). О данных Кроликова см. выше, в воспоминаниях Крупской. — *151.*

[13] И. В. Бабушкин после декабрьских арестов 1895 г. фактически был руководителем рабочего движения за Невской заставой. — *153.*

[14] Имеются в виду руководители одной из групп «молодых» И. В. Чернышев и Н. Г. Малишевский. Воспоминания Бабушкина доказывают, что недовольство передовых рабочих этим кружком

было вызвано не только участием в нем провокатора Михайлова, но и полным неумением вести пропаганду и агитацию. — *154.*

[15] Бабушкин тонко подметил, что ленинская организация «стариков» начала руководить широкой политической агитацией среди рабочих, сделала первые шаги к руководству рабочим движением. — *154.*

[16] Крупные аресты среди социал-демократической интеллигенции и передовых рабочих были проведены охранкой в ночь с 8 на 9 декабря 1895 г. В числе арестованных был В. И. Ленин. — *154.*

[17] Имеется в виду В. А. Шелгунов. — *155.*

[18] Чугунный завод ныне разделен на Октябрьский вагоноремонтный и Пролетарский паровозоремонтный заводы. Фабрика Паля — прядильно-ткацкая фабрика им. В. П. Ногина, Максвеля — прядильно-ткацкий комбинат «Рабочий». Имеются в виду три брошюры. О первых двух см. выше. Брошюра «Международный социалистический конгресс в Брюсселе в 1891 г.» переведена с польского. Она популярно излагала историю I и II Интернационалов, пролетарского интернационализма и была проникнута духом международной солидарности рабочих. — *155.*

[19] И. В. Бабушкин был арестован в ночь с 4 на 5 января 1896 г. (см.: *Корольчук Э. А., Соколова Е. А.* Указ. соч., с. 202). — *158.*

[20] В феврале 1897 г. И. В. Бабушкин был выслан в Екатеринослав. — *158.*

Александр Сидорович (Исидорович) Шаповалов (Шапувал)

(1871—1942)

Рядом с подписями В. И. Ленина, Г. М. Кржижановского, Н. К. Крупской и других под знаменитым «Протестом 17-ти» стояли 3 подписи рабочих. Одна из них — Шаповалова, члена партии с 1895 г. За активное участие в работе подпольных пролетарских кружков Петербурга он был арестован в 1896 г. и заключен в Трубецкой бастион Петропавловской крепости, сослан в 1898 г. в Восточную Сибирь. Шаповалов был одним из первых рабочих, активно выступавших против «Credo» и вообще «экономизма». Ссылка стала для пытливого юноши большой политической школой. Его занятиями руководили В. И. Ленин, Г. М. Кржижановский, Ф. В. Ленгник и др. Уезжал поэтому из Тесинского убежденный борец, который на самом верху крутого обрыва у реки Тубы выбил стальным зубцом лозунг: «Да здравствует революция!»

Шаповалов — агент «Искры» в Батуме, участник транспортировки искровской литературы, корреспондент ленинской газеты. После II съезда РСДРП — большевик, организатор борьбы рабочих с царизмом в Одессе и Харькове в 1905—1907 гг. Участник международного рабочего движения. Активно сражался в дни Великого Октября и на фронтах гражданской войны. Партийный, советский работник, дипломат.

Еще в 1922 г. вышли в свет воспоминания Шаповалова — свидетельство большой наблюдательности и определенных литератур-

ных способностей автора. Эти мемуары ценны не только картинами тяжелейшего быта питерских пролетариев, работы рядовых революционеров в глубоком подполье, но и тем, что показывают последние революционно-народнические кружки 90-х гг., процесс отхода передовых рабочих от идей народовольчества, их переход на позиции марксизма. Интересны сцены деятельности подпольной Лахтинской типографии, работавшей на основе соглашения петербургских народовольцев с социал-демократической группой «стариков». В 1895—1896 гг. она выпустила ряд трудов В. И. Ленина. Мемуары Шаповалова не раз переиздавались. Текст двух глав воспроизводится по книге: *Шаповалов А. С.* По дороге к марксизму. Воспоминания рабочего-революционера. М., 1922.

[1] Ныне улица Циолковского. — *161.*

[2] Ткацкая мануфактура Воронина находилась на Резвом острове. — *162.*

[3] Печаталась самая разнообразная литература. О брошюрах говорилось выше. «Ткачи» — драма знаменитого немецкого писателя Г. Гауптмана (1892), не раз переиздавалась подпольщиками в русском переводе, изображала борьбу трудящихся с эксплуататорами и взрыв возмущения голодных ткачей. — *164.*

[4] Ныне завод подъемно-транспортного оборудования им. Кирова. — *165.*

[5] Речь идет об одном из мастеров и его помощнике. — *165.*

[6] «Хитрая механика» — брошюра В. Е. Варзара, позднее видного статистика. Под разными названиями подпольно издавалась с 1876 г. десятки раз. Основное название: «Рассказ Бывалого человека, или Хитрая механика». В популярной форме излагала сущность налоговой политики царского правительства. — *165.*

[7] Известная брошюра Г. В. Плеханова. Одна из первых попыток освещения с марксистских позиций истории рабочего движения в России. «Речь коммуниста Варлена» — неоднократно издававшаяся подпольно в России речь Л. Варлена на суде по процессу Парижской организации Интернационала (1868). Варлен зверски убит версальцами в 1871 г. при осаде Парижа. «Речь рабочего Петра Алексеева» — одно из многих изданий речи П. Алексеева на суде над членами «Всероссийской социально-революционной организации» в 1877 г. В этой речи смело утверждалось, что вскоре наступит конец царского деспотизма (см.: Рабочее движение России в XIX в., т. 2, ч. 2. М., 1950, с. 47). Ленин называл ее великим пророчеством (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 377). — *167.*

[8] П. Шелли — английский поэт-романтик, революционер, социалист-утопист. — *167.*

[9] На «трудовой народ» думали опереться главным образом народники — члены революционных кружков 1870-х гг. В отличие от них большинство народовольцев делало упор на единоборство интеллигенции с самодержавием путем террора и заговора. — *168.*

[10] Главное, конечно, не в количественном росте рабочих, а в авангардной роли пролетариата. — *168.*

[11] Шаповалов энергично занимался изучением положения рабочего класса. По жандармским сведениям, он использовал для этого народовольческую анкету и особенно активно — ленинский вопросник (ЦГАОР СССР, ф. ДП, 7 делопр., 1895 г., д. 257, л. 125).—*169.*

Владимир Александрович Князев
(1871—1925)

В. И. Ленин не выступал в Петербурге в качестве адвоката. Но одно дело, оказывается, он все-таки вел: о наследстве слесаря Нового Адмиралтейства Князева. Руководитель одного из петербургских кружков, занимавшегося на его квартире, Князев с 1890 г. стал принимать участие в революционном движении как организатор подпольных рабочих кружков. В 1894 г. он вошел в ленинскую организацию. Владимир Ильич был пропагандистом в князевском кружке. Владимир Александрович выполнял разные задания Владимира Ильича. Князев был арестован в 1896 г. и выслан в Вятскую губернию.

Воспоминания Князева довольно точно описывают работу пропагандиста. Автор, правда, не всегда с достаточной глубиной понимает роль своего наставника. Интересны и бытовые подробности о Ленине. Воспоминания Князева открывают путь для поиска не обнаруженного пока ленинского документа — прошения Князева. Впервые воспоминания были опубликованы в сборнике «Об Ильиче» в 1924 г. С тех пор неоднократно воспроизводились под заглавием «Николай Петрович», однако с некоторыми сокращениями. В данной книге текст воспроизводится по сборнику «Старая гвардия» (Л., 1926).

[1] На самом деле программа была составлена В. И. Лениным в 1894 г. и внедрялась в жизнь всеми его сторонниками. Она предусматривала знакомство с жизнью и деятельностью Маркса и Энгельса, а также вождей немецкой социал-демократии. Программа резко отличалась вследствие разницы условий от программ занятий в германской социал-демократии. — *171.*

[2] Съезжинская улица, д. 6/2, угол Большой Пушкарской. Этот адрес подтверждается воспоминаниями и других участников кружка. — *171.*

[3] В. И. Ленину было 24 года. Дело было не летом, так как ни в 1894-м, ни в 1895 г. летом Ленина в Петербурге не было. Член кружка А. П. Ильин указывает, что Ленин впервые появился на этих занятиях «темным слякотным вечером осенью 1894 г.» (В. И. Ульянов в рабочих кружках Петербурга. — Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 3. М., 1960, с. 22). — *171.*

[4] Ильин указывает, что Ленин всегда приходил аккуратно: «...если и случался пропуск, то при следующем свидании он сообщал нам, почему это случилось» (там же). — *171.*

[5] «Его умение выслушивать каждого из нас, — вспоминал Ильин, — популярное толкование разных «ученостей», для нас с первого взгляда непонятных, сделали этого человека нашим любимцем уже с первого вечера» (там же). — *172.*

[6] Занимался Ленин индивидуально с некоторыми членами этого кружка. Ильину, объясняя начала политической экономии, Ленин задавал много вопросов о жизни и быте рабочих Нового Адмиралтейства. Такие же вопросы задавал он и руководителю рабочих кружков Васильевского острова И. И. Яковлеву. Помогая ему изучать труды Маркса, Ленин, по воспоминаниям Яковлева, «каждый абзац, где встречались какие-либо трудности, объяснял так, как только он один и мог: коротко и ясно» (Воспоминания о В. И. Ленине и петербургском «Союзе борьбы». — В начале пути. Воспоминания петербургских рабочих 1872—1897 гг. Л., 1975, с. 359). — *172.*

[7] В. И. Ленин действительно вел занятия в кружке П. Д. Дмитриева (Выборгская сторона, набережная Черной речки, д. 31) и И. Ф. Федорова (7-я линия Васильевского острова, д. 86/8, кв. 12). Охранка знала не только о пропагандистской работе В. И. Ленина в одном кружке, она была осведомлена о его деятельности значительно шире. — *172.*

[8] В последующих изданиях воспоминаний В. А. Князева этой маловероятной детали уже нет. — *173.*

Яков Алексеевич Михайлов
(1878—?)

Рядовой революции Михайлов неоднократно арестовывался, ссылался. Работал в периферийных рабочих кружках Петербурга в 90-е гг. В 1905 г. — член Совета рабочих депутатов Питера. В мемуарах Михайлова ярки описания тяжести пролетарского быта, сведения о первых шагах социал-демократов столицы в неразвитой среде текстильщиков. Воспоминания посвящены 1896—1897 гг., слабо освещенным в других мемуарах.

Воспоминания Я. А. Михайлова «Из жизни рабочего» опубликованы в 1925 г. ленинградским издательством «Прибой». Для данной книги взят лишь тот отрывок, который относится к ее теме.

[1] На Обводном канале жили мать и брат Михайлова, сдавая из-за нужды углы другим рабочим в своей комнате. — *176.*

[2] Одна из основных вечерне-воскресных школ для рабочих Петербурга находилась на Глазовой улице (ныне улица Константина Заслонова). Здесь, как и в Смоленской школе, преподавали многие марксисты. — *176.*

[3] Ныне часть комбината «Красный маяк». — *176.*

[4] Ныне прядильно-ниточный комбинат «Советская звезда» и фабрика «Веретено». — *177.*

[5] Хотя в целом рабочие петербургских заводов не смогли поддержать стачку текстильщиков, однако отношение к ней вовсе не было насмешливым. Наблюдались волнения рабочих Нового Адмиралтейства, вагонных мастерских Александровского механического завода, путиловцев. Даже арестованные рабочие в тюрьмах отказывались от передач и денежной помощи и просили отдать их стачечникам (Наше время. Сборник свободной печати. 1897, с. 44). — *178.*

[6] Ныне фабрика им. Петра Анисимова (Моисеенко). — *179.*

[7] «Красный Крест» — нелегальные группы и кружки помощи

политическим заключенным и ссыльным. Существовали с середины 70-х гг. XIX в. С 1884 г. из народнического и народовольческого «Общество помощи политическим ссыльным и заключенным» превратилось в межпартийное. В 1890—1910-х гг. видную роль в «Красном Кресте» играли социал-демократы. — *179.*

[8] Ф. Г. Галактионов — ученик вечерне-воскресной школы Русского технического общества, член «Союза борьбы». Распространял листовки, был распорядителем кассы взаимопомощи, собирал материал для листков. Арестовывался в 1896 и 1897 гг. Выслан в Вятскую губернию. — *181.*

[9] Жандармы спрашивали о поездке на пароходе «Тулон». Под видом отдыха и гулянья было проведено собрание рабочих-кружковцев. — *181.*

[10] Одна из наиболее страшных политических тюрем Петербурга. Сожжена восставшим народом в Февральской революции 1917 г. — *182.*

[11] Ныне прядильно-ткацкая фабрика «Октябрьская». — *183.*

[12] Имеется в виду забастовка на Новой бумагопрядильне с 4 апреля 1897 г. и расправа с текстильщиками 7 апреля. — *184.*

[13] В действительности объявление министра финансов Витте о сокращении рабочего дня с 16 апреля до 11 часов было вывешено еще 7 января 1897 г. Рабочее движение вырвало эту уступку у царизма и капиталистов. Одновременно власти разработали драконовский курс жестокого подавления рабочего движения, который и был опробован во время описываемой забастовки на Новой бумагопрядильне. 2 июня 1897 г. издан закон о сокращении рабочего дня до $11^1/_2$ часа. В. И. Ленин считал, что этот закон отвоеван у полицейского правительства соединенными и сознательными рабочими (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 269—270). — *185.*

[14] Через него в кружок проник агент охранки. — *185.*

[15] Местность на правом берегу Невы у Киновеевского монастыря. — *185.*

Фридрих Вильгельмович Ленгник
(1873—1936)

Его избирали в Центральный Комитет партии пять раз. Первый — заочно на II съезде РСДРП по предложению сторонников Ленина. Тогда ЦК состоял из трех человек. А затем в состав ЦК его избирали на XII—XV съездах. Ленгник прошел сложный революционный путь. Член партии с 1893 г. В 1896 г. он вступил в петербургский «Союз борьбы», руководил всеобщей стачкой петербургских текстильщиков, был арестован в октябре, так как был охранке «давно известен как энергичный агитатор среди рабочих». В 1898 г. Ленгника сослали в Восточную Сибирь. Под влиянием В. И. Ленина он порвал с идеалистической философией, глубоко воспринял научный социализм. К сожалению, замечательные письма Ленина к Ленгнику не разысканы. Ленгник — участник «Антикредо». Агент «Искры», член Организационного комитета по созыву II съезда РСДРП. В 1903 г. — член Совета партии — наиболее стойкий большевик-ленинец.

Широко известна была в партии история, когда, будучи в 1904 г. арестованным в очередной раз с документами немецкого подданного Артура Циглера, Ленгник упорно, месяцами заявлял, что не владеет русским языком. Жандармский поручик даже в протоколе написал: «Говорить по-русски не может» (ЦГАОР СССР, ф. ДП, 7 делопр., 1904 г., д. 2165, л. 5). «Переводчицей» в Таганской тюрьме ему служила Стасова.

Воспоминания Ленгника «Первомайская прокламация Ильича» написаны в 1936 г. и касаются двух сравнительно небольших эпизодов социал-демократического движения 90-х гг. Однако они четко фиксируют обстановку подполья, интересны в познавательном плане. Эти мемуары были опубликованы через 20 лет (Вопросы истории КПСС, 1965, № 4). По этой публикации текст и воспроизводится.

[1] Из воспоминаний М. А. Сильвина (Каторга и ссылка, 1934, № 1, с. 110, 113) известно, что Н. К. Крупская зачитывала этот текст совещанию членов «Союза борьбы». — *186.*

[2] Мимеографирование происходило в комнате хозяйки. — *187.*

[3] Текст листовки до сих пор не обнаружен. — *187.*

Прасковья Францевна Куделли
(1859—1944)

На праздновании своего 75-летия она говорила, что не заметила, как пролетели эти три четверти века. «Как только началась сознательная жизнь, я была занята не личными вопросами, а вопросами общественными, революционными. Такая жизнь была счастьем для меня как человека».

Куделли вступила в революционную борьбу с конца 80-х гг. в качестве народоволки. Работала учительницей Смоленской вечерне-воскресной школы для рабочих. В середине 90-х гг. стала все больше тяготеть к марксизму. В начале века — искровка. Вступила в партию в 1903 г. Стойкая большевичка, она работала в Петербурге, Пскове, неоднократно арестовывалась и ссылалась. Делегат Таммерфорсской партийной конференции. В период революции 1905—1907 гг. Куделли была членом Петербургского комитета РСДРП, многие годы занималась партийной агитацией. После Октябрьской революции Прасковья Францевна находилась на партийной работе, была одной из руководительниц Ленинградского института истории партии. Общественная и партийная деятельница, литератор и педагог.

Из всех известных воспоминаний о Смоленской Корниловской школе воспоминания П. Ф. Куделли, пожалуй, наиболее подробные, точные, выверенные. Они характеризуют не только состав учителей и учащихся, обстановку в школе, но и методику преподавания.

Мемуары П. Ф. Куделли — авторизованная обработка текста ее выступления на юбилейной конференции осенью 1938 г. в средней школе взрослых № 35 Володарского (ныне Невского) района Ленинграда. Эта школа помещалась в здании бывших Смоленских

классов. Воспоминания П. Ф. Куделли «Дом № 65 по Шлиссельбургскому тракту» были опубликованы в журнале «Школа взрослых», 1939, № 1. По тексту этой публикации и воспроизводится отрывок.

[1] Таким образом, Куделли описывает второе здание школы, в котором она располагалась с 1897 по 1914 г. (ныне проспект Обуховской Обороны, д. 107б). — *189.*

Евгений Петрович Онуфриев
(1884—1967)

Обычным, пролетарским было детство Жени Онуфриева. Отец работал в Питере слесарем на Балтийском заводе, мать нанималась прачкой к богатым людям поденно. Но кормить четырех детей все равно было нечем. Большую роль в развитии революционного сознания юноши сыграли профессиональное училище Обуховского завода, Обуховская и Смоленская вечерне-воскресные школы. Здесь он познакомился с теми, кто ввел его в социал-демократические кружки в начале 900-х гг. Он принял активное участие в рабочем движении, в 1904 г. вступил в большевистскую партию, в 1905 г. руководил боевой дружиной рабочих Невского района.

В 1911 г. Онуфриев был избран делегатом VI конференции РСДРП, но, чтобы попасть на нее, ему пришлось совершить фантастический побег и буквально вырваться из рук жандармов. В Праге он жил в одной комнате с В. И. Лениным, который живо расспрашивал о положении дел в партийной организации столицы. Онуфриев активно участвовал в Февральской и Октябрьской революциях 1917 г. Встречал В. И. Ленина на Финляндском вокзале 3 апреля. Один из организаторов рабочей милиции. Герой Октября, депутат Петроградского Совета. Мужественно сражался с оружием в руках против Юденича.

Е. П. Онуфриевым написано много воспоминаний о встречах с В. И. Лениным, об участии в революционной борьбе, об учебе в вечерне-воскресных школах с «ученической» точки зрения. Здесь текст отрывка из мемуаров Е. П. Онуфриева «На уроках складывались наши революционные убеждения» воспроизводится по журналу «Школа взрослых», 1939, № 1.

[1] Кроме приведенных уже выше сведений, об Обуховской школе, об ужасных условиях для учебы, о пропаганде марксистских идей во время занятий в школе в своих воспоминаниях сообщали учительница А. М. Бурнова (Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинграда, ф. 9672, оп. 1, д. 219, л. 23—25) и ученик А. П. Зарубкин (Ленинградский партийный архив, ф. 4000, оп. 5, д. 222, л. 80). — *195.*

[2] В. С. Грибакин — брат П. С. Грибакина, активного члена «Союза борьбы», ученика В. И. Ленина. Оба вели пропаганду среди рабочих, участвовали в подпольных кружках. В 1901 г. В. Грибакин руководил искровским кружком Семянниковского завода; в 1903 г. Грибакины возглавляли искровцев Обуховского завода. — *195.*

Антон Адамович Митревич
(1878—1941)

Едва Антону исполнилось 18 лет, он вместе с отцом пришел из Латгалии в Петербург на заработки. Вскоре поступил работать на Путиловский завод и стал принимать участие в социал-демократических кружках. Член партии с 1897 г. Через два года Митревич был в первый раз арестован. После освобождения работал слесарем на Обуховском заводе и долгие годы — на заводе «Русский Рено». Видный деятель петербургских профсоюзов, активный участник Октября.

Митревич написал несколько воспоминаний о революционной работе. Наибольший интерес представляют те из них, которые касаются внутренней жизни, программы занятий рабочих кружков. Они содержат яркие детали, помогают восстановить подлинный дух питерской пролетарской среды. Отрывок из мемуаров А. А. Митревича «Воспоминания о рабочем революционном движении» воспроизводится по их первой публикации в журнале «Пролетарская революция», 1922, № 4.

[1] Второе Нарвское вечернее училище для взрослых. — *198.*

[2] Кружок рабочих Нарвской заставы в 1896 г. — *198.*

[3] А. А. Малиновский (Богданов) — социал-демократ, философ, социолог, экономист, по образованию врач. Студентом участвовал в социал-демократическом движении. В 1894 г. был выслан в Тулу, где руководил рабочими кружками на Оружейном заводе. После II съезда РСДРП примкнул к большевикам. Входил в редакцию большевистской газеты «Вперед». С наступлением реакции стал лидером оппортунистической группы «отзовистов». В 1909 г. исключен из партии. После Октябрьской революции — один из организаторов и руководителей «Пролеткульта». — *198.*

[4] Это первомайское воззвание было написано в духе прежней, ленинской линии петербургского «Союза борьбы», оттеняло политические задачи и противостояло родившемуся оппортунизму «молодых». — *198.*

[5] Автор несколько упрощает дело. Еще 30 июня «Союз борьбы» выпустил листовку к рабочим Путиловского завода, призвал бастовать, требовать старых расценок, пониженных администрацией, невмешательства полиции во взаимоотношения рабочих с хозяевами и др. М. И. Калинин участвовал в составлении листовки, а затем — в распространении ее (Обзор важнейших дознаний по делам о государственных преступлениях, производившихся в жандармских управлениях империи за 1898—1899 гг. СПб., 1902, с. 21). Арестовали не всех кружковцев одновременно. Калинин был арестован 7 июля 1899 г. — *201.*

[6] Вагоностроительный завод Рештке (в просторечии Речкина). — *201.*

[7] Пристав Палибин был просто ранен. — *202.*

[8] Мемуарист, как это уже отмечалось во вводной статье, недооценивает степень дифференциации социал-демократов и остроту

борьбы вокруг «Искры», ее идеологии, тактики, организационных принципов. Вот что сообщает, например, в своих воспоминаниях активный социал-демократ Выборгской стороны Е. М. Изотов о борьбе с «экономистом» Мининым на собрании их кружка: «Наша аудитория была уже с революционной подготовкой, так как пошли беседы о свержении самодержавия, об Учредительном собрании, о 8-часовом рабочем дне, о французской революции и прочем. Я одним из первых выступил против легальной партии и против широкого приема в партию, мотивируя это тем, что в партию нужно принимать более надежных ребят, а иначе мы все рискуем провалиться и у нас тогда не будет революционной организации. Я говорил корявым языком, и моя мысль была неясно сформулирована. Тогда мне в помощь стал говорить Шотман, развил мою мысль подробнее и яснее и внес предложения, противоположные предложениям Минина, которые и были приняты. Таким образом, идея «экономистов» была посрамлена и провалена и их представитель Минин вынужден был удалиться несолоно хлебавши» (*Изотов Е. М.* Как мы боролись. О Сампсониевском подрайоне РСДРП перед II партийным съездом. — Красная летопись, 1933, № 3-4, с. 159—160). — *202.*

[9] Ожидавшаяся первомайская стачка на Обуховском заводе была сорвана не только арестами, но и маневром начальника завода генерала Власьева: он сам предложил рабочим официально праздновать этот день. «Мирное предложение» генерала было подкреплено солидным контингентом солдат, спрятанных на другом берегу Невы (Искра, № 41, 1 июня 1903 г., с. 5). — *203.*

[10] Подробнее об этом см.: Искра, № 40, 15 мая 1903 г., с. 4. Однако это было не 200-летие основания Петербурга — 16 мая 1903 г., а 18 апреля 1903 г., т. е. сразу после ареста самого Митревича. — *204.*

Михаил Иванович Калинин
(1875—1946)

Председатель ВЦИК, позднее — Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин родился в Тверской губернии. Он начал свой трудовой путь в Петербурге. С 1893 г. работал токарем на столичных заводах. В 1896 г. поступил на Путиловский и создал здесь марксистский кружок, вскоре ставший центральным для всего Московско-Нарвского района. Благодаря большим способностям и огромной работе над собой вскоре стал выдающимся вожаком рабочих. Член партии с 1898 г. В 1899 г. Калинин был впервые арестован. В 1902 г. выслан из Петербурга. Вся его жизнь, однако, была связана с нашим городом. Недаром он сам говорил: «Ленинград — мне родной город».

Имя Калинина навсегда вписано в историю России, окружено любовью и уважением народа. Он принадлежал к той плеяде рабочих-большевиков, которых Ленин назвал народными героями. Михаил Иванович воплотил в себе лучшие качества этих рабочих-передовиков и сознательных крестьян. Калинин прошел через гор-

нило трех революций и показал, что рабочие-большевики способны возглавлять государство.

Калинин в различной форме не раз выступал с мемуарами. Однако к теме этой книги относится лишь небольшой отрывок, рисующий первые шаги автора в области политического самообразования. Впервые эти воспоминания опубликовал журнал «Помощь самообразованию», 1924, № 2-3. Текст воспроизводится по несколько исправленному автором варианту в сборнике «*Калинин М. И.* За эти годы» (кн. 1. Л., 1926).

[1] О том, как это произошло, см. выше, в воспоминаниях Митревича. Связанный с этим кружком и с кружками Обуховского завода Канатчиков вспоминал: «...желание постичь премудрость марксизма было так велико, что мы просиживали до глубокой ночи. Прочитанные нами «Эрфуртская программа» и «Коммунистический манифест» значительно углубили наши знания и расширили кругозор. Полученное нами знание марксизма мы сейчас же стремились пустить в обращение. Агитировали рабочего в одиночку, стоя за верстаком, за токарным станком или за тисками, собирали и сколачивали кружки и т. д.» (*Канатчиков С. И.* Как мы учились марксизму. — Старый большевик, 1933, № 2(5), с. 116). «Эрфуртская программа» — брошюра К. Каутского о программе германской социал-демократической партии. Это была революционная марксистская программа, принятая в 1891 г. под влиянием Ф. Энгельса; она знаменовала победу над анархизмом и лассальянством; несмотря на существенные недостатки, имела большое значение для развития международного социалистического движения. Брошюра была переведена на русский язык и не раз полностью переиздавалась. — *207.*

[2] Второе техническое училище. — *207.*

[3] В Доме предварительного заключения, по воспоминаниям обуховца С. В. Малышева, М. И. Калинин принял участие в голодовке протеста заключенных, был жестоко избит и перевезен в тюрьму «Кресты». Здесь он организовал своеобразный кружок. Заключенные «через окна обсуждали книжку „Что делать?“. А на другой день М. И. Калинин сделал доклад о творчестве Горького» (*Малышев С.* Встречи с Лениным. М., 1933, с. 9—10). — *207.*

Станислав Густавович Струмилин
(Марцелий-Станислав Густавович Струмилло-Петрашкевич)
(1877—1974)

Сам он считал, что стал марксистом с 1897 г. Действительно, в петербургских подпольных кружках 1890—1900-х гг. знали М. Г. Петрашкевича. Он был одним из руководителей студенческих волнений, рабочих кружков, видным членом «Союза борьбы», лидером его левого крыла. Однако «к марксизму-ленинизму, к подлинному, научному и творческому коммунизму он пришел лишь в возрасте 40 лет», т. е. в 1917 г. Так писал Г. М. Кржижановский в предисловии к воспоминаниям С. Г. Струмилина. Кржижановский имел в виду трудный и мучительный процесс изживания ошибок

ярким, своеобразным человеком, каким был Петрашкевич (Струмилин).

Его революционные заслуги бесспорны. Однако нелегко давалась поколению демократической интеллигенции, вступившей в сознательную жизнь в 90-х гг., дорога к большевизму. Струмилин, происходивший из старого дворянского, хотя и разорившегося рода, не сразу увидел правоту В. И. Ленина. Недаром в марте 1903 г. после свидания с Петрашкевичем, сбежавшим из Вологодской ссылки и поехавшим за границу, Н. К. Крупская писала, что «в голове у него некая путаница» (Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра» с социал-демократическими организациями в России, т. 3. М., 1970, с. 249). Именно эта путаница привела его после 1903 г. к меньшевизму. Он был делегатом IV и V съездов РСДРП, позднее порвал с оппортунизмом. В Коммунистическую партию вступил в 1923 г.

С конца прошлого века Струмилин сделал первые шаги в науке. Он стал одним из основоположников советской статистики. Автор более 200 статей и книг, в том числе и капитальных историко-экономических исследований. С 1931 г. Струмилин академик.

Его мемуары — замечательное произведение автобиографического жанра. Они привлекают широтой взгляда автора, полетом мыслей, яркими образами, выпуклыми деталями. Правда, привязанности и ошибки юности Струмилина наложили на мемуары свой отпечаток. Из воспоминаний (*Струмилин С. Г.* Из пережитого. 1897—1917 гг. М., 1957) в настоящей книге перепечатываются отрывки из трех глав, представляющих наибольший интерес для темы данного сборника.

[1] После неудачи в Технологическом и Горном институтах М. Г. Петрашкевич поступил в Электротехнический институт. — *208.*

[2] Автор имеет в виду здание бывшей Фондовой биржи (ныне Военно-морской музей) и находящееся рядом здание Академии наук. — *210.*

[3] 6 декабря 1876 г. у Казанского собора состоялась первая в России открытая политическая демонстрация с участием передовых рабочих. Собралось несколько сот человек. С краткой речью выступил молодой Г. В. Плеханов. Юный рабочий Я. Потапов развернул красный флаг. Полиция избила демонстрантов и арестовала более 30 человек. — *211.*

[4] «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» (СПб., 1894) П. Б. Струве. Они были снисходительно приняты Г. В. Плехановым и его группой. В. И. Ленин подверг книгу Струве резкой критике, о чем говорилось выше. — *210.*

[5] Многотомная публикация русских летописных источников, начавшаяся с 1841 г. и продолжаемая советскими историками. — *212.*

[6] Струмилин окончил Скопинское реальное училище. — *213.*

[7] Оценка журналов «Новое слово», «Начало», «Жизнь» несколько субъективна. Это были не марксистские издания, а органы «легального марксизма», допускавшие на свои страницы лишь отдельные статьи В. И. Ленина, Г. В. Плеханова и других революционе-

ров, приемлемые в цензурном отношении. Вокруг ленинских работ «легальные марксисты» организовывали шумные дискуссии, стремясь выхолостить революционную душу марксизма, «подправить» его. — *214.*

[8] Об «Эрфуртской программе» см. выше. «Женщина и социализм» — книга А. Бебеля. Выдержала десятки изданий. По-русски была напечатана в Женеве социал-демократом Г. А. Куклиным в 1904 г. В книге исторически исследуется положение женщины в эксплуататорском обществе и ее роль в борьбе за социализм. «Подпольная Россия» (1882) — художественно-публицистические очерки С. М. Кравчинского (псевдоним Степняк) о выдающихся российских революционерах-народниках. На русский язык с итальянского переведена автором в 1893 г., неоднократно переиздавалась. Сыграла большую роль в ознакомлении Запада с революционным движением России и помогла воспитанию подпольщиков на родине. — *215.*

[9] Актом самосожжения М. Ф. Ветрова протестовала против унизительных для женщины правил тюремного содержания в Трубецком бастионе Петропавловской крепости. Слухи о ее изнасиловании вызывали ненависть российской интеллигенции к гнетущему всесилию царского чиновничества. Высокую оценку ветровской демонстрации дала ленинская «Искра» (№ 12, 6 декабря 1901 г., с. 1). — *216.*

[10] В институте инженеров путей сообщения училась не только «золотая молодежь». Еще в 1843 г. здесь произошел коллективный протест студентов. Отдельные воспитанники в 60-х гг. принимали участие в революционном движении. Здесь в 70-х гг. учились Н. И. Кибальчич, В. А. Осинский, А. Б. Арончик — видные деятели революционного народничества. В 90-х гг. бывали сходки, студент Тренюхин был членом петербургского «Союза борьбы». В 1899 г. институт бастовал 10 дней. — *220.*

[11] Струмилин ошибочно относит «легальных марксистов» к марксизму вообще. В. И. Ленин, например, никогда, даже в дни временного союза с «легальными марксистами», не причислял себя и их к одному идейному лагерю. — *221.*

[12] Автор иронизирует. Он имеет в виду статью Струве «Основная антиномия теории трудовой ценности». — Жизнь, 1900, № 2. — *211.*

[13] Струмилин явно преувеличивает степень зрелости своей личной политической мысли в конце 90-х гг. Чтобы опровергнуть измышления Струве, Туган-Барановского, потребовалась острая борьба с ними В. И. Ленина, Г. В. Плеханова, а не насмешки начинающих студентов. — *221.*

[14] Сторонники Струве пытались «дополнить» философию марксизма — диалектический и исторический материализм — идеалистическими построениями Лассаля, Фихте, Канта и др. — *222.*

[15] Отпор этим наскокам на марксизм дал В. И. Ленин. См., например, его труды: «Заметка к вопросу о теории рынков (По поводу полемики гг. Туган-Барановского и Булгакова)», «Еще к вопросу о теории реализации», «Аграрный вопрос и „критики Мар-

ксаʺ» и др. (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 44—54, 67—87; т. 5, с. 95—268). — *222.*

[16] Автор имеет в виду, что идеи струвистов взяли на вооружение «экономисты» и пытались внедрять их в рабочее движение. — *222.*

[17] Автор, хотя и не совсем точно, цитирует очерк Г. И. Успенского «Волей-неволей (Отрывки из записок Тяпушкина)». Полн. собр. соч., т. 8. М., 1949, с. 353—354. — *222.*

[18] Н. А. Бердяев скатился к откровенному идеализму, а в 20-х гг. выступал апологетом средневековой схоластики. С. Н. Булгаков в 1918 г. стал священником. — *223.*

[19] Первый номер «Рабочей мысли» был тоже оппортунистическим. — *223.*

[20] Струмилин приводит окончание пародии «Гимн новейшего русского социалиста». За подписью «Нарцис Тупорылов» гимн был напечатан в № 1 журнала «Заря» в 1901 г. Полный текст см.: История Коммунистической партии Советского Союза, т. 1. М., 1964, с. 280—281. — *224.*

[21] Имеется в виду наиболее реакционная часть «академиков» — студенты-черносотенцы, которые после революции 1905—1907 гг. резко выступали за то, чтобы ограничить интересы учащейся молодежи лишь рамками академической науки, и травили студентов — участников революционного движения. — *226.*

[22] Академик А. Н. Бекетов — знаменитый ботаник. Сочувствовал передовому студенчеству. Был вице-президентом Вольно-экономического общества. Академик А. С. Фаминцын — основатель школы петербургских ботаников и физиологов растений. Не раз обвинялся властями в помощи революционерам. — *228.*

[23] Характеристика этих лиц несколько односторонняя и явно неполная. Щеголев — не только историк декабризма, но и пушкиновед, редактор журнала «Былое» в 1906—1907 и 1917—1926 гг. Иорданский и Носарь-Хрусталев — известные меньшевики. Токарев — глава оппортунистической группировки «экономистов» в Петербурге в 1902 г., знаменитый «Вышибало», с которым В. И. Ленин и искровцы вели упорную борьбу. — *231.*

[24] Семенов и особенно Зайцев были в 1900—1901 гг. руководителями оппортунистического крыла петербургского «Союза борьбы» и его «Рабочей организации». Щеглов и Щепетьев — ближайшие сподвижники Токарева в 1902—1903 гг. Рерих в 1902 г. участвовал в работе ленинско-искровского Петербургского комитета РСДРП. — *232.*

[25] Сафонов 20 мая 1900 г. принимал участие в совещании петербургских социал-демократов, проведенном В. И. Лениным. В июне—июле 1900 г. Сафонов на базе петербургской стачечной кассы взаимопомощи Выборгской стороны объединил все рабочие кружки «Союза борьбы» в особую группу — «Комитет рабочей организации». Она формально считалась агитационной частью «Союза борьбы», а фактически была самостоятельна. Главную роль в ней играли заядлые «экономисты» Зайцев, Семенов, Токарев. Но через полтора месяца после образования «Комитета» Сафонов застре-

лился. В предсмертной записке он писал: «Вне борьбы нет жизни; бороться нет сил — так лучше не жить» (Рабочее дело, № 8, ноябрь 1900 г., с. 79). — *232.*

[26] П. Г. Смидович — видный член петербургского «Союза борьбы», искровец. Впоследствии большевик. Тайно работал в Уманской подпольной типографии и в уральской социал-демократической организации. После Октябрьской революции находился на ответственной советской и хозяйственной работе. — *232.*

[27] Студенты М. Г. Петрашкевич, В. Г. Черданцев и С. Д. Мавромати, по сведениям охранки, были настроены радикально, призывали на сходках рабочих и интеллигенцию к политической борьбе с самодержавием (ЦГАОР СССР, ф. ДП, ОО 1896 г., д. 5, ч. 53, л. 160). — *232.*

[28] В Петербурге с 1898 по 1902 г. действовали под этим названием последовательно четыре группы, часто не связанные с предшественниками, а не одна, как считает Струмилин (см.: *Ольховский Е. Р.* Ленинская «Искра» в Петербурге. Л., 1975, с. 79—84, 134—139). — *234.*

[29] М. И. Бройдо — впоследствии известный меньшевик. — *234.*

[30] Б. В. Савинков — один из лидеров эсеров, организатор террористических актов против царских сановников. После 1917 г. — активный враг Советской власти, вдохновитель контрреволюционных мятежей и белогвардейской эмиграции. — *234.*

[31] Заметки Милюкова вовсе не дают оснований для таких широких выводов. Буржуазия не готова была приветствовать революционный пролетариат, а эгоистически стремилась использовать его борьбу, чтобы выторговать у царизма некоторые политические уступки для себя. — *235.*

[32] Охранка детально зафиксировала выступление Петрашкевича. Он привел с собою не одного рабочего, а целую группу рабочих-кружковцев. Петрашкевич заявил, что рабочие уже осознали необходимость «широкой политической борьбы и что по их требованию ближайший номер «Рабочей мысли» будет редактирован именно в этом направлении» (ЦГАОР СССР, ф. ДП, ОО, 1898 г., д. 5, ч. 53, л. 160). — *235.*

[33] П. П. Маслов — участник социал-демократического движения. Меньшевик, ликвидатор, социал-шовинист. Автор меньшевистской программы муниципализации земли, в которой пытался ревизовать ряд основных положений марксизма. В. И. Ленин часто остро критиковал Маслова. После Октября Маслов отошел от политической деятельности, преподавал, занимался наукой. — *237.*

[34] Струмилин ярко описывает один из самых тяжелых пережитков полукрепостнической зависимости в пореформенной России. Только последующие реформы 1907—1910 гг. ликвидировали насильственную круговую поруку, прикрепление крестьян к земле и к общине, чтобы предотвратить революционный взрыв в российской деревне и найти новую социальную опору для царизма на селе в лице кулаков. — *240.*

[35] П. Л. Чебышев — великий русский математик и механик. Среди огромного количества его замечательных работ и доказательство закона больших чисел — составной части современной теории вероятностей. — *241.*

Сергей Николаевич Сулимов
(1884—1947)

Всю жизнь профессиональный революционер-большевик Сулимов считал себя обуховцем и рядовым бойцом партии. Начав трудовой путь 11-летним подростком в качестве мальчика у подрядчика-живописца, Сулимов в 15 лет поступил на Обуховский завод учеником чертежника. И вскоре понял, что дело не в отдельном хозяине или начальнике. Надо бороться против них всех. В 17 лет Сережа во время Обуховской обороны был ранен. В 1904 г. вступил в большевистскую партию. В ходе революции 1905—1907 гг. Сулимов — агент Южного бюро ЦК; он переезжает из города в город, ведет большевистскую пропаганду среди солдат, рабочих, крестьян. Затем Сергей Николаевич — член «Боевой технической группы» при ЦК РСДРП. В 1917 г. — секретарь Военной организации большевиков, один из организаторов Красной гвардии в Московско-Нарвском районе Петрограда. Активный боец Октябрьского вооруженного восстания. Позднее — председатель Чрезвычайной комиссии по эвакуации Архангельска и помощник народного комиссара по военным делам. В 1919—1921 гг. — секретарь ЦК РКП(б). Затем Сулимов работал на руководящих партийных, советских и хозяйственных должностях.

В воспоминаниях Сулимова весьма рельефно описывается среда, в которой зарождалось революционное рабочее движение. Сцены жизни, быта и труда пролетариев перемежаются с историей появления первых искровских кружков. Мемуары С. Н. Сулимова «Воспоминания обуховца (1900—1903 годы)» впервые были опубликованы в журнале «Пролетарская революция», 1922, № 12. По этой публикации они и воспроизводятся с сокращениями, определяемыми характером данного сборника.

[1] К. Н. Иванов — известный революционер, руководитель искровских кружков и рабочий поэт. — *243.*

[2] Первомайская прокламация «Союза борьбы» призывала только к демонстрации в 1900 г. (см.: Первомайские прокламации. Л., 1924, с. 57). В то же время курсировал и «Майский листок „Рабочего знамени“». Он требовал политической свободы, 8-часового рабочего дня и выставлял лозунг «Долой самодержавие!» (см.: Первомайские прокламации, с. 26). — *244.*

[3] Из-за массовых арестов и ослабления рабочих организаций перед 1 мая демонстрация не состоялась. — *244.*

[4] Одна из вечерних школ для рабочих. — *244.*

[5] Автор имеет в виду не «легальных марксистов», а марксистов, пользовавшихся преподаванием в легальной школе для революционной работы. — *244.*

[6] Учившийся вместе с Сулимовым на курсах Технического общества Малышев вспоминал: «Годик-другой в наших кружках шли

горячие споры о том, кто правильнее выражает задачи рабочего класса — Ленин или «экономисты»; и как мы, рабочие, сможем улучшить свое положение: путем ли только экономической борьбы, народнического террора или крепкой организацией партии пролетариата и политической борьбой рабочих под руководством этой партии? Мы тогда уже чувствовали, что ленинское учение — единственное учение, которое ведет нас по правильному пути к окончательной победе, а в спорах с «экономистами» мы выковывали в себе крепкое сознание того, что всю нашу революционную организацию нужно строить вокруг Ленина, вокруг его положений и лозунгов» (*Малышев С.* Встречи с Лениным. М., 1933, с. 5). — *244.*

[7] Имеется в виду А. М. Коллонтай, известная профессиональная революционерка, видная деятельница большевистской партии, советский дипломат. — *244.*

[8] 22 декабря 1897 г. началась трехнедельная стачка текстильщиков в Иваново-Вознесенске под руководством членов «Рабочего союза». В ней участвовало 15 000 человек. — *245.*

[9] М. П. Щекин — руководитель сети искровских кружков на Обуховском заводе, член Невской районной группы. В 1902 г. активно выступал за организацию рабочей демонстрации 3 марта у Казанского собора. — *245.*

[10] «Мария Петровна» — пропагандистка кружка. — *245.*

[11] Предатель, сотрудничавший с охранкой. — *246.*

[12] Демонстрация 3 марта 1902 г. проходила в условиях обострявшегося экономического кризиса и усиления капиталистической эксплуатации. Призвала к ней и настаивала на ее проведении отходившая от «экономизма» под влиянием В. И. Ленина и «Искры» левая часть членов петербургского «Союза борьбы» и особенно его «Комитета рабочей организации». Подготовка к демонстрации началась еще в январе—феврале 1902 г. Рабочих поддержали некоторые студенческие организации, активнее всего — «делегатское собрание» студентов Петербурга, склонявшееся к социал-демократизму, а также «Союз свободных художников», издавший специальную прокламацию. Было распространено 10 000 листков с требованием свержения самодержавия, политических свобод, 8-часового рабочего дня. Охранка провела предупредительные аресты накануне демонстрации.

Организаторами ее были социал-демократы В. Э. Классен, Н. А. Скрыпник, И. М. Труба и др. В Казанском соборе собралось свыше 5000 человек, главным образом рабочие; на Невском проспекте до 40 000 человек — с красными знаменами и лозунгами: «Долой самодержавие!», «Да здравствует социал-демократия!». От нападения жандармов и полиции демонстранты оборонялись камнями и палками. Беспорядки продолжались до вечера. Было арестовано свыше 100 человек (по другим сведениям, свыше 500). Четкий политический характер демонстрации 3 марта 1902 г., ее направленность против самодержавия, массовое участие в ней пролетариев сделали эту Казанскую демонстрацию заметной вехой в рабочем движении (подробнее см.: «Искра», № 19, 1 апреля 1902 г., с. 1—2; см. также: История рабочих Ленинграда, т. 1; *Ольховский Е. Р.* Ленинская «Искра» в Петербурге. Л., 1975).

Участник демонстрации А. М. Горький писал А. П. Чехову: «Я вовеки не забуду этой битвы!» (*Горький А. М.* Полн. собр. соч., т. 28, с. 159). — *247.*

Владимир Иванович Пернафорт
(1881—?)

Через десятилетия пронес Пернафорт воспоминание о главном дне своей жизни — Обуховской обороне. С юношеских лет работал он на Александровском сталелитейном заводе, вошел в социал-демократические кружки. Был арестован в 1903 г. В 1905 г. большевик Пернафорт — депутат Петербургского Совета. Его мемуары интересны рассказом о вечерней школе, об Обуховской обороне. В 1901 г. Пернафорт сражался в той группе, которая встретила врагов градом камней с территории Карточной фабрики. Впервые воспоминания В. И. Пернафорта «7 мая 1901 года на Обуховском заводе» были опубликованы в сборнике «Обуховская оборона в 1901 году» (М.—Л., 1926). По этому тексту они и воспроизводятся.

[1] «Корабли» — печально знаменитые обуховские жилища для рабочих. В длинных, широких казенных помещениях иногда от пола до потолка были установлены деревянные нары. Вперемешку здесь ютились, «отгороженные» ситцевой занавеской, семейные и холостые рабочие. Насекомые, грязь, заразные болезни царили в обуховских «кораблях». Однако это не беспокоило начальство. — *248.*

[2] В. Я. Яковлев — один из участников кружка «семи Василиев». В комнате В. А. Шелгунова (квартира Яковлевых) с этим кружком в 1894—1895 гг. занимался В. И. Ленин (Шлиссельбургский проспект села Александровского, д. 23, кв. 4 и 5). Ныне в доме по Ново-Александровской улице находится Народный музей революционной истории Невской заставы. — *249.*

[3] Иустин (Устин) Шнитовский — активный участник социал-демократических кружков, видный революционер. — *250.*

[4] «Пауки и мухи» В. Либкнехта были изданы листовкой в Женеве социал-демократами в 1900 г. Здесь речь шла о богатых и бедных, капиталистах и рабочих. Переиздана ЦК РСДРП в 1903 г. — *251.*

[5] Осталось, по воспоминаниям А. В. Шотмана, человек 200—300 (см. с. 351). — *254.*

[6] Е. М. Изотов, описывая бои рабочих Выборгской стороны с полицией 4 мая 1901 г., вспоминал: «Недостатка в „оружии“ не было — здесь на набережной в изобилии лежали дрова, кирпичи и доски, которые моментально очутились в наших руках и полетели в головы противников. Такой способ защиты оказался радикальным, наши враги, которые только что «упрашивали» нас разойтись (плетками и шашками. — *Е. О.*), не выдержали сами и в беспорядке стали разбегаться кто куда мог, и довольно поспешно. Конница тоже смутилась и вынуждена была прикрывать отступление своих побитых товарищей. Да, дрова и кирпич нам оказали громадную

услугу и обратили в постыдное бегство наших врагов». В этой битве участвовали и женщины. «Камни они бросать не могли, но в их руках оказалось более сильное и чувствительное оружие. Когда полицейские приблизились к дому, то эти героини стали выхватывать из печки горшки и чугуны кипящей воды и бросать их прямо на голову нападающим опричникам. Надо было видеть ужас несчастного полицейского, на голову которого упал горшок с кипятком или даже с лапшой или со щами» (Красная летопись, 1933, № 3-4, с. 154—155). — *257.*

[7] Так же действовала полиция и на Выборгской стороне 4 мая 1901 г.: «...обысков в полном значении этого слова не было. Просто врывались гурьбой в квартиру, оглядывали всех находящихся там и, если заставали мужчину дома, то его арестовывали и уводили с собой. Конечно, как полагалось, эти аресты сопровождались избиениями. Не щадили никого — ни старых, ни малых» (Красная летопись, 1933, № 3-4, с. 156). — *259.*

Адольф Петрович Тайми (Вастен)
(1881—1955)

Большую часть своей сознательной жизни он прожил как Тайми. Подлинная же его фамилия Вастен. Сын питерского рабочего, он и сам в 15 лет уже начал работать. Хотел было пойти учиться, но отец сказал: «Учиться не на что. Пойдешь, сынок, работать на Петербургский металлический завод». Вастен в 1902 г. вошел в подпольные искровские кружки и стал членом партии большевиков-ленинцев. В 1905 г. он принимал активное участие в революции, строил баррикады на Васильевском острове, был депутатом Петербургского Совета. Затем — Луганск, возвращение в Петербург, арест, тюрьма, ссылка, побег. В 1912 г. Тайми готовил вооруженное восстание на Балтийском флоте, но был выдан провокатором, снова арестован и выслан в Туруханский край, откуда вернулся только через 3 года. Активно участвовал в революции 1917 г. Был одним из руководителей Красной гвардии в Финляндии, ее революционным наркомом военных дел, посланцем к В. И. Ленину за помощью и оружием. В 1918 г. Тайми участвовал в образовании Коммунистической партии Финляндии. 10 лет вел подпольную работу в этой стране во время правления буржуазии. Сидел в тюрьме, сослан на каторгу на 15 лет. После 1940 г. — заместитель Председателя Совнаркома Карело-Финской ССР, а затем Председатель Президиума ее Верховного Совета.

Мемуары Тайми показывают сложный процесс рождения сознательного рабочего, любопытные бытовые детали, технику большевистского подполья с точки зрения рядового социал-демократа. «Страницы пережитого» выдержали в 1949—1955 гг. три издания. Воспроизводится отрывок по теме данной книги по тексту третьего издания, вышедшего в Петрозаводске в 1955 г.

[1] Участник рабочих кружков в Петербурге Иван Вастен. — *260.*

[2] Это был А. В. Шотман. — *260.*

[3] См.: *Листовки петербургских большевиков*, т. 1. М., 1939, с. 15—17, 18—20. — *266.*

[4] Василеостровцы получили задание разбросать листовки в Большом театре на Фонтанке. Операция у них «прошла неудачно, некоторых товарищей при попытке бросить листки тут же арестовали, но некоторым удалось листки бросить» (Красная летопись, 1928, № 2(26), с. 42). — *266.*

[5] О деятельности зубатовца Соколова в Москве была заметка в «Искре» (№ 14, 1 января 1902 г., с. 4). О зубатовщине см. во вступительной статье. Для того чтобы активизировать борьбу с «полицейским социализмом», Петербургский комитет РСДРП принял решение, что его члены должны выступить открыто против зубатовцев на рабочих собраниях. Член ПК И. И. Егоров («Нил») вспоминал про одно такое собрание: «Первыми ораторами выступили зубатовцы. Они беспощадно ругали интеллигенцию, ругали социал-демократов как интеллигентов, вовлекающих рабочие массы в политическую борьбу ради своих корыстных интересов, призывали рабочих не верить интеллигенции и социал-демократам, а идти своей дорогой к улучшению быта рабочих через кассы взаимопомощи и не чуждаться власти, которая якобы стоит на стороне рабочих и готова защищать их справедливые требования. Словом, с одной стороны, восхваляли власть и ее готовность помочь рабочим, а с другой — всячески поносили интеллигенцию и социал-демократические организации в особенности. После этих речей слово было предоставлено мне. Я, как мог и как умел, вскрыл эти заигрывания с рабочими, вскрыл мотивы и желания, движущие этой игрой, указал на опыт западноевропейского рабочего движения и на то, что рабочие не могут являться врагами той интеллигенции, которая искренне стремится улучшить их положение и помочь им организоваться и т. п.» (Красная летопись, 1928, № 2(26), с. 41). Сразу после этого выступления Егоров был арестован. — *269.*

[6] Автор имел в виду борьбу между «экономистами» и революционной социал-демократией. — *271.*

[7] О Н. Н. Юникове и его аресте 2 сентября 1903 г. см. в мемуарах Шотмана (с. 353, 371—373). — *273.*

Елена Дмитриевна Стасова
(1873—1966)

Председательствовавший на VI съезде партии в июле 1917 г. М. С. Ольминский, увидев среди делегатов Е. Д. Стасову, строго напомнил ей, что съезд нелегален и его участников могут в любую минуту арестовать. А она — хранительница связей и традиций партии. «Немедленно уходи», — сказал Ольминский Стасовой. И кандидатом в члены ЦК РСДРП ее тогда избрали заочно.

Десятки писем в 1901—1903 гг. направили В. И. Ленин и Н. К. Крупская в Петербург «Гуще», «Жулику», «Абсолюту» — Е. Д. Стасовой, крупнейшему работнику искровской организации столицы. Она с конца XIX в. принимала участие в революционной борьбе. Член партии с 1898 г. Несколько лет возглавляла техниче-

скую работу в Петербургском комитете, а с 1903 г. стала его секретарем. В дореволюционный период руководила большевиками Петербурга, Орла, Москвы, Минска, Вильно. Мужественная и несгибаемая большевичка, верная соратница В. И. Ленина в борьбе со всеми оппортунистами, мастер конспиративной техники. Многократно арестовывалась и ссылалась. С 1912 г. — кандидат в члены ЦК РСДРП, в 1917—1920 гг. — секретарь ЦК РКП(б), затем на различных ответственных партийных постах, в Коминтерне, МОПРе. Герой Социалистического Труда.

В 1950—1960-х гг. Стасовой создана серия интересных воспоминаний о революционном подполье. Раздел воспоминаний «Агент „Искры"» особенно важен: он восполняет существенные пробелы из-за отсутствия документов ПК РСДРП, точно передает факты. Перед нами — портреты людей большой души, кристальной честности, одухотворенных ленинской мечтой. Кроме того, поскольку семья Стасовых находилась в центре российской культуры, то и мемуары Елены Дмитриевны характеризуют достаточно полно настроения передовой интеллигенции России.

В настоящей книге воспроизводится с небольшими сокращениями глава из наиболее полного варианта мемуаров, значительно расширенного автором за счет документов (*Стасова Е. Д.* Воспоминания. М., 1969).

[1] Стасова перечисляет три группы социал-демократов: сторонников революционного направления — Крупскую, Радченко, Кржижановскую, Кожевникову, Штремера, Федорову, Эссен, Краснуху; колеблющихся — Леонтович, Маркову, Девель, Устругову, Сибилеву, Рериха; антиискровцев, активных «экономистов» — Якубову-Тахтареву, Майкову, Смиттена. — *274.*

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 126—127. — *274.*

[3] Организационный комитет (ОК) по созыву II съезда РСДРП был создан по инициативе В. И. Ленина в апреле 1902 г. Восстановлен после арестов в начале ноября 1902 г. Руководил подготовкой съезда и распределением мандатов на него среди местных партийных организаций. В случаях споров создавались «третейские суды». В состав такого суда для Петербурга входили Б. И. Горев, Л. М. Книпович и представитель от московской социал-демократической организации. Было проведено 3—4 заседания. Притязания группы М. Я. Лукомского были отвергнуты; ей давалось право просить мандата у самого съезда. Но она этого не сделала, так как к моменту съезда распалась. Один из двух петербургских мандатов был отдан искровскому ПК, второй — антиискровскому токаревскому «Комитету рабочей организации», в чем сказались колебания самого Организационного комитета. — *275.*

[4] Стасовы жили на Фурштадтской ул. (ныне улица Петра Лаврова), д. 20. Р. М. Шапиро — социал-демократка, член технической группы ПК. — *275.*

[5] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 468—469. — *277.*

[6] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 376. — *277.*

[7] В августе 1907 г. Е. Д. Стасова уехала на Кавказ и до 1916 г. в Петербурге больше не работала. — *277.*

[8] Имеется в виду письмо Н. К. Крупской к В. П. Краснухе для Петербургского комитета 9 октября 1902 г. (Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра» с социал-демократическими организациями в России, т. 2. М., 1969, с. 359). — *277.*

[9] Дальняя типография Петербургского комитета была оборудована в Вильно. С февраля—марта 1903 г. действовала также своя большая типография в Питере, переезжавшая с места на место (Техника большевистского подполья, вып. 2. М.—Л., б. д., с. 123—133, 139—142). — *277.*

[10] Конни Зиллиакус — финский писатель. Выслан из Финляндии. В 1900—1903 гг. жил в Швеции и помогал искровским транспортерам. — *278.*

[11] Куоккала — ныне Репино, Териоки — Зеленогорск, Гельсингфорс — Хельсинки. Формальная граница между Россией и Финляндией проходила в районе Сестрорецка и Белоострова. — *278.*

[12] Мустамяки — ныне станция Горьковская. — *279.*

[13] Борис Дмитриевич Стасов — врач, в 1902—1904 гг. устроил одну из явок искровцев в хирургическом отделении больницы. Бывшие солдаты привилегированного гвардейского Преображенского полка после увольнения часто имели связи с полицией. — *280.*

[14] Об этом пути сношений см.: *Дашков Ю. Ф.* Финляндский путь ленинской «Искры». — Вопросы истории, 1980, № 2. «Вперед» — нелегальная большевистская газета. Издавалась в Женеве с декабря 1904 г. по май 1905 г. под руководством В. И. Ленина и являлась фактическим продолжением старой «Искры». — *280.*

[15] К. Брантинг — руководитель шведских социал-демократов и деятель II Интернационала. Стоял на оппортунистических позициях. — *280.*

[16] И. Я. Гинцбург — известный скульптор, близкий к «передвижникам», с 1911 г. академик. — *281.*

[17] Николай Николаевич Штремер — один из руководителей революционных социал-демократов Петербурга, активный участник создания ленинско-искровского ПК РСДРП летом 1902 г., член ПК, работал в качестве организатора, руководил подпольной типографией. Арестован в ноябре 1902 г. После Октября — видный организатор здравоохранения в Петрограде. — *282.*

[18] Имеются в виду К. П. Победоносцев, обер-прокурор Синода, один из вдохновителей реакции, воспитатель царей Александра III и Николая II, а также единомышленник Победоносцева И. Н. Дурново, министр внутренних дел, а потом председатель комитета министров. — *283.*

[19] Л. Н. Бархатова — участница рабочих кружков петербургского «Союза борьбы». Работала фельдшерицей на Путиловском заводе, где и вела революционную пропаганду. Осенью 1901 г. вошла в петербургский отдел «Искры» и по его делу была арестована 4 декабря 1901 г. Предполагавшаяся в апреле 1901 г. демонстрация на Путиловском заводе была сорвана небывалыми предупредительными арестами среди рабочих, произведенными 17 апреля петербургской охранкой. — *283.*

[20] Таких попыток было две. Первая летом—осенью 1902 г. предпринята Стасовой, о чем подробно рассказывается ниже. Устинович удалось напечатать агитационные листки петербургского «Союза борьбы» — три «Письма про наши порядки и непорядки». Вторую попытку отправить в Новгород печатные принадлежности предприняли в начале 1903 г. работники петербургской подпольной типографии. Однако из-за слежки машину-скоропечатню пришлось бросить (Государственный архив Новгородской области, фонд губернского жандармского управления, оп. 1, 1903 г., д. 471, л. 137—147). — *284.*

[21] Кожевникова (Штремер) Варвара Федоровна — революционерка, близкая знакомая Н. К. Крупской и В. И. Ленина. Участница совещания Ленина с руководителями петербургских социал-демократов 20 мая 1900 г., которое проводилось на ее квартире-явке. Первый «почти что агент „Искры"» в Питере (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 7, с. 391). Активная участница летних совещаний 1902 г. по созданию ленинско-искровского комитета РСДРП. Арестована 4 ноября 1902 г. в Колмове близ Новгорода. — *284.*

[22] Н. Ф. Устинович — социал-демократка. В 1900 г. оборудовала подпольную типографию петербургского «Союза борьбы» и работала в ней наборщицей и печатницей. Для этого сняла квартиру в здании типографии одной из реакционных газет. Бумага доставлялась под видом больших букетов цветов. Устинович печатала местные листки и ежемесячные «Рабочие листки», некоторые тиражом 10—12 тысяч экземпляров. Из-за случайного ареста второй работницы В. И. Калашниковой типографию пришлось свернуть. Шрифт и оборудование удалось вовремя укрыть. Устинович была арестована за связи с Калашниковой, а затем до административного решения дела выслана в Новгород. Она вспоминала, что «типография после долгих скитаний по Питеру попала в Торжок, Тверской губернии; там ее зарыли в землю в саду земской больницы, где она и дождалась лучших дней» (*Устинович Н. Ф.* Первая типография петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» в 1900 году. — Красная летопись, 1924, № 2(11), с. 101—102). В Новгороде типография существовала недолго. По воспоминаниям Устинович, удалось отпечатать только три «Письма про наши порядки и непорядки» (Новгородский историко-архитектурный музей-заповедник, 10962—13—14—15). — *284.*

[23] Перепуганные жандармы в докладе царю сообщали об аресте у Кожевниковой большой типографии (ЦГАОР, ф. ДП, ОО, 1901 г., д. 825, ч. 10, лит. А, л. 12—17, 116). — *284.*

[24] Ш. З. Элиава — известный революционер, большевик, после Октября — видный партийный и советский деятель. — *285.*

[25] Генерал Клейгельс — петербургский градоначальник, один из наиболее решительных сторонников жесткого курса и кровавого подавления революционного и рабочего движения. Пользовался особым доверием Николая II. Известен своим казнокрадством и взяточничеством. Во время демонстрации на площади у Казанского собора 4 марта 1901 г. возмущенный зверским избиением курсисток генерал Вяземский пытался остановить побоище. Через несколько

дней газеты опубликовали следующее сообщение: «Государь император объявляет строгий выговор члену Государственного совета генерал-лейтенанту князю Вяземскому за вмешательство в действия полиции при прекращении уличных беспорядков» (Искра, № 3, апрель 1901 г., с. 3). По этому поводу Л. Н. Толстой писал Л. Д. Вяземскому: «Поступок Ваш вызывает всеобщее уважение и благодарность» (об этом см.: Институт русской литературы (Пушкинский Дом), рукописный отдел, ф. 266, оп. 2, д. 644, л. 16). — *287.*

[26] Несмотря на негласный надзор полиции, А. И. Калмыкова продолжала активную общественную деятельность. Ее визиты в дом Стасовых были не только дружескими, но и связанными с работой в воскресных школах для рабочих, с просвещением трудящихся, обеспечением учителей демократической литературой для народа. — *287.*

[27] Комитет грамотности — одно из отделений Вольно-экономического общества. В 90-х гг. под легальным прикрытием общества шли дискуссии о возможности буржуазного развития России. Комитет грамотности, основанный в 1861 г., проводил определенную работу по изданию литературы и просвещению народа. Правительство притесняло комитет и общество, стремилось ограничить круг их деятельности. Сначала оно потребовало передачи комитета из Вольно-экономического общества в министерство народного просвещения, а затем, обвинив некоторых членов комитета в связях с революционерами, в 1900 г. вовсе закрыло его. — *288.*

[28] «Знание» — культурно-просветительное издательство. С 1902 г. до периода реакции его фактически возглавлял А. М. Горький. В это время в издательстве сотрудничали писатели-реалисты, оппозиционные деятели. — *288.*

[29] Г. А. Эйнерлинг («Галина») — поэтесса. Многие ее стихи положены на музыку С. В. Рахманиновым. Прославилась стихотворением «Лес рубят», написанным под впечатлением студенческих волнений 1901 г. Была административно выслана из Петербурга. — *288.*

[30] Имеется в виду бесславная сдача царскими генералами крепости Порт-Артур японцам 20 декабря 1904 г. — *289.*

[31] В Портсмуте 23 августа 1905 г. Россия была вынуждена подписать после военного поражения мирный договор с Японией. Российскую делегацию в Портсмуте возглавлял С. Ю. Витте. — *289.*

[32] 3 февраля 1899 г. царские власти ликвидировали значительную часть самостоятельности Финляндии. В. И. Ленин назвал этот царский манифест вопиющим нарушением конституции Финляндии, государственным переворотом (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 352, 356). — *290.*

[33] Картина называлась «Нападение». Ее Неовиус переслал в Петербург Смирнову в чемодане (см.: *Смирнов В. М.* Из революционной истории Финляндии 1905, 1917, 1918 гг. Л., 1933, с. 29). — *290.*

[34] Е. Н. Федорова вошла в революционные кружки в 90-х гг., член петербургского «Союза борьбы». Дважды арестовывалась. Участвовала в революциях 1905—1907 и 1917 гг. — *292.*

[35] Примиренцами Е. Д. Стасова вполне справедливо называет полуэкономистскую группу М. Я. Лукомского. — *293.*

[36] Имеется в виду письмо В. И. Ленина к В. П. Краснухе и Е. Д. Стасовой 24 сентября 1902 г. (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 226—227). В Петербурге «экономист» Н. А. Аносов работал только до июня 1902 г. — *294*.

[37] И. И. Радченко приехал в Петербург в декабре 1901 г. из Киева. Тесные связи у него с В. И. Лениным и Н. К. Крупской установились позже. — *296*.

[38] Кроме названных революционеров связи с В. И. Лениным и Н. К. Крупской поддерживала жена И. И. Радченко В. Н. Шапошникова. — *297*.

[39] Состав Петербургского комитета определен охранкой неточно. Циммерман, Векслер и Грамматиков (Андрей Черный) были только работниками групп ПК, но в состав самого комитета не входили. — *298*.

Мария Моисеевна Эссен
(1871—1956)

Вступив в революционное движение в начале 90-х гг., М. М. Эссен много ошибалась и не сразу нашла верный путь. Она работала в подпольных организациях Екатеринослава, Одессы, Саратова, Киева, Екатеринбурга. В 1902 г. встала на искровские позиции, приехала в Петербург, была членом ПК РСДРП, руководила в нем пропагандой. Неоднократно арестовывалась. После II съезда РСДРП — большевичка, член ЦК в 1903—1904 гг. В период реакции отошла от революционной деятельности. В РКП(б) вступила в 1920 г. Находилась на партийной, а затем на научно-исследовательской и издательской работе.

Мемуары М. М. Эссен не раз издавались в журналах и целыми книгами. Они интересны и своими бытовыми зарисовками, любопытными подробностями, и фактами о деятельности партийных организаций, и картинами становления партийной пропаганды. Соединяя воспоминания с документами, Эссен была одной из основоположниц жанра мемуаров-исследований, созданного в 20-е гг. революционерами-профессионалами, ставшими историками.

Впервые данные воспоминания (под другим заглавием) были опубликованы в «Красной летописи», 1926, № 2. Часть сведений была использована автором для других воспоминаний — «Встречи с Лениным». В настоящем сборнике отрывок воспроизводится по книге: *Эссен М. М.* Первый штурм. М., 1957. Выпущены цитаты и ссылки на жандармские документы.

[1] Из ссылки в Якутию Эссен бежала в 1902 г. за границу. — *299*.

[2] «Заявление» опубликовано в «Искре», № 26, 15 октября 1902 г., с. 2. — *301*.

[3] В целом правильно указывая структуру Петербургского комитета в 1902—1903 гг., автор неполно говорит о его членах. Его состав все время менялся. О Корчевском ничего неизвестно. Шотман стал членом ПК вместо арестованного Белянчикова. Большую роль

в комитете играли А. П. Доливо-Добровольский, Л. Х. Гоби, Н. Е. Буренин. О составе ПК см.: *Ольховский Е. Р.* Ленинская «Искра» в Петербурге. Л., 1975, с. 298—304. — *301.*

[4] Наряду с руководителями А. М. и Э. Э. Эссен, П. Ф. Куделли автор называет и рядовых участников движения: З. Н. Шишкина, Н. Н. Соколова, Л. А. Плюснина. Очевидно, 2—3 участника группы пропагандистов названы по псевдонимам. — *302.*

[5] Автор ошибается: выработанная под ее руководством «Программа пропаганды» была опубликована Петербургским комитетом в виде листовки 2 мая 1903 г. (Листовки петербургских большевиков, т. 1. М., 1939, с. 83—86). Она получила одобрение редакции «Искры». Насчитывала 20 тем, включала разделы по истории России и Запада, характеристику экономического и политического положения рабочих. — *302.*

[6] Имеется в виду «группа литераторов» М. Я. Лукомского и др. — *305.*

[7] Б. И. Гольдман (Горев) — социал-демократ. С 1895 г. помогал в работе петербургскому «Союзу борьбы». Арестован и сослан в Сибирь. В 900-е гг. — искровец, член ОК по созыву II съезда РСДРП. Был его делегатом от Петербургского комитета, но из-за ареста на съезд не попал. С 1903 г. — большевик, с 1907 г. — меньшевик. В 1920 г. из меньшевистской партии вышел. В годы Советской власти — на преподавательской и издательской работе. — *305.*

[8] Об аресте см.: Искра, № 40, 15 мая 1903 г., с. 4. — *305.*

[9] Об этих разногласиях см. во вступительной статье. Существует обширная литература. Из последних работ см.: *Воронович А. А.* История программы КПСС. М., 1979; *Ольховский Е. Р.* В. И. Ленин и «Заря». Л., 1980. — *310.*

[10] В. А. Носков — социал-демократ, один из организаторов «Северного союза» и искровского транспортного бюро. Был на II съезде РСДРП избран членом Центрального Комитета. С осени 1903 г. — примиренец, ратовавший за соглашение с оппортунистами. Позднее отошел от политической деятельности. — *310.*

[11] Эта резолюция опубликована в книге «Третий съезд. Сборник документов и материалов». (М., 1955, с. 84). — *311.*

Николай Евгеньевич Буренин
(1874—1962)

Охранка долго не могла связать в своем представлении одного из руководителей искровского транспорта с этим светским молодым человеком, представителем самых богатых слоев Петербурга. Начав в 1901—1902 гг. принимать участие в подпольной работе, Буренин под руководством Стасовой сразу сделался искровцем, а затем и большевиком. Во время революции 1905—1907 гг. он занимался транспортировкой литературы, был членом боевой группы при ЦК РСДРП, организовывал доставку оружия, бомб, взрывчатых веществ и т. д. По заданию партии ездил с Максимом Горьким и Марией Андреевой в Америку для сбора средств в большевист-

скую кассу. После 1917 г. — литератор, деятель музыкального образования.

Впервые мемуары Буренина были опубликованы в 1931 г. — «Люди большевистского подполья». Предисловие к ним написал Горький. Затем в 1961 г. появились «Памятные годы». Им были предпосланы теплые строки Стасовой. В воспоминаниях Буренина яркие рассказы о подпольной революционной борьбе искровцев Петербурга соседствуют с картинами культурной жизни передовой российской интеллигенции конца XIX — начала XX в., сценами из истории музыкального просвещения и концертной жизни. В подавляющем большинстве случаев автор документально точен. В данном сборнике воспроизводятся с незначительными сокращениями отрывки из пяти глав книги Н. Е. Буренина «Памятные годы». Текст передан по второму изданию книги (Л., 1967).

[1] В. И. Ленин назвал эти действия властей «переполохом правительства, которое поступает так, как будто бы топор уже занесен над опорами его владычества»; «оно чувствует себя совершенно непрочным и верит только в силу штыка и нагайки, охраняющих его от народного возмущения» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 392). Статья Ленина называлась «Отдача в солдаты 183-х студентов». — 313.

[2] Автор верно подметил, что зверское избиение участников мирной демонстрации было заранее спланировано высшими властями. — *314.*

[3] Владимир Васильевич Стасов — выдающийся деятель российской демократической культуры, почетный академик. — *316.*

[4] Дмитрий Васильевич Стасов — известный юрист-демократ, музыкальный деятель. Как теперь установлено историками, он еще в 1859 г. был в Лондоне посредником в переговорах А. И. Герцена с Н. Г. Чернышевским (см.: *Новикова Н. Н., Клосс Б. М.* Н. Г. Чернышевский во главе революционеров 1861 года. М., 1981, с. 202). — *317.*

[5] Процесс Д. В. Каракозова — судебная расправа в Верховном уголовном суде над неудачно стрелявшим 4 апреля 1866 г. в Александра II участником революционного кружка ишутинцев Каракозовым. «Процесс 193-х» — суд в октябре 1877 — январе 1878 г. над участниками народнического «хождения в народ» в 1873—1874 гг. в «Особом присутствии правительствующего Сената». Вначале было арестовано более 4000 человек. Затем к суду привлекли 193 главных участников и руководителей более 30 революционных кружков. Защита на «Процессе 193-х» была блестящей по составу. Процесс дал сильный толчок развитию освободительного движения в России. «Процесс 50-ти» — суд над участниками «Всероссийской социально-революционной организации» — «группой москвичей» С. И. Бардиной, П. А. Алексеевым и др. Впервые на этом суде — на заседании «Особого присутствия» Сената — в феврале—марте 1877 г. активно выступали рабочие. — *317.*

[6] «Русское музыкальное общество» (1859—1917) было организовано по инициативе А. Г. Рубинштейна. В комитет директоров входили Д. В. Стасов, В. А. Кологривов и др. В 1862 г. это «Об-

щество» основало первую в России Петербургскую консерваторию. — *317.*

[7] Поликсена Степановна Стасова — активная участница многих благотворительных организаций, деятельница общественного движения. — *318.*

[8] На самом деле В. И. Ленин к этой кличке Е. Д. Стасовой отношения не имел. См. об этом воспоминания Е. Д. Стасовой и М. М. Эссен. — *322.*

[9] Владимир Мартынович Смирнов — активный участник социал-демократического движения, корреспондент «Искры». Недавно обнаруженное в заграничных архивах письмо В. И. Ленина к нему см.: Ленинский сборник, 39, с. 47—49. — *323.*

[10] Буренин, хотя и с незначительными неточностями, цитирует воспоминания Лидии Христофоровны Гоби («Ирины»), в 1902—1904 гг. технического секретаря ПК РСДРП (ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 218, л. 5). В книге «Памятные годы» Буренин написал о ней специальные воспоминания. — *339.*

[11] Обе упоминаемые Бурениным наиболее конспиративные явки Петербургского комитета — квартиры Зиварта и Яковицкой — остались не раскрытыми охранкой. Квартира профессора Зиварта, по воспоминаниям М. Н. Лядова, и в 1905 г. служила явкой ПК (*Лядов М. Н.* Из жизни партии в 1903—1907 гг. М., 1956, с. 105). — *341.*

[12] Александр Михайлович Игнатьев — один из руководителей боевой группы Петербургского комитета РСДРП в революции 1905—1907 гг. Он организовал транспортировку оружия в Петербург. Ему Буренин также посвятил специальный очерк в книге «Памятные годы». — *342.*

Александр Васильевич Шотман
(1880—1939)

В 1918 г. В. И. Ленин писал, что Шотман — «старый партийный товарищ, лично мне превосходно известный и заслуживающий абсолютного доверия» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 50, с. 65). Шотман — потомственный питерский рабочий. Член партии с 1899 г., вожак социал-демократических кружков и один из главных руководителей Обуховской обороны, партийный организатор Выборгской стороны и член ПК. Много позднее, отвечая на заданный вопрос в анкете, Александр Васильевич написал: «Побудило вступить в партию пробудившееся у меня классовое самосознание» (Питерские рабочие-революционеры. Л., 1963, с. 107). Шотман — делегат II съезда РСДРП, большевик-ленинец. Н. К. Крупская, познакомившись с ним накануне съезда, сообщила в Петербургский комитет, что его делегат в редакции «Искры» очень понравился. А после съезда писала в ПК, что Шотман — славный и надежный товарищ (см.: Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра» с социал-демократическими организациями в России, т. 3. М., 1970, с. 410; Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями 1903—1905 гг., т. 1. М., 1974, с. 56).

Шотман активно участвовал в революции 1905—1907 гг. Многократно арестовывался и ссылался. С 1913 г. — член ЦК РСДРП и его Русского бюро. В 1917 г. — связной Ленина; осуществлял его связь с ЦК партии во время последнего подполья Ильича. После Октябрьской революции Шотман — на руководящей гоударственной и партийной работе.

Его воспоминания, написанные весьма живо, с большим юмором, представляют большой интерес. Они правдиво освещают и многие широко известные исторические события, и частные эпизоды революционной борьбы. Немало в мемуарах точных зарисовок. Впервые воспоминания были опубликованы еще в 1922 г. (Пролетарская революция, 1922, № 9 и 11). Затем они воспроизводились отдельными изданиями в 1925, 1932 и 1963 гг. В настоящей книге перепечатываются отрывки из четырех глав. Текст воспроизводится по изданию: *Шотман А. В.* Записки старого большевика. Л., 1963. Мемуары Шотмана помещены в конце, так как они как бы обобщают события, характеризуемые всей заключительной частью данного тома.

[1] В начале воспоминаний Шотман рассказывает, как в 1899 г. он вступил в социал-демократический кружок петербургского «Союза борьбы» на заводе Лесснера. Кассиром этого кружка был Кеттунен. Он снабжал молодого Шотмана первыми для того нелегальными книгами и листовками. Затем, перейдя на Обуховский завод, Шотман связался с рабочими-подпольщиками А. Ермаковым, А. Манном. Но у них связи с «Союзом борьбы» не было. После кратковременного пребывания в Финляндии Шотман вновь поступил на завод Лесснера. — *344.*

[2] Очевидно, Вишневский — подпольная кличка. — *344.*

[3] А. Шульц — рабочий, приятель Шотмана. — *344.*

[4] Ныне завод «Русский дизель». — *345.*

[5] Мастер-самодур на заводе Нобеля финн Гельфорс плохо говорил по-русски, заявлял, что он все «сама». Токарная мастерская, где хозяйничал «Сама», называлась «проходящей казармой». Поступали сюда только те рабочие, которые никак не могли найти работу в другом месте. Да и те редко удерживались здесь более 4—6 месяцев. — *346.*

[6] Проспект Села Смоленского — ныне часть проспекта Обуховской Обороны; Палевский проспект — ныне проспект Елизарова. — *348.*

[7] Ныне писчебумажная фабрика им. Володарского. — *348.*

[8] Как уже подчеркивалось, путь «Искры» в Петербурге на самом деле был более трудным и длительным. Однако ее появление оказывало на рабочие кружки большое воздействие. Она распространялась в значительном количестве экземпляров, несмотря на все трудности доставки. Организатор Василеостровского района, член ПК Егоров вспоминал: «„Искра" к нам попадала в довольно значительном количестве: по 50—100 экземпляров... Как „Заря", так и „Искра" внимательно читались в кружках (конечно, не всеми), усиленно обсуждались некоторые статьи и проекты Программы партии» (Красная летопись, 1928, № 2(26), с. 38—39). — *349.*

[9] Автор путает дату и недооценивает события, происходившие на Выборгской стороне. О столкновении рабочих с полицией и войсками 4 мая 1901 г. см. во вступительной статье и в цитировавшихся воспоминаниях Е. М. Изотова. Здесь шли настоящие сражения и были построены баррикады. — *350.*

[10] Известно, что на другой день с Обуховского завода было уволено не 96, а 26 рабочих. — *350.*

[11] Фактически это было совещание представителей социал-демократических кружков завода. — *350.*

[12] В полевой мастерской работало больше всего «старожилов», имевших приусадебные хозяйства. — *353.*

[13] Часто нерешительные рабочие просили «снять их с работы» под «угрозой расправы» с ними, чтобы оправдаться перед властями. — *353.*

[14] Ныне улица Полетаева. — *354.*

[15] Рабочие мужественно сражались у шлагбаума. Они отразили здесь, по воспоминаниям А. И. Гаврилова, руководившего рабочими, три атаки полицейских (ЦГАОРССЛ, ф. 9672, оп. 1, д. 220, л. 7—7 об.). — *355.*

[16] Против рабочих сражались два эскадрона жандармов, двести полицейских, роты Омского полка, конная полиция и казаки. Все они применяли шашки, сабли, револьверы, ружья. — *356.*

[17] Было убито 7 рабочих и мальчик Н. Евдокимов. Больницы Невской заставы оказались переполненными ранеными. — *357.*

[18] Шотману, как и другим руководителям, пришлось уйти с завода, чтобы избежать ареста. В опущенном отрывке рассказывается, как он тайно отправился за границу, работал матросом на кораблях, скитался по Англии, Италии, Франции, Дании. — *357.*

[19] Х. Н. Стернин — член искровского ПК в 1902—1903 гг. — *358.*

[20] Ныне улица Ленина. — *360.*

[21] Е. М. Изотов несколько по-иному и, безусловно, точнее описывает эпизод, который произошел именно с ним: «Я находился на верху лестницы и наблюдал за директором, будучи сам незамеченным. В тот момент, когда директор подошел к подъемной машине и наклонился, чтобы собрать прокламации, я изловчился и бросил в него целой пачкой листовок, которыми сбил с него кепку: „На, мол, досыта, что ты по одной собираешь, точно нищий“» (Красная летопись, 1933, № 3-4, с. 161). — *361.*

[22] Завод братьев Экваль — ныне станкостроительный завод им. Ильича, завода Барановского не существует, а завод Струкка — ныне абразивный завод «Ильич». Об участии текстильщиков фабрики Чешера в революционных выступлениях известно еще с 1872 г. — *361.*

[23] Фамилия этого рабочего-революционера не установлена. — *362.*

[24] А. М. Эссен («Бур») — активный социал-демократ, но в состав ПК входил только в сентябре—декабре 1904 г. Фамилия «Ольги Петровны» неизвестна. О составе ПК см. примечание 3 к воспоминаниям М. М. Эссен. — *365.*

[25] По воспоминаниям работника подпольной типографии ПК РСДРП С. М. Розеноера, это была листовка к 20-летию со дня

смерти К. Маркса, т. е. в марте 1903 г. (*Розеноер С. М.* Петербургская типография 1903 г. — Техника большевистского подполья, вып. 2. М.—Л., б. д., с. 127—133). — *365.*

[26] Антиискровцы демагогически обвиняли сторонников В. И. Ленина и «Искры» в местных комитетах партии в желании «командовать». Таким образом, организацию, поставившую своей целью сплочение, дисциплину и руководство рабочим движением, упрекали в централизме, строгой организованности и сплоченности. — *368.*

[27] Третья организация — «Комитет рабочей организации» А. С. Токарева — «Вышибалы». — *369.*

[28] Результаты работы «третейского суда» изложены автором не совсем точно. См. примечание 3 к воспоминаниям Е. Д. Стасовой. — *369.*

[29] Когда выяснилось, что у ПК будет всего один решающий голос, то для Шотмана решено было просить у съезда совещательный. В связи с арестом Б. И. Горева снова возникал вопрос о поездке Стасовой. Из-за невозможности этого решающий голос был передан Шотману (*Ольховский Е. Р.* Ленинская «Искра» в Петербурге. Л., 1975, с. 331—336). — *370.*

[30] «Адель» — Б. И. Горев. — *370.*

[31] Автор ошибается. Охранка считала, что Шотман выехал не перед 1 мая, а в конце мая 1903 г. И действительно, описываемая забастовка на Выборгской бумагопрядильне фирмы «Воронин, Лютш и Чешер» началась 10 мая. 17 мая Стасова сообщала Крупской, что Шотмана «отправляем теперь же». Горев сообщал 26 мая в редакцию «Искры», что Шотмана «мы уже послали» (Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра»..., т. 3, с. 385, 397). — *371.*

[32] О II съезде РСДРП см. во вступительной статье. Шотман рассказал о своем участии в съезде в опущенной в данной книге главе. Он занимал на съезде твердую, ленинскую позицию. Вместе с Е. Д. Стасовой поведение А. В. Шотмана, линию В. И. Ленина и большевиков одобрил и Петербургский комитет. Уже 31 августа 1903 г. секретарь ПК сообщил об этом в редакцию «Искры». В начале октября была принята резолюция с одобрением линии большинства и порицанием дезорганизаторам-меньшевикам (см.: Очерки истории Ленинградской организации КПСС, т. 1. Л., 1980, с. 78). — *373.*

[33] А. А. Дивильковский был арестован 29 июля 1903 г. — *373.*

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОДЕРЖАНИЕ

В 1982—1983 гг. в серии
«Библиотека революционных мемуаров
„Из искры возгорится пламя"»
вышли тома:

ВЕРНЫЕ СЫНЫ ОТЕЧЕСТВА
Воспоминания участников декабристского движения в Петербурге

ШТУРМАНЫ БУДУЩЕЙ БУРИ
Воспоминания участников революционного движения 1860-х годов в Петербурге

В ДНИ ОКТЯБРЯ
Воспоминания участников Октябрьского вооруженного восстания в Петербурге

В 1984 г. планируется выпуск томов:

ПЕРВЫЕ РУССКИЕ СОЦИАЛИСТЫ
Воспоминания петрашевцев

ОТРЕЧЕМСЯ ОТ СТАРОГО МИРА
Воспоминания участников революции 1905—1907 гг. в Петербурге

П78 **Пролетарский пролог:** Воспоминания участников революционного движения в Петербурге в 1893—1904 годах. /Сост. Е. Р. Ольховский. — Л.: Лениздат, 1983. — 431 с., ил.

В сборник включены воспоминания участников начального периода пролетарского этапа освободительного движения в России. Хронологические рамки книги: от приезда В. И. Ленина в Петербург в 1893 году до начала первой революции в России. Об этом периоде ярко и образно рассказывают в своих мемуарах активные участники социал-демократического движения: Н. К. Крупская, Г. М. Кржижановский, А. И. Ульянова-Елизарова, Н. Е. Буренин, Е. Д. Стасова, А. В. Шотман, М. М. Эссен, М. А. Сильвин, В. А. Шелгунов, И. В. Бабушкин, В. А. Князев и другие.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, и прежде всего на молодежь.

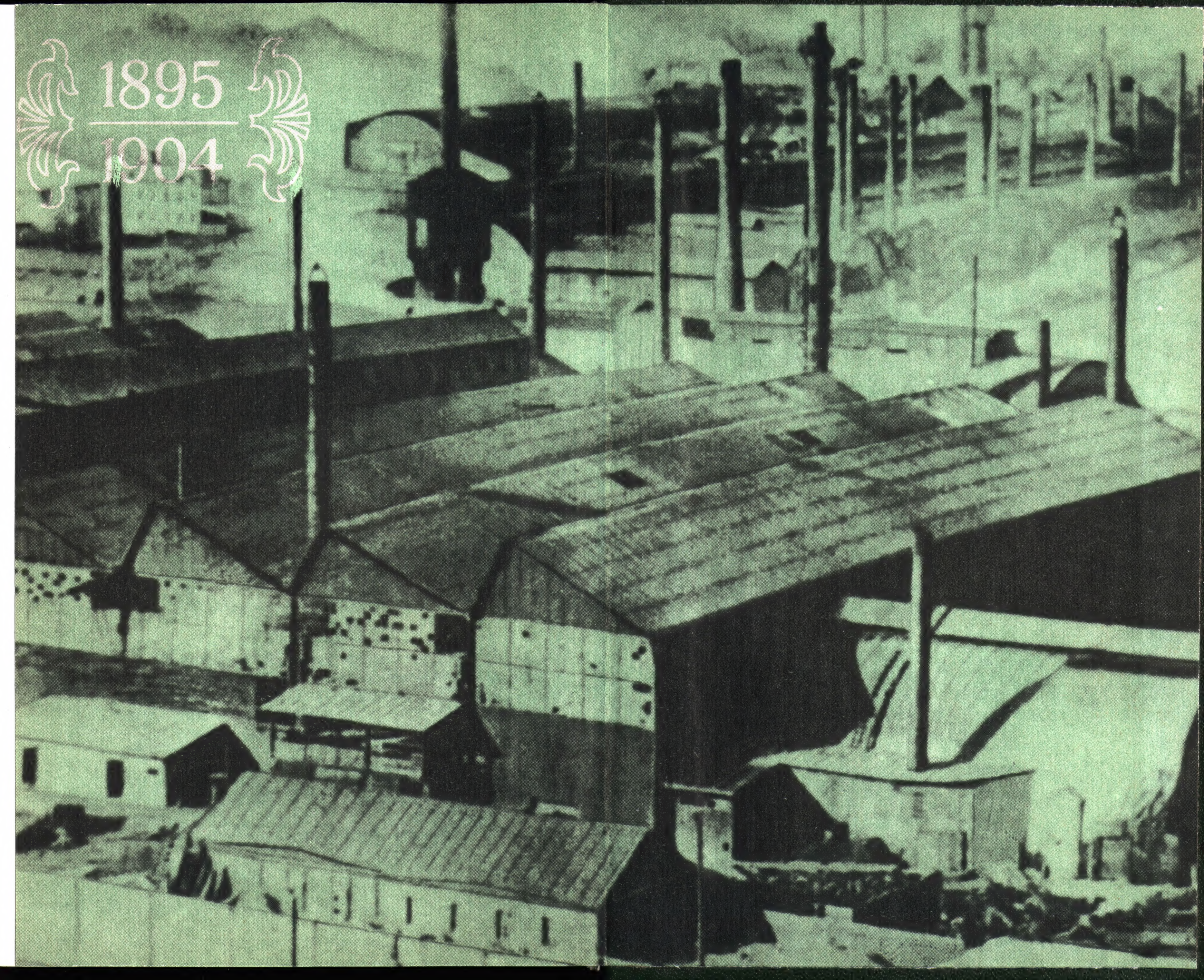
П $\frac{0902020000-258}{М171(03)-83}$ 77—83 63.3(2)521

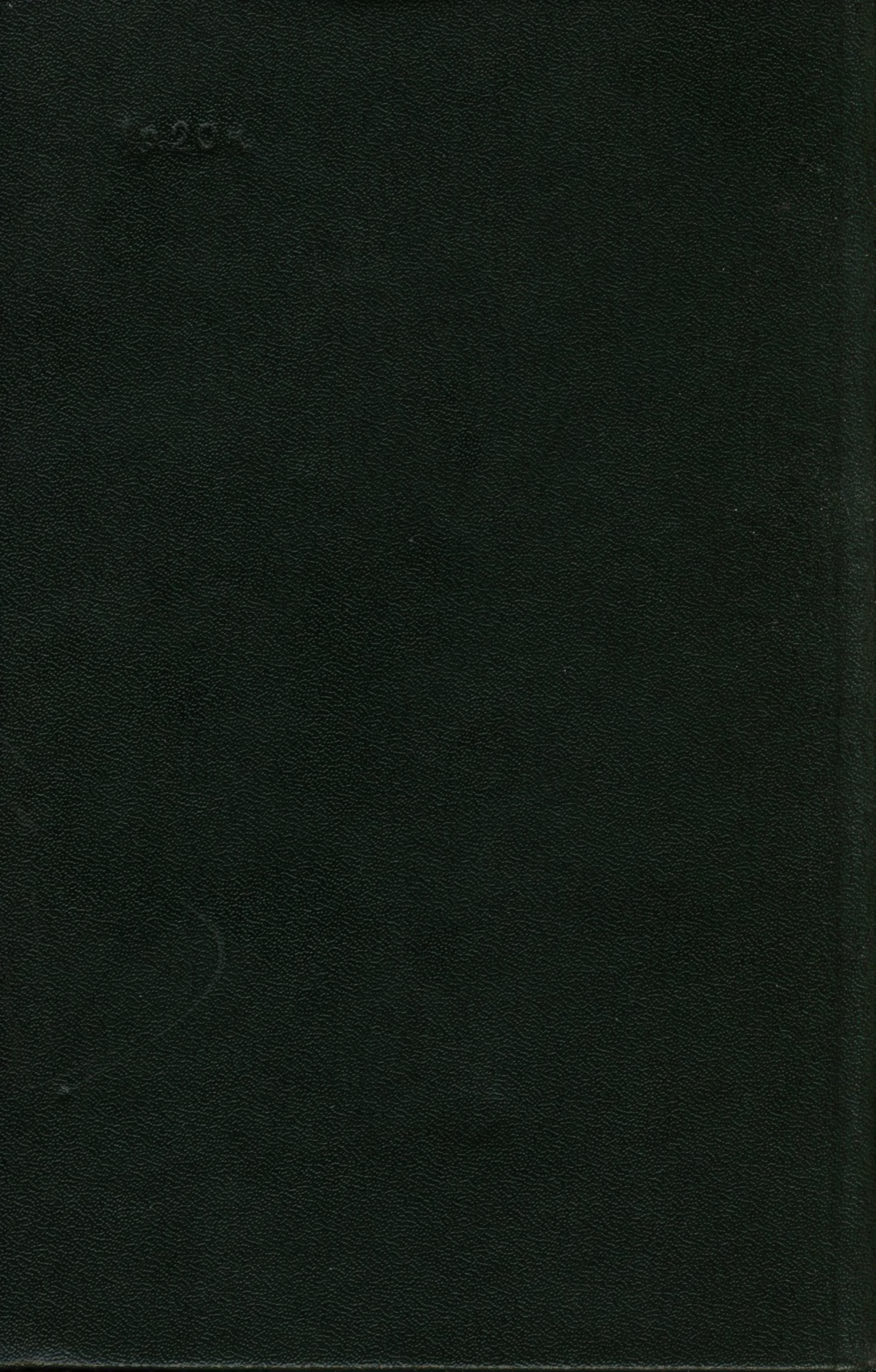
ков
93—
низ-

пери-
Хро-
рбург
и пе-
уча-
ская,
рении,
ьвин,

всего

2)521


1895
1904



ПРОЛЕТАРСКИЙ ПРОЛОГ